

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

**Российская академическая лексикография:
современное состояние
и перспективы развития**

**Сборник научных статей по материалам
Международной научной конференции,
посвященной 70-летию
выхода первого тома академического
«Словаря современного русского литературного языка»**

3–5 октября 2018 г.

Нестор-История
Санкт-Петербург
2018

УДК 81'33

ББК 81.11

C48

C48   **Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» / отв. ред. О.Н. Крылова, С.А. Мызников, М.Н. Приёмшева, Е.В. Пурицкая; Ин-т лингв. исслед. РАН. — СПб.: Нестор-История, 2018. — 428 с.**

ISBN 978-5-6040925-5-2

doi: 10.30842/9785604092552

*Печатается по постановлению Ученого Совета
Института лингвистических исследований РАН*

Издание осуществлено при финансовой поддержке фонда РФФИ,
проект номер 18-012-20071

В сборнике опубликованы материалы докладов участников Международной научной конференции «Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития», посвященной 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка» (Санкт-Петербург, 3–5 октября 2018 г.).

Рецензенты:

кандидат филологических наук *Л.Н. Донина* (СПбГУ),
кандидат филологических наук *Е.В. Генералова* (СПбГУ)

ISBN 978-5-6040925-5-2

© Коллектив авторов, 2018

© ИЛИ РАН, 2018

© Издательство «Нестор-История», 2018

Содержание

Раздел 1

К юбилею Большого академического словаря русского языка.

Толковые словари русского языка и проблемы словарной типологии

<i>Приёмшишева М.Н., Стукова Е.Г.</i> У истоков «Словаря современного русского литературного языка»: из истории толковой академической лексикографии конца 30-х гг. XX века	7
<i>Беленчикова Р.</i> «Большой академический словарь русского языка» как один из источников большого двуязычного словаря	18
<i>Кругликова Л.Е.</i> Прошлое, настоящее и будущее «Большого академического словаря русского языка»	28
<i>Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л.</i> О проекте «Академический толковый словарь русского языка»	37
<i>Козырев В.А., Черняк В.Д.</i> Фактор адресата в современной типологии словарей	48
<i>Щербин В.К.</i> Типология российских толковых словарей среднего объема.	56
<i>Алпатов В.М.</i> Лексикографическая традиция и собственные имена	71

Раздел 2

Проекты и концепции

новых типов толковых словарей

<i>Юрина Е.А., Балдова А.В.</i> «Словарь русской пищевой метафоры» как отражение фрагмента образной системы языка и перспективы компьютерной полиязычной лексикографии	81
<i>Теркулов В.И.</i> Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур	93
<i>Козловская Н.В., Кожевников А.Ю.</i> Лексикографическое описание неолексем в ежегодном словаре.	103

<i>Басу А.</i> Лексикографическое описание слова <i>любовь</i> сквозь призму теории «смысл ↔ текст»	112
<i>Какзанова Е.М.</i> Терминографическая фиксация минералогических эпонимов.	123

Раздел 3

Актуальные проблемы создания толковых словарей

<i>Васильев Н.Л.</i> О методологии академических толковых словарей: от названия к принципам отражения словарного состава русского языка	132
<i>Пурицкая Е.В.</i> Словник «Большого академического словаря русского языка» как отражение функционально-стилистических разрядов лексики.	140
<i>Ганцовская Н.С., Неганова Г.Д.</i> Иллюстрации из текстов А. Н. Островского в «Словаре современного русского литературного языка» и данные «частотного словаря языка А. Н. Островского»	149
<i>Кочергина К.С.</i> Применение технологии базы данных в лингвистических исследованиях	158
<i>Михалёв Г.И.</i> Интегральный подход к описанию семантики относительных прилагательных на страницах «Словаря современного русского литературного языка»	170
<i>Захаров В.П.</i> О компьютерной онтологии русских предлогов ...	180
<i>Шановал В.В.</i> Клавиатурные опечатки как проблема современной лексикографии	192

Раздел 4

Современная историческая толковая лексикография: перспективы развития

<i>Рашевска-Журек Б.</i> Использование словарных статей для изучения древнего понимания ценностей (польские и русские словари)	201
<i>Якубович М., Погвизд Ш.</i> Исторические словари в начале двадцать первого века	214
<i>Колосова В.Б., Коваленко К.И., Щёкин А.С.</i> Исторические словари как источники базы данных русских фитонимов phytalex (XI–XVII вв.)	225

<i>Михайлов А.В., Михайлова Т.В.</i> Словарь вторичных номинаций политических деятелей в русских текстах потестарной семантики XV–XVII вв.	235
<i>Волков С.С., Филиппов К.А.</i> Словарь немецкого языка М.В. Ломоносова: принципы лексико- и граматикиграфии	248
<i>Мальшев А.А.</i> Журналистские тексты XVIII века как источник материалов «Словаря русского языка XVIII века»	257
<i>Шерстянникова Е.А.</i> О микро- и макроструктуре «Исторического словаря русской лингвистической терминологии»	266

Раздел 5

Диалектная толковая лексикография: проблемы и перспективы

<i>Михайлова Л.П.</i> Лексикографическое представление русских говоров Беломорья в конце XIX — начале XXI вв.	279
<i>Земичева С.С.</i> Идеографический словарь диалектной языковой личности как модель индивидуального лексикона	288
<i>Ермакова Т.Г.</i> Иллюстративное поле словарной статьи в электронном словаре констант народной речи Среднего Прииртышья	297
<i>Харламова М.А.</i> Электронный словарь констант Среднего Прииртышья как источник и эмпирическая база исследований традиционной культуры	304
<i>Сьянова Е.И.</i> Вариантность в словаре украинских говоров Воронежской области.	310
<i>Климкова Л.А.</i> Иллюстративная зона в региональном онимическом словаре.	326
<i>Шепилева О.Е.</i> Лексикографическая обработка региональной лексики Крайнего Северо-Востока России: возможности и перспективы	335

Раздел 6

Практические вопросы составления толковых словарей русского языка

<i>Магерасова Ю.Ю.</i> Семантическая структура слова в толковом словаре и в сознании носителей языка.	345
--	-----

<i>Лаптёнок Е.Н.</i> Семантические изменения в лексике современного белорусского языка и их отражение в толковом словаре	353
<i>Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Кулева А.С.</i> Проблемы описания религиозной лексики в современном толковом словаре русского языка	363
<i>Жданова Е.А.</i> Производные от антропонимов: лексикографическое описание и функционирование в тексте	377
<i>Буторова У.В.</i> Анализ словарных дефиниций лексико-семантической группы «многомачтовые парусные суда» и возможности их унификации	386
<i>Дурнева А.А., Федотова А.К.</i> Представление фразеологизмов в словарных статьях «Словаря русского языка XXI века»	396
<i>Ваулина Е.Ю.</i> Практика работы над «Словарем русского языка XXI века»: представление маркированной лексики (устаревшие и специальные лексико-семантические единицы)	406
<i>Фивейская Е.А.</i> Проблемы разработки междометий для толкового словаря (на материале междометий со словом <i>Бог</i>)	415

Раздел 1
К ЮБИЛЕЮ БОЛЬШОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО
СЛОВАРЯ РУССКОГО ЯЗЫКА.
ТОЛКОВЫЕ СЛОВАРИ РУССКОГО ЯЗЫКА
И ПРОБЛЕМЫ СЛОВАРНОЙ ТИПОЛОГИИ

**У истоков «Словаря современного
русского литературного языка»:
из истории толковой академической
лексикографии конца 30-х гг. XX века**

Марина Николаевна Приемышева

mn.priemysheva@yandex.ru

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Екатерина Григорьевна Стукова

stkat1911@gmail.com

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

В статье приводятся малоизвестные факты истории возникновения Словаря современного русского литературного языка 1948–1965 гг. (ССРЛЯ), анализируется его историческая и методологическая связь со «Словарем русского языка» 1929–1937 гг. под ред. Н.С. Державина.

Ключевые слова: история лексикографии, академическая лексикография, толковые словари, Словарь русского языка, Словарь современного русского литературного языка, Н.С. Державин

Официальная история «Словаря современного русского литературного языка» (ССРЛЯ) — будущего Большого академического толкового словаря (БАС) — начинается 5 августа 1937 г., когда, согласно постановлению Президиума Академии Наук СССР, было решено завершить работу над готовившимся тогда изданием академического «Словаря русского языка», перестроить всю лексикографическую работу в целом и начать создание нового толкового словаря русского

литературного языка [Постановление Президиума АН СССР: 80]. Однако, как отмечается в Предисловии в 1 тому ССРЛЯ, «Первый том должен был выйти в свет в конце 1941 г. Но начавшаяся Великая Отечественная война и блокада Ленинграда нарушили нормальный ход работы. Работа возобновилась только в 1945 г.» [ССРЛЯ, 1: IV].

Дальнейшая история словаря продолжилась уже только после Великой Отечественной войны и, по сути, с 1945 г. она началась заново. В послевоенные годы ввиду прихода в Академию наук новых и молодых специалистов, целенаправленной работы Академии наук по созданию толкового академического словаря, несмотря на основной прежний авторский состав, обновились некоторые принципы лексикографической работы над словарем, сами материалы словаря, в результате чего и сама история начала работы на словарем с конца 1930-х годов, и первые годы работы над ним — период, когда и формировалась его концепция — отошли в историческую тень.

Однако первые тома «Словаря современного русского литературного языка», опубликованные в 1948 и 1950 гг. под ред. В.И. Чернышева, были подготовлены еще до войны и сильно отличаются от последующих томов. На это указывал и С.И. Ожегов, один из авторов предшествующего академического словаря: «В конце 30-х гг. произошла реорганизация академического словаря, приведшая к выходу в 1948–1950-х гг. первого и второго томов из 15-томного “Словаря современного русского языка”» [Ожегов 1952: 91]. Эти малоизвестные страницы истории ССРЛЯ — истории его создания в конце 1930-х гг. — содержат очень много новых и ценных для истории, теории и практики русской толковой лексикографии фактов.

Научная история ССРЛЯ теснейшим образом связана с его предшественником в серии толковых академических словарей — «Словарем русского языка» под редакцией Я.К. Грота — А.А. Шахматова, а, точнее — с последним этапом «шахматовского словаря», самостоятельным лексикографическим проектом Академии наук СССР, «Словарем русского языка» под ред. Н.С. Державина (1929–1937 гг.), так называемым «седьмым», начиная со «Словаря Академии Российской» 1789–1793 гг., изданием.

В первую очередь необходимо выделить этот словарь из целого ряда проектов академических словарей, получивших обобщенное наименование «Словарь Я.К. Грота — А.А. Шахматова» и ввиду незавершенности, малотиражности и фактической недоступности широко не известных и малоиспользуемых. История всего Словаря Грота —

Шахматова насчитывает более 40 лет. С 1891 по 1895 гг. выходили выпуски «Словаря русского языка» (А-Д) под ред. Я.К. Грота, с 1895 по 1920 гг. (Е-З, И, К, Л, М, Н, О) — под редакцией А.А. Шахматова. Именно этот словарь в строгом смысле и является «шахматовским словарем», т. к. его выпуски выходили при жизни академика А.А. Шахматова и в той или иной степени он принимал участие в работе над ним. После смерти А.А. Шахматова работа над академическим словарем была продолжена под руководством В.М. Истрина (1920–1929): словарь с сохранением шахматовской концепции продолжал предыдущее издание как по принципам, так и по алфавиту выпусков, и публиковался в старой орфографии с обновленным иллюстративным материалом.

Однако в 1928 г. Общее собрание Академии наук СССР приняло решение об издании нового толкового академического словаря. Как отмечал назначенный новый редактор нового академического словаря — академик Николай Севастьянович Державин: «[недостатки прошлого издания, обилие нового языкового материала привели] к решению Общего собрания Академии (1928 г.) — приступить, в связи с полным переходом издания словаря на принципы реформированной орфографии, к полному переизданию вышедших частей словаря с тем, чтобы единый словарь русского языка отвечал в целом современной стадии живой речи» [Державин, Обнорский 1932: 26].

«Словарь русского языка» под ред. Н.С. Державина в истории отечественной лексикографии остался фактически неизвестным или малоизвестным проектом даже для специалистов. Причинами этому стали следование ряду принципов шахматовского словаря, в особенности в отражении словника, полиграфическое воплощение, идентичное шахматовскому словарю, незавершенность, малотиражность и политическая судьба — обвинение проекта в 1937 г. по делу о троцкизме и, как следствие, изъятие тиража из библиотек. Забвению словаря способствовало и то, что о нем, по известным причинам, было мало упоминаний в работах современников, он не вошел в учебные пособия и в фундаментальные работы по истории русской лексикографии.

История «державинского», или «седьмого», издания в той или иной степени освещена в нескольких публикациях [Флегон 1974; Еськова 1995; Костина 2014; Круглов 2015], однако сам словарь заслуживает, несомненно, целенаправленного научного внимания и необходимо его дальнейшее изучение с целью определения его места в истории русской толковой лексикографии.

Научные основания и обновленные принципы издания изложены в статьях Н.С. Державина и С.П. Обнорского [Державин 1932; Державин, Обнорский 1932], а также в «Инструкциях» к Словарю. Согласно указанным публикациям, концепция «Словаря русского языка» хотя и менялась, но не слишком сильно по сравнению с шахматовским «тезаурусом». Вкратце ее можно охарактеризовать следующим образом:

1. Словарь должен был стать *полным*: в него должны были войти все слова, употребляющиеся *в настоящее время* в русском языке — литературном, научном, разговорном и техническом.
2. Словарь должен был стать *историческим*: история развития значений должна быть показана на примерах от середины XVIII в. до наших дней, от времен М.В. Ломоносова до времен эпохи кардинальных «социальных перемен».
3. Словарь должен был иметь условно-нормативный характер, т. к. его важнейшей задачей было дать всестороннюю характеристику слов: правописание, произношение, все многообразие значений, особенности фразеологического и стилистического употребления.
4. Словарь должен быть идеологически выдержанным в духе марксистко-ленинской теории и стать отражением теории Н.Я. Марра.
5. Словарь должен был стать популярным и доступным для понимания советскими читателями.

Словарь должен был выходить в новой орфографии, с новыми иллюстративными материалами.

Поскольку данная концепция постоянно подвергалась изменениям, варьировалось и название словаря. Принципиальным с точки зрения концепции следует считать рабочее название словаря, использованное в статье Н.С. Державина [Державин 1932: 7] — «Словарь *современного* русского языка». Также в источниках фигурирует и другое рабочее название проекта, «Толковый словарь современного русского языка, взятый в историческом разрезе» (Отчеты АН СССР за 1934 г.) [Виноградов 1941; Ожегов 1952], которое, возможно, чуть точнее отражает синтез новой (*современный* русский язык) и шахматовской (исторический и полный тезаурус) концепций. Однако опубликованные выпуски имеют старое традиционное название «Словарь русского языка».

Проблему выделения словаря как отдельного издания усложняют полиграфические и технические его особенности. Словарь в совокупности представляет собой огромное количество выпусков по 10 п. л., изданных непоследовательно, в разные годы, в разных редакциях.

Поэтому выпуски «седьмого издания» оказались в ряду и вперемешку с выпусками издания под редакцией В.М. Истрина и Е.Ф. Карского. Сама нумерация выпусков представляет собой сложную библиографическую проблему. Поэтому не случайно, что их систематизация становилась предметом отдельного научного интереса [Еськова 1995; Круглов 2015]. Так, с 1929 по 1937 гг. были опубликованы отдельные выпуски томов на буквы А, Д, Е, И, Л, М, Н, О, например, Т. 1 (под ред. И.А. Фалева): вып. 1. *А-Ажно* (1932), вып. 2 *Ажно-Аллотриология* (1933), вып. 3 *Аллотриоморфный-Анархический* (1935), вып. 4. *Анархический-Антиципироваться* (1936); Т. 8 (под ред. С.И. Ожегова): вып. 1. *Д- Даятельный* (1937), Т. 9 (под ред. Л.В. Щербы): вып.1. *И- Идеализироваться* (1935) и т. д.

Следует подчеркнуть также почти не известный факт: почти все опубликованные в России выпуски были переизданы А. Флегеном в Лондоне в 1974 г. и составили 4 полноценных тома, приблизительно равных по объему «Словарю русского и церковнославянского языка» (1847 г.) или «Толковому словарю русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова.

Однако в 1937 г. работа над «державинским» словарем была прекращена. В печати появилось несколько публикаций, на основании которых Словарь был обвинен в троцкизме. [Беляев 1937; Лавров 1937; Остроумов 1937]. Приведем фрагмент из статьи С. Беляева, позволяющий определить характер политических упреков в адрес словаря: «В Словарь нередко привлекаются фразы, выхваченные из статей газет и говорящие о частных случаях неполадок на отдельных участках хозяйственного строительства, давным-давно изжитых <...> Цитаты из работ Маркса, Ленина и Сталина подаются здесь в таком окружении, что лучше бы их не цитировали. <...> Цитаты из Бухарина, Радека, Зиновьева, Каменева и других врагов народа вообще нашли в Словаре достаточное отражение. <...> В подборе литературных источников для Словаря слабо представлены крупнейшие классики <...> Зато в Словаре находят себе место упаднические стихи Есенина <...> Излюбленным “классиком” Словаря является Мережковский. Шолохов и другие лучшие советские писатели цитируются очень редко. Более всего поражает почти полное отсутствие цитат из произведений великого русского писателя М. Горького <...> В Словаре почти не отражена лексика современной колхозной деревни» и т. п. [Беляев 1937: 40–41]. Как следствие, 12 июля 1937 г. на заседании Президиума Академии наук СССР работа над этим словарем была официально прекращена.

Политический инцидент с изданием словаря привел к его негативной оценке современниками и к фактическому научному забвению в дальнейшем: «В прежнем словаре [шахматовском — М.П., Е.С.] были допущены серьезные политические ошибки даже в послереволюционных выпусках. Иллюстративный материал выбирался из реакционных писателей. Появилась необходимость составления нового словаря. В 1929 г. по требованию общественности был пересмотрен план издания и поставлены иные задачи: дать толковый словарь современного русского языка с XVIII века до наших дней, который был бы и нормативным словарем» [Галкина-Федорук 1954: 186]. Отметим и научный эклектизм издания, на который также обращали внимание исследователи: «Едва ли найдется еще словарь, материалы которого публиковались бы столь бессистемно, название менялось бы столь часто, а задачи были бы столь неопределенными» [Круглов 2015: 81]. Однако «седьмое издание», несмотря на свою концептуальную эклектичность, ценно в истории лексикографии по целому ряду причин.

Помимо И.А. Фалева, В.И. Чернышева, С.И. Обнорского, которые работали в прежнем издании словаря, в 1930-е гг. к работе подключились С.И. Ожегов (Т. 5, *Д-Даятельный*) и Л.В. Щерба (Т. 9. *И-Идеализироваться*). Как отмечал в свое время В.В. Виноградов, «Составленная им [Я.К. Гротом — М.П., Е.С.] часть академического словаря <...> является до сих пор непревзойденным образцом (выше по качеству лишь выпуск на *И* до слова *идеализироваться*, обработанный Щербой)» [Виноградов 1941: 383].

В составе издания есть не имеющий равных по уровню семантической разработки выпуск, разработанный В.И. Чернышевым: «Отрицание *не* в русском языке» (Дополнение к 1 вып. VIII (XIII) тома). Л., 1927 (1932). Объем статьи-выпуска составляет примерно 20 а. л.

Авторы словаря впервые в истории отечественной лексикографии составили «Инструкции для выборщиков» (1936 г.) и «Инструкцию для редакторов» (1936 г.).

Словарь эклектичен по концепции и ее воплощению, но с середины 1930-х гг. стал четко вырисовываться новый системный научный подход и определился вектор работы в сторону нормативности. В этой связи возможно предположить влияние «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова [Никитин 2012: 52, 60]. Словарь хотя и продолжал шахматовскую традицию в своей базовой концепции, но на протяжении 1930–1936 гг. все больше приобретал черты нормативного. Это было отмечено авторами монографии «История русской

лексикографии»: «Став преемником традиции шахматовского словаря, ориентированного на национальное богатство русского языка, детальную семантическую разработку, обширную сочетаемость и обилие иллюстративного материала, он не мог одновременно не испытать на себе влияния и сложившихся к этому времени традиций нормативных толковых словарей» [История 1998: 379; курсив наш — М. П., Е. С.]

Поначалу Словарь продолжал оформительские и редакторские принципы шахматовского издания, однако с середины 1930-х гг. они стали меняться в сторону системного и четко организованного подхода. Как отмечается в Протоколе заседания сектора Словаря современного русского языка от 1936 г., «С середины истекшего 1936-го года Словарный Отдел перешел на новое потомное, в строгом алфавитном порядке, издание Словаря русского языка. До той поры Словарь издавался на разрозненные буквы небольшими (в 10 печ. л.) выпусками. Часть истекшего года (до половины мая месяца) подготовка Словаря отправлялась от прежнего типа его издания. Так, обработка велась по буквам от А до О, также по букве С. Те обработанные части Словаря, которые в период реорганизации плана издания находились уже в наборе, признано было целесообразным (Издательством АН) все же напечатать, хотя позднее они все равно подлежали бы переизданию по новому типу издания Словаря. С середины второго квартала [1936 г.] начат был перевод Словаря на план нового издания, с начала алфавита, по томам (каждый том 60 печ. л.). План обработки был предусмотрен (в зависимости от обеспечения средствами) до 400 печ. л., т. е. Словарь в пределах буквы А, Б, частично В. Обработанная часть охватывает Словарь целиком в пределах буквы А, частично на букву Б (большую часть буквы), частично на букву В. Первый том этой новой продукции Словаря (большая часть буквы А) находится уже в наборе» [Обнорский 1937: л. 29–31].

Однако именно при создании этого Словаря формировались основные теоретические и практические принципы русской толковой академической лексикографии, которые фактически тем же авторским коллективом были реализованы в первых томах будущего ССРЛЯ.

Так, основной редакторский коллектив Словаря 1929–1937 гг. после увольнения, а затем восстановления в 1937 г. продолжил работу над новым академическим «Словарем современного русского литературного языка». В работе над первым томом ССРЛЯ в той или иной форме приняли участие следующие сотрудники предшествующего

издания: В.И. Чернышев (главный редактор), С.П. Обнорский, Н.С. Державин, И.А. Фалев (редактор 1 тома), Е.С. Истрина, С.С. Советов. Особенно подчеркнем, что И.А. Фалев, автор-составитель буквы А предшествующего издания, умерший во время блокады Ленинграда в 1941 г., обозначен в 1 томе ССРЛЯ как один из его редакторов.

Как следствие того, что работа над буквой А была начата практически сразу после закрытия предшествующего проекта и тем же авторским коллективом, очевидна преемственность материалов ССРЛЯ предшествующему изданию. При сравнении выпусков А — *Ажно* (1932 г.), *Ажно — Аллотриология* (1933 г.), *Аллотриоморфный — Анархический* (1935 г.) (сост. И.А. Фалев) «Словаря русского языка» под редакцией Н. С. Державина и первого тома ССРЛЯ становится очевидным явное влияние издания 1930-х гг. на новый словарь. Несмотря на «разгромную» статью С. Беляева «“Академический” словарь (Словарь русского языка)» 1937 г. и его же статью «Уроки прошлого», предваряющую «Проект словаря современного русского литературного языка» 1938 г., из которых следует, что словарь под редакцией Н.С. Державина «совершенно несостоятелен» во всех отношениях, очевидно большое количество материала, перенесенного из него в первые тома ССРЛЯ. Данное сходство проявляется в словнике, толковании слов и в используемом иллюстративном материале.

Что касается словника, показательно, что почти все заголовочные слова (за небольшим исключением), которые есть в ССРЛЯ, есть и в словаре под ред. Н.С. Державина. Исключение составляют: некоторые производные слова (напр., *авизный* от *авиз*, *автобиографичность* от *автобиографичный*, *авторитетно* от *авторитетный* и т. п.); несколько вариантных форм (напр., *автокара* к слову *автокар*); названия народностей (напр., *авары*, *агаряне*, *австрийцы*, *австралийцы*, *абхазы*; примечательно, что *абхазы* и *авары* толкуются в контексте яфетической теории Н. Я. Марра); и еще очень небольшое количество слов (напр., *абортарий*, *автоматика*). Таким образом, в то время, как словник ССРЛЯ отличается от словника словаря под ред. Н. С. Державина весьма незначительно (речь идет о десятках слов), то словник последнего больше на сотни заголовочных слов (*абсорберщик*, *авивировать*, *абшит*, *абрахия*, *абихит*, *абжа*, *автоинокуляция*, *автохронометраж*, *агиттруба*, *аглобулия* и мн. др.)

Сравнение семантической разработки слов и формулировок толкований в двух словарях также не оставляет сомнений в источнике словарных статей для ССРЛЯ. В некоторых словарных статьях ССРЛЯ

толкования практически слово в слово повторяют словарь под ред. Н. С. Державина, что можно увидеть на примере целого ряда словарных статей, например, *абиетин*, *абсисид*, *абориген*, *абсцесс*, *абицуг*, *авансцена*, *авиахим*, *авитаминоз*, *акула*; незначительные отличия выявляются при сравнении словарных статей *автобус*, *агнат*, *акссуар*, *аксельбан*, *альтернатива*, *амвон*.

Периодически встречается и повторение иллюстративного материала: ср., например, словарные статьи *абориген*, *абицуг*, *авиз*, *аврора*. Однако следует подчеркнуть, что в связи с обвинениями предыдущего проекта в троцкизме именно на основании иллюстративного материала, а также тот факт, что в распоряжении авторов была многомиллионная словарная картотека, иллюстративный материал нового словаря был преимущественно новым.

Важным фактом преемственности в работе двух проектов являются Инструкции первого и Проект нового словаря. Как отмечалось выше, в процессе создания «седьмого издания» впервые в истории русской лексикографии были созданы «Инструкции». При создании же ССРЛЯ впервые был опубликован «Проект» (1938). Однако последний в своей основе состоял из переработанных Инструкций СРЯ. Об этом говорит само оглавление «Проекта «Словаря современного русского литературного языка» (1938 г.): Уроки прошлого. С. Беляев. / Предисловие. / I. Инструкция по редактированию Словаря современного русского литературного языка. / II. Инструкция по выборкам для картотеки Словарного отдела / III. Инструкция по раскладке материалов картотеки и составлению словника [Проект 1938: 1]. О преемственности говорит состав авторов, названия разделов, а также указание в Предисловии «Проекта» на то, что «Принципиально новыми в данной инструкции по сравнению со старой являются главы I, II, III и IV» [Проект 1938: 10]. Несмотря на то, что различия содержательного порядка между словарями очень серьезные, сами авторы еще в первые годы работы тесно ощущали связь с предшествующим проектом.

Таким образом, «Словарь современного русского литературного языка», работа над которым началась по постановлению Президиума АН СССР с середины 1937 г., в первые годы своего существования теснейшим образом был связан с предшествующим академическим проектом — «Словарем русского языка» под ред. Н.С. Державина (1929–1937 гг.), что привело к тому, что первые тома ССРЛЯ существенно отличаются от последующих: они были подготовлены в своей

основе еще до войны авторами державинского издания и, как следствие, сохранили тесную связь с шахматовской традицией. Но именно на этих томах была апробирована школа нормативной академической лексикографии, которая уже в полном объеме и на новых теоретических основаниях была воплощена в остальных томах Большого академического словаря.

Литература

Беляев С.Ф. Троцкистские упражнения в «Академическом» словаре // Правда. 1937. 11 мая.

Беляев С.Ф. «Академический» словарь (Словарь русского языка) // Вестник Академии наук СССР. 1937. № 4–5. С. 37–41.

Виноградов В.В. Толковые словари русского языка // Язык газеты. М.–Л., 1941.

Галкина-Федорук Е.М. Современный русский язык. Лексика. М., 1954.

Державин Н.С. История языка и работы Академии Наук СССР над изданием «Словаря современного русского языка» // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 4. С. 1–12.

Державин Н.С., Обнорский С.П. История и техника создания словаря русского языка Академии Наук СССР // Вестник Академии Наук СССР. 1932. № 7. С. 13–26.

Еськова Н.А. Указатель к академическому словарю 1891–1937 гг. // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения акад. В.В. Виноградова. М., 1995. С. 149–153.

Костина В.М. История создания академического словаря русского языка как отражение «тоталитарной» лингвистики // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2014. № 5. С. 87–91.

Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка. СПб., 2015.

Лавров Л. О политической нечестности академика Державина и антисоветском характере академического словаря // Ленинградская правда. 1937. 6 сентября. С. 2.

Никитин О.В. Очерки по истории русской лексикографии первой половины XX века (толковые словари). Славянск-на-Кубани, 2012.

Обнорский С.П. Научный отчет о научно-исследовательской работе института языка и мышления им. Н.Я. Марра за 1936 год // Протоколы заседаний дирекции совместно с сотрудниками Словаря современного русского языка. Институт Языка и Мышления им. Н.Я. Марра Академии Наук СССР. СПбФА РАН Фонд 77. Опись 1. Ед. хр. 29. 1937 г.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Вопросы языкознания. 1952. № 2. С. 85–103.

Остроумов А. О недостатках «Толкового словаря» // *Большевицкая печать*. 1937. № 4. С. 69–70.

Постановление Президиума АН СССР // *Вестник АН ССР*. 1937. № 7–8. Хроника. С. 80.

Проект Словаря современного русского литературного языка / Сост. Е.С. Истрина, И.А. Фалев, В.И. Чернышев, Р.Э. Порецкая, С.С. Советов. М.–Л., 1938.

Словарь русского языка. Инструкция для выборщиков. Сост. Е.С. Истриной, И.А. Фалевым. М.–Л., 1936.

Словарь русского языка. Инструкция для редакторов. Сост. С.П. Обнорским М.–Л., 1936.

Флегон А. Предисловие (История создания словаря) // *Slovar russkogo jazyka*. 1891–1929. В. 1. London, 1974. С. 1–29.

Сокращения

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. в 17-ти тт. Т. 1. М.; Л., 1948.

At source of the dictionary of modern russian literary language: from the history of explanatory academic lexicography in late 1930-s

Marina Priemysheva

mn.priemysheva@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Ekaterina Stukova

stkat1911@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The article shows little-known facts about origin of the *Dictionary of Modern Russian Literary Language* (1948–1965) and its connection with the *Dictionary of Russian Language* (1927–1939) edited by N. Derzhavin.

Keywords: history of lexicography, academic lexicography, explanatory dictionaries, Dictionary of Russian Language, Dictionary of Modern Russian Literary Language, N. Derzhavin

«Большой академический словарь русского языка» как один из источников большого двуязычного словаря

Ренате Беленчикова

renate.belentschikow@ovgu.de

Магдебургский университет им. Отто фон Герике,
Магдебург, Германия

В данной статье характеризуется роль Большого академического словаря русского языка (БАС) для составления Русско-немецкого словаря (РНС) Майнцской Академии наук и литературы с объемом словника в 230000 заголовочных слов.

Оба произведения, несмотря на принадлежность к разным словарным типам, близки относительно объема и отбора лексики. В статье внимание концентрируется на словниках, на пометах употребления слов и на иллюстративном материале. На примерах показаны новации БАС по сравнению с 17-томным академическим словарем, подчеркивается значимость семантических толкований и иллюстраций в БАС для поиска эквивалентов в РНС.

Ключевые слова: академический словарь, двуязычный словарь, словник, пометы, иллюстративный материал, эквиваленты

1. Издание современного Большого академического словаря русского языка (БАС) является неоценимым источником для Русско-немецкого словаря (РНС) Майнцской Академии наук и литературы, работа над изданием которого была начата в 1998 году. Концепция двуязычного словаря современного русского языка была продумана еще в 1980-е годы проф. Бройером, учеником Фасмера, и предполагала объем словника более 200 тыс. заголовочных слов. Словник РНС уже разработан до последней буквы алфавита и охватывает около 225 тыс. заголовочных слов. Такой большой словник русского языка был составлен впервые в русской лексикографии. Концепция РНС предполагала включение в словник кроме ядра современного русского литературного языка также лексики специальной, религиозной, просторечной, табуизированной, устаревшей и т.д. Поэтому в нем учитываются около 120 одноязычных и двуязычных словарей, включая такие раритеты, как словарь Павловского [Павловский 1900; Pawłowsky 1903], Церковный словарь [Алексеев 1817–1819], словарь Ушакова [Ушаков 1935–1940], Словарь русского языка АН СССР (А-О) [СРС 1928–1935] и др. В настоящее время речь идет о дополнениях и уточнениях

к первым буквам РНС, которые разрабатывались первоначально с учетом 17-томного издания академического словаря (ССРЛЯ).

С появлением в 2004 году БАС внимание авторов РНС с ССРЛЯ переключилось на него, тем более, что в Предисловии к нему указана общая цифра 150 тыс. слов русского языка и говорится, что он «отражает слова и обороты речи, широко распространенные в быту, в научной и профессиональной среде, т. е. во всех сферах жизни человека, говорящего на русском языке; в нем нашли место и отдельные слова ограниченного употребления: узкоспециальные, диалектные, жаргонные, достаточно широко используемые в разговорной речи...» [БАС 1: 3]. Это почти полностью совпадало с целевыми установками проекта РНС в отношении словника.

Разумеется, БАС и РНС принадлежат к различным словарным типам. В центре РНС как двуязычного, переводного словаря вслед за словником стоит, естественно, вопрос об эквивалентах большого количества лексики. РНС направлен в основном на рецептивную речевую деятельность немецкоязычных читателей-профессионалов (филологов, переводчиков), он должен помочь им в раскрытии русскоязычных текстов всех жанров, от классической русской литературы XIX века до наших дней.

Различия между БАС и РНС имеются также в принципах отбора словарного материала. Укажем только некоторые из них: РНС в одном словнике объединяет разные типы заголовочных слов, которые по российской лексикографической традиции размещаются в различных типах словарей (напр., в словарях сокращений, иностранных слов, неологизмов, архаизмов и других «редких слов», жаргонизмов). Значительное место в РНС занимает специальная лексика, особенно из тех областей, которые становятся релевантными в общезыковой коммуникации (напр., политика, финансы, информатика, спорт, медицина). В связи с функцией рецептивного словаря РНС выборочно включает и ненормативную лексику; он должен предоставить читателю возможность раскрыть семантику и прагматику таких лексем. Для этого в словаре большое внимание уделяется обширной системе помет употребления, как, напр., *vulgär* ('вульгарное'), *obszön* ('нецензурное'). Следует сказать, что немецкие эквиваленты к русской табуизированной лексике являются общепринятыми (общепотребительными) лексемами, отчасти, может быть, с пометой *derb* ('грубое'). В двойной макроструктуре словаря, в рамках словарной статьи, содержатся не только устойчивые словосочетания и фразеологические обороты, но и пословицы и поговорки.

Следует отметить, что в соответствии со своими различными целями РНС и БАС существенно расходятся относительно своей микроструктуры. Это касается как перевода vs. толкования значений, так и самой филиации (членения на значения), и иллюстративного материала. И здесь БАС имеет, с точки зрения немецкого пользователя, ощутимый недостаток, поскольку в нем массово приводятся примеры из классической русской литературы XIX века, в которых синтаксический строй предложения, придаточные предложения, деепричастия, устаревшая лексика существенно затрудняют раскрытие значения конкретного слова.

Относительно микроструктуры РНС следует добавить, что, по сравнению с другими, менее объемными переводными словарями, РНС предоставляет читателю больше информации (относительно формообразования, вариантов, сочетаемости, особенностей произношения и др. параметров).

Далее мы остановимся на некоторых параметрах БАС, которые являются для нас особенно важными при разработке РНС, а именно — на расширении словника, пометах употребления и иллюстративном материале. Данные наблюдения проиллюстрируются примерами из буквы Р, которая в настоящее время в работе.

2. Словник БАС дает возможность значительного расширения и словника РНС. Как было указано выше, увеличение словника БАС шло путем включения в том числе и узкоспециальной лексики, в частности, медицины, напр., *раувазан*, *раувагин*, *распатор*. При этом отдельные нововведенные в БАС слова и значения были уже зафиксированы в специальных двуязычных словарях. Так, термин *распатор*, как новый в словнике БАС, уже давно был включен в русско-немецкий медицинский словарь А. Болотиной [Болотина 1993]. Для авторов РНС это важно, поскольку этот словарь с самого начала был ориентирован на включение в словник специальной лексики.

Увеличение количества специальной лексики в БАС сопровождается образованием новых словообразовательных гнезд, которых не было в ССРЛЯ, напр., *раскристаллизованный* — *раскристаллизованность*, *раскристаллизовываться*. В РНС было также включено абстрактное существительное *раскристаллизация*.

Далее, расширение словника нашего словаря идет в значительной степени за счет общеязыковых неологизмов, в том числе и из БАС. Особенно интересны такие неологизмы, которые не называют новых

денотатов, а служат целям языковой экономии, языковой вариации и уточнению, напр., из БАС: *распорядительствовать* (разг.), *раскомпоновать*, *раскомпоновка*. Но основная масса неологизмов для РНС отбирается из ТСРЯ, из трехтомного издания НСЗ-90 и из Русско-немецкого словаря новых слов и значений (РНСНСЗ).

БАС является очень полезным для того, чтобы учитывать в словнике ранее не зафиксированные случаи **морфолого-синтаксического словообразования**.

Так, в БАС в словарной статье мотивирующего слова эксплицитно приводятся адъективированные причастия, такие как *разрядиться* — *разрядившийся* (*аккумулятор*) [БАС 22: 524] (нет в ССРЛЯ), *разжарить* — *разжаревший* (разг.) [БАС 22: 341], *разжигать* — *разжигающий* [БАС 22: 345], *разжиреть* — *разжиревший* [БАС 22: 349], ср. также *рафинированный* (отдельное заголовочное слово) [БАС 23: 347] от *рафинировать*, и субстантивированные прилагательные, напр., *равнодействующая* [БАС 22: 47] (для обозначения понятия физики), *разделочная* [БАС 22: 305] (для обозначения помещения; кроме этого значения, упомянутого в БАС, в РНС зафиксировано еще второе — шутовое название анатомического кабинета, в студенческом жаргоне). Вслед за БАС и в РНС включаются наречия, производные от прилагательных, типа *расхлестанно*, *равночисленно*, *разномоментно*, *разноконтрастно*, *разнонаправленно*, *раскомплексованно*.

Относительно **морфологического словообразования** здесь различаются — вслед за Е. Куриловичем — синтаксическая и лексическая деривация, ср. [Земская 1973: 185–192].

Из представителей модификационных категорий **лексической деривации** отмечаются, в частности, новые **наименования лиц женского пола**, мотивированные наименованием лица мужского пола, напр., *рихтовщица*, *разговорица*, *раздирица*.

Важной чертой в БАС оказывается различие между **уменьшительными**, **уменьшительно-ласкательными** и **ласкательными** существительными, в то время как в большинстве словарей дается лишь семантическая помета *уменьшительно-ласкательно*, что совершенно не подходит к ряду слов с этим значением. Многие существительные определяются в БАС и в ССРЛЯ как **ласкательные** и соответственно трактуются и в РНС, напр., *разбойничек*, *разочек*. Частично, в БАС исправлена семантическая помета по сравнению с ССРЛЯ: *разик* (разг.), *раздольице* (нар.-поэт.), *распашиночка* (разг.) (все в ССРЛЯ с пометой *уменьш.-ласк.*), *разок* (разг.) (в ССРЛЯ:

уменьш.). Некоторые из ласкательных слов зафиксированы в БАС впервые, напр., слова *раскрасоточка* (отсутствует в ССРЛЯ). Независимо от конкретного модификационного значения, для авторов РНС существенной является фиксация самого слова в одноязычном словаре, напр., *раскатец* (*разг.*) (БАС и ССРЛЯ: уменьш.), *разминочка* (в БАС с пометой *уменьш.-ласк.*, не в ССРЛЯ) и областное слово *распадочек* (в БАС с пометой *уменьш.*, не в ССРЛЯ). В РНС эти слова характеризуются как ласкательные.

Из модификационных категорий русского лексического словообразования особый интерес для немецких лексикографов представляют *способы глагольного действия*. В отрезке «Р» это, прежде всего, эволютивное значение глаголов, ср., напр., следующие глаголы из БАС (которых в ССРЛЯ еще не было): *размитинговаться*, *распечалиться* (*разг.*), *разнукаться* (*разг.*). Семантика этих глаголов выражается в немецком языке только описательно.

Далее, в БАС имеется много новых слов-представителей *синтаксической деривации*, которые отсутствуют в ССРЛЯ: отвлеченные существительные от прилагательных, напр., (*работящий*, ССРЛЯ —) *работящность*, (*раскормить*, ССРЛЯ — *раскормленный* —) *раскормленность*, (*разногранный* —) *разногранность* (оба не в ССРЛЯ), (*ракурс* — *ракурсный* ССРЛЯ —) *ракурсность*; отвлеченные существительные от глаголов, напр., *разжог*, *распинание*, *расплеск*; относительные и притяжательные прилагательные, напр., *раллистский*, *ракушечий*.

Благодаря большому объему материала, в БАС приводится немало *словообразовательных синонимов, вариантов и паронимов*, которые также включаются в РНС, напр., *разноразмерный* и *разномерный*, *разлапистый* и (*разг.*) *разлапый*, *разлог* и (*обл.*) *разложина*, *различие* и (*обл.*) *различка*, *разноголосье* и *разноголосица*, *разнодревье* и *разнодеревье*.

В каждом словарном отрезке РНС представлены словообразовательные модели русского языка, мотивированные слова которых не имеют в немецком однословных эквивалентов. В отрезке Р это касается, в частности, сложно-суффиксальных собирательных слов с первым копонентом *разно-*, напр., собирательные существительные: *разноделье* ('allerlei Aufgaben/Angelegenheiten'); *разнодеревье* ('Baumvielfalt'), *разномастье* ('Buntheit, Vielfältigkeit'). Большой объем словника как в БАС, так и в русско-немецком словаре позволяет выявить различия в словообразовательных системах обоих языков и тем самым способствует их теоретическому осмыслению.

3. Большое внимание в РНС уделяется проблеме помет употребления. Прежде всего, речь идет о составе самих помет, их определении и систематизации. Авторы БАС в Предисловии указывают на задачу нормативно-стилистической оценки вариантов «в соответствии с их реальным (сегодняшним) положением в системе литературного языка» и на трудности, которые «связаны со значительным хронологическим периодом охвата лексики» [БАС 1: 24]. С этой же проблемой сталкиваются и авторы РНС. Вслед за БАС, в РНС часто отмечается тенденция употребления лексемы, напр., устаревшее слово употребляется еще в разговорной речи, ср. в БАС пометы типа: *устаревшее и (еще) разговорное*, в РНС: *veralt., noch ugs.* — в отличие от пометы *устаревшее разговорное*, в РНС: *ugs. veralt.*

В результате анализа помет, имеющих в больших толковых словарях русского и немецкого языков, для РНС была составлена собственная система помет употребления. Следует подчеркнуть, что в российских одноязычных словарях системы помет различаются: Так, помета *книжное* применяется, в частности, в МАС и БТС (и отсюда перешла в наш РНС). По определению Г. Н. Скляревской, эта помета ставится «при словах, которые употребительны в сфере интеллектуального общения, обозначают обычно понятия и реалии, находящиеся за пределами бытовых (*аутентичность, медитативно, пролонгировать, резюме, харизматичность* и т.п.)» (ТСРЯ: 11). В системе помет ССРЛЯ и БАС помета *книжное* отсутствует (очевидно потому, что в основе материала БАС лежат именно художественная литература и публицистика). Несовпадения в системах помет разных русских одноязычных словарей осложняют разработку двуязычного словаря, поэтому авторы РНС придерживаются своей системы помет, учитывая, конечно, пометы в одноязычных словарях и оценки лингвистов-носителей русского языка как родного.

Укажем только на некоторые из особенностей в системе помет РНС: По сравнению с русскими академическими одноязычными словарями, система помет в РНС, с одной стороны, менее дифференцирована. Так, напр., пейоративная экспрессия в РНС отмечается только пометами *abwertend* ('неодобрительно') и *verächtlich* ('презрительно'), в БАС же предусмотрены пометы: *неодобрительно, презрительно, пренебрежительно, уничижительно*. Часть помет в РНС, наоборот, более дифференцированная и конкретная. Это касается, прежде всего, помет, характеризующих лексику различных областей деятельности. В БАС дается лишь общая помета *спец.*, напр., *развальцовка, развальцовывать,*

хотя эти слова однозначно относятся к металлообработке. Многие специальные слова вообще не сопровождаются пометой, напр., *радиоинтроскоп*. В РНС пометой *fachsprachlich* ‘специальное’ характеризуются только те слова, которые принадлежат к общенаучной лексике или нескольким областям знаний, напр., *раскристаллизовываться* (*fachspr.*) ‘die Kristallisationsfähigkeit verlieren’, ср. выше *раскристаллизация*. Большинство специальных слов включаются с более конкретной пометой, напр., *разрегистрация* (*Informatik*) ‘Abmeldung (*Kunde, Server*)’. Таким образом, пользователь получает информацию, к какой профессиональной или научной области данное слово принадлежит, в каком направлении дальше искать конкретные сведения о нем.

4. Значительные новации БАС наблюдаются в презентации иллюстративного материала к подавляющему большинству заголовочных слов. Так, по сравнению с ССРЛЯ, в БАС внесены слова *раздрызг* и *раздрызгать* [БАС 22: 330]. Первое (*раздрызг*) иллюстрируется отрывком из рассказа Виктории Токаревой, второй (*раздрызгать*) двумя примерами, соответственно из романа Валентина Пикуля и Юрия Гончарова.

В словарной статье в БАС слово *раздрызг* с пометой *прост.* отсылается к слову *раздрай*, которое помечено как *разг.* и имеет два значения: 1. ‘разногласие, противостояние кого-л. друг другу, обусловленное полным несовпадением взглядов, точек зрения и т.п. на что-л.’, 2. ‘отсутствие ясности, систематичности (в делах, планах, мыслях, чувствах); сумбур’ [БАС 22: 328]. Приведенные в БАС толкования и примеры (к значению 1.: *раздрай в бригаде*, к значению 2.: *раздрай в экономике, внутренний раздрай*) облегчает авторам РНС поиск соответствующих эквивалентов; ср. словарные статьи в РНС:

раздры́зг [...] (*salopp*) *svw.* раздрай (2).

раздра́й [...] (*ugs.*) 1. Uneinigkeit, Unstimmigkeit, Krach, Zwist; раздрай в коллективе Uneinigkeit im Kollektiv. 2. Chaos, Wirrwarr, Durcheinander; раздрай в эконóмике ein Chaos in der Wirtschaft.

Так же можно установить более близкий эквивалент к первому значению слова *раздрызгать* [БАС 22: 330] (без пометы), поскольку оно иллюстрируется примером *раздрызгать наследство*. Для второго же значения этого слова в БАС приводятся примеры *раздрызганные сапоги* и «газик», *раздрызганный на ухабах районных дорог*. Ср. трактовку этих слов в РНС (стилистическая помета *salopp* в РНС соответствует помете *прост.*):

раздрызгать [...] (*salopp*) что-н. **a**) vergeuden, verschleudern (*Erbe, Geld, Vermögen*); **b**) in Chaos versetzen.

раздрызганный, -ая, -ое [...] (*salopp*) **a**) chaotisch, durcheinander, unordentlich; раздрызганная игра ein chaotisches Spiel; **b**) abgenutzt, abgetragen; раздрызганные сапоги abgenutzte / runtergelatschte Stiefel.

Уже включенное в ССРЛЯ слово *раздрябнуть* также дополнено в БАС новым значением, в его словарной статье приводится адъективированное причастие *раздрябший*, а иллюстративный материал расширен примером из повести «Выбор» современного писателя Павла Васильева. В РНС это две разные словарные статьи:

раздрябнуть [...] (*salopp*) **1.** <1. и 2. Pers. ungebr.> **a**) auseinandergehen, verschleifen, sich stark abnutzen (*von Schuhen*); **b**) schlammig werden (*Boden*). **2.** (*übertr.*) altersschwach werden, gebrechlich werden, siech werden.

раздрябший, -ая, -ее <*adj. Part.*> (*salopp*) *svw.* раздрызганный (b).

Значительная часть русских лексем включается в русско-немецкий словарь вообще впервые и снабжена, соответственно, эквивалентными немецкими словами и выражениями. Подчеркну, что в поисках эквивалентов для нововведенных лексем составители двуязычного словаря опираются на толкования в словарях русского языка. В этой связи от авторов академического словаря ожидается исключительная корректность в формулировке толкования и в отборе иллюстративного материала, особенно многозначных слов.

Здесь были указаны лишь некоторые аспекты роли БАС при создании большого двуязычного словаря. За пределами данной статьи остались многие другие проблемы (в частности, трактовка устойчивых словосочетаний и филиация значений), в решении которых авторы РНС также опираются на БАС.

Литература

Алексеев П. А. Церковный словарь Петра А. Алексеева. Тт. 1–5. СПб., 1817–1819 (репринт: Нью-Йорк, 1976).

Болотина А. Медицинский словарь. Русско-немецкий. Немецко-русский. М., 1993.

Земская Е. А. Современный русский язык: Словообразование. М., 1973.

Павловский И. Я. Русско-немецкий словарь. В 2-х тт. Рига, 1900.

Павловский И. Русско-немецкий словарь. В 3-х тт., ок. 180000 слов. М., 2006.

Pawlowsky I. Russisch-deutsches Wörterbuch. Dritte, vollständig neubearbeitete, berichtigte und vermehrte Auflage. Riga — Leipzig, 1900. Unveränderter Nachdruck. Leipzig, 1960.

Сокращения

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Тт. 1–24 (А-СВЕРЯТЬСЯ). М.; СПб., 2004–2017 (издание продолжается).

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Тт. 1–4. М., 1981–1985.

НСЗ-90 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 т. Под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова. СПб., 2009–2014.

РНС — Russisch-Deutsches Wörterbuch / Belentschikow R. (ed.) Im Auftrag der Akademie der Wissenschaften und der Literatur Mainz. Bde. 1–11: А — ПЯЧЕНИЕ. Wiesbaden, 2003–2018 (издание продолжается).

РНС-НСЗ — Улуханов И., Хебекер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. Русско-немецкий словарь новых слов и значений / под ред. Р. Беленчиковой, И. Улуханова. М., 2007.

СРС — Словарь русского языка, составленный комиссией по русскому языку Академии наук СССР. М.; Л., 1929–1935 (репринт Flegon Press)

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1950–1965.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка начала XXI века: Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковой. М., 2006.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. М., 1935–1940.

The great academic dictionary as a source for a bilingual dictionary

Renate Belentschikow

renate.belentschikow@ovgu.de

Otto-von-Guericke-Universität Magdeburg, Germany

This article deals with the role of the Great Academic Dictionary of Russian (BAS) for drawing up the Russian-German Dictionary (RDW) with 230 000 entries, which is edited by the Academy of Sciences and Literature, Mainz. Both dictionaries, in spite

of their affiliation to two different dictionary types, are similar regarding their volume and lists of headwords. The article concentrates on lists of headwords, labels and illustrations. Based on examples, the discussion addresses innovations in BAS in comparison to the Academic Dictionary of Russian in 17 volumes. The article emphasises the importance of semantic paraphrases and contexts in BAS for finding German equivalents in RDW.

Keywords: Academic Dictionary, bilingual dictionary, list of headwords, labels, illustrations, equivalents

Прошлое, настоящее и будущее «Большого академического словаря русского языка»

Людмила Евгеньевна Кругликова

lekhospb@mail.ru

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются особенности «Словаря современного русского литературного языка» и «Большого академического словаря русского языка», намечены перспективы создания нового академического словаря.

Ключевые слова: толковый словарь, русский язык, сетевой словарь

Выход в свет 17-томного «Словаря современного русского литературного языка» [БАС-1] был грандиозным событием для своего времени, не случайно он был удостоен в 1970 г. Ленинской премии. Принятое в 1975 г. решение о его переиздании не удалось реализовать полностью в связи с изменением политической ситуации в стране в начале 1990-х гг., отсутствием финансирования. За период с 1991 по 1994 гг. вышло всего 6 томов переработанного и дополненного второго издания словаря [БАС-2] вместо намеченных 20 томов. Поэтому начавшееся в 2004 г. издание «Большого академического словаря русского языка» [БАС-3] было встречено с энтузиазмом не только составителями, но и пользователями словаря, причем даже иностранными. Приведу зарубежный отзыв о БАС: «БАС — единственный из всех толковых словарей русского языка, который позволяет своему пользователю увидеть историю языка, а соответственно, и историю русской культуры, в хронологически расчлененном виде, причем не только благодаря справочному отделу с его первой фиксацией и лексикографической историей, но и благодаря принципам интерпретации словоупотреблений, характеру иллюстрирования. Недаром каждое значение, а нередко и словоупотребление имеет не менее трех цитат, относящихся к разным этапам развития языка. В БАС, как в зеркале, отражается русский менталитет с законами чести, гостеприимства и хлебосольства, истинным патриотизмом, национальной гордостью, крайностями в любви и ненависти» [The History... 2012: 161].

БАС-1 посвящено большое количество материалов; наиболее детальное описание в [История... 1998: 378–421].

Подробный анализ ныне выходящего БАС-3 был дан мною в [Kruglikova 2012]. Сейчас передо мной стоит задача перекинуть мостик от прошлого к настоящему, а затем к будущему, показать, что надо усовершенствовать в БАС-3.

Что мы ждем от нового издания любого словаря? Прежде всего отражения того нового, что появилось за соответствующее время, будь то новые слова, новые значения, устойчивые сочетания и т. п.

Число добавлений в БАС-3 достаточно велико. В своих работах я уже приводила данные о пополнении словника БАС-3 на примере отрезка на букву Р от *ракитовый* до *распятие*: в БАС-1 666 заголовочных слов, в ныне издающемся БАС-3 в этом отрезке на 297 слов больше, т. е. увеличение составило 44,5%.

Сейчас произвольно был взят еще один отрезок, уже на букву С, *сутенёр–сушилка*, причем меньшего объема. Он содержит 205 словарных статей, из них 77 отсутствует в БАС-1, т. е. увеличение составило 37,5 %. Различие незначительное и обусловлено прежде всего малой величиной отрезка.

Толчок к появлению целого ряда новых словарных статей дали слова с единичными цитатами в бумажной картотеке. Это такие лексемы, как *сухоствольный*, *сухостепной*, *сухорукость*, *сухопутчик*, *сухоовоци*, *сухомятный*, *сухолетье*, *сухогубый*, *сухоголовый*, *суховоздушный*, *суховершинить*, *сухобыльник*, *сухобылье*, *сахара* и др. Добавлялись даже гнезда однокоренных слов, например: *сухорос*, *сухоросица*, *сухоросный*.

Надо заметить, что большинство таких добавленных слов имеют давнюю историю. Так, существительное *сухонос* известно с XVIII в., а прилагательное *сухоносый* и того раньше — с XVI в.

Еще одним источником пополнения словника являются словари, причем и давно вышедшие. Так, при просмотре словаря В.И. Даля [Даль 1866], когда готовился справочный отдел к вновь включенным словам, была обнаружена лексема *сухотравный*. Результатом явилась следующая словарная статья:

СУХОТРАВНЫЙ, ая, ое. Относящ. к сухотравью, заросший сухотравьем. Обнимала их *златолистая, сухотравная тайга в осенней ждущей тишине*. Фадеев, Разгром. *Очень характерны пустошные луга и пустоши — белоусовые, овсяницевые и сухотравные, нередко с куртинами вереска и подростом сосны*. Т. Черепанова, В. Яковлев, Чагодощенское полесье. *Боровые пустоши, разреженные сухотравные сосновые леса*. Проект «Материалы комплексного экологического обследования участков территории, обосновыва-

ющие внесение изменений в положение о государственном комплексном заказнике «Сяберский». В Европе сухотравные сосняки присущи лишь южной тайге. И. Кучеров и А. Зверев, Лишайниковые сосняки средней и северной тайги Европейской России. Да, будет бой, большой и славный! Свою кровью и чужой Лог обагрится сухотравный, Как утром — свежую росой. Н. Викс, Венетта. В ЛНР 7 июля произошло девять пожаров, восемь из которых — сухотравные. В ЛНР за 6 месяцев зафиксировано 244 пожара из-за возгорания сухой травы.

— Даль: сухотравные степи.

Данное прилагательное позволило сконструировать слово *сухотравье* и получить дополнительную словарную статью:

СУХОТРАВЬЕ, я, ср. Собр. Сухие травы. Ухналь прополз на взгорок, укрылся за гривкой сухотравья. Первенц. Секретный фронт. Колокольни Акатовой слышал ли звон Из далеких недавних столетий, Когда я забредал на приречный уклон, На уклон, в сухотравье одетый? В. Будаков, Ступени вниз. За пыльными окнами было темно, замшелое крыльцо окружало нетронутое сухотравье. В. Забирко, Едят ли инопланетяне кистоперых рыб? Сообщение, что высоко в горах горит сухотравье, местные огнеборцы получили 10 сентября около 17 часов. Ю. Кузьминых и А. Мамбеталиева, Огонь шел стеной. Пройдёмся по лесу, Шуриша сухотравьем, Н. Синтюрина, Про осень¹.

Благодаря СЦРЯ, который также просматривался при составлении справочного отдела, появились 3 словарные статьи:

СУХОЛАПЛЬ, я, м. В церковных или связанных с религией текстах — птица из породы чаек. Демон, стреляя, стрелается, когда Творец в тварь, тварь в Творца вселяется, и тогда в небесах птица сухолапль появляется. В. Микушевич, Отпущение. Изограф Севастьян написал Спасово пречистое Рождество как положено; только дойдя до животных, в хлеву рядом с волами, овцами, козами и ослами была им поставлена еще и «сухолапль — птица, жидам запрещенная, — как пишется в означении, — что идет еле не от жидовства, а от божества, все создавшего». И. Уварова, Вертеп — мистерия Рождества. □ В слож. [На иконе стал писать] Спасово пречистое рождество, и хлев, и ясли, и предстоящие Владычица и Иосиф, и припадшие боготечные волхвы, и Соломия-баба, и скот всяким подобием: волы, овцы, козы и осли, и сухолапль-птица, жидам запрещенная, коя пишется в означение, что идет сие не от жидовства, а от Божества, все создавшего. Леск. Запечатл. ангел. А кто это, сухолапль-птица? Для современного образованного человека,

---

¹ Словарная статья не имеет справочного отдела, т. к. слово не зафиксировано в словарях.

не принадлежащего к лону церкви, такое животное — загадка из загадок. М. Швецов, От избытка сердца говорят уста.

— Срезневский: сухолапль; Слов. Акад. 1794: сухолапль.

СУЧИЛЬЩИК, а, м. Тот, кто занимается сучением (в 1 знач.). *Фабриканты вводят новые машины, новые станки, и уже не прежний опытный ткач, прядильщик, сучильщик, а пара детских рук у станка вырабатывает пряжу и ткань в десять раз больше прежнего и... в десять раз дешевле!* Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты. *Жужжа, вертелось большое деревянное колесо, и сучильщики с пенькой у пояса прямо на улице плели веревки.* Ямпольск. Арбат, режимная улица. *Для сапожников и рыбацких необходима была еще и крученая нить. Обычную тонкую нитку сдваивали, беря ее из двух клубков, лежащих в блюде с водою. Пропускали эту двойную нить через жердочку под потолком, привязывали к концу специальной крутилки и начинали сучить. Сучильщик раскручивал веретено с горизонтальным маховичком и плавно то поднимал, то опускал его.* В. Белов, Повседневная жизнь русского Севера.

— Слов. Акад. 1847: сучильщик.

СУЧИЛЬЩИЦА, ы, ж. Женск. к сучильщик. *Клото, не умевшая тянуть нить, но искусная сучильщица, сделала так, что жизнь у неё получилась короткой, но свитой из множества нитей.* С. Кржижановский. Три сестры. *Он был волочилщик известнейший, она — ученица сучильщицы. Он был на заводе застрельщиком, она — только год из училища.* А. Левин, Простая история. *Судьба Заболотскую не баловала. Вскоре после прихода первых месячных собрала она вещишки и рванула из своего поселка городского типа в настоящие каменные джунгли, ученицей на суконно-камвольный комбинат «Красная сучильщица».* М. Семенова, Преступление без срока давности.

— Слов. Акад. 1847: сучильщица.

Как видим, слово *сухолапль* было известно намного раньше XIX в.: оно зафиксировано в «Материалах для Словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского [Срезневский].

Примечательно, что, хотя лексемы *сучильщик* и *сучильщица* впервые зафиксированы в СЦРЯ, но цитат из произведений XIX в. найти не удалось. Вероятно, отражение новых источников в электронной базе позволит восполнить этот пробел.

Иногда сам лексикограф по существующим в языке моделям создает однокоренное слово, находит подтверждающие цитаты и дает словарные статьи. Я уже упоминала появившееся таким образом существительное *сухотравье*. Зафиксированная в БАС-1 лексема *сучкоруб* послужила источником для моделирования прилагательных *сучкорубный*, *сучкорубочный*, пополнивших БАС-3.

Благодаря единичным примерам в картотеке добавились еще два однокоренных слова. Это прилагательные *сухожилый* и *сухожилистый*. Интересно, что при подготовке справочного отдела словарной статьи они обнаружались в СРНГ. Ср.:

БАС-3:

СУХОЖИЛЫЙ, ая, о е. Имеющий худощавое телосложение. *Напротив него на низкой скамеечке сидит его милый друг — Илья Лопатин из Захаровки, высокий сухожилый мужик с прямым длинным носом, маленькой черной бородкой острячком, в белых валенках и казине-товой коротайке.* Вольнов, Пов. о днях моей жизни. *Даже сам кормчий, крепкий сухожилый старик, вечно ворчавший на багорщиков и бурлачную голытьбу, затихал перед Язэпом, когда тот выходил на нос со своим шестом.* Н. Садкович и Е. Львов, Георгий Скорина. *И глаза мои, все еще не замечая сидящей высокой, сухожилой женщины против меня, — становятся тяжело-дерзкими.* Л.Д. Зиновьева-Аннибал, Трагический зверинец. *Из подполья поднялись Фома Памфильев и какой-то сухожилый, с гладко выбритым каменным лицом человек.* К.Шильдкрет, Кубок орла.

— СРНГ 2010: сухожи́лый.

СУХОЖИЛИСТЫЙ, ая, о е. То же, что сухожилый. *Сухожилистый Готлиб Францевич смеялся напыжась и тоненько.* И.Лукаш, Капитан Гаттерас. *Успели мы с ней [женой] нажить троих наследников, длинноростых и сухожилистых.* Грачевск. Ушкан. *Вперед вышел лейтенант-инструктор Евгений Беглов — долговязый и сухожилистый детина с непроницаемым взглядом карточного короля по кличке Жорж Бенгальский.* М. Нестеров, Спецкоманда № 97. // С выступающими сухожилиями (о частях тела человека и животного, всем теле). *Одной сухожилистой рукой обвил он ее топкий стан, другой вырвал грабли и бросил на жниво.* Г.Коновал. Былинка в поле. *Однако мой кожаного пере-*

СРНГ:

Сухожи́лый, ая, о е.

1. Худой, тощий (о человеке). Пск., Осташк. Твер., 1855. *Меня вот толпегой не назовешь, жильярой назовут сухожилой.* Ряз.

2. Костлявый (о рыбе). Хакас. Краснояр., 1969.

Сухожи́листый, ая,

о е. 1. С большим числом сухожилий (о мясе). *Сухожилистое мясо.* Даль.

2. О тощем, худом (человеке). *Эти сухожилистые.* Ряз. Ряз., 1960–1963.

3. О худощавом, но физически сильном человеке. *Он только на вид плохой, а сухожилистый.* Переслав. Яросл., 1990.

плета.. *фолиант, куда я своей сухожилистой.. рукой ригориста заношу настоящие поверительные наброски, увы, представляет собою гроссбух в откровенно прямую клетку, а не в косую линейку для прописей.* С.Соколов, Палисандрия. *Корова крупная, землистая, ноги высокие сухожилистые.* Форум: Возрождение русских отечественных пород крс [крупного рогатого скота]. *Внешне верховая лошадь имеет среднюю по величине голову, прямой профиль и длинную шею, глубокую грудь с ровной спиной и высокой холкой, Телосложение сухожилистое, мускулистое, длинные ребра и сухие ноги.* Английская порода упряжных лошадей.

— СРНГ 2010: *сухожилистый.*

При этом имевшиеся цитаты дали возможность представить эти слова без какой-либо стилистической пометы.

В словарные статьи также добавлялись наречия. Как известно, в БАС ряд наречий подается в словарной статье на прилагательное, от которого оно образовано. В анализируемом отрезке из 205 словарных статей такие наречия дополнили 2 словарные статьи СУХОНЬКИЙ и СУХОПУТНЫЙ.

Иллюстративный материал последовательно отражает хронологию употребления слова в источниках. В качестве примера приведем выявленное при просмотре цитат для словарной статьи СУХОПУТЬЕ наречие *сухопутьем* (в примере ниже в словарную статью специально добавлены годы, показывающие время появления источника, из которого взята выдержка):

СУХОПУТЬЕМ, нареч. По суше (ехать, передвигаться и т. п.). *Вверх по Двине могли ходить тоже не морские суда, а плоскодонные барки..; затем товары перегружались на телеги и волоком, то есть сухопутьем, перевозились до Смоленска.* Д. Иловайский, Начало Руси. **1890.** *К ним заходили японские суда и очень редко — русские. Поэтому все свои закупки жители делали в Японии и только в случае крайности ходили сухопутьем в залив Ольги, совершая для этого длительные путешествия.* Арсен. Дерсу Узала. **1923.** *Сухопутьем и морями Шли, куда велел приказ.* Ю. Визбор, Военные фотографии. **1979.** *Никитин «с товарищи» на своем судне намеревались добраться до Дербента — порта на Каспии, а затем сухопутьем следовать в Шемаху.* М. Ципоруха, Древние мореходы и загадки планеты. **2005.**

Оказавшееся в нашем распоряжении благодаря электронным ресурсам обилие источников позволило уточнить значения некоторых слов, с большей полнотой показать семантическую структуру слова, выявить новые значения, оттенки значений.

Так, в БАС-1 значение прилагательного *сухлюбивый* сформулировано так: 'приспособленный к произрастанию в засушливой местности (о растениях)', в БАС-3 оно стало шире: 'не любящий влаги, приспособленный к жизни в засушливой местности (о растениях и животных)'. У прилагательного *сухменный* в БАС-3 фиксируется 2 значения: 'с небольшим количеством осадков или без них, засушливый', 'лишенный необходимой влаги, пересохший, сухой', в то время как в БАС-1 наличествовало одно: 'очень сухой, засушливый'. У лексики *сухопарник* наряду с уточненным значением 'часть парового котла, служащая для отделения от пара капель воды' появился оттенок значения 'о бытовых предметах, выполняющих подобную функцию'.

Добавлялись и переносные значения. Например, у прилагательно *сухостойный* введено значение 'об очень худом человеке'.

Словарные статьи с широко распространенными многозначными словами пополняются прежде всего за счет новых устойчивых образований, причем как возникших недавно, так и ранее употреблявшихся, но не попавших в вышедшие словари из-за ограниченности бумажной картотеки. Так, в словарную статью СУХОЙ были добавлены следующие составные наименования: *сухой завтрак* 'совершенно готовый к употреблению продукт из зерен злаков в виде хлопьев, подушечек, воздушных зерен и т. п.', *сухой остаток* 'вещество, полученное после выпаривания, высушивания чего-л.', *сухая игла* 'техника углубленной гравюры на металле, основанная на процарапывании острием твердой иглы штрихов на поверхности', *сухая штукатурка* 'строительный материал в виде тонких плит (листов) больших размеров, применяемый вместо штукатурных растворов', *сухие элементы, батарейки* 'гальванические элементы, в которых электролиту придается вязкость, вследствие чего он не может вытечь из элементов', *сухой груз* 'насыпной, штучный груз, а также жидкий в таре'.

Оборот *сухой вес* стал полисемичным: наряду со значением 'вес мотора, автомобиля и т.п. без воды в цилиндрах, горюче-смазочных материалов, запчастей и т. п.' у него зафиксировано значение 'вес биомассы после высушивания'.

Словарная статья на прилагательное СУХОЙ пополнилась также 2 фразеологизмами: *сухой остаток* 'итог чего-л. (действий, обсужде-

ний и т.п.) без каких-л. деталей, подробностей’, *проиграть с сухим счетом* ‘потерпеть поражение в каком-л. деле, в каких-л. жизненных, бытовых ситуациях’. Еще один фразеологизм добавился в словарную статью СУЧИТЬ: *сучить языком* ‘зря, попусту говорить; болтать’. 3 новых фразеологизма на 205 словарных статей — весьма значительная прибавка для фразеологического фонда БАС-3.

Электронные ресурсы, позволяющие получить большое количество цитат, дают возможность уточнить стилистическую характеристику слов. Так, у прилагательного *сучкастый* помета *простореч.* была заменена на *разг.*

Академический многотомный словарь должен отличаться полной отражения словарного материала, причем как с точки зрения словника, так и с точки зрения семантической структуры, грамматической, стилистической характеристики, цитатного материала, фиксации фразеологии, особенностей употребления слов, их истории. Современные технические возможности способствуют этому.

Таким образом, в будущем требуется дополнительная, причем весьма объемная, работа, направленная на то, чтобы многотомный словарь отвечал его предназначению. При создании БАС-1 пользовались только бумажной картотекой, поэтому пропуски были вполне естественны². Сейчас же в век информационных технологий они просто недопустимы.

При этом надо отметить, что эра многотомных бумажных словарей прошла, будущее за сетевыми словарями, позволяющими оперативно вносить дополнения и исправления, отражать материал без оглядки на объем.

Литература

История русской лексикографии / отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб., 1998.
Kruglikova Liudmila E. “El Gran Diccionario Académico de la Lengua Rusa” como continuador de las tradiciones de la lexicografía académica rusa (Кругликова Л.Е. «Большой академический словарь русского языка» как продолжатель традиций русской академической лексикографии) // Cuadernos de Rusística Española. 2012. № 8. С. 177–198. [Электронный ресурс]. URL: / <http://revistaseug.ugr.es/index.php/cre/issue/view/10>.

---

² Электронная база для создания БАС-3 стала доступна с 2008 г., т.е. с момента работы над буквой П.

The History of the Great Academic Dictionary of the Russian Language.
London, San-Francisco, Acapulco, 2012.

Сокращения

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка. Тт. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 тт. Т. 1–6. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991–1994. (неоконченное издание)

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Тт. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Ч. I–IV. М., 1863–1866.

Срезневский — Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I–III. СПб., 1912.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–50. М.; СПб., 1965–2018 (продолжающееся издание).

СЦРЯ — Словарь церковнославянского и русского языка. Т. I–IV. СПб., 1847.

Past, present and future of the great academic dictionary of the russian language

Liudmila Kruglikova

lekhospb@mail.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The article discusses the features of the Dictionary of the Modern Russian Literary Language and the Great Academic Dictionary of the Russian Language, outlines the prospects for the creation of a new academic dictionary.

Keywords: explanatory dictionary, Russian language, network dictionary

О проекте «Академический толковый словарь русского языка»

Алексей Эдуардович Цумарев

zumarew@yandex.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Лариса Леонидовна Шестакова

lara.shestakova@mail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

В статье дается общая характеристика лексикографического проекта «Академический толковый словарь русского языка». Обосновывается необходимость создания в начале XXI в. нового толкового словаря среднего объема, определяется его назначение и рассматриваются, с учетом новизны, основные характеристики (состав словника, структура словарной статьи, средства и способы представления различных типов информации о слове). Приводятся примеры подачи языкового материала из вышедших 1-го и 2-го томов, а также из разрабатываемого 3-го тома словаря.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, лексикография, толковый словарь, словарная статья, типы лексикографической информации

Конец XX и первое десятилетие XXI в. для отечественной толковой лексикографии ознаменовались выходом однотомных академических словарей, таких как «Большой толковый словарь русского языка» под ред. С.А. Кузнецова (1998) [БТС] и краткий «Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов» под ред. Н.Ю. Шведовой (2007) [ТСШ], а также началом издания с 2004 г. «Большого академического словаря русского языка» [БАС³]. Вместе с тем ниша, занятая в советской толковой лексикографии средним академическим «Словарем русского языка» в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой, называемым в научном обиходе Малым академическим словарем (далее — [МАС]), до последнего времени оставалась незаполненной. Учитывая тот факт, что последний из названных словарей отражает состояние русской лексики, по существу, 40-летней давности, а также то обстоятельство, что в обществе и в языке с середины 1980-х гг. произошли значительные изменения, потребность в современном толковом словаре среднего объема ощущалась доста-

точно остро. Важнейшие направления работы по созданию такого словаря были намечены в статье Л.П. Крысина «Проблема обновления толковых словарей современного русского языка», опубликованной в 2011 г. в журнале «Известия РАН» [Крысин 2011], а в конце 2016 г. увидели свет два первых тома нового «Академического толкового словаря русского языка» (далее — [АТoS]), подготовленные под руководством Л.П. Крысина в Институте русского языка им. В.В. Виноградова РАН.

Как указано в разделе «От редактора», «в основу этого словаря положено 2-е издание “Словаря русского языка” в четырех томах под ред. А.П. Евгеньевой»¹. Вышедшие тома охватывают отрезок А–Г². В связи с многочисленными добавлениями актуальных слов, значений и подтверждающих иллюстраций, общий объем отрезка (по сравнению со словарем-предшественником) вырос примерно в два раза и составил около 150 а. л. Представляется, что подобное приращение — вполне в русле современной тенденции смещения (в сторону увеличения) количественных границ современных кратких, средних и больших толковых словарей. Достаточно указать на то, что на смену советскому большому академическому словарю в 17 томах [БАС¹] в наше время приходит словарь, который будет насчитывать около 30 томов.

Главное назначение нового «Академического толкового словаря» — представить многостороннее описание лексики современного русского литературного языка, с учетом изменений, произошедших в нем в последние десятилетия.

Словарь является нормативным (подробнее об отражении словарных норм в новом словаре см. [Цумарев, Шестакова 2018]). Основу **словника** «составляет лексика и фразеология современного литературного языка в двух его разновидностях — книжной (кодифицированной) и разговорной. Кроме того, по традиции в словник включены наиболее употребительные в современной речи слова просторечного, диалектного и жаргонного происхождения», снабжаемые соответствующими стилистическими пометами.

---

¹ Соотношению традиционного и нового в АТoS посвящена статья [Цумарев и др. 2017].

² В настоящей статье мы приводим примеры из вышедших 1-го и 2-го томов, а также фрагменты описания лексики, взятые из разрабатываемого 3-го тома словаря.

Основной критерий включения лексической единицы в АТОС — ее употребительность в современном русском литературном языке. Первостепенной задачей является не столько общее увеличение словаря (заявленный объем АТОСа — около 85 тысяч слов, что немногим больше словаря МАСа, насчитывающего около 83 тысяч слов), сколько его качественное обновление — освобождение от малоупотребительных слов и наполнение новой актуальной лексикой.

Так, например, из первых двух томов были исключены слова *аблактировать*, *агролесомелиорация*, *выкомурь*, *выпередить*; в третий том не войдут лексемы *дождливость*, *доскребываться*, *езжалый*, *жавель*, *жамка*, *жироскоп*, *заманиха*, *захламостить*, *зачередоваться*, *заяривать* и т. п.

Напротив, в словарь были включены слова *автосалон*, *аквапарк*, *аниматор*, *антитеррористический*, *атипичный*, *банкомат*, *безвизовый*, *безлимитный*, *беспилотник*, *беспроводной*, *билборд*, *блокпост*, *бонус*, *бренд*, *брокколи*, *валютнообменный*, *видеоролик*, *винтаж*, *виртуальный*, *внедорожник*, *гендерный*, *гипоаллергенный*, *дайвинг*, *декриминализировать*, *деструктивный*, *евро* и др.

В соответствии с принципом системности осуществляется заполнение лакун в имеющихся словообразовательных гнездах, кроме того, в словарь включаются не только отдельные новые слова, но и целые словообразовательные гнезда, например: *бейсбол*, *бейсболист*, *бейсболистка*, *бейсболка*, *бейсбольный*; *деполитизация*, *деполитизировать*, *деполитизироваться*.

Значительно пополняется в словаре зона устойчивых (фразеологических и терминологических) сочетаний. Достаточно сказать, что только на произвольно взятом для подсчета отрезке Б — БЕЖАТЬ было добавлено и описано 54 устойчивых сочетания (*база данных*, *бархатная революция*, *черта бедности* и др.).

В полном виде **словарная статья** включает следующие **зоны**:

- 1) вход в статью (заголовок);
- 2) помета об особенностях произношения слова;
- 3) грамматические формы;
- 4) грамматические характеристики;
- 5) семантический признак (а именно — признак «переносное»);
- 6) стилистические пометы;
- 7) толкование;
- 8) примеры употребления слова (в виде кратких речений и цитат из письменных текстов);

9) фразеологические обороты и устойчивые терминологические сочетания с данным словом;

10) справка о происхождении слова (в словарных статьях иноязычных слов).

Каждая зона словарной статьи в новом словаре, как и в любом другом толковом словаре, соотносится с одним, иногда с несколькими типами информации. Рамки настоящей статьи не позволяют нам рассказать о словарном представлении всех типов информации о слове, остановимся лишь на некоторых важных особенностях словаря.

Орфографическую норму фиксируют заголовки всех словарных статей. Ее описание осуществляется в полном согласии с «Русским орфографическим словарем» под ред. В.В. Лопатина и О.Е. Ивановой [РОС]. В дополнение к этому, учитывая остроту проблемы выбора прописной / строчной буквы, авторы словаря отмечают случаи написания слова и устойчивого сочетания с большой буквы.

Для этого последовательно используется помета (*с прописной буквы*). Эта помета может занимать разные позиции в словарной статье. Во многих случаях она служит дополнительным средством разграничения значений слова, например, отражает орфографическую особенность третьего значения слова *бытие*:

БЫТИЕ, -я, ср. ... 3. (*с прописной буквы*). Религ. Первая книга Ветхого Завета, повествующая о сотворении мира и древнейшей истории человечества.

Орфоэпическая информация. В предисловии к четырехтомному академическому словарю прямо говорилось: «Указания на произношение в Словаре не даются» [МАС 1999: 6]. В соответствии с этим у входного слова в МАСе не отмечалось побочное ударение и не использовались орфоэпические пометы. При выработке концепции нового словаря было решено во всех необходимых случаях указывать побочное ударение и фиксировать произносительную норму с помощью специальной пометы. В большинстве случаев помета относится к заимствованиям, в том числе недавним, что представляется весьма актуальным в условиях, когда язык осваивает множество иноязычных слов. Системность как одна из наиболее значимых характеристик АТоСа проявляется в том числе и в фиксации орфоэпической нормы. Произносительной пометой может сопровождаться несколько заголовочных слов, принадлежащих одному словообразовательному гнезду,

например: БЕЙДЖ [бэ], БЕЙДЖИК [бэ]; ДЕМПИНГ [дэ], ДЕМПИНГОВАТЬ [дэ], ДЕМПИНГОВЫЙ [дэ].

После словарного входа и (при необходимости) орфоэпической пометы указываются **грамматические формы и грамматические характеристики** заголовочного слова³.

По сравнению с предшествующим академическим словарем среднего объема в новом словаре были усовершенствованы способы представления грамматических форм. Это коснулось, например, выработки правил наглядной подачи форм родительного падежа существительных. Одно из правил заключается в следующем: если при склонении неодносложных слов изменяется место ударения, то указание на форму родительного падежа имеет вид финальной части слова, начиная со слога, на который падает ударение в именительном падеже. Так, у слова **БАРЧУК** вместо ударной флексии -á указывается финаль -чукá; у слова **ДУБЛЯЖ** необходимо указать две финали: -ляжа и (разг.) -ляжá.

При описании грамматической нормы большое внимание в новом словаре уделяется отражению вариантности языковых средств, что для говорящих и пишущих особенно важно, поскольку наличие в языке вариантов обуславливает проблему выбора; ср., например, статью «Гран»:

ГРАН, -а, род. мн. гра́нов и гран, м. Единица аптекарского веса (равная 0,062 г), применявшаяся до введения метрической системы. «Что-то знобит, — подумал Лихачев. — Надо попросить у доктора несколько гранов хинина». М. Филиппов, Осажденный Севастополь. — Вешай вернее. Это же лекарство, лекарство... Пять гран... В. Шишков. Пейпус-озеро.

Большая работа ведется в целях более полного представления в словаре **грамматических форм и характеристик**.

В описании качественных прилагательных (и относительных, приобретающих качественное значение) более последовательно, по сравнению с четырехтомным словарем, представлены краткие формы. Вот несколько статей, в которые введены такие формы, в том числе имеющие варианты:

---

³ Подробнее о представлении грамматической информации в АТоСе см. в статье [Цумарев, Шестакова, Кулева 2018].

БЕЗДЕЙСТВЕННЫЙ, -ая, -ое; -вен и -венен, -венна, -венно;
ГЕТЕРОГЕННЫЙ, -ая, -ое; -нен, -нна, -нно.
ЕДИНОВРЕМЕННЫЙ, -ая, -ое; -менен, -менна, -менно.

Особое внимание уделяется в словаре информации, маркирующей грамматические ограничения в реализации значений, оттенков значений, употреблений слов, а также значений фразеологических сочетаний. Набор соответствующих помет широк: *только ед. ч.*, *обычно мн. ч.*, *только полн. ф.*, *обычно кратк. ф.*, *обычно повел.*, *в безл. употр.* и т. д. Составители словарных статей стремятся к восполнению пробелов в указании на грамматические ограничения значений, к систематичности в постановке названных и других подобных помет.

Так, непоследовательным в словаре-предшественнике было использование у определенных групп глаголов пометы «(1 и 2 л. не употр.)». Эта помета ни разу не была применена, например, в статье многозначного глагола *бежать*. Между тем во всех лицах этот глагол может употребляться только в 1-м значении («быстро перемещаться в каком-л. направлении, попеременно отталкиваясь ногами от земли») и в 6-м значении («спасаться (спастись) бегством»). При остальных значениях (о транспортных средствах, о времени, о жидкости, о тропинке, о стрелке часов) необходимо указание на неупотребительность форм 1-го и 2-го лица.

Обновление коснулось в АТоСе и грамматических характеристик слов. Особое внимание хотелось бы обратить на использование относительно нового для толковой лексикографии признака одушевленности (помета *одуш.*). Так, например, эта помета требуется при 2-м значении слова *виндсёрфер* («спортсмен, занимающийся виндсёрфингом»), в отличие от 1-го значения («специальная доска с парусом для занятий виндсёрфингом»), где эта помета не нужна.

В некоторых (достаточно редких) случаях существительному должны быть приписаны два признака: *одуш.* и *неодуш.* Таково, например, слово *персонаж*. Можно сказать: *Писатель ввел в свой роман новых персонажей*, и можно сказать *ввел новые персонажи*. Неодушевленные существительные не маркируются, помета *неодуш.* используется только в сочетании с пометой *одуш.* при существительных типа *персонаж*.

Стилистическая информация. Главным (и традиционным) средством передачи стилистической информации в АТоСе являются стилистические пометы. Применяемая в МАСе хорошо разработанная

система стилистических помет была дополнена рядом новых помет, отражающих сферу употребления, собственно стилистическую окраску или функциональные особенности слова, например: *инф.* — термин информатики, *проф.* — профессиональное слово или значение, *жарг.* — жаргонное слово или значение (для слов, сохраняющих следы жаргонного происхождения, например, *англичанин* в значении 'преподаватель'), помета *эвфем.* — эвфемизм и некоторые другие.

Существенно, что ряд помет в списке сокращений имеет не только расшифровку, но и краткий комментарий, позволяющий пользователю отличить данную помету от другой, сходной по содержанию: *бранное* в отличие от *грубое*, *историзм* в отличие от *устаревшее*, *неодобрительно* в отличие от *пренебрежительно* и т.д.

Уточнение стилистических характеристик словарных единиц предполагает проведение различных операций. В частности, важной задачей является фиксация с помощью пометы *устар.* факта устаревания тех или иных языковых явлений. Это коснулось, например, слова *безрасчётный* со значением 'не основанный на расчете' (*безрасчётная трата денег*), формы *белишь* глагола *белить*, управления *адресовать к кому* (*адресовать вопрос к председателю*), фразеологизма *базарная работа* (т. е. грубая и безвкусная).

Важная задача — выявление случаев, требующих замены пометы. Большого числа слов коснулась замена пометы *Прост.* пометой *Разг.* Это отражает характерный для функционирования современного русского языка процесс «повышения» стилистического статуса сниженной лексики и фразеологии: то, что раньше ощущалось говорящими как сниженное, просторечное, переоценивается и перемещается в разряд разговорных лексических средств. Таковы, например, слова: *башковитый*, *бедалага*, *гонять* в значении 'заставлять отвечать по учебной программе', *досажать* (*досажать помидоры*), *забарахлить*¹ (*мотор забарахлил*). В МАСе все эти слова имеют помету *Прост.*

Толкование. А.П. Евгеньева в одной из своих публикаций подчеркивала, что толковые словари среднего объема «содержат полную и подробную характеристику значений и оттенков значений, которые имеет слово в современном литературном языке» [Евгеньева 1953: 61]. Работа с зоной толкования в новом словаре связана с решением многих задач, а именно: с более тщательным, развернутым описанием семантической структуры слова, с усовершенствованием имеющихся определений, с выявлением и описанием не учтенных словарями лек-

сических значений. Особой задачей является семантическая характеристика недавно вошедших в язык, еще недостаточно лексикографически освоенных слов.

Примером работы с семантической структурой слова может служить глагол *вырасти*. Если значение слова или его оттенок принять за единицу семантического описания, то можно сказать, что в МАСе семантическая структура этого глагола состоит из 10 единиц (пяти значений и пяти смысловых оттенков). В то же самое время в АТосе зафиксированы и проиллюстрированы 20 таких единиц (5 значений и 15 оттенков).

Внимательный анализ данных Национального корпуса русского языка (<http://www.ruscorpora.ru>) и других современных текстовых интернет-ресурсов нередко позволяет обнаружить до сих пор не кодифицированные в толковой лексикографии значения (оттенки значений, употребления), например⁴:

ДУБЛЬ... [1. *Кфт.* Повторная съемка эпизода в фильме, а также сам повторно отснятый эпизод. ...] || Каждая съемка эпизода в фильме, а также отснятый в ходе нее эпизод. *Начали снимать. Первый дубль. Сцена длинная.* В. Давыдов. Театр моей мечты. *Пленка ужасно дорогая, снимать стараются в один дубль (что, конечно, сказывается на качестве фильма).* В. Смехов. Театр моей памяти;

ЕДИНОРОДНЫЙ... [Единственный у родителей (о сыне, дочери) (*устар.*). ...] || (*обычно с прописной буквы*). *Религ.* Эпитет Иисуса Христа. ... *Мы Иисуса Назарянина в Символе веры называем не только Христом, но и Сыном Божиим, Единородным, рожденным от Отца.* А. Мень. Радостная весть;

ЗАВОЛОЧЬ... [1. (1 и 2 л. не употр.) Закрыть, подернуть, застлать (о тучах, тумане, облаках, слезах и т. п.). ...] || *перен.; безл., чем.* О сознании, памяти и т. п.: сделать неясным, затемнить (в 4 знач.). *Вскоре мой взгляд от напряжения устал, сознание заволочло пеленой, глаза медленно закрылись и я провалился в полусон.* Н. Голубенко. В сетях Посейдона.

Иллюстрации. Большое внимание при работе над АТосом уделяется иллюстрированию форм, значений и употреблений входного слова с помощью речений и цитат из письменных текстов. Довольно частое явление в предыдущем толковом словаре среднего объема — отсутствие иллюстраций при значениях многозначных слов, хотя

---

⁴ Фрагменты с ранее зафиксированными в толковых словарях значениями заключены в квадратные скобки, впервые фиксируемые значения даны без скобок.

последовательное иллюстрирование необходимо для лучшего разграничения выделенных лексикографом значений.

Авторы нового словаря стремятся восполнить обнаруженные пробелы в иллюстрировании слов и устойчивых сочетаний. Важнейшим источником литературных цитат служит Национальный корпус русского языка. При отборе иллюстраций «предпочтение отдается авторам с хорошо известными именами, чьи сочинения безупречны по языковым и стилистическим свойствам» [АТoS I: 23]. Цитаты извлекаются из произведений художественной, публицистической, научной, научно-популярной и религиозно-философской литературы XIX — начала XXI века.

Один из важнейших принципов описания лексики и фразеологии в АТoSе состоит в том, что в нем «даются примеры, иллюстрирующие по возможности все компоненты смысла, предусмотренные толкованием. Например, если слова типа *вальс*, *танго* толкуются как ‘... танец, а также музыка к этому танцу’, то в зоне иллюстраций по крайней мере один пример должен иллюстрировать компонент ‘танец’, а другой — компонент ‘музыка’: *танцевать вальс* и *сыграть вальс*» [АТoS I: 24]. Наряду с этим по возможности иллюстрируются разные грамматические формы и грамматические характеристики, указанные в соответствующих зонах словарной статьи.

Так, если первое значение слова *группа* формулируется как ‘несколько человек, животных, растений или предметов, находящихся вместе, близко друг от друга’, то иллюстративный ряд по возможности должен содержать примеры на все четыре члена перечислительного ряда.

Если при значениях глагола *гордиться* дается пять помет, связанных с особенностями управления (*кем-чем*, *за кого*, *с придаточным изъяснительным*, *без доп.*, *перед кем-чем*), то каждый вариант должен иллюстрироваться либо речением, либо цитатой из текста.

В статье было рассмотрено большинство типов лингвистической информации о слове, заключенной в словарных статьях нового толкового словаря. Сформулируем вывод: совокупность осуществленных изменений и их значительный объем позволяют говорить о том, что «Академический толковый словарь русского языка» представляет собой лексикографический труд, опирающийся на традиции отечественной лексикографии и творчески использующий ее достижения с учетом современного состояния русского языка и последних достижений лингвистической науки.

Литература

- Евгеньева А. П. К вопросу о типе однотоминого толкового словаря русского языка советской эпохи // Вопросы языкознания. 1953. № 3. С. 48–68.
- Крысин Л. П. Проблема обновления толковых словарей современного русского языка // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70. № 1. С. 3–9.
- Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л. Языковые нормы в «Академическом толковом словаре русского языка» // Вопросы лексикографии. 2018. № 13. С. 58–60.
- Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Средства и способы описания грамматических явлений в новом «Академическом толковом словаре русского языка» // Фортунатовские чтения в Карелии. Сб. докладов Международной научной конференции (10–12 сентября 2018 г., г. Петрозаводск). Ч. 1. Петрозаводск, 2018. С. 267–269.
- Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Нечаева И. В., Кулева А. С., Грунченко О. М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 1–17.

Сокращения

- АТoS — *Академический толковый словарь русского языка*. Т. 1: А–Вилять; Т. 2: Вина–Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016.
- БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- БАС³ — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).
- БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008.
- МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.
- РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012.
- ТСШ — Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н. Ю. Шведова. М., 2007.

On the project “Academic explanatory dictionary of the Russian language”

Alexey Tsumarev

zumarew@yandex.ru

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Larisa Shestakova

lara.shestakova@mail.ru

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The article provides a general description of the new lexicographical project “Academic explanatory dictionary of the Russian language”. The necessity of creating a new medium dictionary is substantiated. The purpose of the dictionary, its novelty, the principles of word list formation, the structure of entry, means and methods of presenting different types of information about the word are discussed. Examples of the description of words from published first and second volumes and from third volume being developed are given.

Keywords: modern Russian standard language, lexicography, explanatory dictionary, dictionary entry, types of lexicographical information

Фактор адресата в современной типологии словарей

Козырев Владимир Алексеевич

47kozyrev@rambler.ru

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Черняк Валентина Даниловна

vdcher@yandex.ru

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются общие направления современной типологии словарей с учетом фактора адресата. На основании рассмотрения более 3 500 словарных изданий различных типов делаются выводы о связи современных направлений словарного дела и актуальных запросов социума. Показано, что ориентация на адресата отражает и коммерческую составляющую словарного дела, что вызывает появление значительного числа некачественных лексикографических изданий.

Ключевые слова: социокультурные основания типологии, типы словарей, фактор адресата

Типология словарей как важный раздел теоретической лексикографии приобретает особое значение в условиях исключительного по своей интенсивности лексикографического бума, которым отмечены последние два десятилетия. Об этом выразительно свидетельствует постоянно увеличивающееся количество словарей, фиксируемых нами. Так, в нашей книге «Вселенная в алфавитном порядке» [Козырев, Черняк 2000] описано 700 словарей русского языка, в изданной через десять лет книге «Русская лексикография: век нынешний и век минувший» [Козырев, Черняк 2015] — более 2 700 словарей различных типов, сегодня постоянно обновляемый список насчитывает уже более 3 500 лексикографических изданий. Следует подчеркнуть при этом, что за его пределами остается колоссальное количество двуязычных и терминологических словарей, формирующих две чрезвычайно важные области современного лексикографического пространства — двуязычную лексикографию и терминографию. В этой ситуации типология словарей наполняется важным прагматическим содержанием, поскольку в своем практическом преломлении она создает определен-

ные ориентиры как для специалистов-лингвистов, так и для педагогов, библиотекарей, редакторов, студентов, и требует осмысления особой связи лексикографических изданий различных типов с социокультурными факторами.

Количественное увеличение словарной продукции обусловлено как стремлением лингвистов представить все новые аспекты лингвистики, в том числе те, которые раньше с трудом поддавались лексикографическому описанию (таково, например, постоянно увеличивающееся количество авторских словарей, ассоциативных словарей, словарей, описывающих отдельные предметные области), так и запросами потенциальных пользователей. Типология словарей выполняет не только классифицирующую, но и прогностическую функцию. В.В. Морковкин еще тридцать лет назад справедливо подчеркивал, что типология словарей должна порождать свободные («менделеевские») места в классификации, позволяющие прогнозировать и создавать новые типы словарей [Морковкин 1983].

Словари всегда существуют в контексте своего времени, связаны с семантическими доминантами эпохи и отвечают на культурные запросы социума. При этом чрезвычайно значимым для осмысления причин «словарного бума» и мотивации появления словарей различных типов оказывается *фактор адресата*. Заданные В.В. Морковкиным *что-основания, как-основания и для кого-основания* типологии словарей непосредственно соотносятся с фактором адресата, задают векторы базовых характеристик словарей, которые по каждому из оснований могут детализироваться, обозначая новые кластеры. При этом принципиально важна пересекаемость типов словарей.

Значимость фактора адресата в развитии современной лексикографии соотносится с общей антропоцентрической направленностью словарного дела. Абсолютно современно звучат высказанные В.В. Морковкиным 30 лет назад слова о том, что лексикография «представляет основной канал, через посредство которого лингвистика обнаруживает и обнародует результаты своей деятельности. В этом смысле она может рассматриваться как своего рода служба общения между лингвистикой, являющейся наукой о языке, и обществом, заинтересованным в познании языка, а словарная продукция — как главное, чем лингвистика отчитывается перед обществом» [Морковкин 1987: 33]. Многообразие лексикографических изданий убеждает, что русистика последних десятилетий «становится все более лексикографичной, во-первых, стремясь удовлетворить различные практические нужды

массового пользователя, во-вторых, систематизируя и обобщая языковой материал, разрабатывая новые способы лексикографического представления языка» [Краснянский 1996: 100].

Ориентация на адресата отчетливо обнаруживается даже в таком, на первый взгляд, формальном и случайном признаке словаря, как его название. Заглавие оказывается значимой позицией текста, оно «кодирует» многие характеристики словаря и в значительной степени связано с «фактором адресата». Типичные эпитеты, включенные в заглавия многих словарей: *новый, новейший, универсальный, комплексный, современный, большой, полный, всеохватный* (иной прагматический запрос мотивирует появление *малых, карманных* и даже нескольких словарей *под одной обложкой*) и т. п., — свидетельствуют о стремлении составителей и редакций удовлетворить запросы потенциального пользователя. В связи с этим нельзя не отметить и значительную долю коммерческой составляющей в современном словарном деле. Е.П. Иванова подчеркивает, что концептуальная идеология словарей в разных странах оказалась экономически обусловленной прагматической установкой на адресата [Иванова 2007: 92]. Приведем только один пример. В связи с тем, что для русской языковой личности слово *словарь* ассоциируется с прецедентным именем *Даль* (об этом свидетельствуют материалы ассоциативных экспериментов), издательства активно эксплуатируют последнее, предлагая пользователю как качественные издания классического словаря, так и многочисленные подделки. Укажем лишь некоторые (из нескольких десятков!) названия словарей, на титульном листе которых стоит имя В.И. Даля: «Большой иллюстрированный толковый словарь русского языка: современное написание», «Иллюстрированный словарь живого русского языка», «Иллюстрированный толковый словарь русского языка: современная версия», «Толковый словарь: русский язык для детей», «Толковый словарь В.И. Даля для школьников: содержит более 10 000 слов», «Толковый словарь русского языка в современной орфографии», «Уникальный иллюстрированный толковый словарь В.И. Даля для детей». Очевидно, что составители-компиляторы используют в названиях слова, способные привлечь потенциального адресата, не обладающего необходимой лексикографической компетенцией, позволяющей осуществить осознанный выбор нужного лексикографического издания.

Учет фактора адресата проявляется во всех компонентах словаря — в его словнике, в принципах построения словарной статьи, в исполь-

зуюмом метаязыке, в графическом оформлении, в характере иллюстраций. Лексикограф должен обладать способностью видеть будущего читателя словаря. Диалог «словарь — читатель» выстраивается по-разному в зависимости от того, кто является прогнозируемым адресатом — узкий специалист в данной области или широкий круг читателей, интересующихся определенной отраслью науки.

В развивающихся сегодня словарях активного типа проявляется «дружелюбие» словаря по отношению к пользователю [Иорданская 2001: 245], обнаруживающееся и в «объяснительности», и в комфортности метаязыка, и в наведении на фокус иллюстративного материала.

Новые лексикографические проекты связаны с представлением на современном уровне развития лексикографии всего богатства русского литературного языка. Словари, по утверждению Н.Ю. Шведовой, призваны в особой форме воплотить все существующие в мире зависимости и отношения [Шведова 1988]. Именно поэтому в толковых словарях, остающихся краеугольным камнем современной лексикографии, оказывается всё более заметной энциклопедическая составляющая. Заметим, что связь между энциклопедическими и собственно лингвистическими лексикографическими изданиями диахронически мотивирована: от смешения собственно лингвистической и энциклопедической информации в конце XVIII в. — через строгое разграничение в середине XX в. — к мотивированному (в зависимости от типа словаря) соединению в новейшей лексикографии. Примечательно, что многие традиционные типы словарей (диалектные словари, словари иностранных слов, словари синонимов, фразеологические словари и т. п.) в новых лексикографических проектах приобретают форму словарей-тезаурусов, наиболее полно отражающих концептуальную модель мира [Шарандин 2005]. Немалое место в современном лексикографическом пространстве принадлежит словарям, занимающим промежуточное положение между лингвистическими словарями, ориентированными на широкого читателя, и специальными терминологическими словарями. Приведем некоторые названия: «Словарь футбольного болельщика. Оле-оле-оле-оле!», «Русская разговорная автомобильная лексика: словарь», «Говорим, гутарим, балакаем и применяем!..: объяснение слов и понятий, связанных с казачьим укладом, воинской службой, одеждой, вооружением».

Лексикографическая практика отражает социокультурную мотивированность расширения определенных типов словарей. Так, осо-

бенно динамично развиваются словари иностранных слов (более 200 наименований), словари устойчивых сочетаний (более 120 фразеологических словарей, 32 словаря пословиц и поговорок; 41 словарь крылатых слов), ортологические словари (более 300 наименований различных подтипов словарей). Общее количество словарей определенных типов не только отражает социокультурные изменения, но и откликается на фактор моды. Так, многие явления, находящиеся за пределами литературного языка, становятся самостоятельным объектом лексикографического описания. Словари субстандарта (более 150) и разговорной речи (более 30) относятся к одному из наиболее активно развивающихся типов лексикографических изданий. Жаргонграфия непосредственно отзывается на очевидное снижение современной речи, не только отражая социокультурные изменения.

Новый импульс, связанный прежде всего с освоением лексикографией современных технологий, получили диалектные (более 190) и авторские (более 170) словари.

Ономастические словари также представляют весьма обширный пласт в составе отечественной лексикографии. По состоянию на 2015 г. именам собственным было посвящено более 10% всех словарей русского языка: 380 изданий. В это число входят разнообразные словари, отличающиеся друг от друга и по предмету описания (антропонимы, топонимы и т. д.), и по аспекту описания (исторические, этимологические, грамматические и т. д.). Среди русских ономастических словарей много изданий, вышедших недавно, уже в XXI в. (более 50%), что говорит о востребованности данного словарного типа и его активном развитии. Одним из факторов такого положения дел является то, что ономастические словари способны удовлетворять интеллектуальные и практические потребности различных адресатов: от узкого специалиста-филолога до самого широкого круга читателей. Строго говоря, словари имен собственных представляют не столько лексикографический тип (который должен обладать известной однородностью), сколько некую параллельную лексикографическую систему, во многом аналогичную системе апеллятивных словарей, но и противопоставленную ей. Как среди апеллятивных, так и среди ономастических словарей выделяются исторические, этимологические, нормативные, авторские и др.

Активно развивающийся тип неологических словарей, а также значительная доля новой лексики в словарях различных типов позволяет рассматривать фактор новизны как важный стимул развития

лексикографии: как уже отмечалось, слова *новый*, *новейший* являются весьма распространенными в названиях словарей (их содержат около 90 изданий).

Особое место в исследовании в связи с их исключительной социокультурной значимостью заняли ортологические словари (более 350 словарей различных типов и подтипов). Словари трудностей несут комплексный характер, отражая разные стороны бытования слов. Сопоставление ортологических словарей, созданных в разное время, позволило сделать определенные выводы о динамике языковой нормы, о статусе вариантов, их предпочтительности в тот или иной период развития языка. Сегодня ситуация с кодификацией орфографических норм находится в стадии неконтролируемого для общества (в том числе и научного сообщества) процесса. Обращение к орфографическим словарям убеждает в активном формировании орфографической нормы, в появлении новых зон орфографической вариативности, требующих изменения правил и унификации написаний, в отсутствии единых требований к способам представления единиц в ортологических словарях, которые нередко предлагают сомнительные и противоречивые рекомендации. То же можно сказать и о многочисленных орфоэпических словарях, существенно различающихся по степени «произносительного демократизма». Особое место среди словарей трудностей занимают словари редких и забытых слов и словари лексических трудностей, особенно актуальные сегодня в связи с заметным оскудением лексикона молодежи.

Для исследования фактора адресата как мотивирующей основы типологии словарей и для получения объективной оценки лексикографической компетенции современного пользователя нами было проведено анкетирование 1200 человек (студентов вузов, школьников, кадетов, учителей, библиотекарей). Для каждой категории пользователей были составлены специальные анкеты. Исследование показало, что словари воспринимаются молодежью прежде всего как пособие по речевой культуре, как инструмент для выполнения конкретных заданий, но не как стимул для самообразования.

Всё увеличивающееся количество учебных словарей, в которых ориентация на адресата обнаруживается особенно отчетливо (заметим, однако, что нередко вынесенные в заглавие словаря слова *школьный*, *учебный* лишь формально указывают на тип словаря: дидактический параметр в них или вообще не учитывается, или является лишь внешней мотивацией сокращения словника), и явилось ответом на новый

запрос общества. В.Г. Гак, размышляя о закономерностях ее становления, пишет: «Всякий словарь — прежде всего дидактическое, т. е. предназначенное для обучения, произведение. Анализ словарных формулировок, характер отношения словарных высказываний к описываемому миру, самый тип сообщения, свойственный словарю, показывают, что словарь относится к дидактическому жанру и обладает всеми основными признаками педагогической речи. <...> Лексикограф, как и автор учебника, говорит не вполне “от своего имени”, он выступает как посредник между обществом — коллективным носителем речи — и индивидуумом, который, обращаясь за справкой к словарю, как бы задает вопрос лексикографу. Ответы лексикографа (носителя коллективного знания) воспринимаются как более или менее обязательные предписания для читателя словаря, поскольку словарь предназначен для того, чтобы устранить расхождение между индивидуальным знанием и знанием всего коллектива» [Гак 1977: 12]. Отметим, что словарная форма соответствует и психологической настроенности современных студентов и школьников на восприятие дискретного гипертекста.

Даже общий обзор огромного массива словарей позволяет сформулировать некоторые общие тенденции, наблюдаемые в отечественной лексикографии конца XX — XXI в.:

1. Следование традициям лексикографии XIX–XX вв.;
2. Системоцентризм и антропоцентризм;
3. «Настроенность» лексикографии на потребности пользователя;
4. Актуализация дидактического потенциала словарей в учебной лексикографии;
5. Стирание жесткой грани между лингвистическими и энциклопедическими словарями.

Литература

Гак В. Г. О некоторых закономерностях развития лексикографии (учебная и общая лексикография в историческом аспекте) // Актуальные проблемы учебной лексикографии. М., 1977. С. 205–225.

Иванова Е.П. Национальные и универсальные тенденции в развитии лексикографии (на материале французской лексикографии) // Основные проблемы лингвистики и лингводидактики. Астрахань, 2007. С. 92–94.

Иорданская Л.О. Новом объяснительном словаре синонимов русского языка // Русский язык в научном освещении. 2001. № 2. С. 240–249.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Вселенная в алфавитном порядке: очерки о словарях русского языка. СПб., 2000.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб., 2015.

Краснянский В.В. Об опыте словаря сложных эпитетов // Русистика сегодня. 1996. № 4. С. 96–112.

Морковкин В.В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // Вопросы языкознания. 1987. № 6. С. 33–42

Морковкин В.В. Основы стимулирующей типологии словарей // Современное состояние и тенденции развития отечественной лексикографии. М., 1983. С.130–132.

Черняк В.Д. О чем говорят названия словарей? (Социокультурные аспекты современной лексикографии) // *Studia Slavica Savariensia* 2016. 1–2. XI. Nemzetközi Szlavisztikai Napok In memoriam Pável Ágoston. С. 85–91. DOI: 10.17668/SSS.2016.1-2.3

Шарандин А.Л. Словарь как отражение категоризации // Концептуальное пространство языка / под ред. Е.С. Кубряковой. Тамбов, 2005. С. 302–309.

Шведова Н.Ю. Парадоксы словарной статьи // Национальная специфика языка и её отражение в нормативном словаре. М., 1988. С. 6–11.

Factor of the addressee in the modern dictionary typology

Vladimir Kozyrev

47kozyrev@rambler.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Valentina Chernyak

vdcher@yandex.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

The article deals with the general trends in the modern typology of the dictionaries taking into account the factor of the addressee. Having analysed more than 3,500 dictionaries of various kinds, the authors make conclusions about the way current lexicographic tendencies are aligned with the relevant demands of the society. It is showed that the addressee orientation also determines the commercial trend in lexicography, which leads to the increase in the amount of dictionaries of poor quality.

Keywords: sociocultural foundations of typology, dictionary types, factor of the addressee

Типология российских толковых словарей среднего объема

Вячеслав Константинович Щербин

slavalex@mail.ru

Национальная академия наук Беларуси, Минск, Беларусь

В статье анализируются российские и зарубежные толковые словари разных типов. Обосновывается вывод о центральном месте толкового словаря среднего объема в системе русского лексикографического мейнстрима. Предлагается типология российских толковых словарей среднего объема.

Ключевые слова: толковая лексикография, структура национальной лексикографической традиции, лексикографический мейнстрим, толковый словарь среднего объема, типология толковых словарей

Общепотребительная лексика того или иного литературного языка в наиболее полном виде описывается в многотомных толковых словарях академического типа. Поэтому в рамках любой национальной лексикографической традиции именно толковая лексикография считается тем направлением, успехами в развитии которого определяется общий уровень данной лексикографической традиции и даже общий уровень национального самосознания: «Нация осознает себя тогда, когда она создает относительно полный словарь своего языка» [Русанівський 2010: 6].

Признание за толковой лексикографией статуса главного направления в рамках национальной лексикографической традиции, однако, совсем не означает, что данное направление «варится в собственном соку», не опираясь на достижения других словарных направлений. Любая национальная лексикографическая традиция сегодня представляет собой многоуровневую иерархическую структуру, различные составляющие которой тысячами нитей тесно связаны друг с другом. **На мегауровне** такой структуры представлены три основные составляющие: 1) теоретическая лексикография, 2) практическая лексикография и 3) лексикография как совокупность словарей [Щербин 2007: 24]. **На макроуровне** в структуре национальной лексикографической традиции тоже выделяются три составляющие: 1) филологическая лексикография, 2) специальная лексикография и 3) лексикографический мейнстрим, который их объединяет. Далее, **на мезоуровне**

указанной структуры каждая из основных составляющих макроуровня распадается на несколько словарных направлений аспектного характера: 1) филологическая лексикография объединяет в себе авторскую, грамматическую, диалектную, историческую, лингвострановедческую, ономастическую, ортологическую, переводную, семонимическую, статистическую, субстандартную, фразеологическую, этимологическую и другие аспектные разновидности лексикографии, а также идеографию, неографию, общую концептографию и др.; 2) специальная лексикография включает в себя терминографию, энциклопедическую, экспериментальную, классификационную лексикографии и специальную концептографию; 3) в рамках лексикографического мейнстрима взаимодействуют толковая лексикография и методологически связанные с ней словарные направления: авторская толковая лексикография, толковая лексикография заимствованных и иностранных слов, толковая неография, толковая терминография, толковая фразеография, толково-грамматическая лексикография, толково-историческая лексикография, толково-комбинаторная лексикография, толково-орфографическая лексикография, толково-понятийная лексикография, толково-словообразовательная лексикография, толково-сопоставительная лексикография, толково-энциклопедическая лексикография, толково-этимологическая лексикография и др. Наконец, **на микроуровне** контактируют друг с другом словари разных типов, а также их авторы, рецензенты, издатели, читатели и т. д.

Из приведенной выше структурной схемы, лежащей в основе любой национальной лексикографической традиции, видно, что центральную позицию в этой схеме занимает лексикографический мейнстрим, который относится к срединному макроуровню такой традиции (данный уровень находится между ее мега- и микроуровнями), занимая в рамках этого срединного макроуровня центральную позицию между филологической и специальной ветвями такой традиции. Сам термин *мейнстрим* был введен в научную практику британскими экономистами в начале XX в. для обозначения «основного течения» экономической мысли того времени — маржинализма в его маршаллианской версии [Ананьин 2001: 53]. В настоящее время данный термин широко используется в самых разных гуманитарных дисциплинах. Так, обществоведы пишут о формировании *обществоведческого мейнстрима* [Кузьмин 2001: 293]; в рамках социологической науки выделяется свой, *социологический мейнстрим* [Романовский 2006: 41]; в зарубежной металексикографии при помощи данного термина

обозначаются ключевые словари того или иного направления. К примеру, в британской газете «The Times Literary Supplement» опубликована рецензия Л. Холфорда-Стривенса, в которой толковый «Oxford Latin Dictionary» и переводной «Greek-English Lexicon» относятся к мейнстриму, выделяемому в рамках классической (греко-римской) лексикографии Британии [Holford-Strevens 2011: 13].

В пользу целесообразности использования термина *мейнстрим* в рамках отечественной металексикографии свидетельствует не только его широкое применение в рамках самых разных научных дисциплин, но и реальное существование широкой, но достаточно методологически единой области словарных знаний, которая включает в себя, наряду с толковой лексикографией, еще и соответствующие части других словарных направлений (авторской, грамматической, диалектной, исторической, орфографической, словообразовательной, терминологической, этимологической и других лексикографий), в рамках которых регулярно используются разнообразные приемы толкования реестровых единиц. Формальным показателем для отнесения тех или иных разнотипных словарей к такой широкой области словарных знаний служит наличие в названиях таких словарей терминосочетания *толковый словарь* или его синонимов: *глоссарий*, *дефинитивный словарь*, *объяснительный словарь (объяснитель)*, *семантический словарь*, *словарь с толкованиями (дефинициями, объяснениями, определениями)*, *словотолкователь (словарь-толкователь, словарь-толковник, толкователь)*, *универсальный словарь* и др.

Кроме того, к области лексикографического мейнстрима смело можно отнести разнотипные семантизирующие словари: диалектные словари, исторические словари, словари агнонимов, словари жаргонов и сленгов, словари заимствований и иностранных слов, словари историзмов и архаизмов, словари лексических трудностей, словари непонятных слов, словари новых слов, словари омонимов и паронимов, словари редких и забытых слов и т.п. справочные издания, в которых проводится обязательная семантизация реестровых единиц. Не случайно отдельные исследователи называют семантизирующие словари перечисленных выше типов «частными толковыми словарями» [Боронникова, Левицкий 2006: 115]. Именно для обозначения указанной весьма объемной совокупности словарных изданий семантизирующего типа и необходим новый термин *лексикографический мейнстрим*.

В рамках различных национальных лексикографических традиций объем, состав и структура лексикографического мейнстрима суще-

ственно отличаются. К примеру, в рамках белорусской лексикографической традиции такой лексикографический мейнстрим объединяет в себе, по нашим подсчетам, около полсотни словарных изданий, использующих такой прием семантизации реестровых единиц, как толкование [Шчэрбін 2011]. Еще шире перечень семантизирующих изданий, объединяемых в рамках украинской лексикографической традиции. В частности, среди 438 словарных изданий, включенных в состав «Бібліографічного покажчика словників української мови (1990–2003)», который прилагается к учебному пособию «Українська лексикографія: історія, сучасність та комп'ютерні технології» [Дубчинський 2004: 114–148], 68 словарных изданий имеют в своем названии словосочетание *тлумачний словник* или его синонимы (*семантичний словник, словник з тлумаченнями*).

Наконец, перечень словарных изданий, объединяемых в рамках русского лексикографического мейнстрима, давно исчисляется многими сотнями названий (к примеру, среди более 3300 одноязычных словарей русского языка, общий список которых приводится в конце справочной книги В.А. Козырева и В.Д. Черняк «Кто есть кто в русской лексикографии» (СПб., 2016), 578 словарных изданий имеют в своем названии терминосочетание *толковый словарь* или его синонимы).

При этом, однако, ключевой или стержневой частью лексикографического мейнстрима в рамках любой лексикографической традиции остаются нормативные толковые словари общеупотребительной лексики. Наиболее удачную, на наш взгляд, классификацию таких ключевых для лексикографического мейнстрима толково-нормативных словарей предложил С.И. Ожегов: «Практически созданы и теоретически намечены три основных типа нормативных общих словарей русского языка: **большой**, представляющий современный литературный язык в широкой исторической перспективе; **средний**, с детальной разработкой исторически оправданного стилистического многообразия современного литературного языка, и, наконец, **краткий**, популярного типа, стремящийся к активной нормализации современной литературной речи» [Ожегов 1974: 165–166].

В рамках русской лексикографической традиции к числу больших толковых словарей традиционно относят незаконченный «Словарь русского языка Второго отделения Академии наук» под ред. Я.К. Грота и А.А. Шахматова (1891–1928), «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти томах (1948–1965), незаконченный «Словарь современного русского литературного языка» в 20-ти томах

(вышли только 1-6 тома; 1991-1994), «Большой академический словарь русского языка (БАС)» в 28-ми томах (вышли 1-23 тома; 2004–2017), «Универсальный иллюстрированный словарь русского языка» в 18-ти томах (2011-2012). Вместе с тем, отдельные исследователи (например, К.С. Горбачевич и А.С. Герд) к числу больших толковых словарей русского языка относят также «Словарь Академии Российской (САР1)» в 6-ти томах (1789-1794), «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (САР2)» в 6-ти томах (1806-1822) и «Словарь церковнославянского и русского языка (СЦРЯ)» в 4-х томах (1847) [Горбачевич, Герд 2004: 4]; другие исследователи (например, С.А. Кузнецов, С.М. Снарская) большими называют составленные под их руководством однотомные толковые словари русского языка: «Большой толковый словарь русского языка» (1998), «Первый толковый БЭС» (2010), поскольку их реестровые объемы (около 130 тысяч слов и 120 тысяч словарных статей соответственно) превышают аналогичный объем семнадцатитомного «Словаря современного русского литературного языка» (1948-1965).

Здесь уместно будет привести слова академика И.И. Срезневского из его рецензии на «Словарь церковнославянского и русского языка (СЦРЯ)» в 4-х томах (1847): «Главное достоинство такого общего словаря, всем одинаково нужного, есть полнота внешняя, заключающаяся в количестве слов, и внутренняя, зависящая от отчетливости определения смысла каждого из них. Заботясь о полноте внешней своего словаря, составитель его старается собрать в него слова все, какие может, не думая об их относительной ценности: слова устарелые, местные, простонародные, иностранные, введенные какими бы то ни было писателями, хотя бы они и не принятые, — все одинаково для него важные, и тем важнее, чем менее могут быть понятны. Достигая полноты внутренней, он обращает внимание на оттенки смысла, соединяемые со словами, отделяет каждый из них, не пропуская, между прочим, выражений поговорочных, в которых слова получили особый смысл сами по себе или по соединению с другими словами. Для более отчетливого определения смысла слов он приводит всюду, где нужно, выражения из писателей и из говора народного: ими дополняет и подтверждает свое определение» [Срезневский 1986: 57–58].

Как показывает словарная практика, одновременное достижение полноты внешней (максимального количества реестровых единиц) и полноты внутренней (максимального количества реализуемых лексикографических параметров) для кратких, однотомных словарей

является непосильной задачей. Дело в том, что «большой объем сведений о слове, при реалистичном взгляде на допустимый физический объем адресованного широкой публике словаря, несовместим с чересчур большим словником» [Апресян 2010: 19]. Если же «принимается решение о совмещении большого словника с небольшим объёмом словаря, то неизбежным следствием такого решения должно быть введение строгих ограничений на объём иллюстративного материала» [Большой толковый словарь 2017: 1]. Однако большой толковый словарь потому и носит название большого, что он является максимально представительным как в отношении полноты внешней, т.е. максимального объема своего словника, так и в отношении полноты внутренней, т.е. подробного описания всех значений реестровых слов и их оттенков, в том числе с использованием контекстных изъяснений (литературных цитат, пословиц, поговорок, специально созданных типовых речений). Если же одно из этих требований, предъявляемых академиком И.И. Срезневским к общему толковому словарю, не выполняется в конкретном словарном издании, то оно автоматически лишается статуса большого толкового словаря.

В частности, с одной стороны, без существенного расширения своего реестра не сможет получить статус большого толкового словаря многотомный «Активный словарь русского языка (АС)» под редакцией Ю.Д. Апресяна (вышли 1-3 тт.: А-3; 2014-2017), поскольку его словник ограничен в настоящее время только 12 000 реестровых единиц. С другой стороны, нет никаких оснований называть однотомные толковые словари (например, «Большой толковый словарь русского языка (БТС)» под ред. А.С. Кузнецова (1998), «Великий глумачний словник сучасної української мови (ВТС СУМ)» под ред. В.Т. Бусла (2001) и ряд других словарей) большими только потому, что они обладают большим реестровым объемом. Ведь даже самый полный по своему словнику толковый словарь без приведения в нем многочисленных примеров употребления реестровых слов из литературных и прочих текстов — это, по меткому выражению Вольтера, всего лишь «скелет». Словарь такого типа носит пассивный характер, раскрывая читателю значение неизвестного или малознамого слова.

Более того, как свидетельствует составитель целого ряда толковых словарей русского языка Г.Н. Складаревская, «сочетание в одном словаре признаков пассивного типа (обширный словник) и активного типа (максимум сведений о каждом слове) весьма привлекательно для пользователей, но создает очень большие трудности для авторов»

[Скляревская 2017: 15]. И преодолеть эти трудности можно только через увеличение общего количества томов издаваемого словаря. Однако до бесконечности увеличивать такой объем толкового словаря тоже нельзя, поскольку последний неизбежно превращается в «библиотечный» словарь, т.е. такое справочное издание, которое по своей стоимости и количеству занимаемых им книжных полок по силам только крупной научной библиотеке. Толковый словарь среднего объема как раз и позволяет избежать отмеченных выше недостатков, с одной стороны, однотомного толкового словаря (его схематичности, пассивности, «скелетности»), а с другой стороны, чересчур большого (в десятках томов) толкового словаря (его дороговизны, громоздкости, неудобности в использовании, «библиотечности»).

О центральном месте толкового словаря среднего объема в системе русского лексикографического мейнстрима говорит и та весьма значимая роль, которую он сыграл в процессе составления однотомных и больших толковых словарей русского языка. В частности, из истории русской лексикографии известно, что создание наиболее популярного до сих пор и самого массового толкового «Словаря русского языка (СО)» С.И. Ожегова (1949) стало возможным потому, что данный однотомный толковый словарь составлялся на базе четырехтомного «Толкового словаря русского языка (ТСУ)» под ред. Д.Н. Ушакова (1935–1940) путем удаления из последнего иллюстративных примеров, но с сохранением тщательно подобранной, наиболее актуальной лексики из его реестровой части. В свою очередь, формированию развитой традиции отбора реестровой лексики для толкового словаря среднего объема в немалой мере способствовал тот факт, что ТСУ хронологически предшествовал выпуск таких толковых словарей среднего объема, как «Словарь Академии Российской (САР 1)» в 6-ти томах (1789–1794), «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (САР 2)» в 6-ти томах (1806–1822), «Словарь церковнославянского и русского языка (СЦРЯ)» в 4-х томах (1847) и близкий к средним толковым словарям по своему полиграфическому объему (4 тома), но большой по своему реестровому объему (200 тыс. слов) «Толковый словарь живого великорусского языка (ТСД)» В.И. Даля, первое издание которого вышло в 1863–1866 гг. Нарботке обширного реестрового материала, из которого впоследствии составителями ТСУ было отобрано немало количество оригинальных реестровых единиц, способствовала также сложившаяся в России к тому времени традиция составления больших академических словарей толкового типа (в их числе: 1) «Словарь рус-

ского языка, составленный Вторым отделением Академии наук», первые три выпуска которого, составившие первый том (1891–1895), были подготовлены академиком Я.К. Гротом; девять выпусков, составившие второй том (1897–1907), подготовлены академиком А.А. Шахматовым, а третий-девятый тома (1922–1930) готовились к печати профессорами Д.К. Зелениным, С.П. Обнорским, С.К. Буличем, академиками В.М. Истриным, Е.Ф. Карским и др.; 2) запланированный к изданию в 56-ти томах, но так и незавершенный академический толковый «Словарь русского языка», отдельные тома которого издавались под редакцией академика Н.С. Державина с 1932 по 1937 гг. [Отечественные лексикографы 2000: 157–172, 187–218]. Аналогичным образом реестровые и прочие материалы среднего (по классификации С.И. Ожегова) толкового словаря под ред. Д.Н. Ушакова использовались при составлении большого «Словаря современного русского литературного языка (БАС)» в 17-ти томах (1948–1965) и малого «Словаря русского языка (МАС)» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (1957–1961).

Сегодня к числу толковых словарей среднего объема в системе русского лексикографического мейнстрима, помимо уже названных выше справочных изданий, можно отнести также следующие словари: «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений (РСС)» под общей ред. Н.Ю. Шведовой в 6-ти томах (вышли 1-4 тт., 1998–2007), «Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика» в 5-ти вып. Л.М. Васильева (2000–2003), «Толковый словарь русской разговорной речи» в нескольких выпусках под ред. Л.П. Крысина (вышли вып. 1–2; А-О; 2014–2017), «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» в 2-х томах Т.Ф. Ефремовой (2000), «Словарь обыденных толкований. Лексика природы» в 2-х томах под ред. Н.Д. Голева (2012), «Активный толковый словарь русского языка» под редакцией Ю.Д. Апресяна (1-3 тт.: А-З; 2014–2017), «Академический толковый словарь русского языка (АТoS) (1-2 тт.: А-Г; 2016), а также многочисленные переиздания (в том числе значительно пополненные и «осовремененные») «Толкового словаря живого великорусского языка (ТСД)» в 4-х томах В.И. Даля, «Толкового словаря русского языка (ТСУ)» под ред. Д.Н. Ушакова, «Словаря русского языка (МАС)» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой и других толковых словарей среднего объема.

Показательно, что и в других национальных лексикографических традициях развитие толковой лексикографии, как правило, начиналось с составления среднего по объему (2–6 томов) толкового словаря

(см., для примера: «Словарь української мови» в 4-х томах Б. Гринченко (1907-1909), «Речник на съвременни български книжовен език» в 3-х томах (1955-1959), «Slovník slovenskeho jazyka» в 6-ти томах (1959-1968), «Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања» в 3-х томах (1961-1966), «Slovar slovenskega knjižnega jezika» в 5-ти томах (1970-1991), «Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» в 5-ти томах, 6-ти книгах (1977-1984) и др.). Причем с составления толковых словарей среднего объема брало свое начало развитие толковой лексикографии не только в славянских, но и в неславянских странах. В частности, по свидетельству немецкой исследовательницы Р. Беленчиков, «первым одноязычным словарем современного немецкого языка, опирающимся на первичные тексты-источники, стал шеститомный «Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache» («Словарь современного немецкого языка»), который издавался в Академии наук ГДР в 1961-1977 гг.» [Беленчиков 2013: 661]. См. также: «Nykysuomen sanakirja» («Словарь современного финского языка») в 6-ти томах (1961), «Фарханги тафсирии забони тоҷики» («Толковый словарь таджикского языка») в 2-х томах (1969) и другие национальные толковые словари среднего объема (широкий перечень таких средних по объему толковых словарей славянских языков представлен в [Славянская лексикография 2013]).

Подобное первоочередное издание толкового словаря именно среднего объема в рамках различных национальных лексикографических традиций объяснялось его подчеркнутой практической ориентацией на лексикографическое описание наиболее актуальной общепотребительной лексики национального языка: «Средний, а тем более краткий словарь включает в свой состав только актуальную для современности лексику, практически возможную в тех или иных стилях современного употребления, необходимую для языкового обслуживания многообразных нужд современной общественности» [Ожегов 1974: 170]. Следовательно, есть все основания для вывода о том, что именно толковый словарь среднего объема является центральным в системе национального лексикографического мейнстрима.

К сожалению, осознание центральной роли толкового словаря среднего объема в рамках национальной толковой лексикографии нередко толкает отдельных лексикографов постсоветских стран к использованию «ускоренных» и не совсем корректных в этическом отношении способов создания «своих» толковых словарей среднего объема. В частности, если в советский период у всех на слуху были жалобы отечественных лексикографов на явно недостаточный выпуск

толковых словарей в СССР сравнительно с другими развитыми странами мира (См., к примеру, мнение Л.В. Малаховского на сей счет: «... за 35 послевоенных лет (1946–1980) у нас вышло всего четыре толковых словаря общим тиражом менее трех миллионов экземпляров, тогда как в США ежегодный тираж словарей (среди которых толковые составляют большинство) превышает 10 миллионов экземпляров. Это означает, что за один год в США выпускается больше толковых словарей, чем было выдано у нас за все послевоенные годы» [Малаховский 1988: 126]), то постсоветских лексикографов больше беспокоят проблемы с нарушением в новых независимых государствах, сформировавшихся на территории бывшего Советского Союза, существующих лексикографических канонов, с чрезмерной самодеятельностью отдельных составителей словарей и их злоупотреблениями, связанными со словарным плагиатом и масштабными словарными заимствованиями [Иванова 2008], результатом чего становится появление многочисленных словарных компиляций в виде так называемых «нетривиальных» словарей. Отдельные современные исследователи говорят даже о наступлении «эпохи нетривиальных словарей» [Винокур 1986: 26].

Наиболее характерными чертами таких «нетривиальных» словарей является пренебрежительное отношение их составителей к сложившимся традициям в области академической лексикографии, неразграничение жанров большого, среднего и краткого толковых академических словарей, регулярное нарушение авторских прав известных лексикографов прошлого и даже откровенные фальсификации, ставящие целью приписывание последним авторства по созданию новейших словарных «самоделок». В частности, относительно публикации среднего по объему «Нового тлумачного словника української мови в чотирьох томах» В. Яременко и О. Слипушко (1998), созданного на базе большого академического «Словника української мови» (СУМ) в 11-ти томах (1970-1980), известные академические лексикографы Украины, составители СУМа пишут следующее: «это 98-процентный плагиат чистойшей воды. ...механическое, без творческого осмысления сокращение реестра СУМа осуществлено непрофессионально, безсистемно. А потому вне реестра словаря в 4-х томах остались общепотребительные слова, которые непременно должны были бы быть в словаре такого объема», но «внесено значительное количество устаревших, узкодialeктных и редкоупотребительных слов, которые не обязательны для краткого словаря» [Білоноженко, Бурачок, Винник и др. 1999: 4].

В свою очередь, попытку создания однотомного «Великого глумачного словника сучасної української мови (ВТС СУМ)» (2001) на базе академического СУМа член-корреспондент НАН Украины В.В. Нимчук оценивает следующим образом: «Академический «Словник української мови» в 11-ти томах ... почти целиком поглощен ВТС СУМом. Из статей СУМа составители ВТС СУМ только выбросили примеры, которые подтверждают существование и новейшую историю слов, и ссылки на авторов процитированных текстов. ... ВТС СУМ фактически является вариантом академического СУМа в 11-ти томах, а не оригинальной работой» [Німчук 2012: 9-10].

Соответствующую этическую и правовую оценку российским «нетривиальным» словарям в своей книге очерков «Слово в современных текстах и словарях» дает и Л.П. Крысин: «Естественно, «монополия» на словарную работу принадлежит лингвистам-лексикографам. Как и во всяком деле, словари должны составлять специалисты, а не дилетанты. Между тем, современный книжный рынок России наводнен сомнительной словарной продукцией, многочисленными пиратскими изданиями, к созданию и выпуску которых причастны люди, весьма далекие от филологии. Только один из многих примеров — мифический «Орфографический словарь русского языка» С.И. Ожегова, которым вот уже несколько лет завалены прилавки книжных магазинов и киосков. Хорошо известно, что знаменитый автор однотомного *толкового* словаря Сергей Иванович Ожегов, участвовавший в создании «Толкового словаря» под ред. Д.Н. Ушакова и скончавшийся в 1964 году, *орфографических* словарей никогда не составлял» [Крысин 2008: 81].

Наконец, широко обсуждаются этические проблемы, связанные с появлением «нетривиальных» словарей, и в работах белорусских лексикографов: «Сегодня в нашем словарном хозяйстве наблюдаются многочисленные случаи нарушения авторских прав составителей словарей со стороны плагиаторов и компиляторов всех мастей. В результате этих нарушений составители словарей несут весьма ощутимые финансовые потери, а нарушители их авторских прав нередко получают значительную, хотя и незаконную прибыль. Покончить с таким неблагоприятным положением дел в сфере нашей профессиональной деятельности, на наш взгляд, можно только в случае комплексного подхода к решению назревшей проблемы. Во-первых, в рамках отечественной металексикографии должно быть сформировано новое направление — словарная этика, которое одновременно станет

одним из разделов этики науки. Во-вторых, усилиями специалистов по словарной этике должны быть выявлены и кодифицированы неписанные пока нормы словарной деятельности, а также разработаны организационно-правовые и морально-психологические меры воздействия на нарушителей таких норм. Все указанные выше нормы словарной этики и меры, способствующие их соблюдению, должны быть отражены в сводном документе — моральном кодексе лексикографа, который еще предстоит создать. Наконец, значительное содействие популяризации и соблюдению норм словарной этики всеми членами национального словарного сообщества может оказать включение этических знаний (о нормах словарной этики) в программы подготовки профессиональных лексикографов» [Щербин 2015: 304].

Еще одной мерой, препятствующей появлению «нетривиальных» толковых словарей на постсоветском пространстве, может выступить построение типологии толковых словарей среднего объема, в рамках которой самым очевидным образом будет указано маргинальное положение таких «нетривиальных» толковых словарей в системе национального лексикографического мейнстрима. В частности, в рамках российской толковой лексикографии можно выделить следующие типы толковых словарей среднего объема:

1) **традиционные академические толковые словари среднего объема.** К толковым словарям данного типа можно отнести следующие словарные издания: «Словарь Академии Российской (САР 1)» в 6-ти томах (1789-1794), «Словарь Академии Российской, по азбучному порядку расположенный (САР 2)» в 6-ти томах (1806-1822), «Словарь церковнославянского и русского языка (СЦРЯ)» в 4-х томах (1847); «Толковый словарь русского языка (ТСУ)» в 4-х томах под ред. Д.Н. Ушакова (1935-1940) и его последующие академические переиздания; «Словарь русского языка (МАС)» в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой (1957-1961) и его последующие академические переиздания;

2) **новые академические толковые словари среднего объема.** К толковым словарям данного типа можно отнести следующие словарные издания:

а) «Активный словарь русского языка (АС)» под редакцией Ю.Д. Апресяна (1-3 тт.: А-3; 2014-2017); «Академический толковый словарь русского языка (АТос)» (1-2 тт.: А-Г; 2016). Принципиально новой чертой двух названных толковых словарей является следующее: в АС «каждая словарная статья снабжена обширными иллюстрациями из «Национального корпуса русского языка» [Аннотированный каталог

2018: 179]; в АТоСе «важнейшим источником литературных цитат ... служит Национальный корпус русского языка» [Цумарев и др. 2017: 17];

б) «Русский семантический словарь: Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений (РСС)» под общей ред. Н.Ю. Шведовой в 6-ти томах (вышли 1-4 тт., 1998-2007), «Толковый словарь русской разговорной речи» в нескольких выпусках под ред. Л.П. Крысина (вышли вып. 1-2; А-О; 2014–2017), «Новый словарь русского языка: толково-словообразовательный» в 2-х томах Т.Ф. Ефремовой (2000), и др. Новизна этих словарей обусловлена их подчеркнутым аспектным характером (первый толковый словарь совмещается по типу с идеографическим словарем, во втором словаре акцент делается на разговорной лексике, третий словарь является совмещением толкового и словообразовательного словаря);

3) новые неакадемические толковые словари среднего объема.

К толковым словарям данного типа можно отнести следующие словарные издания: «Системный семантический словарь русского языка. Предикатная лексика» в 5-ти вып. Л.М. Васильева (2000–2003); «Словарь обыденных толкований. Лексика природы» в 2-х томах под ред. Н.Д. Голева (2012). Принципиально новой чертой двух названных толковых словарей является их аспектный характер (в первом словаре акцентируется такой аспект, как системность, во втором — обыденность толкований лексики природы);

4) «**нетривиальные**» толковые словари среднего объема. К толковым словарям данного типа можно отнести многочисленные словарные «новоделы» и компиляции коммерческого характера, приписываемые известным российским лексикографам прошлого. В качестве примеров таких «нетривиальных» толковых словарей среднего объема назовем следующие справочные издания: Даль В.И. «Иллюстрированный словарь живого русского языка» в 2-х томах (СПб., М., 2001); Ушаков Д.Н. «Большой толковый словарь современного русского языка: свыше 180 000 слов и словосочетаний» (М., 2008) и другие подобные справочные издания.

Таким образом, создание типологии российских толковых словарей среднего объема, в процессе построения которой используются ключевые понятия современной лексикографии, такие как *структура национальной лексикографической традиции*, *лексикографический мейнстрим*, *центральный тип словаря*, позволяет эксплицировать достоинства академических толковых словарей среднего объема и недостатки «нетривиальных» толковых словарей среднего объема.

Литература

Ананьин О. Может ли наука быть руководством к действию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 48–63.

Аннотированный каталог научной литературы, изданной в 2017 году при финансовой поддержке РФФИ / сост.: Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская. М., 2018.

Апресян Ю.Д. Ч. 1. Введение // Проспект активного словаря русского языка / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М., 2010. С. 17–54.

Беленчиков Р. Славянская лексикография в Германии // Славянская лексикография. Международная коллективная монография / отв. ред. М.И. Чернышева. М., 2013. С. 655–667.

Білоноженко В.М., Бурячок А.А., Винник В.В., Гнатюк Г.М., Родніна Л.О. та інші (усього 11 осіб). Обережно — плагіат // Літературна Україна. 18 листопада 1999 р. (№ 40). С. 4.

Большой толковый словарь русского языка // Википедия [электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Большой толковый словарь русского языка](https://ru.wikipedia.org/wiki/Большой_толковый_словарь_русского_языка) (Дата доступа: 19.06.2017).

Боронникова Н.В., Левицкий Ю.А. Введение в языкознание: курс лекций. Пермь, 2006.

Винокур Т.Г. Толковый словарь и языковое употребление // Вопросы языкознания. 1986. № 4. С. 16–26.

Горбачевич К.С., Герд А.С. Предисловие // Большой академический словарь русского языка. Т. 1 (А-Бишь). М.; СПб., 2004. С. 3–6.

Дубічинський В.В. Українська лексикографія: історія, сучасність та комп'ютерні технології: Навчальний посібник. Харків, 2004.

Иванова Е.П. Проблема межсловарных заимствований: определение словаря как объекта охраны авторских прав (на материале французской лексикографии) // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Сер. 9. Вып. 2. Ч. II. С. 122–127.

Кузьмин А.С. Глобализация как высшая стадия империализма: к проблеме рефлексии описания Рах Romana парфянскими книжниками // Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М., 2001. С. 292–295.

Малаховский Л.В. Новое в англо-американской лексикографии // Вопросы языкознания. 1988. № 6. С. 126–134.

Німчук В.В. Про сучасну українську тлумачну лексикографію // Українська мова. 2012. № 3. С. 3–30.

Ожегов С.И. О трех типах толковых словарей современного русского языка // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974. С. 158–182.

Отечественные лексикографы. XVIII–XX века / под ред. Г.А. Богатовой. М., 2000.

Романовский Н.В. «Автономная» социология — идея или гипотеза? // Социология. 2006. № 4. С. 38–45.

Русанівський В.М. Вступ // Словник української мови: У двадцяти томах. Т. 1. К., 2010. С. 6–7.

Срезневский И.И. Русское слово: Избр. труды: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов /сост. Н.А. Кондрашов. М., 1986.

Цумарев А.Э., Шестакова Л.Л., Нечаева И.В., Кулева А.С., Грунченко О.М. «Академический толковый словарь русского языка»: традиционное и новое // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 5. С. 5–21.

Шчэрбін В.К. Тлумачальная лексікаграфія Беларусі // Українська лексикографія в загальнослов'янському контексті: теорія, практика, типологія. Ларисі Григорівні Скрипник. К., 2011. С. 295–307.

Щербин В.К. Структура восточнославянской лексикографии в конце XX столетия // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. тр. по лексикографии / отв. ред. Л.В. Рычкова, В.Л. Воронович. Гродно, 2007. С. 24–27.

Щербин В.К. Ознакомление с нормами словарной этики — обязательный элемент профессиональной подготовки лексикографа // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2015: Сб. статей / отв. ред. О.Н. Крылова. СПб., 2015. С. 293–307.

Holford-Strevens L. Lexical relaxations: The review on: Classical Dictionaries: Past, present and future / Ed. by Chr. Stray. Duckworth, 2011. // The Times Literary Supplement. 2011. April 29. Pp. 13.

Typology of the russian explanatory dictionaries of the middle size

Vyacheslav Shcherbin

slavalex@mail.ru

National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

The article analyses Russian and foreign dictionaries(thesauruses) of the different types. The conclusion is presented about the central position of dictionary(thesauruses) of the middle size in the system of Russian lexicographical mainstream. Typology of the Russian dictionaries (thesauruses) of the middle size is proposed.

Keywords: explanatory lexicography, structure of the national lexicographical tradition, lexicographical mainstream, explanatory dictionary of the middle size, typology of explanatory dictionaries

Лексикографическая традиция и собственные имена

Владимир Михайлович Алпатов

v-alpatov@ivran.ru

Институт языкознания РАН, Москва, Россия

Собственные имена не включаются в большинство русских и европейских словарей. Эта традиция очень устойчива. Однако японская лексикографическая традиция не разграничивает собственные и нарицательные имена и включает те и другие в словари. Эта традиция разумна, поскольку понятие собственного имени очень неясно.

Ключевые слова: лексикография, словарь, собственные имена, нарицательные имена, европейская традиция, японская традиция, прописные буквы.

Я ни в коей мере не могу себя считать специалистом по лексикографии, однако многолетнее изучение японской лингвистической традиции заставило меня обратить внимание на особенности науки о языке в этой стране в различных аспектах, в том числе и в лексикографическом. Создаваемые в Японии словари имеют свою специфику, о чем я уже писал в специальных статьях [Алпатов 1987; Алпатов 2006], а затем в книге «Япония: язык и культура» [Алпатов 2008: 178–190]. Однако об одной из их особенностей хочется поговорить специально, поскольку она имеет прямое отношение и к отечественной (и шире, европейской) лексикографической традиции.

В России, исключая специалистов-японистов, о японской лингвистике знают очень мало, хотя она там активно развивается уже несколько столетий. В том числе и лексикография в Японии имеет давние корни (первые словари появились в IX в.) и очень развита. Первоначально японская лексикография зависела от китайских образцов, в соответствии с которыми толковались не столько слова, сколько иероглифы, но в XVII–XIX вв. сформировалась оригинальная национальная наука о языке, в которую входило и составление толковых словарей (о двуязычных словарях речь тогда еще не шла). В период европеизации во второй половине XIX в. в Японии познакомились с европейскими и американскими словарями, но ряд традиционных черт сохранился до нашего времени. В Японии история национальной лексикографии подробно описана в двухтомном труде [Kurashima

1997], где описаны словари, созданные за время от второй половины XIX в. до наших дней. Одна из японских работ по теории лексикографии имеется в русском переводе [Кунихиро 2009].

Т. Кунихиро приводит список из тринадцати больших и средних толковых словарей японского языка, изданных в 1985–1995 гг. (включая дополненные и исправленные переиздания). Не только за последние десять лет, но и за всю историю российской лексикографии, кроме, может быть, последних лет, вряд ли наберется тринадцать различных толковых словарей русского языка.

В японских словарях можно найти немало особенностей, не свойственных европейской традиции, об одной из них я хочу рассказать. Например, откроем один из наиболее полных словарей, именуемый «Кодзиэн» (что переводится как *Расширенный сад слов*), издания 1985 г. Между словарными статьями *sensootan* ‘мастер чайной церемонии’ и *sensoku* ‘мытьё ног’ мы находим статью: *sensoo to heiwa* ‘война и мир’ [Koojien 1373]¹. Тут же (как и при всех заимствованиях и кальках) дается латинская транскрипция исходной лексической единицы: *Voina i Mir*. В толковании говорится, что это роман Льва Толстого, описывающий жизнь русского народа на фоне Отечественной войны. В стране, где был написан роман, сколь популярен бы он ни был, его название никогда не включалось в качестве заголовка словарной статьи ни в толковые словари, ни даже в обычные энциклопедии.

Здесь мы видим сразу две особенности японской лексикографической традиции. Во-первых, там в качестве заглавных слов даются не только слова в обычном смысле, но любые номинативные единицы, в том числе именные группы, состоящие из нескольких слов (в данном примере из трех, включая союз). Во-вторых, в том же качестве в словаре даются и собственные имена, на чём я хочу специально остановиться.

Традиция имеет некоторый разброс. Особенно последовательно в словари (толковые и двуязычные) включаются географические названия. И в японско-английском словаре [Masuda 1974], и в словаре [Koojien 1985], и в среднем по объёму словаре [Sanseidoo 1992] представлены названия большинства государств мира. Включаются в словари также названия организаций, органов печати, известных книг

---

¹ Я не рассматриваю здесь вопрос о японском алфавитном порядке, отличающемся от русского. В транскрипции я использую пробелы и прописные буквы, но в оригинальном тексте их нет.

и пр. Реже в них включаются имена и фамилии. Однако в том же словаре [Koojien 1985] можно найти самые обычные личные имена вроде мужского имени *Taroo* [Koojien 1985: 1520], имена общеизвестных исторических лиц, скажем, всех сёгунов рода Токугава [Koojien 1985: 1720] (дана большая словарная статья *Tokigawa*, в которую включены имена всех этих правителей с краткой биографией). С этим, разумеется, связано и включение в данный словарь романа «Война и мир»; автор этого романа, как и два других знаменитых Толстых (*Torusutoi*), также включены в этот словарь [Koojien 1985: 1764].

Последовательно включаются имена и фамилии разных народов (без перевода и лишь с транскрипцией и пометой «имя» или «фамилия») в иностранно-японские словари издательства Сансэйдо. Например, в русско-японском словаре [Konsaisu 1962] приводятся *Лель, Лена, Ленка, Лентовский, Ленушка, Леонид, Леонтий, Леонтъев, Лепорелло (!), Лермонтов, Лесков, Лесников* (а также имена собственные иных категорий: *Лейпциг, Лена, Ленинград*) [Konsaisu 1962: 398–399]. При этом словарные статьи *Лермонтов, Лесков* и др. (в отличие от статей в словаре «Кодзиэн») — статьи о фамилиях, а не об их носителях; поэтому, как и в наших словарях, здесь отсутствует *Ленин* при наличии слов *ленинец* и *ленинский*, поскольку это псевдоним. Впрочем, *Лепорелло* истолкован как слуга Дон Жуана. Есть, однако, и словари, куда под западным влиянием собственные имена в норме не включаются, как словарь [Reikai 1972]. Но и там, несмотря на наличие привычного для нас особого списка географических названий, имеется словарная статья *Nihon* 'Япония' с толкованием *название нашей страны* [Reikai 1972: 884].

У нас, как и на Западе, традиции иные. Собственные имена свободно включаются лишь в энциклопедические словари, но не в толковые (см. Словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова [Ожегов 1952], Малый академический словарь [МАС], словарь Вебстера в США, словарь Робера во Франции и др.). В двуязычных словарях они даются особым списком или не даются вообще. Однако бывают и исключения (Большой Ларусс во Франции, Русско-французский словарь под редакцией Л.В. Щербы). Впрочем, есть классы имен собственных вроде названий художественных произведений, которые не принято включать и в энциклопедии. Традиция настолько сильна, что имена собственные — единственный класс лексики, не включаемый даже в орфографические словари (например, в многократно издававшийся Школьный орфографический словарь под редакцией

Д.Н. Ушакова и С.Е. Крючкова), хотя очевидно, что специфику таких имен можно находить в чем угодно, но только не в орфографии. Исключение, разумеется, составляет вопрос о прописных буквах, на котором я остановлюсь ниже.

Таким образом, в лексикографической традиции собственные имена представляются как нечто отличное не только от других имен, но и от всех других слов языка. Этот подход к собственным именам в европейской лингвистической традиции имеет глубокие корни; в первой дошедшей до нас полной системе частей речи, предложенной стоиком Хрисиппом (III в. до н.э.), помимо глагола, союза и артикля, выделены как два класса имя собственное и имя нарицательное (в последнюю часть речи включены и прилагательные). Правда, позднее (уже у Дионисия Фракийца), все имена объединили в единую часть речи, но понятие имени собственного устойчиво сохранялось на всех этапах развития европейской традиции. В то же время в других лингвистических традициях, в том числе в японской (по крайней мере, до ее европеизации), аналогичного понятия нет.

Однако сущность данного понятия до сих пор не ясна, а многочисленные теории имени собственного весьма разнообразны и иногда даже противоположны. Как указывает А.В. Суперанская, существуют: «Теория, согласно которой собственные имена не имеют значения в отличие от нарицательных..., теория, согласно которой собственные имена имеют большее значение, чем нарицательные..., теория, согласно которой каждое имя исключительно индивидуально..., теория, согласно которой все имена собственные — синонимы..., теория произвольности собственных имен..., теория строгой мотивированности собственных имен» [Суперанская 1973: 88]. Ядром класса являются две группы лексики: с одной стороны, географические названия, с другой стороны, имена, фамилии и близкие к ним наименования. Те и другие всегда считаются именами собственными (хотя некоторые определения фактически исключают какую-либо из групп), но дать общее определение для обеих групп, не включающее явно нарицательные имена, затруднительно.

Вот, например, определение имени собственного в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (автор Н.В. Подольская): «Слово, словосочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта из ряда подобных, индивидуализируя и идентифицируя данный объект» [Подольская 1990: 473]. Не буду останавливаться на том, что в данное определение включаются словосочетания

и предложения, хотя чаще именами собственными называют лишь слова или номинативные единицы. Но можно ли на основе этого определения выяснить, является ли данное существительное именем собственным или нет? Идентификация объекта среди ряда подобных объектов свойственна любой так называемой конкретной (или термовой) лексике, кроме разве что абсолютно уникальных объектов вроде *небо* (в прямом значении). Если данный человек по имени *Иван*, по фамилии *Петров*, а по профессии *инженер*, то во всех случаях происходит такая идентификация; другое дело, что ее основания различны.

Другая распространенная трактовка имен собственных исходит из того, что они обозначают индивидуальные объекты. Но она не подходит к личным именам и фамилиям, зато включает слова вроде *небо*, *эклиптика*, *зенит* и т. д. Наконец, распространены известные формулировки о том, что собственные имена в отличие от иной лексики не понятийны. Но что такое *понятийность*, не слишком ясно, а поскольку границы классов собственных имен, скажем, в русском или английском языке, неустойчивы и их семантика не всегда совпадает, то такое понимание собственного имени опять-таки не дает критериев для их выделения. Каждое из такого рода определений выделяет некоторый класс имен, не всегда совпадающий с традиционным классом собственных имен.

В большей степени критерии дают не семантические, а формальные основания выделения собственных имен, которые имеются, прежде всего, в языках с артиклями, где у этого класса существительных бывает специфика: одни слова такого класса с артиклями не сочетаются, другие, наоборот употребляются только в сочетаниях с определенным артиклем. Но такие критерии не применимы ни к русскому языку, ни к японскому языку, ни ко многим другим языкам.

Не удивительно, что японская наука о языке с трудом осваивало данный термин. Например, М. Киэда писал в 1937 г. о различии собственных и нарицательных имен: «В европейских языках такому делению имен существительных предпосланы определенные правила, например, правила употребления артикля, правописания с большой буквы и т. п., — отсюда и необходимость различения каждого из этих типов. Что же касается японского языка, то он таких правил не имеет и потому нет необходимости в грамматической классификации по обозначаемому предмету» [Киэда 1958: 85–86]. Далее он признает возможность выделения нарицательных и собственных имен в японском языке, но считает, что оно вызвано «только соображениями практи-

ческого удобства» [Киэда 1958: 86]. Такое выделение чуждо японской традиции, что проявляется и в лексикографии. С позиции извне еще можно разобраться в различии классов имен по сочетаемости с артиклями, но понять, какая у собственных имен общая семантика, невозможно.

Имена собственные в русском языке и частично в романских и германских языках определяются лишь традицией, а единственным четким критерием оказывается написание с прописной буквы. Но, например, в японском или китайском языке прописные буквы не употребляются.

Традиция может быть различна для разных языков и меняться со временем. «Прописная буква в старинной орфографии была гораздо больше нагружена, чем в современной: с прописной буквы могли писаться названия национальностей, прилагательные от этих названий..., названия должностей, званий, титулов, профессий, наук, искусств, месяцев, дней недели, олицетворения, сакральные и аллегорические наименования» [Перцов 2015: 537]. Речь здесь идет о XIX в. Названия месяцев, дней недели, народов, языков и сейчас считаются собственными именами в английском языке, чего уже нет в русском. Можно ли считать, что в XX в. в русском языке названия народов приобрели понятийность?

И всегда, особенно когда формальных особенностей нет, и различия двух классов имен сводятся лишь к различию прописных и строчных букв, возникают спорные случаи. Анализ подобных примеров см. [Суперанская 1973: 178]. Такие примеры можно приводить до бесконечности. Скажем, слово *интернет*, по моим наблюдениям, первоначально чаще писалось с прописной буквы, и я привык к такому словоупотреблению, однако в последнее время редакторы стали мне менять прописную букву на строчную. В журнале «Иностранная литература» так представляется переводчица публикуемого романа: «преподаватель Кафедры романской филологии Филологического факультета СПбГУ» [Иностранная литература, 2017, № 8: 287]. Мне написание с большой буквы в данном контексте слов *кафедра* и *филологического* не представляется нормативным. Однако оба варианта можно обосновать: в России много университетских кафедр и немало кафедр романской филологии, то же относится и к филологическим факультетам, но в Петербургском университете то и другое уникально. Академический Институт востоковедения традиционно делится на отделы, внутри которых бывают сектора, и в рамках института

сложилось написание слова *Отдел* с прописной буквы и слова *сектор* — со строчной. А вот пример из японского языка, где неясность касается только транскрипций: в Японии принято любую трехцветную кошку именовать *Mike* (буквально «три шерсти»). Что это: нарицательное имя со значением «трехцветная кошка» (так оно подается в Большом японско-русском словаре [БЯРС 1: 598], собственное имя — кличка, слово с синкретическим значением или два омонима?

Представляется, что нередко традиционные трактовки искажают представления о системе языка. «Нормальный» носитель русского языка может ощущать неадекватность традиции. В 1950-е гг. возникла стихийная дискуссия в «Литературной газете» из-за словарной статьи *юпитер* в словаре под редакцией С.И. Ожегова (были даже юмористические стихи по этому поводу [Тимофеев 1956]). В этом словаре слово представлено одним значением «мощный осветительный прибор» [Ожегов первое издание 844]. То же в [Ожегов 1957–1961] и во всех последующих изданиях словаря под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой — Шведовой [Ожегов, Шведова 1997: 915]. Лексикографы на критику со стороны поэта Б.Н. Тимофеева отвечали так, как им было положено: собственным именам не место в толковом словаре, а *юпитер* как имя нарицательное имеет лишь одно значение. Однако ряд лексикографов пытались как-то справиться с неадекватностью. В словаре под редакцией Д.Н. Ушакова [Ушаков 1935–1940, IV: 1447] это значение также единственное, но дана и этимология слова, в которой говорится и о «верховном боге в римской мифологии», и о «самой большой планете солнечной системы». А в семнадцатитомном словаре предпочли пожертвовать лексикографической традицией: слово *Юпитер* толкуется интуитивно более приемлемо, первым значением идет «божество», вторым — «планета» и лишь третьим — «осветительный прибор» [СРЛЯ 1948–1965, 17: 1995–1996]. Еще пример: в СРЛЯ [СРЛЯ 1948–1965, 3: 1259] имеется слово *елизаветинский*, которое толкуется как «относящийся, принадлежащий ко времени царствования императрицы Елизаветы Петровны (1741–1761)». Ситуация, сходная с *Юпитером* в другом словаре. Вряд ли можно толковать слово *елизаветинский* без обращения к информации, считающейся энциклопедической, и рассказа о том, кто такая была Елизавета, тем более что прилагательное имеет в русском языке и другое значение. Например, в словосочетании *елизаветинская драматургия* речь идет об эпохе Елизаветы I в Англии (любопытно, что мне не встречалось это слово применительно к современной Великобритании). В примере в одной

словарной статье фактически толкуются и производящее, и производное слово, но производящее слово не выделено в словарную статью. И еще пример: в русских толковых словарях нет слова *Япония*, хотя всегда в них бывают *японцы*, *японка* и *японский*, а иногда и *японистика* и *японовед* [Ушаков 1935–1940, IV: 1463; Ожегов 1952: 847; СРЛЯ 1948–1965, 17: 2185; Ожегов, Шведова 1997: 918]. Отметим, что *японцы* всегда фигурируют во множественном числе, а *японка* в единственном. В толковании этих слов присутствует производящее слово *Япония*, однако в отличие от слова *Елизавета* его не принято толковать даже в статьях о производных словах. Однако очевидно, что различие обусловлено лишь тем, что, по мнению авторов словаря, слово *Япония* общеизвестно. В данном случае отсутствие исходного слова привело к ошибкам в толковании: в словаре Д.Н. Ушакова и в первых изданиях словаря С.И. Ожегова *японский* трактуется исключительно как прилагательное к слову *японцы* (*японец*). Очевидно, однако, что в большинстве случаев *японский* относится к слову *Япония* (в словарях [СРЛЯ 1948–1965; Ожегов, Шведова 1997] ошибка исправлена). Аналогичные примеры можно приводить и для словарей в других странах: во французском словаре [Robert 1985, 4: 887] *parisien* ‘парижский’ толкуется как ‘производное от Paris — столица Франции’.

Были лингвисты, которые предлагали помещать в словарь собственные имена. В нашей стране это был Л.В. Щерба, последовательно включавший их в составленный под его редакцией «Русско-французский словарь». А для словаря русского языка он написал фрагмент на букву *и* явно ради словарной статьи *Иван* (а также *Иванов* и *Иванушка*): это имя не менее богато фразеологией, чем помещенное в словарь «Кодзиэн» японское имя *Taroo*. Л.В. Щерба ничего не знал о японских лексикографических традициях, но его подход оказался близким. Представляется, что включение имен собственных в словарь заслуживает внимания. Ясно, что не всякое такое имя будет включаться при этом в словарь, поскольку среди собственных имен много редкой периферийной лексики, но немало и таких имен, которые этого заслуживают.

Литература

Алпатов В.М. О специфике японских словарей // Язык и культура. Новое в японской филологии. М., 1987.

Алпатов В.М. Об особенностях японской лексикографии // Лексика и лексикография. Сборник научных трудов. Вып. 18. М.; Орел, 2006.

Алпатов В.М. Япония. Язык и культура. М., 2008.

Кизэда М. Грамматика японского языка: в 2 тт. Т. I. М., 1958.

Кунихиро Т. Идеальный толковый словарь. М., 2009.

Перцов Н.В. О соотношении письменной и устной форм поэтического языка (К вопросу о функциональной нагруженности старого русского правописания) // Перцов Н.В. Лингвистика, поэтика, текстология. Избранные статьи. М., 2015.

Подольская Н.В. Собственное имя // Лингвистический энциклопедический словарь М., 1990.

Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Тимофеев Б. Когда Юпитер вправе сердиться // Тимофеев Б. Сатирические стихи. М., 1956.

Kurashima Nagamasa. "Kokugo" to "kokujiten" no jidai. Sono rekishi. Vol. 1–2. Tokyo, Shoogakkan, 1997.

Сокращения

БЯРС — Большой японско-русский словарь: в 2-х тт. / под ред. Н.И. Конрада. М., 1970.

МАС — Словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. Тт. 1–4. М., 1957–1961.

Ожегов — Ожегов С.И. Словарь русского языка. Изд. 2-е. М., 1952.

Ожегов, Шведова — Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Словарь русского языка. Изд. 27-е. М., 1997.

СРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1–17. М.; Л., 1948–1965.

Ушаков — Толковый словарь русского языка / под ред. Д.Н. Ушакова. Тт. I–IV. М., 1934–1940.

Konsaisu — Konsaisu rowa jiten. Igeta Sadatoshi (ed.). Tokyo, Sanseido, 1962.

Koojien 1976 — Koojien. 3^d ed. Tokyo, Iwanami-shoten, 1976.

Koojien 1985 — Koojien. Tokyo, Iwanami-shoten, 1985.

Masuda — Kenkyusha's New Japanese-English Dictionary. K. Masuda (ed.). Tokyo, Kenkyusha, 1974.

Reikai — Reikai shin kokugo jiten. Hayashi Shiroo (ed.). Tokyo, 1972.

Robert — Robert P. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Vol. 1–9. Paris, 1985.

Sanseidoo — Sanseidoo kokugo jiten. Kindaichi Haruhiko (ed.). Tokyo, Sanseidoo, 1992.

Lexicographic tradition and proper names

Vladimir Alpatov

v-alpatov@ivran.ru

Institute of Linguistic, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Proper nouns are not included in the majority of Russian and European dictionaries. This tradition is very stable. However, the Japanese lexicography tradition does not differentiate proper and common nouns and includes both classes of words in dictionaries. This tradition is reasonable because the concept of proper nouns is very vague.

Keywords: lexicography, dictionary, proper nouns, common nouns, European tradition, Japanese tradition, capital letters

Раздел 2

ПРОЕКТЫ И КОНЦЕПЦИИ НОВЫХ ТИПОВ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

«Словарь русской пищевой метафоры» как отражение фрагмента образной системы языка и перспективы компьютерной полиязычной лексикографии¹

Елена Андреевна Юрина

yourina2007@yandex.ru

Томский государственный университет, Томск, Россия

Анастасия Вячеславовна Балдова

nastya-borovkova@mail.ru

Томский государственный университет, Томск, Россия

Освещается макроструктура «Словаря русской пищевой метафоры», позволяющая системно отразить многообразие образных слов и выражений, мотивированных наименованиями объектов гастрономической сферы и процессов, в ней протекающих. Представлены тематические рубрики словаря, способы словарного описания лексико-фразеологических гнезд и приемы семантизации толкуемых единиц. Представлены перспективы создания электронного полиязычного «Словаря русской пищевой метафоры», включающего соотносительные по значению и образно мотивирующей семантике языковые единицы русского, английского и итальянского языков.

Ключевые слова: словарь, пищевая метафора, образная лексика, фразеология, картина мира, компьютерная лексикография

Актуальность лексикографического описания образных слов и выражений различных языков, разработки новых способов и приемов словарного представления образных систем обусловлена интересом современной лингвистики к проблемам метафорического мышления

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 18-18-00194 «Образная система русского языка в полидискурсивном пространстве современных коммуникаций» (20182020 гг.).

и его отражения в языке и речи. Результаты теоретических исследований приводят к созданию словарей нового типа, так как лексикографический формат позволяет систематизировать разнообразный эмпирический материал, представить его многоаспектную характеристику, реконструировать языковую картину мира.

За последние двадцать лет вышло в свет около 50 разнообразных словарей, описывающих различные фрагменты образной системы языка и демонстрирующих новые подходы к лексикографической презентации языковой образности. Самым разработанным направлением в области фигуративной (образной) лексикографии является фразеология. Вместе с тем, появляются словари, комплексно описывающие образный лексический, фразеологический и паремиологический фонд в их целостности, обусловленной концептуальной общностью образов, выраженных в языковых единицах разного структурного типа [Русское культурное пространство 2004; Словарь образных слов и выражений народного говора 2001 и др.]. Именно такую задачу лексикографической презентации фрагмента образной системы языка преследует «Словарь русской пищевой метафоры» в 3-х томах [СРПМ 1, 2], работа над которым была начата в 2013 г. и продолжается по сей день. За этот период вышли в свет два его тома, а третий находится на стадии редактирования. В настоящее время при финансовой поддержке Российского научного фонда ведется работа по созданию идеографического словаря русской пищевой метафоры в формате электронного словаря, а также создается электронный полиязычный словарь пищевой метафоры, в котором помимо русского лексико-фразеологического материала представлены соответствующие по структуре и семантике единицы английского, итальянского и казахского языков. В основе словарной концепции лежат два взаимодополняющих подхода: когнитивная теория метафоры [Баранов 1991: 184–193; Чудинов, 2001 и др.] и семасиологическая теория языковой образности [Скляревская 2004; Юрина, 2012: 129–144 и др.].

Новизна словарной концепции определяется стремлением целостно описать характерный для сознания русской языковой личности фрагмент образной системы в единстве концептуальных и смысловых связей между метафорически уподобляемыми явлениями. Эта задача потребовала новых способов организации словарного материала (тематический и гнездовой) и представления семантики толкуемых единиц (лингвистический, когнитивный и энциклопедический). Макроструктура словаря отражает тематику исходной сферы-источ-

ника метафорических проекций, что демонстрирует метафорическое функционирование гастрономических образов.

В числе лексикографируемых образных языковых единиц с мотивирующей гастрономической семантикой языковые метафоры (ЯМ): **вкусный** 'интересный, увлекательный, интригующий (о содержании речевых и художественных произведений)', **баранка** 'цифра ноль, означающая нулевой результат'); словообразовательные производные с метафорической внутренней формой (СО): **буквоед** 'формалист, педант, придающий значение внешней стороне дела, мелочам в ущерб смыслу', **упечь** 'отправить куда-л. против воли'); устойчивые образные сравнения и фразеологизмы различной структуры (В сравн.): **красный, как помидор** 'о покрасневшем от гнева, злости, смущения или других эмоций человеке', **оставить на сладкое** 'отложить самое приятное, лучшее на потом'); пословицы (Посл.), поговорки (Погов.), крылатые слова (Прец.): **вашими устами да мёд пить** 'хорошо, если бы случилось так, как вы говорите'); авторские метафорические выражения (АМ): «*Но этот хлеб насыщенный для миллионов — «скоромное» кушанье на нашей либеральной политической кухне*» «Завтра»).

Источниками материала послужили опубликованные толковые и фразеологические словари современного русского языка, словари образных сравнений, пословиц и поговорок, крылатых слов (См. полный список источников в [СРПМ 2: 21–22]). Контекстный материал был собран преимущественно по данным электронного Интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка», обращение к текстовым базам и поисковой системе которого позволило в оптимально короткие сроки собрать значительный в количественном отношении и богатый в содержательном плане информативный материал (более 20 000 контекстов).

В первом томе «Словаря русской пищевой метафоры» с подзаголовком «Блюда и продукты питания» собраны образные слова и выражения русского языка, метафорически называющие и характеризующие широкий круг явлений окружающего мира по аналогии с блюдами и продуктами питания. Например, **репа** 'голова', **как перец** 'о метком, остроумном, разоблачающем замечании, речевом произведении', **каша во рту** 'о нечленораздельной, невнятной речи', **бесплатный сыр бывает только в мышеловке** 'очень выгодное и заманчивое, на первый взгляд, предложение чаще всего бывает обманом'. Словарный материал распределен по тематическим рубрикам, отражающим единство исходного образа: 1. Продукты растительного про-

исхождения: 1.1. Зерновые продукты, мучные и крупяные изделия, 1.2. Фрукты, 1.3. Овощи, 1.4. Ягоды, 1.5. Грибы, 1.6. Орехи; 2. Продукты жизнедеятельности животных: 2.1. Молочные продукты, 2.2. Яйцо; 3. Мясные и рыбные продукты и блюда: 3.1. Мясные продукты и блюда, 3.2. Рыбные продукты и блюда; 4. Кулинарные блюда и изделия: 4.1. Закуски и гарниры, 4.2. Супы, 4.3. Сладости, 4.4. Напитки, 4.5. Приправы и специи, 4.6. Части кулинарных изделий, 4.7. Остатки пищи. Внутри каждой рубрики словарные статьи сгруппированы по принципу лексико-фразеологического гнезда. Всего в первом томе представлено 170 лексико-фразеологических гнезд, включающих 955 различных слов и выражений.

Второй том имеет подзаголовок «Гастрономическая деятельность». В нем собраны образные средства русского языка, метафорически называющие и характеризующие явления окружающего мира по аналогии с процессами приготовления и поглощения пищи. Например, **смаковать** 'получать удовольствие от какого-л. процесса, состояния, восприятия чего-л. приятного, красивого, интересного', **точно вареный** 'о медлительном, вялом, апатичном человеке', **запахло жареным** 'о крайне напряженной, неблагоприятной для кого-л. ситуации', **кто кого сможет, то того и гложет** 'кто сильнее, тот подчиняет и использует других в своих целях'. Материал распределен по двум большим тематическим группам, включающим частные подгруппы, которые соответствуют названиям разделов и подразделов словаря: 1. Процессы приготовления пищи: 1.1 Тепловая обработка продуктов, 1.2 Механическая обработка продуктов, 1.3 Консервация и ферментная обработка продуктов, 1.4 Приготовление составов и формирование кулинарных изделий; 2. Процессы поглощения пищи: 2.1. Поглощение пищи, 2.2. Поглощение жидкости, 2.3. Этапы и способы поглощения пищи, 2.4 Кормление, 2.5 Физиологические процессы, связанные с поглощением пищи. Всего 53 гнезда и 1 601 образное слово и выражение.

Третий том с подзаголовком «Субъект, объект, инструменты гастрономической деятельности» включает образные слова и выражения, отражающие аналогии с субъектами гастрономической деятельности, качествами пищи, помещениями и инструментами, предназначенными для еды и кулинарии. Например, **гурман** 'ценитель искусства, поклонник всего изящного, красивого', **с блюдец** 'о больших круглых глазах', **сладкоречивый** 'умеющий говорить красиво, интересно, увлекательно', **семеро с ложкой, а один с сошкой** 'о ситуации, в которой работает один, а результатами труда пользуются многие'. Словарный

материал сгруппирован в три раздела, каждый из которых соответствует тематической сфере исходных образов, послуживших источником метафорической характеристики: 1. Свойства пищи: 1.1. Вкусовые свойства продуктов, 1.2. Качества, связанные с составом продуктов, 1.3. Высокая и низкая степень качества продуктов; 2. Субъект гастрономической деятельности: 2.1. Субъект поглощения пищи, 2.2. Субъект кормления и приготовления пищи, 2.3. Состояния субъекта поглощения пищи; 3. Кухня и кухонный инвентарь: 3.1. Место приготовления и поглощения пищи, 3.2. Посуда и прочий кухонный инвентарь. Всего третий том содержит 66 лексико-фразеологических гнезд и 800 образных слов и выражений.

Каждый том словаря снабжен алфавитным указателем для удобства поиска определенного слова или выражения, а также списком источников контекстного материала, включающим перечень авторов и названий художественных произведений, периодических изданий и интернет-сайтов.

Презентация лексико-фразеологического гнезда в словаре открывается наименованием его вершины. Например, ХЛЕБ, -а.; ВАРИТЬ, несов. — СВАРИТЬ, сов. Затем следуют 4 зоны словарного описания гнезда: I. Исходное значение. Включает толкование исходного мотивирующего значения вершины гнезда и контекст, иллюстрирующий его типовое словоупотребление. II. Образные значения. Включает словарные статьи, описывающие образные слова и выражения. III. Лингвокультурологический комментарий. Представляет собой относительно короткий текст справочно-изъяснительного характера, который содержит лингвистическую информацию (сведения об этимологии исходного наименования, источнике цитирования для прецедентных образных слов и выражений), а также информацию культурологического характера (о бытовании продукта или блюда в современной кухне, истории его происхождения, символическом переосмыслении, обрядовом функционировании). IV. Типовые образные представления. Включает формулировки типовых образных представлений, выраженных значениями образных слов гнезда и отражающих характер уподобления определенного концепта из гастрономической сферы концептам из других понятийных сфер. Каждое образное лексико-фразеологическое гнездо снабжено фотоиллюстрацией, демонстрирующей визуальный облик исходного метафоризируемого концепта.

Структура каждой словарной статьи включает следующие компоненты: 1) заглавное слово — образная лексическая или фразеологиче-

ская единица; 2) помета, указывающая на структурно-семантический разряд; 3) толкование образного значения; 4) эмоционально-оценочные и стилистические пометы; 5) иллюстративная зона — контексты, иллюстрирующие употребление единицы в художественном, публицистическом и других типах дискурса. Толкование образного значения дается в форме описательной дефиниции, в форме развернутого синонимичного выражения, либо в комбинации описательного и синонимического типов толкования. При этом в дефиниции непременно указываются задействованные в метафорической интеракции признаки называемых явлений, которые получили образное воплощение посредством аналогии с кулинарным феноменом. При толковании недопустимы формулировки метафорического характера. Четко соблюдается принцип соответствия категориально-грамматической семантики толкуемой единицы и ключевого лексического элемента дефиниции. После толкования с опорой на анализ контекстного материала приводятся эмоционально-оценочные и стилистические пометы (Экспр., Одобр., Неодобр., Ирон., Бран. и т. п.). Далее следует иллюстративный материал, представленный рядом контекстов, желательного относящихся к разным функциональным стилям речи. В словаре преобладают иллюстрации употребления толкуемой единицы в художественном, публицистическом, реже — в научно-популярном и разговорном типах дискурса.

Приведем в качестве примера короткий фрагмент словарной презентации лексико-фразеологического гнезда с вершиной **вкус** из третьего тома СРПМ:

ВКУС, -а. м.

I. Исходное значение.

Ощущение, возникающее в результате раздражения слизистой оболочки языка различными веществами; способность к восприятию подобного ощущения — одно из пяти внешних чувств. — *У мускатного цвета более выражены древесный запах и горьковатый вкус* («Наука и жизнь»). *(Мёд) имеет приятный аромат, сладкий вкус, быстро кристаллизуется* («100% здоровья»).

II. Образные значения.

ВКУС. ЯМ. 1. Чувство красивого, изящного, способность эстетической оценки. — *Она всегда отличалась безупречным вкусом и элегантностью, и вообще, если разбирать её внешность, то, наверно, получилось бы, что она, скорее, красива* (В. Белоусова. Второй выстрел).

2. Склонность, интерес, пристрастие, любовь к чему-л. — *Герцог демонстрирует забытый миром вкус к жизни и завоевывает сердце девушки мане-*

рами, допотопным нравственным максимализмом и утончённым вкусом («Известия»).

БЫТЬ / ПРИЙТИСЬ (НЕ) ПО ВКУСУ, кому. **ФЕ.** Нравиться / понравиться. — Ему, как я узнал уже в своем взрослом состоянии, особенно **были по вкусу** голодные до новых физиологических впечатлений провинциальные матроны — с их обманно-сомнамбулическими движениями русалок, кругозором садовых улиток и мозговым развитием морских звезд (М. Палей. Дань саламандре). Действительно, феминистская программа чиклита **пришлась не по вкусу** российским читательницам, придерживающимся более консервативной гендерной идеологии («Неприкосновенный запас»).

ПОЩЁЧИНА ОБЩЕСТВЕННОМУ ВКУСУ. **Прец.** 1. Поступок, действия, откровенно противоречащие общепринятым нормам морали. *Экспр.* — *Все это и еще много чего отвратительного прозвучало в выступлении молодого композитора, который к тому же похвалялся своей востребованностью и то и дело приводил имена певцов, пользующихся его услугами. Такая вот современная пощечина общественному вкусу* («Голос Армении»).

2. Явления (в любой сфере жизни человека), резко контрастирующие с привычным, принимаемым большинством в качестве нормы. *Экспр.* — *Туфель на девушках не было по причине отсутствия денег на обувь. Прически делал Видал Сассун. Безвозмездно. Так что пощечина общественному вкусу обошлась Рабанну в смехотворную сумму. Всего пять тысяч франков* («Эксперт: Вещь»).

☀ Выражение восходит к названию одного из первых альманахов кубофутуристов, объединившихся в группу «Гилея» (1912). Сборник «Пощечина общественному вкусу» стал манифестом русского футуризма.

ПРИВКУС, чего. **ЯМ.** Дополнительный элемент чего-л.; ощущение, сопровождающее восприятие чего-л. *Экспр.* — *Пьеса сильная. С достаточным, правда, привкусом коммерции, с учетом современной моды* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь).

III. Типовые образные представления.

1. Гастрономическое восприятие вкуса продукта метафорически проецируется на эстетическое восприятие каких-л. предметов и явлений.

2. Гастрономические вкусовые предпочтения образно ассоциируются с психологическими пристрастиями, привязанностями; желанием заниматься какой-л. деятельностью.

3. Оценка вкусовых качеств продукта образно ассоциируется с оценкой различных явлений действительности с точки зрения их соответствия / несоответствия принятой в обществе норме.

4. Вкусовые ощущения образно ассоциируются с субъективными психологическими ощущениями от восприятия каких-л. явлений, событий.

«Словарь русской пищевой метафоры» демонстрирует высокий смыслопорождающий потенциал концептуальной модели «Х — это Еда», ее значимость для русской языковой картины мира; представляет разнообразие языковых варианты реализации пищевой метафоры в лексике, фразеологии, поговорках, текстах различной дискурсивной отнесенности.

Создание электронной версии словаря решает задачи хранения большого объема словарной информации, быстрого и эффективного поиска необходимых данных, пользовательского комфорта. Основная работа по созданию электронной версии включала четыре этапа: 1. Разработка структуры базы данных электронного словаря и организации web-сервиса; 2. Создание сайта; 3. Ввод лингвистической базы данных; 4. Проверка работоспособности web-сервиса и корректности данных, введенных в электронный словарь.

Проект создания электронного полиязычного словаря метафор нацелен на решение задачи системного словарного описания соотносительных по значению и образно мотивирующей семантике языковых единиц в двух и более языках, которое позволило бы выявить универсальные и культуроспецифические черты реализованных в них метафорических картин мира. Макроструктура словаря строится по идеографическому (концепто-ориентированному) принципу, предполагающему группировку материала в соответствии с получившей вербализацию базовой и частной метафорической моделью. Каждая языковая единица с метафорической семантикой маркируется в электронной базе словаря по типу категориального класса явлений из концептуальной сферы-источника и категориального класса явлений из сферы-мишени. Благодаря такой разметке из словарной базы будут отбираться образные единицы, построенные в разных языках по общим глобальным, базовым и частным метафорическим моделям.

Например, образная лексика и фразеология, выражающая метафорические характеристики внешности человека через образы кулинарных изделий из теста, будет маркироваться по следующим параметрам: глобальная сфера-мишень «Антропосфера», базовая сфера-мишень «Человек», категориальный класс «Внешность» — глобальная сфера-источник «Еда», базовая сфера-источник «Блюда и продукты», категориальный класс «Мучные продукты и изделия». Этим параметрам соответствуют следующие образные единицы:

В русском языке: **как блин** 'о круглом, плоском лице' — *«Внимательность при разговоре и умение слушать как-то не вязались у меня*

с образом первого секретаря и его круглой, **плоской, как блин**, с маленькими глазами, не очень-то выразительной физиономией» (В. Некрасов. Взгляд и Нечто);

блинчатый 'многослойный, состоящий из нескольких расположенных друг над другом складок' — «Там стояла невысокая тяжеловесная женщина с тройным **блинчатым подбородком**, как бы в тройном ожерелье, да еще с двумя нитками красных крупных бус» (В. Дудинцев. Белые одежды);

булка 'о полном человеке' — «Здесь его разглядела здоровая, белоzubая официантка, просто сдобная **булка** — вот такой в девках была Ева» (В. Синицына. Муза и генерал);

квашня 'толстый неповоротливый человек' — «Он **рыхлой квашней** лежал в чёрном офисном кресле, утопив плоскую голову в квадратные плечи, посверкивал маленькими злыми глазками, как из норки» (В. Левашов. Заговор патриота) и др.

В английском языке:

as flat as a pancake «плоский, как блин» 'о женщине с плоской грудью' — *In my early teens I was flat as a pancake* (Будучи подростком, я была плоская как блин) (As Holly Willoughby wins boob poll, Katie Price, Jodie Marsh and)²;

buns «булочки» 'ягодицы' — «*With the use of this program, you will be able to burn fats, achieve those fabulous six packs you want, plus shapely buns and thighs with the use of cardiovascular exercises combined with light resistance moves* (С помощью этой программы Вы сможете сжечь жиры, достичь эти сказочные шесть кубиков, которые Вы хотите, плюс изящные **булочки** (ягодицы) и бедра с помощью сердечно-сосудистых упражнений в комбинации с легкими упражнениями с отягощением)» (GloWbE: Achieving Fabulous Physique With the Use of Ten Minute Trainer);

like a bun «как булочка» 'о человеке с круглым лицом' — «*James Corden, with his face like a bun, who manages to look both doleful and mischievous, to lumber around but flit across the stage as nippily as an Essex Nureyev* (Джеймс Корден, с его лицом, **как булка**, которому удается выглядеть одновременно печальным и злобным, тяжело двигаться, но перелетать через сцену также проворно, как Эссекский Нуриев)» (GloWbE: One Man, Two Guvnors; Lord of the Flies; The Acid Test);

---

² Контексты взяты из электронного ресурса «Corpus of Global Web-based English (Корпус глобальной сетевой базы английского языка)».

muffin «кекс» ‘о фигуре человека с излишним жиром на животе, в области талии’ — «A **‘muffin belly’** may not only look ugly but is also associated with problems like type 2 diabetes and heart ailments (Живот в виде **маффина** может выглядеть не только ужасно, но и также ассоциироваться с проблемами, такими как сахарный диабет 2го типа и заболевания сердца)» (How to lose weight from the bottom of your belly? — Yahoo! UK) и др.

В итальянском языке:

gnocco «галушка / клёцка» ‘неуклюжий человек’ — «E gli azzurri si sono ingegnati di agire secondo che avrebbe gradito Enzo Bearzot, loro imperturbabile condottiero. Il quale è fermo sugli archetipi gloriosi dei propri preferiti moduli di gioco: e io l’ ho capito quando ha messo fuori Altobelli, **gnocco** e svogliato come uno che si trovasse lì per caso, e al suo posto ha immesso Fanna. Perdio! (Итак, сборная Италии (по футболу) пыталась действовать согласно желанию Энцо Бэарзота, их невозмутимого наставника. Он зациклен на славных архетипах своих любимых тактических схем, и это я понял, когда он заменил Алтобелли — который был **галушкой** (‘неуклюжий’) и играл вяло, как будто он туда пришел по ошибке — на Фанна. Ради Бога!)» (La Repubblica)³;

avere le mani di pasta frolla ‘иметь руки из песочного теста» ‘о слабом человеке’ — «Perchè Holmes è stato davvero grande, ma ai suoi tempi. Si doveva accontentare, invece no, invece si è messo in testa di dimostrare a tutti che io ero **un ragazino viziato, di pastafrolla**, un campione incompiuto. E’ tornato per rubarmi la fama? (Встаю, вслепую бегу в ванную. На сложенные руки вода из крана выстреливает сначала горячая, а потом холодная. Это у меня **руки из песочного теста**, или водопроводный вентиль сегодня не работает?)» (La Repubblica);

maccherone «макароны» ‘о глупом, неповоротливом человеке’ — «Chi non vota è un **maccherone senza sale** (Кто не голосует, тот **макароны**) (сообщение на facebook, 10.06.2011). Эта метафора редко употребляется, будучи регионализмом, который используется в южной Италии.

В казахском языке:

бауырсақ «пончик» 1) ‘о круглых, полных частях тела (носе, щеках и т.п.)’ — «**Бауырсақ** мұрын, бүйрек бет, Қаймақ қабақ, қара қыз (Смуглая девушка с круглым носом (**баурсаком**), лицом, как почки, веками

---

³Контексты взяты из электронного ресурса «La Repubblica» Corpus» (Корпус газеты «La Repubblica»).

как сметана)». М. Жумабаев. 2) 'о тучном, полном человеке' — «Бір үйде бәйбішелер **бауырсақтай**, Ауызы еттен, майдан дамыл таппай: Сүртініп сорпа терін жеңіменен, Ұзын күн істеп отыр қарнын қаптай (В некоторых домах старшие жены, как **баурсаки**, едят не переставая, вытирая пот рукавом, целый день набивают себе живот, как мешок)» И. Жансугуров.

ақ тоқаштай «как белый калач / сдобная булка» 'миловидный, привлекательный' — **Ақ тоқаштай** саған қыз түгіл келіншек қызықпай ма? (Тобой, таким привлекательным, **как белый токаш**, интересуются не только девушки, но и молодые женщины)» Г.Мустафин.

Созданный в виде электронного сайта полиязычный словарь метафор может быть использован как источник материала для дальнейших теоретических разработок в области сопоставительной семантики, лингвокультурологии, концептологии, теории метафоры, теории образности. Он может послужить в качестве информационно-справочного и дидактического средства в научно-исследовательской и образовательной деятельности, в том числе при чтении лингвистических курсов, обучении русскому языку как родному и иностранному, в практике перевода и межкультурной коммуникации.

Литература

Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Русская политическая метафора (материалы к словарю). М., 1991. С. 184–193.

Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorgo.ru> (дата обращения: 06.09.2018).

Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1. / И. С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко и др. М., 2004.

Склярёвская Г.Н. Метафора в системе языка. СПб., 2004.

Словарь образных слов и выражений народного говора / О.И. Блинова, С. Э. Мартынова, Е.А. Юрина; под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2001.

Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры. Екатеринбург, 2001.

Юрина Е.А. Мотивологические основы теории лексической образности // Актуальные проблемы мотивологии в лингвистике XXI в.: по материалам Междунар. науч. конф., посвященной 95-летию томской школы русистики. Томск, 2012. С. 129–144.

Corpus of Global Web-based English (Корпус глобальной сетевой базы английского языка) [Электронный ресурс]. — URL: <https://corpus.byu.edu> (дата обращения 10.09.2018).

“La Repubblica Corpus” (Корпус газеты «La Repubblica») [Электронный ресурс]. URL: <https://corpora.dipintra.it> (дата обращения 20.09.2018).

Сокращения

Бран. — бранное

Ирон. — ироническое

Неодобр. — неодобрительное

Одобр. — одобрительное

СО — собственно образное слово

СРПМ — Словарь русской пищевой метафоры. Т. 1: Блюда и продукты питания / сост. А. В. Боровкова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2015; Т. 2: Гастрономическая деятельность / автор. коллектив А.В. Балдова, М.В. Грекова, Н.А. Живаго, Е.А. Юрина; под ред. Е.А. Юриной. Томск, 2017.

Погов. — поговорка

Посл. — пословица

Прец. — прецедентное выражение

ФЕ — фразеологическая единица

Экспр. — экспрессивное

ЯМ — языковая метафора

«The dictionary of russian food metaphor» as a reflection of language figurative system and prospects of computer specific lexicography

Elena Yurina

yourina2007@yandex.ru

Tomsk State University, Tomsk, Russia

Anastasiia Baldova

nastya-borovkova@mail.ru

Tomsk State University, Tomsk, Russia

The macrostructure of «The dictionary of Russian food metaphor» is covered allowing to reflect systematically the variety of figurative words and expressions motivated by the names of objects of the gastronomic sphere and the processes within it. The dictionary subject headings/sections and methods for lexicographic description of lexical-phraseological word families are presented. The prospects of creating an electronic multilingual «Dictionary of Russian food metaphor» are presented. The dictionary includes linguistic units of Russian, English and Italian that are correlated by meaning and figuratively motivating semantics.

Keywords: dictionary, food metaphor, figurative lexis, phraseology, picture of the world, computer lexicography

Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка как новый тип словаря аббревиатур

Вячеслав Исаевич Теркулов

terkulov@rambler.ru

Донецкий национальный университет, Донецк, Украина

В статье приводятся принципы описания аббревиатур в Толково-эквивалентностном словаре сложносокращенных слов русского языка. Аббревиатуры в словаре располагаются по блокам аббревиатурных групп. Каждый блок включает заглавную единицу (абброконструкт группы), описание системы дешифровальных стимулов, отмечаемых в текстах для данного абброконструкта, словарные статьи, объектом описания в которых являются гнезда эквивалентности аббревиатур, входящих в данную аббревиатурную группу, а также лексические эквиваленты сложносокращенных слов (синонимы и гиперонимы) и производные от аббревиатуры — заглавного слова.

Ключевые слова: аббревиатура, дешифровальный стимул, сложносокращенное слово, эквивалент

Толково-эквивалентностный словарь сложносокращенных слов русского языка создается Экспериментальной лабораторией исследования тенденций аббревиации при кафедре русского языка Донецкого национального университета. Предполагаемый объем словаря — 70 тыс. единиц. Сейчас готовы к печати два из трех томов.

Цель предлагаемой статьи — описание принципов составления данного словаря. Важно заметить, что он имеет две особенности, отличающие его от классических словарей аббревиатур.

Первая особенность заключается в том, что в словаре дается описание только частотных сложносокращенных слов — существительных, относящихся к разряду нарицательных имен. Под сложносокращенным словом мы понимаем единицу, связанную мотивационными отношениями со словосочетанием и включающую в свой состав эквиваленты не менее двух компонентов этого словосочетания, как минимум один из которых является **неинициальным** (содержащим в своем составе не менее двух фонем) аббревиационным конструктом (абброконструктом). Под **абброконструктом** понимается часть аббревиатуры, являющаяся сокращенным эквивалентом (дублетом) какого-

либо слова. Иначе говоря, к сложносокращенным мы относим частич- но сокращенные слова, например: *вентоборудование*, *винзавод*, слоговые аббревиатуры, например *автобат*, *колхоз*, а также комби- нированные аббревиатуры, включающие в свой состав инициальные и слоговые абброконструкты, например *агитАБ*, *главк*.

В словаре не описываются инициальные аббревиатуры, напри- мер *ТЮЗ*, *вуз*, *ДонНУ*, а также сложносокращенные слова — имена собственные, например *Рособрнадзор*, *Донецкуголь* и подобные, по- скольку как первые, так и вторые образованы по коррелятивной модели, предполагающей искусственное создание сокращений парал- лельно создаваемым полным наименованиям, в то время как рас- сматриваемые нами нарицательные сложносокращенные слова чаще всего возникают вследствие «стихийной» универбализации («сверты- вания») частотных словосочетаний в слово (см. об этом [Борисов 1972; Теркулов 2017]). Различие в способе образования диктует различие в принципах словарного описания. Нам хотелось выдержать стили- стическое единство словаря, поэтому мы и остановились на некорре- лятивных сложносокращенных словах, тем более, что они практически не рассматриваются в классических словарях аббревиатур. Авторы этих словарей считают, что сложносокращенные слова «обычно легко понимаются и не нуждаются в расшифровке» [Скляревская 2004: 12]. Однако работа над словарем показала, что в текстах отмечается до- статочно большое количество мотивационных эквивалентов аббре- виатур данного типа. Например, слово *автопутеводитель* обнару- живает в текстах дешифровки (эквиваленты) *путеводитель для автомобилистов*, *автомобильный путеводитель*, *путеводитель для автопутешественников*, *путеводитель автомобилиста*, *путеводи- тель для автомобилистов*. Каждый из этих эквивалентов имеет не- которые семантические особенности, которые обеспечивают разную текстовую трактовку значения аббревиатуры. С последним связана вторая особенность словаря: в нем даются не производящие слово- сочетания, а все обнаруженные в текстах синтаксические эквиваленты для сложносокращенных слов (см. ниже). Такой подход к описанию аббревиатур мы определяем как синхронный.

Отбор слов для словаря частично осуществлялся из словарей со- кращений. Однако наибольшее количество слов было получено из интернет-текстов при помощи разработанных в нашей лаборатории методик поиска (см. их описание в [Теркулов 2018]). Применение дан- ных методик позволило значительно увеличить объем словаря.

Например, аббревиатурная группа *авиа* в словаре Sokr.ru включает 98 единиц, в Словаре сокращений и аббревиатур на «Академике» (dic.academic.ru)— 148 единиц, а в нашем словаре — 246 единиц.

В словаре принято расположение словарных статей по аббревиатурным группам, т. е. по группам слов, имеющим одинаковый абброконструкт, находящийся в препозиции. Например, в группу *алко* входят слова, *алкобар*, *алкобизнес*, *алковитрина* и т. д.

Блок аббревиатурной группы включает:

- 1) заглавную единицу — абброконструкт группы, например, **аббро**, **админ**, **био** и т. д.;
- 2) описание системы дешифровальных стимулов, отмечаемых в текстах для данного абброконструкта;
- 3) словарные статьи, объектом описания в которых являются значения, гнезда эквивалентности аббревиатур, входящих в данную аббревиатурную группу, а также их лексические эквиваленты (синонимы и гиперонимы) и производные от аббревиатуры — заглавного слова.

Заглавный абброконструкт дается перед описанием его дешифровальных стимулов. Если абброконструкт выступает в нескольких вариантах написания или сокращения эквивалента, даются все отмеченные варианты, например **Ад**, **адм**, **админ**. Если абброконструкты находятся в омонимических (симультаных) отношениях, они даются в одном блоке дешифровальных стимулов. Омонимичные абброконструкты обозначаются цифрой в верхнем регистре, например **Авто**¹, **Авто**². После каждого из таких абброконструктов дается перечень его дешифровальных стимулов (см. ниже).

Комбинированные (состоящие из нескольких компонентов) абброконструкты вместе с их дешифровальными стимулами располагаются после дешифровальных стимулов простого абброконструкта, совпадающего по звучанию с первым абброконструктом комбинированного образования. Например, абброконструкты **авиаметео**, **авиаспорт**, **авиатех** и **авиахим** вместе с их дешифровальными стимулами располагаются после дешифровальных стимулов абброконструкта **авиа**.

Под дешифровальным стимулом понимается слово или словосочетание, выступающее в качестве «расшифровки» абброконструкта в эквивалентных словосочетаниях. Список дешифровальных стимулов аббревиатуры дается сразу после заглавной единицы. В словаре представлены только те дешифровальные стимулы, которые **реально обнаружены** нами в частотных эквивалентах сложносокращенных слов.

В словаре осуществляется двухуровневое описание дешифровальных стимулов:

- первый уровень: леммный или словарный, на котором дается словарная форма дешифровального стимула и толкование его значения по тем принципам, которые применяются в соответствующей части словарных статей;
- второй уровень: токенный или собственно дешифровальный, на котором дешифровальные стимулы даются во всех формах, в которых они реально представлены в текстовых эквивалентах.

Например: (лемма) **Авто́**, неизм., с. Транспортная безрельсовая машина, главным образом на колесном ходу, приводимая в движение собственным двигателем: (токены) *авто*; *в авто*; *для авто*; *к авто*; *на авто*; *об авто*; *про авто*.

Если в качестве дешифровального стимула выступает аббревиатура или композит и их эквиваленты, на первом уровне даются словарные формы всех обнаруженных лемм дешифровального стимула, например: (лемма) **Авиако́смі́ческий**, *-ая*, *-ое*; **авиацио́нно-ко́смі́ческий**, *-ая*, *-ое*. Связанный с проектированием и производством летательных аппаратов, полетами их в атмосфере и космосе, с обеспечением этих полетов: (токены) *авиакосмический*, *-ая*, *-ое*, *-ие*; *авиационно-космический*, *-ая*.

Если в качестве дешифровального стимула выступает аббревиатура, представленная в словаре, вместо толкования дается отсылка к соответствующей словарной статье, например: (лемма) **Велоспо́рт**, *-а*, м.; **велосипе́дный спорт**. См. *велоспорт*: (токены) *велоспорта*; *велосипедного спорта*; *в велоспорте*; *для велоспорта*.

Если в качестве дешифровального стимула выступают только эквиваленты аббревиатуры, а сама она не участвует в процессе дешифровки, она дается на словарном уровне в круглых скобках, например: (лемма) (**Автообслу́живание**, *-я*, с.), **обслу́живание авто́**, **обслу́живание автомоби́лей**. См. *автообслуживание*: (токены) *по обслуживанию авто*; *по обслуживанию автомобилей*.

Если в качестве дешифровального стимула выступает словосочетание, не имеющее эквивалентной аббревиатуры, в списке дешифровальных стимулов дается только тот компонент этого словосочетания, который еще не был описан в словаре.

Например: (лемма) **Вино́**, *-а́*, м., ед. Алкогольный напиток, который изготавливается из *винограда* или других фруктовых плодов: (токены) *вин*; *вина*; *вином*; *для вин*.

(лемма) **Произвóдство**, -а, с., ед. Создание чего-либо промышленным способом: (токены) *по производству вин; по производству вина.*

В случае, если значение дешифровального стимула не понятно без значения другого слова, не выступающего в качестве дешифровального стимула, это слово приводится в словаре в круглых скобках, например: (**Венероло́гия**, -и, ж., ед. Наука, изучающая *венерические*, или половые, болезни, то есть болезни, получаемые преимущественно половым путем).

(лемма) **Венерологический**, -ая, -ой. Относящийся к *венерологии*, связанный с ней: (токены) *венерологический, -ая, -ой, -ие.*

Заглавным словом в словарной статье является аббревиатура. Словарные статьи располагаются в словаре по алфавиту по заглавному слову. Словарные статьи, описывающие аббревиатуры, имеющие омонимичные аббревиатурные конструкции, располагаются в словаре единым списком по алфавиту по заглавному слову.

Словарная статья состоит из следующих блоков: блок толкования; блок текстовых эквивалентов; блок лексических эквивалентов; блок производных от аббревиатур.

Блок толкования используется для описания дешифровальных стимулов и для описания слов в словарных статьях.

В блок толкования входят: заглавное слово — аббревиатура с проставленными ударениями; варианты аббревиатуры; грамматические характеристики аббревиатуры; пометы; толкование значения (значений).

Заглавное слово приводится в курсивном написании. В разных словарях постановка ударения в частично сокращенных словах трактуется по-разному. В нашем словаре принято мнение тех ученых, которые считают, что в сложносокращенных словах, вторая часть которых представляет собой отдельное слово, отмечается побочное (второстепенное) ударение. В словаре основное ударение обозначается знаком акут (´), а побочное ударение — знаком гравис (˘), например *Бри́гвра́ч*, -а, м. В некоторых случаях в коротких сложносокращенных словах отмечается одно ударение, например: *Аварко́м*, -а, м. Ударение не ставится в односложных словах и над буквой ё.

Если у слова есть фонетические или графические варианты, они даются в круглых скобках. К таким вариантам в нашем словаре относятся:

- 1) параллельные инициальные аббревиатуры: *Ба́кору́жие* (БО);
- 2) вторично сокращенные аббревиатуры — для сложносокращенных слов с комбинированными аббревиатурными конструкциями: *Армвоё́ньюри́ст* (*армьюри́ст*), -а, м.;

- 3) параллельные слоговые аббревиатуры: *Автомобиль* (*автомобиль*), -а, м.;
- 4) слова, имеющие альтернативное звучание, написание или место ударения: *Автотоннель* (*автотуннель*), -я, м.

После заглавного слова (или после варианта в скобках) дается грамматическое описание, включающее:

- 1) флексию или финальную часть (в случае отсутствия флексии) формы родительного падежа единственного числа (для слов, употребляющихся только во множественном числе, — множественного); для неизменяемых слов после запятой дается помета «неизм.»;
- 2) родовую характеристику (принятые сокращения: м. — мужской род, ж. — женский род, с. — средний род);
- 3) для слов, употребляющихся только во множественном числе, вместо родовой характеристики дается сокращение — мн. Для слов, употребляющихся только в единственном числе, после родовой характеристики дается сокращение — ед.

Например: *Агробизнесмен*, -а, м.; *Академгруппа (АГ)*, -ы, ж.; *Автоаксессуары*, -ов, мн.; *Бальнеолечение*, -я, с., ед.; *Авиафóто*, неизм., с.

После грамматических характеристик иногда даются пометы разного типа. В словаре представлена упрощенная система помет, включающая: *Ист.* — историзм: для слов, которые обозначают явления и объекты, вышедшие из употребления, например, *Агрокружок*, -а, м., *Ист.*; *Арх.* — архаизм: для устаревших слов, например *Авиатор*, -а., м. *Арх.*; *Книжн.* — книжное: для слов, употребляющихся в книжном стиле речи, например *Авиагáвань*, -и, ж. *Книжн.*; *Разг.* — разговорное: для слов, употребляющиеся в непринужденной беседе, например *Авиановинка*, -и, ж. *Разг.*; *Прост.* — просторечное: для слов со стилистически сниженным, грубым и даже вульгарным оттенком, которые находятся за пределами литературной речи, например *Автопримóчки*, -ек, мн. *Прост.*

После грамматического описания (или после пометы) дается толкование значения слова. Если у слова есть несколько значений, очевидно связанных между собой, каждое из них обозначается цифрой, например: *Авиавыставка*, -и, ж. 1. Систематическое, заранее запланированное мероприятие, демонстрация достижений *авиапромышленности*. 2. Место, в котором проводится это мероприятие. Если какое-то значение является переносным, перед ним ставится помета *Перен.*

Случаи значительного семантического расхождения слов в словаре трактуются как случаи омонимии (обычно такие слова имеют разный набор дешифровальных стимулов и лексических эквивалентов). Омонимы даются в разных словарных статьях с цифровыми пометами, выполненными в верхнем регистре, например:

*Автодизáйн*¹, -а, м., ед. Создание в процессе проектирования привлекательного внешнего вида *автомобиля*; отрасль, занимающаяся разработкой внешнего вида *автомобиля*.

*Автодизáйн*², -а, м., ед. Образец внешнего вида *автомобилей*.

Если в тексте толкования представлено слово, толкование значения которого дается в другой словарной статье или в списке дешифровальных стимулов данного словаря, это слово выделяется курсивом, например:

Ба́рдблúз, -а, м. Вид *бардовской* песни, в которой используется блюзовая мелодика (в списке дешифровальных стимулов: *Ба́рдовский*, -ая, -ое. Относящийся к *барду*, песне, написанной *бардом*, связанный с ним, нею).

Брðнеамфíбия, -и, ж. *Бронеавтомобиль*, способный к движению по суше и воде (в другой словарной статье: *Брðнеавтомобíль* (БА), -я, м. 1. Боевая *бронированная автомашина*, предназначенная для разведки, связи и охраны движения войск, вооруженная пулеметами или легкой пушкой. 2. Любая *автомобиль*, защищенный *броней*).

Если слово является абсолютным синонимом слова, толкование значения которого дается в другой словарной статье или в списке дешифровальных стимулов данного словаря, для описания его значения используется формула «То же, что ...», например: *Вётроустанóвка* (ВЭУ) -и, ж. То же, что *ветрогенератор*.

Если слово воспринимается как вторичное сокращение слова, толкование значения которого дается в другой словарной статье данного словаря, для описания его значения используется формула «Сокращение от ...», например: *Авиамёт* (АМСГ), -а, ж. Сокращение от *авиаметеостанция*.

В блоке эквивалентов приводятся все частотные эквиваленты сложносокращенного слова, отмеченные нами в эквивалентных текстах.

Под эквивалентом сложносокращенного слова понимаются словосочетания, которые употребляются как абсолютные синонимы (дублеты) сложносокращенного слова в эквивалентных текстах и включают в свой состав компоненты, воспринимающиеся носителями языка как эквиваленты конструкторов аббревиатуры. Эквивален-

том конструкта аббревиатуры мы считаем единицу, полностью или частично совпадающую с данным конструктом на уровне формы и имеющую с ним текстуально подтверждаемое тождественное значение, т. е. могущую заменить его в эквивалентном тексте при замене аббревиатуры словосочетанием без изменения ее значения. Под эквивалентным текстом нами понимаются тексты (текст), в которых аббревиатура и эквивалентное словосочетание выступают в качестве абсолютных синонимов. Различаются три типа эквивалентных текстов: собственно эквивалентный текст, т. е. один текст, в котором аббревиатура и ее дублет используются для обозначения одного и того же референта, параллельные эквивалентные тексты, т. е. разные тексты, в которых аббревиатура и словосочетание используются для обозначения одного референта, и условно эквивалентные тексты, т. е. разные тексты, в которых аббревиатура и ее эквиваленты имеют тождественное сигнификативное значение, но употребляются для обозначения разных референтов.

Важной для словаря характеристикой является «баланс индексов» употребления сложносокращенного слова и его эквивалента, который определяется как частное от деления количества употреблений слова на количество употреблений эквивалентного словосочетания. Подсчет количества употреблений слова и словосочетания осуществлялся по обнаруженным при помощи используемых лабораторией ЭЛИТА методик точного поиска в поисковой машине google.com текстам, в которых употребляются данные единицы.

Например, при обращении к поисковой машине google.com 13.03.18 слово *автокаталог* обнаруживается 2442892 раза, а его эквивалент — словосочетание *автомобильный каталог* — 103433 раза. Баланс индексов: $2442892/103433 = 23,62$.

В словарь включены только те эквиваленты, баланс индексов которых не превышает 500 (при условии употребления их не менее, чем в 100 текстах).

Эквиваленты располагаются в словарной статье по мере увеличения их баланса индексов. Балансы индексов постоянно меняются — в сети появляются новые тексты и удаляются старые. Но амплитуда одновременных замеров индексов в большинстве случаев реализуется в пределах достаточно ограниченного числового расстояния. Поэтому в словаре даны не точные балансы, а реперные точки (оформление: цифра + двоеточие), представляющие собой отмеченные регулярные интервалы колебаний балансов.

В словаре используется два блока реперных точек. Первый блок объединяет случаи, когда слово употребляется реже словосочетания (баланс индексов меньше 1). Для обозначения этого блока используется знак ◀ (ставится только один раз в начале блока). Выделяем следующие реперные точки: 1: — баланс индексов от 1 до 0,2; 0,1: — от 0,1 до 0,02; 0,01: — от 0,01 до 0,001. Второй блок объединяет случаи, когда слово употребляется чаще словосочетания (баланс индексов больше 1). Для обозначения этого блока используется знак ▶ (ставится только один раз в начале блока). Выделяем следующие реперные точки: 10: — от 1,1 до 10; 20: — от 11 до 20; 30: — от 21 до 30 и т. д. до 100; 100: — от 91 до 100; 200: — от 101 до 200, и т. д. до 500.

Например: *Агитгруппа*, -ы, ж. То же, что и *агитбригада* ◀ 1: *агитационная группа* ▶ 40: *группа агитаторов*; 200: *группа агитации*.

После знака ● в словарной статье приводятся лексические текстовые эквиваленты, т. е. слова, не связанные с аббревиатурой мотивационно, но могущие взаимозаменяться с ней в текстах. Обычно это синонимы (например, *автофирма* — *автокомпания*), но мы вносим в этот блок также родовые и смежные наименования, поскольку они часто встречаются в текстах как контекстуальные синонимы сложносокращенных слов (например, *автофирма* — *фирма*).

После знака ★ приводятся обнаруженные нами в интернет-текстах производные от аббревиатуры. Например: *Бдзаряд*, -а, м. Определенное количество взрывчатого вещества, помещенного в корпусе *снаряда* ▶ 10: *боевой заряд* ● *заряд боезарядный*.

Таким образом, словарная статья нашего словаря имеет следующий вид:

Автомагистраль, -и, ж. Широкая многополосная скоростная дорога без пересечений и перекрестков для движения *автомобилей* ▶ 20: *автомобильная магистраль*; 60: *автотранспортная магистраль*; 200: *магистраль для автомобилей* ● *автобан, автодорога, автозимник, автокоридор, автострада, автотракт, автотрасса, автошоссе, дорога, коридор, магистраль, тракт, трасса, хайвэй, шоссе автомагистральный*.

Литература

Борисов В.В. Аббревиация и акронимия. Военные и научно-технические сокращения в иностранных языках. М., 1972.

Скляревская Г.Н. Словарь сокращений современного русского языка. М., 2004.

Теркулов В.И. Сложносокращенные слова: синхронный и диахронный аспекты описания // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2017. № 6. С. 73–97.

Теркулов В.И. Методика прогнозирования отношений эквивалентности для сложносокращенных слов // Лингвистические исследования и их использование в практике преподавания русского и иностранных языков: Материалы I Международной научно-методической конференции (21 мая 2018 г.). Донецк, 2018. С. 69–80.

Explanatory-equivalence dictionary of russian abridgements as a new type of acronym dictionary

Viacheslav Terkulov

terkulov@rambler.ru

Donetsk National University, Donetsk, Ukraine

The article describes the principles for describing acronyms in the Explanatory Equivalence Dictionary of Russian abridgements. Acronyms in the dictionary are arranged in blocks of abbreviation groups. Each block includes a capital unit — a group abbroconstruct, a description of the system of deciphering stimuli, marked in the texts for this abbroconstruct, dictionary entries, the description of which are the equivalence families of abbreviations included in this abbreviation group, as well as lexical equivalents of abridgements (synonyms and hyperonyms) and derivatives of the acronym — the headword.

Keywords: acronym, deciphering stimulus, abridgement, equivalent

Лексикографическое описание неолексем в ежегодном словаре

Наталья Витальевна Козловская

saga@kodeks.com

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

Александр Юрьевич Кожевников

alkoj@list.ru

Институт лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, Россия

В статье представлено описание микро- и макроструктуры проектируемого выпуска возобновляемой в Институте лингвистических исследований серии «Новое в русской лексике. Словарные материалы». Охарактеризованы основные типы неолексем, которые входят в словарь: новые слова, новые значения известных ранее слов, новые сочетания слов, новые слова однократной фиксации. Кратко обобщен процесс работы над неологической выборкой, отмечены основные трудности, возникающие при лексикографировании новых слов в ежегодном оперативном словаре.

Ключевые слова: неолексема, неологическая база, источник, ежегодник, новое значение, новое слово однократной фиксации

Лексическую основу проектируемых ежегодников составила выборка неолексем и новых словосочетаний за 2001–2018 гг. Это часть огромного массива новой лексики, которая ежедневно обрабатывается сотрудниками отдела неологии. Новизна слова устанавливается традиционно: путем сверки с материалами

- а) вышедших на момент выборки словарей русского языка;
- б) электронной картотеки неологической группы Словарного отдела, а также
- в) таких Интернет-ресурсов, как Google-books и Национальный корпус русского языка.

При этом учитываются только те слова, значения слов и выражения, которые не зафиксированы ни в одном словаре и не встречаются в указанных базах данных.

Отдельного упоминания заслуживает созданный в Словарном отделе ИЛИ РАН свод русскоязычных текстов XVIII–XXI вв. [«Библиотека лексикографа»], работа с которым позволяет как пополнять электронную картотеку неологизмов, так и отсеивать на этапе выборки единицы, имеющие более раннюю фиксацию.

Поиск примеров из газет, журналов и других источников осуществляется при помощи базы данных «Интегрум». Все примеры в статье приводятся по этому источнику.

Ресурсы «Интегрума» позволяют не только осуществлять поиск конкретной лексемы, но и сортировать полученные результаты по датам — так определяется относительно точный год вхождения в употребление нового слова, значения или словосочетания. «Относительная точность» обусловлена тем, что, во-первых, слово могло появиться в устной традиции и какое-то время не встречаться в СМИ; во-вторых, материалы «Интегрума» постоянно пополняются, в частности, благодаря «оцифровке» и включению в базу более ранних источников.

Собранные лексемы и словосочетания группируются по году первого употребления — так формируется словник соответствующего ежегодника. Каждое слово (словосочетание) помещается в неологическую базу в начальной форме и сопровождается цитатой, которая способствует наиболее точному пониманию значения. За цитатой следует наименование источника (без сокращения: Комсомольская правда, Вечерняя Москва, Независимая газета и т. п.) с указанием даты выхода (Известия 14.06.17, Литературная газета 30.05.18 и т. п.). Слова «разового» употребления (зафиксированные только в одном-двух контекстах) снабжаются справочной пометой «ед.» (единичное). На сегодняшний день общий список обследуемых источников насчитывает более 250 наименований.

Лингвистическая информация сопровождается технической разметкой, например:

БОДИФЛАЙ, я, м. *Бодифлай* — крупнейшая в мире аэродинамическая труба в Бедфорде — использовалась отделом визуальных эффектов для съемок свободного падения Джеймса Бонда и Камиллы из самолета DC3 в Боливии. *Ferra* — новости 01.11.08. — С 2008.

ВОДОГРАДИЕНТНЫЙ, ая, ое. <Водоградиентные линзы>. *Справиться с этой проблемой обещает новое поколение однодневных контактных линз — водоградиентных. Новое поколение контактных линз — водоградиентных — способно удерживать влагу на линзе и пропускать к глазу кислород в мире уже назвали новой эрой в области контактной коррекции зрения.* Вечерняя Москва 30.06.16. — С 2016.

ГОЛ, а, м. <Правило серебряного гола>. *Европейская федерация футбола готова ввести правило «серебряного» гола, которое призвано заменить вызывающее большое количество нареканий правило «золотого» гола.* Спорт экспресс — новости 12.02.03. — С 2003.

Последующая обработка неологической выборки производится на основе общих критериев, разработанных Н. З. Котеловой [Котелова 1980: 3–9; Котелова 2015].

В ежегодники включены:

1. Новые слова: *green-бокс*, *instagram-селебрити*, *абби*, *акита-инту*, *барнфайндинг*, *бейкинг*, *боксмод*, *брексит*, *вайпер*, *вейп*, *вейпинг*, *вейп-шоп*, *гедонофоб*, *гик-ядро*, *голопортация*, *джоглинг*, *изломист*, *иноискусство*, *ихтамнеты*, *кабаксон*, *крипипаста*, *мехмод*, *мультишул*, *нейропоэт*, *нексит*, *неофрик*, *постправда*, *русиано*, *сегвеевод*, *селфхарм*, *силоактивист*, *софтшел*, *тахриризация*, *телеграм-канал*, *трампанутый*, *трампфоб*, *тыквопат*, *фальшироман*, *фиблгринд*, *фигняферон*, *фрексит*, *фудшеринг*, *цдакомат*, *чайлдрум*, *зир-йога*, *экогоршок*, *эрдоганомания* и др.;

2. Новые значения известных ранее слов (такие лексемы в ежегодниках принято отмечать звездочкой): *инаугурационный** (о постановке спектакля, приуроченной к инаугурации), *кокон** (одежда для новорожденного), *лань** (социально-сексуальный тип личности), *свиноколы** (ботинки), *шедевр** (образец изделия);

3. Новые идиоматические выражения, речевые формулы: *вынести на свои политические флаги*; *денег нет, но вы держитесь*; *сидеть на ухе* (подсказывать в наушники);

4. Словосочетания, требующие толкования: *великий люстратор*, *комедия для дальнобойщиков*, *конфетная комедия*, *мельдониевый скандал*, *национальная система учительского роста*, *новые худшие*, *опасное вождение*, *эффект марли*;

5. Новые слова разового употребления (отмеченные в выборке пометой «ед.» и заключаемые в угловые скобки в словаре): *<бизнес-складчина>*, *<ванильно-пудровый>*, *<военно-референдумный>*, *<изоляциянно-медикаментозный>*, *<иррегулярно-гибридный>*, *<кадетско-крестьянский>*, *<недофигура>*, *<нефтедолларовоз>*, *<олигархация>*, *<орфокоррекция>*, *<пяतिकолоночник>*, *<селфхарм>*, *<смарт-доставка>*, *<фиблгринд>*;

6. Новые значения (слов или словосочетаний) разового употребления: *забриолинить* (балетным каноном), *заповедник* (коррупции);

7. Новые словосочетания разового употребления: *гвардейцы* (сырьевой) *трубы*, *инновационные погоны*, *лепестковая конструкция* (одномандатных округов), *накопленное отставание*.

Особенностью ежегодника как типа лексикографического издания является то, что в нем ставится задача представить новый лексический

материал, извлеченный из большого количества источников по ограниченному хронологическому срезу: один год. Это позволяет решить большой комплекс задач, которые были сформулированы Н.З. Котеловой, автором концепции «неологической триады»: с возможной объективностью и максимальной полнотой «показать поток стихийной языковой жизни, продемонстрировать факты рождения, изменения или вхождения в язык слов во всем их многообразии» [Котелова 1980: 5].

Это и заимствования — *аутеры* (от англ. *out* — ‘вон’; ‘яркие сторонники выхода страны из Евросоюза’), и собственно новообразования — *кабаксон*, *патичок*, *тыквопат* (‘названия гибридов, полученных путем скрещивания кабачков, патиссонов и тыкв’), и возрождение старых слов — *шедевр* (‘образец изделия’), и переход слов специальных языков в общепотребительный язык — *мельдоний* (‘название лекарства, употребляемого спортсменами в качестве допинга’), и появление у слов новых значений — *кокон* (‘фасон платья’), и возникновение непереводаемых пословно выражений или устойчивых сочетаний, требующих пояснений — *мельдониевый бум*; *мельдониевый скандал*.

Несмотря на тот факт, что сами принципы выборки, обработки и презентации неологизмов остаются практически неизменными, за последние десятилетия принципиальным образом изменились способы обработки, хранения и передачи информации, что в свою очередь обусловило существенные отличия ежегодников нового проекта от традиционных, выходявших в конце XX в.

Так, например, кроме традиционных бумажных СМИ, в качестве источниковой базы появилась возможность использовать сетевые ресурсы («Интегрум», «Национальный корпус русского языка», «Google-books» и некоторые другие). Соответственно, количество источников не ограничивается теперь десятью, как это было в конце 70-х гг. прошлого века, на первом этапе создания ежегодников. База «Архив СМИ» в «Интегруме» включает более 40000 источников: печатных изданий, интернет-СМИ, телеканалов и радиотрансляций. База обновляется ежедневно; фактографический подход делает невозможным изъятие из нее какой-либо информации. Список источников постоянно пополняется.

Второе отличие связано с хронологическими рамками «среза», по которому осуществляется выборка. Первые выпуски серии «Новое в русской лексике» создавались на материале короткого временного среза: три месяца. Новые ежегодники делаются на основе регулярной

выборки, которая осуществляется в течение нескольких лет. С другой стороны, год, вынесенный на обложку первых ежегодников, указывал не на время появления того или иного слова в СМИ, а лишь на то, что именно в этом году его зафиксировал составитель. Сейчас, когда появилась реальная возможность обнаружить именно первую письменную фиксацию, проблема с этим несоответствием будет решена. В этом заключается третье существенное отличие.

Поскольку ежегодники не выпускались в течение продолжительного времени, группа неологии накопила значительную по объему базу отобранной и отсортированной по годам лексики «с вектором в прошлое»: даже сейчас, в 2018 г., попадаете немало слов, первая письменная фиксация которых относится к 90-м гг. XX века. Это объективно показывает, что процесс «ословаривания» отобранной лексики является длительным, трудоемким и в каком-то смысле бесконечным, что ставит перед составителем довольно сложную задачу. С одной стороны, представить то, что происходит в языке с достаточно высокой степенью полноты, а с другой, сделать это необходимо достаточно оперативно, пока новое не утратило «привкус» новизны и сохранило свою актуальность.

В качестве примера приведем такую статистику: количество лексем и словосочетаний, первая фиксация которых относится к 2016 г., в выборке за соответствующий год составляла 76 единиц, в конце 2017 г. — 346 единиц, а в августе 2018 г. — 656 единиц.

На данном этапе можно предположить, что оптимальные рамки временного среза — два — два с половиной года. В 2018 г. планируется подготовить ежегодник за 2016 г. (соответственно учитывается выборка 2016, 2017 и первой половины 2018 гг.), затем в 2019 г. — ежегодник за 2017 г., а также — параллельно пойти «вглубь» десятилетия, восполняя имеющиеся лакуны (2015, 2014 и т. д.). Кроме этого, предполагается, помимо обычного («бумажного») издания, размещать на сайте ИЛИ РАН электронные версии этих изданий — с возможностью их дальнейшего пополнения.

Микроструктура составляемого словаря традиционна для лексикографических изданий этого типа: заголовочное слово прописными буквами с ударением (слова единичного употребления пишутся строчными буквами и помещаются в угловые скобки), грамматические пометы, толкование, цитата-иллюстрация и краткая словообразовательная справка. Поскольку список сокращений названий довольно объемный, принято решение приводить полные названия. В ряде слу-

чаев за толкованием и иллюстративным материалом выделяется специальная зона комментариев. Например:

ЛОНГБОРДЕР, а, м. Человек, занимающийся лонгбордингом — катанием на лонгборде, (разновидности скейтборда с удлиненной колесной базой). Летом к нам попадают роллеры, лонгбордеры, скейтеры, зимой привозят детишек с катков, лыжников, сноубордистов и просто любителей покататься с горки. Московский комсомолец во Владимире, 28.09.16.

— От англ. {Longboarder}.

ПИЛАРДИО, неизм., ср. Направление фитнеса, сочетающее в себе элементы пилатеса (см.) и кардионагрузок, направленных на улучшение работы сердечно-сосудистой системы. Особой популярностью сегодня пилардио пользуется в Германии, однако медленно, но верно проникает и в другие страны. Автор пилардио Жасмин Вальдман взяла за основной ориентир принципы пилатеса: медленное дыхание, плавные движения, постоянное натяжение позвоночника (как будто кто-то тянет вас вверх за макушку). Superstyle.Ru 08.07.14.

— Англ. {pilardio} (от {pila}tesi c{ardio}). — Этот вид гимнастики возник в Германии в начале 2000-х гг., его основатель — тренер JasminWaldmann.

В настоящее время ведется работа по обработке выборки и составлению толкований. Охарактеризуем несколько проблем, которые встают перед составителями нового ежегодника. Первая проблема связана с фиксацией терминов. Традиционно в процесс лексикографирования неолексем не включаются термины, за исключением особых случаев. Именно поэтому на основании свойства терминологичности в словник не вошел включенный в выборку медицинский термин *лайтматофобия*:

<лайтматофобия, и, ж.г.>. *Лайтматофобия* — навязчивый страх, боязнь упасть с корабля в море из-за внезапного головокругения. Независимая газета, 27.04.16.

— (laitmatophobia; греч. laitma, laitmatos морская пучина фобия)

Отдельного внимания заслуживает лексема *мельдоний*, которая также обладает свойствами термина: связь со специальным понятием (медицинский препарат) и точность понятийной семантики. В сетевой базе периодики «Интегрум» слово впервые зафиксировано в 2007 г. как терминологическое обозначение. Составитель выборки обратил внимание на весьма значительный рост частоты употребления этого слова в 2016 г. и сделал примечание: «В интегруме с 2007 как мед. препарат. Как допинг — с 2015, небывалый всплеск в связи с допинговым скандалом — с 2016».

Приведем данные по годам, отражающие изменения частоты употребления лексемы «мельдоний» в источниках «Интегрума»: 2007 (4), 2008 (21), 2009 (25), 2010 (61), 2011 (62), 2012 (30), 2013 (33), 2014 (32), 2015 (69), 2016 (54823).

Отметим, что до 2015 г. включительно слово употреблялось как обозначение медицинского препарата преимущественно в медицинском и экономическом дискурсах при обсуждении фармакологических свойств лекарства или перспектив его включения в закупку как предмета государственного контракта (источники: Агентство медицинской информации, Аптека, Государственные закупки г. Москвы, Вологодская правда, Здравоохранение Новгородской области, Русский медицинский журнал, Союзфарма, Фармацевтический вестник, Центр рыночной информации АПК, Recipe.ru и др.). Приведем несколько цитат, подтверждающих терминологичность лексемы и отражающих характер дискурса:

Официальный сайт РФ для размещения информации о размещении заказов: Наименование, характеристики и количество поставляемых товаров, наименование, характеристики и объем выполняемых работ, оказываемых услуг <...> Мельдоний 0,25 №40 кап Состав 1 капсула: действующее вещество: мельдония дигидрат 250 мг; вспомогательные вещества: крахмал картофельный, кремния диоксид коллоидный, кальция стеарат; капсула белого цвета (Извещение о проведении запроса котировок, 07.12.2010).

С 1984 г. препарат мельдоний разрешено применять в медицине. Одним из препаратов мельдония является Кардионат. Показано, что мельдоний способен обеспечить замедление скорости -окисления ЖК в митохондриях... (Русский Медицинский Журнал; 25.12.2013).

В регионе вступила в силу новая территориальная программа госгарантий бесплатного оказания медицинской помощи на 2014 год <...> В Минздраве заверили, что лекарств хватит на всех <...> изосорбида динитрат, изосорбида мононитрат, мельдоний (Вечерний Волгоград, 28.01.2014)

Мельдоний является высокоэффективным кардиопротектором, оказывающим тонизирующее действие на центральную нервную систему и повышающим работоспособность (Фармакологический вестник, 2015, 38).

С 2016 г. количество употреблений слова резко возрастает, и в его значении формируется семантический компонент «допинг». Таким образом, бытование слова в языке в качестве термина с 2007 по 2015 гг. остается за рамками словаря (эта информация помещается в зону комментария), *мельдоний* как общеупотребительная неолексема помещается в ежегодник 2016 г. с таким толкованием:

Запрещенный к применению спортсменами с 1 января 2016 г. медицинский препарат, обеспечивающий увеличение притока кислорода к мышечной ткани и вследствие этого используемый в качестве допинга. (Переход медицинского термина (первая фиксация в 2007) в широкое употребление (2016).

Отметим также, что в ежегодник войдут и требующие толкования сочетания «мельдониевый бум» и «мельдониевый скандал» (36 и 937 зафиксированных употреблений соответственно).

Вторая проблема связана с лексикографическим параметром «первая фиксация». Нередки случаи, когда слово, однократно появившись в СМИ, исчезает, а потом, иногда через несколько лет, начинает употребляться активно и много. Например:

ТЕСТ-КАР *Салон тоже идентичен, с тем лишь исключением, что в России дешевых «тряпичных» версий вроде нашего тест-кара не будет вовсе.* Пятое колесо 15.06.11. — 2008 (1 цитата); активно — с 2011 г.

ТИФЛОКОММЕНТАРИЙ *По зарубежным данным, только написание текста тифлокомментария занимает две и более недели. Существует и автоматизированный способ, когда одновременно при показе фильма передается предварительно подготовленный и записанный тифлокомментарий, который составлен специалистом, имеющим литературное образование.* Московская правда 28.09.11. — с 2006 (3 цитаты), 2008 (2 цитаты), 2009 (2 цитаты); активно — с 2011

ТОВАРНО-РЕКЛАМНЫЙ *А значит, и оцениваться он вполне может в товарно-рекламных категориях: например, «ух, хорошо пробирает», «оригинальный крой» или «тонкий букет с пряным послевкусием».* Итоги 04.02.13. — 1993 (1 цитата), 1996 (1 цитата), 2002 (1 цитата), 2005 (2 цитаты), 2011 (1 цитата), активно — с 2013.

ТОПЛЕСС-АКЦИЯ *Тринадцатого февраля украинские феминистки провели «топлесс-акцию» перед штаб-квартирой «Газпрома» в Москве.* Московские новости 04.03.12. — 2001(2 цитаты), активно — с 2011.

ТОП-НЬЮС *Так для чего нужна была эта спецоперация, обреченная на всю наступившую неделю стать топ-ньюс?* И, 2013, 28. — 2002 (1 цитата), 2009 (1 цитата); активно — с 2010.

В таких случаях группой новых слов Словарного отдела ИЛИ РАН было принято решение помещать слово в ежегодник того года, который соответствует первой фиксации, пусть даже единичной.

Неологическая база Словарного отдела ИЛИ РАН — репрезентативный и точный источник для лексикографического отражения процессов, происходящих в лексической системе современного русского языка. Обновленные выпуски серии «Новое в русской лексике.

Словарные материалы» могут стать лексической базой для последующего создания неологического словаря-десятилетия текущего периода.

Литература

Буцева Т. Н. Инновационная лексическая служба русского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. 2006. Т. II. Ч. 3. С. 99–123.

Интегрум, база данных СМИ [Электронный ресурс]. URL: <https://integrum.ru/>

Котелова Н. З. Предисловие // Новое в русской лексике. Словарные материалы-1977. М., 1980. С. 3–9.

Котелова Н. З. Избранные работы. СПб., 2015.

Lexicographic representation of new words in the annual dictionary

Natalia Kozlovskaya

saga@kodeks.com

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

Alexander Kozhevnikov

alkoj@list.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The article describes the micro-and macrostructure of the dictionary “New in Russian lexicon. Vocabulary materials”, which was renewed at the Institute of linguistic studies. The main types of words included in the dictionary are presented: new words, new meanings of known words, new combinations of words, new words of single fixation. The process of work on the neological base is briefly summarized, the main difficulties in the lexicography of new words are noted.

Keywords: neolexem, neological base, the annual issue, the new significance, a new word of a single fixation

Лексикографическое описание слова *любовь* сквозь призму теории «смысл ↔ текст»

Атмоджа Басу

atmoja@yahoo.in

Калькуттский Университет, Калькутта, Индия

Статья посвящена лексикографическому описанию слова *любовь* в рамках теории «смысл ↔ текст» по Толково-комбинаторному словарю русского языка (далее ТКС). Этот словарь был задуман как важнейшая часть лингвистической модели и научного описания русского языка. В статье на примере понятия 'любовь' представлено описание лексических единиц в ТКС в соответствии с ТСМ. Предлагаемые решения представлены на материалах Национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: теория «смысл ↔ текст», Толково-комбинаторный словарь, лексическая функция, модель управления, сочетаемость

Введение

Работа над ТКС началась в середине 1960-х годов в Москве. Главные идеи этой теории, легшие в основу ТКС, были сформулированы в 1965 г. А.К. Жолковским и И.А. Мельчуком. Этот словарь был задуман как важнейшая часть лингвистической модели и научного описания русского языка. Этот подход вскоре стал известен как «теория лингвистических моделей смысл ↔ текст» или теория «смысл ↔ текст» (далее — ТСТ) [Мельчук 1995; 1997; 1999; 2012; Мельчук, Жолковский 2016].

Основное положение теории «смысл ↔ текст» постулирует естественный язык как систему, которая устанавливает «соответствия между любым заданным смыслом и всеми выражающими его текстами; соответственно, лингвистическое описание некоторого языка должно представлять собой множество правил, ставящих в соответствие всякому смыслу все тексты данного языка, несущие этот смысл» [Мельчук 1995: 5–7]. Это положение лежит и в основе ТКС.

Основной единицей описания в ТКС является словарная статья, соответствующая одной лексеме или одной идиоме: одно слово или одно фразеологическое сочетание в одном значении. Слово *любовь* объединяется в одну вокабулу, имя вокабулы помещается перед всей составляющей ее статьей. Это вокабула совпадает графически и раз-

личается надстрочными цифровыми индексами Любовь¹ ~ Любовь². Словарная статья открывается зоной входа, где даются варианты данного слова и грамматические сведения о нем, а именно часть речи, некоторые синтаксические признаки и ключевые грамматические формы с их акцентуацией. В случае необходимости сообщаются просодические и стилистические сведения о слове, при условии, что они характеризуют все или большинство его лексем.

Затем дается синопсис словарной статьи в виде структуры многозначного слова *любовь*. Синопсис содержит до 17 зон: имя лексемы, примеры, толкование (значение), формы (которые отличается от общей грамматической парадигмы слова), управление, конструкции, сочетаемость, синонимы, аналоги, конверсивы, антонимы, дериваты, этимологию, фразеологию, пословицы и поговорки, фразеологические синонимы, идеографию и т. д., в полной словарной статье предусматривается еще зона иллюстраций.

Каждая зона вводится своей меткой, которая набирается прописными буквами (СИНОПСИС, ЗНАЧЕНИЕ, ФОРМЫ, УПРАВЛЕНИЕ и т. д.). Если в толковании лексемы L используется слово, к которому она принадлежит, это обозначает ссылку на основную лексему.

Например, толкование Любовь_{1,1} (За его любовь к ней) = 'человек' А₁ имеет глубокое интимное чувство А₂ к кому-нибудь. В данном случае имеется в виду лексема Любовь_{1,1}, представленная в примерах типа **Про мою к ней любовь — в небе звёздами не напишешь!...* (М. Горький, Трое, 1900–1901).

В зоне управления заполняется строка А₁, если эта валентность насыщается обычным образом. В конце словарной статьи приводится фразеология. Все тексты и примеры словарной статьи в любом месте могут быть прерваны короткими комментарием в квадратных скобках. В зонах значения и управления возможны более пространственные комментарии. Они следуют сразу после основной информации данной зоны и открываются меткой «комментарии».

Как известно, ТКС представляет собой однозначный словарь, характеризующийся пятью особенностями: ТКС является активным, универсальным (а не специализированным), включает энциклопедическую информацию, преследует теоретические цели, предполагает максимальную эксплицитность и систематичность информации [Мельчук 2012: 90–91].

Описание лексических единиц в ТКС в соответствии с ТСМ будет показано на примере понятия 'любовь': толкование, синонимы, указа-

ния на употребление, примеры. Предлагаемые решения будут представлены на материалах Национального корпуса русского языка. Вся тема сгруппирована в следующих разрядах: грамматическая зона, морфологическая зона, синтаксическая зона, орфоэпия и просодические характеристики, зона определения лексем, модель управления, форма слова, конструкции, сочетаемость, родственные слова, дериваты, этимология, фразеология и устойчивые сочетания, пословицы и поговорки, идеография, библиография.

Грамматическая зона

В общем случае словарная статья делится на 10 зон.

Любовь — лю-бóвь, род. Любви́, твор. Любóвью, жен.

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. Любóвь.

і. *Ему нравилась в ней бережливость, любóвь к чистоте, уменье говорить обо всём и держаться со всеми независимо, даже гордо* [Горький М., Трое, 1900–1901].

Мн. ч. Люби́в

і. *Но захотел денег, славы, любви́... Если бы не тот этап, мог и раньше заиграть на уровне премьер-лиги* [Вагин Р., Даешь молодёжь!, 2013].

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. Люби́в

і. *Они доставали растрёпанную и испачканную книжку и читали о страданиях и подвигах любви́* [Горький М., Трое, 1900–1901].

Мн. ч. Люби́ев

і. *Откуда, собственно, никогда, на самом-то деле, и не уходил, так и сидя в ней по уши во время всех любвёв, воспитаний и смертей* [Соломатина Т., Акушер — ХА! Байки, 2009].

ДАТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. Люби́в

і. *И вот этот багаж несовершенства/ он заставляет... нас прощать/ по любви́ друг к другу/ немоци друг друга* (Открой мою дверь. Село Клекотки. Рязанская обл. Д/ф из Цикла «Письма из провинции [ТК «Культура») // ТК Культура», 2009].

Мн. ч. Люби́вям

і. *К чужим любвьям они относятся чутко, в своей же собственной любви́ они холодны, как рыбы* [Чехов А.П. Руководство для желающих жениться, 1885].

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. Любóвь

i. [муж., 32] *У меня был один знакомый грузин/ он говорил/ У нас в Грузии песни/ про любóвь/ про справедливость* [Беседа в Новосибирске // Фонд «Общественное мнение», 2004].

Мн. ч. Любви́

i. *Зачем я стараюсь, тружусь? Зачем дети? Ужасно то, вдруг душа моя перевернулась и вместо любви́, нежности у меня к нему одна злоба, да, злоба* [Толстой Л.Н., Анна Каренина, 1873–1877].

ТВОРИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. Любóвью (только ед. ч.)

i. *Чего ж, сероглазая, ты смеёшься?*

Неужто опять над любóвью моей?

То глянешь украдкой [Смеяков Я.В., Майский вечер, 1937].

Мн. ч. Любóвьями/любв́ями (Не употребляется)

i. *Юля, после развода, наверное, кажется, что с большими любóвьями покончено навсегда, или всё-таки остается надежда на новую встречу?* [Брошенная мужем — не диагноз, а легкое недомогание // Комсомольская правда, 2006.09.09].

ПРЕДЛОЖНЫЙ ПАДЕЖ. Ед. ч. (в любви́, на любви́, о любви́)

i. *То вы говорите, что брак основывается на любви́, когда же я выражаю сомнение в существовании любви́, кроме чувственной, вы мне доказываете существование любви́ тем, что существуют браки* [Толстой Л.Н., Крейцерова соната, 1890].

Мн. ч. О любв́ях/любв́ях

i. *Алексей Микоян запутался в любв́ях, отец отобрал пропуск в Кремль и закатывался: «Я его разжалую!»* [Терехов А., Каменный мост, 1997–2008].

Морфологическая зона

В данной зоне приводятся морфологические сведения о заглавном слове: склонение, род, для существительного; отсутствие тех или иных форм и т. д. Для описания словоизменения русских слов в русской морфологии использована концепция А.А. Зализняка [Зализняк 1967]. В основном его схема была сохранена: цифры и строчные латинские буквы индексов полностью соответствуют классической схеме Зализняка.

Цифра индекса — Любóвь — 8*b' классификация.

8 — Слова с традиционным «3-м склонением» (например, любовь, тетрадь, боль, зыбь и т. д.).

б — Ударение всегда вне основы, если кроме основы вообще что-либо есть (любо́вь, топо́р, похва́ла, родно́й и т. д.).

Кор — Люб

Суффикс — ов

Любов|ь

8*б — Любо́вь

Звездочка при цифре означает чередование в основе беглой гласной с нулем.

III склонение — Имена существительное женского рода с окончанием **б** в именительном падеже единственного числа, с основой на мягкий знак — любо́вь, тетра́дь, двéрь, ма́ть, до́чь и т. д.

Любо́вь

Часть речи — Имя существительное

Род — Женский род

Число — Единственное число — Любо́вь

Множественное число — Любви́

Одушевлённость — Неодушевлённое

Тип словоизменения — 8*б´

Тип склонения — III склонение

Синтаксическая зона

и. И тут сказывалась обиженная её любо́вь, ибо любила она в сыне чуть ли не то самое, за что делала вид (Да ей уже и не приходилось, от натренированности годами, делать его), что не любит отца [А. Битов, Пушкинский дом, 1964–1971].

И — Союз.

Тут — Нар.

Сказывалась — Глаг., Несов., Изъяв., Прош., Ед., Жен.

Обиженная — Прил., Ед., Жен., Им.

Любовь — Сущ., Ед., Жен., Им., Неод.

Ибо — Союз.

Любила — Глаг., Несов., Изъяв., Прош., Ед., Жен.

Она — Мест., Ед., Жен., Им., Оду.

В — Пред.

Сыне — Сущ., Ед., Муж., Пред., Оду.

Чуть — Част.

Ли — Част.

Не — Част.

То — Мест., Ед., Сред., Вин., Неод.
 Самое — Прил., Ед., Сред., Вин.
 За — Пред.
 Что — Союз.
 Делала — Глаг., Несов., Изъяв., Прош., Ед., Жен.
 Вид — Сущ., Ед., Муж., Вин., Неод.
 Да — Част.
 Ей — Мест., Ед., Жен., Дат., Оду.
 Уже — Част.
 И — Част.
 Не — Част.
 Приходилось — Глаг., Несов., Изъяв., Прош., Ед., Сред.
 От — Пред.
 Натренированности — Сущ., Ед., Жен., Род., Неод.
 Годами — Сущ., Мн., Муж., Твор., Неод.
 Делать — Глаг., Несов., Инф.
 Его — Мест., Ед., Муж., Вин., Оду.
 Что — Союз.
 Не — Част.
 Любит — Глаг., Несов., Изъяв., Наст. вре., Ед., 3-Лицо.
 Отца — Сущ., Ед., Муж., Вин.

Орфоэпия

Любóвь, Любв́и, Твор. Любóвьью || В поэтической речи возм. Любóви.

Зона определения лексем

Общее Прототипическое Значение

0. Высокая степень положительного чувства по отношению к кому-либо, чему-либо (X-а по отношению к у-ому/-ему)

Значение 1. Глубокое интимное чувство, горячая сердечная склонность, влечение к лицу своего или другого пола.

0. Высокая степень положительного чувства [$\approx \text{Magn}_{\text{immense}}$]

1. Глубокое интимное чувство [$\approx \text{Magn}_{\text{dimensional}}$]

1.1 Горячая любовь [$\approx \text{Magn}_{\text{genuin}}$]

Любóвь женщины (Ани). моя глубокая любóвь, жить несчастной любóвьью, смотреть на него с любóвьью, говорить о любóви, мечтать о любв́и, прожить без любв́и, умирать от любв́и.

Сочетаемость

Magn immense.: Большая dimens. любовь
Magn genuin: Настоящая любовь
Magn sens: Горячая, Пылкая любовь
Magn dimensional: Глубокая любовь
Magn emot: Безумная любовь
Magn: Чистая, Робкая, Счастливая, Несчастливая, Вечная, Взаимная,
Первая, Платоническая, Чувственная.

NB

Л.Ф — Любовь₁

Syn (Любовь) = Привязанность, Склонность

Anti (Любовь) = Ненависть, Вражда

Gener (Любовь) = Чувство

Figer (Любовь) = Кольцо (Кольцо любви)

Dimin (Любовь) = Любовник

S_o (Любовь) = Любить A_o (Любовь) = Любимый

Sinstr (Любовь) = Сердечная склонность

Smod (Любовь) = Прививать кому-л.

Sres (Любовь) = Глубокое интимное чувство

Centr (Любовь) = Сила (любви)

Centr (Любовь) = Чары (любви) (книж.)

A₁ (Любовь) = С [любовью], В [любви], О [любви]

Magn (Любовь) = Вечная / Глубокая / Большая

IncerPredPlus^{refl} = Горячая (любовь)

IncerPredMinus^{refl} = Робкая (любовь)

Ver (Любовь) = Безумная

Won (Любовь) = Счастливая (Стандартная похвала для L)

Pos (Любовь) = Положительная, тогда как

Won (Любовь) = Счастливая < Безграничная < Вечная < Святая

(Высок.)

NB: ЛФ, Magn, Ver, Won, и Pos часто сочетаются с Anti. Так, например:

Magn (Любовь) = Горячая а Anti Magn (Любовь) = Робкая

Pos (Любовь) = Счастливая а Anti Pos (Любовь) = Несчастливая

Adv₁ (Любовь) = С [любовью] (Смотреть на кого-л. с любовью)

Loc_{in} (Любовь) = В [любви] (Объясниться ~ Признаться)

Loc_{ad} (Любовь) = В [любовь] (Верить ~ .....

Loc_{ab} (Любóвь) = Без [любви] (Жить, Прожить)
 Loc^{tem} — Предлог (аналогичный Loc_{in}),
 Обозначающий временную локализацию:
 Loc_{in}^{tem} (Любóвь) = Про [любви] (разг.)
 $Propt$ (Любóвь) = От [любви] (страдать)
 $Oper_1$ (Любовь) = Скрывать [любви]
 $Oper_2$ (Любовь) = Выразить [любви]
 $Func_1$ (Любовь) = Прививать [кому-л.]
 $Func_2$ (Любовь) = Воспитывать [у кого-л. любовь к кому-, чему-л.]
 $Oper_2$ (Любовь) = Выразить [Любовь] ~
 $IncepOper_2$ (Любовь) = Чувствовать [Любовь]
 $FinOper_2$ (Любовь) = Умирать [от любви]
 $Labor_{12}$ (Любовь) = Отвечать [чем-л.]
 $IncepLabor_{21}$ (Любовь) = Узнать [$S_{вин.}$ чью-л. любовь]
 $PermOper_2$ (Любовь) = Знать [кого-л./ $S_{вин.}$ чью-л. любовь]
 $Fact_1^I$ (Любовь) = Говорить, сказать

Vs.

$Fact_1^{II}$ (Любовь) = Таить
 $Manif$ (Любовь) = Объясниться
 $Sympt$ (Любовь, Глаза) = Смотреть на кого-, что-л. с любовью
 $Sympt$ (Любовь, Взгляд) = Любовь с первого взгляда
 $Degrad$ (Любовь) = Изнемогать
 $PrepparOper_1$ (Любовь) = Сгорать (от любви)
 $PrepparOper_2$ (Любовь) = Жениться (по любви)
 $PrepparFunc_1$ (Любовь) = Жениться/ выйти замуж (по любви)
 $Magn$ (Любовь) + A_1 (Любовь) = Безграничный (~я)
 $Able_2$ = Влюблённый (~я)
 $(Magn +) PredAble_2$ = Заслужить
 $Magn$ = Глубокая < Безумная; Настоящая, неразделенная
 $Non Magn$ = Слабая
 $Magn^{quant}$ — Всеобщая | D. (B.) = Л
 $A_2 Manif$ = // Возлюбленный/ любимый
 $[Magn + A_2 Manif]$ = Неразделенный (~я)
 Постоянный (~я) [чувство, сила, разговор, песня, стихи, жар] D_{II} (B.) = Л
 $Perm_1 Manif$ = Не скрывать (своей) ~ и
 $A_2 Perm_1 Manif$ = Нескрываемое / ая
 $Degrad^{motor}$ (тело) = Умирать (от любви)
 $[D_1 = \text{Человек}]$
 D_{II} (B.) = Л]

Y-ое чувство X-а (к z-y): воспринимаемое X-ом его эмоциональное состояние Y или его эмоциональное отношение Y к Z-y. Это отношение каузирует то, что X-у хочется, чтобы соответствовали желаниям X-а, связанным с Y-ом. Любовь мужчины, любовь юноши, чувство любви, ожидание любви, первая, братская, материнская, всеобщая, всенародная любовь, любовь (по отношению) к женщине, к мужу, к жене, учителю, командиру, тренеру, Ане.

Суп: Склонность

V_o: Чувствовать

A₁: Полный, Исполненный (~я)

D_{II} (Ч.) ≠ Л

Gener: Эмоция

[Magn + A₁] = Преисполненный (~я / ой) |

D_{II} (Ч.) — положительное чувство

Magn = Глубокая > Вечная > Святая

Bon = Чистая < Платоническая

Anti Bon: Несчастливая < Эгоистичная

Oper₃ = Прививать [S_{дат}]

Caus Func₁ = Заслужить [S_{род}], Снискать (Книжн.) [S_{род}],

Воспитывать [У кого-л.] Любовь [К кому/чему-л.]

При Ч. необходимо зависимое, D_{III} (Ч.) = Л.

Liq₁ Func₁ = Выразить, Узнать [чью-л.] [S_{вин}] любовь

При Ч. необходимо зависимое, D_{III} (Ч.) = Л

Labor₁₃ = относиться [к S_{дат} с ~ ом] | D_{II} (Ч.) ≠ Л, D_{III} (Ч.) = Л.

[Magn + A₂ Manif] = Исполненная, Неразделенная | D_{III} (Ч.) = Л

Caus₁ Manif → III слова [обращенные к Z + Говорящий относится к этому с иронией] = Изливать [(свой) S_{здат}]

Non Perm Manif = Скрывать

Типичные выражения

Первая (новая, старая) любовь (разг.) — о человеке, который внушил такое чувство.

Заключение

В заключение хотелось отметить, что ТКС является первым опытом создания формализованного семантически ориентированного активного словаря — первым не только в русской, но и в мировой лексико-

графии. Для каждой лексической единицы ТКС описывает ее смысл (в соответствии с требованиями современной теоретической семантики), ее синтаксическую комбинаторику (модель управления) и ее ограниченную лексическую сочетаемость, т.е. коллокации (с помощью аппарата лексических функций или лф). При этом в качестве лексических единиц рассматриваются в одном ряду слова и идиомы. Здесь невозможно даже объяснить все новаторские особенности русского ТКС. Важно, однако, что основополагающие идеи этого революционного словаря не только не устарели, но и становятся всё более важными в связи с развитием современной русской лингвистики и внедрением в лексикографию лексических баз данных.

Литература

- Зализняк А.А.* Русское именное словоизменение. М., 1967.
Мельчук И.А. Русский язык в модели «Смысл ↔ Текст». М.; Вена, 1995.
Мельчук И.А. Курс общей морфологии. Том 1-5. М.; Вена, 1997.
Мельчук И.А. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». М., 1999.
Мельчук И.А. Язык от смысла к тексту. М., 2012.
Мельчук И.А., Жолковский А.К. Толково-комбинаторный словарь русского языка. М., 2016.

Сокращения

- ТКС — Толково-комбинаторный словарь русского языка
ТСТ — теория «смысл ↔ текст»

A lexicographic description of the word “love” through the prism of “meaning ↔ text theory”

Atmoja Bose

atmoja@yahoo.in
Calcutta University, Calcutta, India

This article is focused on the lexicographical description of the word “love” within the “Meaning ↔ Text Theory” in the Explanatory-Combinatorial dictionary of the Russian language (here ECD). The Work on ECD began in the mid-60s in Moscow. The main ideas of this theory, which was formed on the basis of ECD, were formulated

in 1965 by A. Zholkovsky and I. Mel'čuk. This dictionary was conceived as an important part of the linguistic model and scientific description of the Russian language. This approach is known as "The Theory of linguistic models of the Meaning of the Text" or the Theory of "Meaning ↔ Text".

Keywords: meaning, text, Explanatory-combinatorial dictionary, lexical function, compatibility

Терминографическая фиксация минералогических эпонимов

Евгения Михайловна Какзанова

em@kakzanova.ru

Всероссийский институт научной
и технической информации (ВИНИТИ) РАН,
Москва, Россия

В первой части статьи предлагается обзор лексикографических источников, включающих названия минералов. Особое внимание уделяется минералогическому словарю В.М. Севергина, вышедшему в начале XIX в. Предлагаются критерии включения минералогических эпонимов в терминологический словарь. Показано разнообразие словообразовательных основ минералогических эпонимов. К описанию привлекаются академический «Словарь современного русского литературного языка» и «Словарь языка Ломоносова. Минералогия».

Ключевые слова: академический Словарь современного русского литературного языка, минералогические словари, терминография, термины-эпонимы, минералогические эпонимы, производящая основа

Словарь — одно из самых древних и известных достижений прикладной лингвистики. Считается, что первые словари появились еще до нашей эры у шумеров [Буторова и др. 2016: 29]. Наука о теории и практике составления терминологических словарей, а также словарей специальной лексики различных наук называется терминографией. О.В. Борхвальдт выделяет в составе терминографии три области: теорию терминографии, историю терминографии и практическую терминографию. Последняя подразделяется на два типа: современную и историческую [Борхвальдт 1999: 261].

Разработка теоретических основ построения и упорядочения научно-технической терминологии в нашей стране была начата еще в 1931 г. по инициативе ученых С.А. Чаплыгина и Д.С. Лотте [Краткое методическое пособие 1979: 3]. В настоящее время увеличение терминологических словарей в естественнонаучной среде вызвано скорее всего влиянием экстралингвистического фактора, связанного с возникновением новых научных направлений в естествознании в целом.

В системе создания, хранения и использования геологической информации огромное значение имеют периодически обновляемые тематические словари, в которых аккумулирован многовековой опыт

науки и практики, в первую очередь опыт изучения и освоения недр [Геологический словарь 2017: I, 5].

Первый российский словарь научных терминов, в названии которого присутствует слово «минерал», вышел в 1780 г. под названием «Дикционер, или Речениар, по алфавиту российских слов, о разных произращениях, т. е. деревьях, травах, цветах, семенах огородных и полевых, кореньях и о прочих былиях и минералах» (автор К. А. Кондратович). Правда, в нем нет минералов в нашем понимании. Словарь представляет собой переводной русско-латинский травник. В первой половине XIX в. заметный вклад в историю русской терминологии внес языковед, член Российской академии, переводчик, учредитель Минералогического общества Иван Иванович Мартынов. Его перу принадлежат сразу два популярных словаря естественнонаучной терминологии.

К наиболее значительным лексикографическим произведениям первой половины XIX в. относится, по мнению О.В. Борхвальдт, двухтомный Минералогический словарь В.М. Севергина, вышедший в 1807 г. под названием «Подробный словарь минералогический, содержащий в себе подробное изъяснение слов и названий, также все в науке сей учиненные открытия, изданный академиком, статским советником и кавалером Василием Севергеным». Он носит энциклопедический характер. В центре внимания В.М. Севергина — «все ископаемые тела, доселе известные, по различным их наименованиям, с приличным показанием, как наружных признаков, так и физических и химических свойств». Для лексикографов XIX в. академик В.М. Севергин дал пример строгого отношения к отбору терминов, необходимости их систематизации. Он писал: «К сожалению, любители и учителя минералогии наделали <...> столь много новых названий, нередко одно и то же тело означающее, что приведение их в систематическом порядке немалую причинить может запутанность». И сам много потрудился, чтобы этой «запутанности» в минералогической терминосистеме не было, очистив минералогию от бесчисленных псевдонаучных терминов и терминов, взятых из немецкой минералогической школы [Булах 1999: 22]. В начале словаря автор приводит три вида системного расположения минералов: по системе французского минералога Р. Гаюи (1743–1822), по системе Г. Карстена и системное расположение самого В.М. Севергина, которым начинается второй том словаря (М-Я). В конце словаря даны немецко-русский, французско-русский и латинско-русский глоссарии, здесь же приведена русская транскрипция ино-

язычных названий минералов. Во втором томе основные названия приводятся на русском языке, ниже следуют параллели на латыни. В некоторых словарных статьях говорится о происхождении названия. Иногда встречаются сведения о том, как называл минерал тот или иной ученый. Все это делает словарь В.М. Севергина ценным источником для исследования истории русской минералогической терминологии [Борхвальдт 1998: 4, 27, 28, 30, 31].

Говоря о происхождении минерала, название которого представляет собой эпонимом, В.М. Севергин не упоминает о том, что его название образовано от имени собственного. Напомним, что эпоним — это термин, который содержит в своем составе имя собственное (антропоним, топоним или мифоним), а также имя нарицательное в обозначении научного понятия (например, *кольца Лизеганга*). Также термин-эпоним может быть образован безаффиксным способом от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) путем метонимического переноса (например, *Ампер*). Третью группу составляют аффиксальные производные от имени собственного (антропонима, топонима или мифонима) (*улексит*). Большинство эпонимических минералов, согласно нашей дефиниции, входят в третью группу.

В словаре В.М. Севергина минерал «танталит», название которого известно нам как эпоним, описывается так: «*Танталит. Tantalite*. Ископаемое тело, названное сим именем от Г. Экеберга, который оно исследовал, содержащее в себе особый металл, именуемый Танталом, железо и марганец. Цвет его снаружи железный, а в свежем изломе средний между синевато-серым и железным; находится сплошной в виде вросших кусочков с орех величиною, приближающихся к осьмигранному виду; снаружи гладок и сверкает; внутри светится, блеск металлический; полутвёрд и почти твёрд, свежие куски высекают из стали искры; в проведенной черте темно-серого цвета; тяжесть по определению Экеберга 7,953; магнитом не притягивается. Находится в Швеции в погосте Римито в провинции Або, вросший в кварце на кварцевой жиле, смешанной с глиною, коей зальбанд есть красной крупнозернистой полевой шпат. Известен был давно; но почитаем был долгое время за оловянную известь.

Тантал. Tantalum. Новый металл, открытый Г. Экебергом в Упсале в двух ископаемых телах из Або в Швеции, в вышеупомянутом танталите и в Иттрическом танталит, в соединении с Иттрической землей. Зри сие слово. Сей тантал не растворяется ни в какой кислоте, а токмо в едком поташе, и осаждается из оного от кислоты в виде белого

порошка, который с бурою и фосфорною солью дает бесцветное стекло, сплавляющееся в сильнейшем жару в черно-серое металлическое зерно, над коим кислоты не действуют» [Севергин: 472–474].

Основная цель словаря В. Севергина была показать достижения конца XVIII — начала XIX вв. в области минералогии, выявить существовавшие в науке неправильные представления и дать точное определение названий, применявшихся в минералогии. Это подтверждается следующими словами В. Севергина в предисловии к словарю: «Наипаче в последние пятнадцать или двадцать лет, сделано столько новых открытий, новых перемен и поправлений, что необходимо требовалось нового их обозрения, как для утверждения тех, кои достоверны, так и для показания таковых, кои подвержены сомнению, и вообще показать, в каком состоянии находится нынешняя Минералогия. ... Дабы познать значение [новых названий], казалось мне, подобно некоторым другим, приличнейшим способом привести и описать их в азбучном порядке, или сочинить Минералогический словарь, в коем бы подробно и с точностью приведены были все ископаемые тела...» [Геологический словарь 1955: 6].

На сегодняшний день справочная литература о минералах необъятна. После появления в 1990 г. «Словаря минеральных видов» М. Флейшера [Флейшер 1990] на русском языке число минералов значительно выросло, и появилась потребность в новом словаре. Таким словарем явился «Минералогический словарь» В.Г. Кривовичева, вышедший в 2009 г. [Кривовичев 2009]. В 2017 г. вышел Геологический словарь [Геологический словарь 2017]. Словарь содержит около 24500 терминов, относящихся к 30 различным разделам. Одним из разделов является минералогия, включающая 6400 терминов.

Мы решили проанализировать первый том академического Словаря современного русского литературного языка [Словарь 1948], на предмет отражения в нем названий минералов вообще и минералогических эпонимов в частности. Подвергнув словарь сплошной выборке, мы обнаружили 14 названий минералов с пометой «минералогический»: *агат*, *авантюрин*, *автомолит* (*цинковая шпинель*), *аквамарин*, *александрит*, *аметист*, *амиант*, *ангидрит*, *антрацит*, *асбест*, *апатит*, *байкалит*, *барит* и *берилл*. Это не значит, что на момент выхода первого тома словаря другие минералы открыты не были. Названия открытым минералам присваиваются с XVIII в., начиная от эпонимического минерала *пренита*, названного в 1783 г. в честь голландского капитана Х. фон Прена немецким геологом

и минералогом, основателем научной школы, разработавшим классификацию горных пород и минералов, Авраамом Вернером. В 1802 г. был открыт минерал атакамит, в 1936 г. — берманит, но они, как и многие другие, открытые до 1948 г., отсутствуют в Словаре современного русского литературного языка [Словарь 1948].

Из 14 названий минералов, включенных в словарь, три являются эпонимическими — *агат*, *александрит* и *байкалит*. В словарной статье об *агате* указывается, что его название происходит от географического названия реки в Сицилии, где был найден агат [Словарь 1948: 40]. Примечательно, что в первом томе академического Словаря современного русского литературного языка (А-Б), изданного в 1991 г., этимология названия *агат* отсутствует [Словарь 1991: 77]. В нашем Словаре интернациональных эпонимов указана уточненная этимология происхождения названия *агат*: «от греч. *Achates* — древнего названия сицилийской реки Дрилло, в которой этот минерал был впервые найден» [Какзанова 2015: 7].

В словарной статье об *александрите* в Словаре 1948 г. указывается, что минерал открыт в 1842 г. минералогом Норденшильдом [Словарь 1948: 92]. В Словаре 1991 г. есть этимология названия минерала *александрит* со ссылкой на академический словарь 1891 г.: по имени русского царя Александра II, в день рождения которого был найден этот камень.

В словарной статье о *байкалите* в Словаре 1948 г. указывается, что *байкалит* — это минерал, найденный близ озера Байкал [Словарь 1948: 245]. Нас удивил тот факт, что в Словаре 1991 г. название *байкалит* отсутствует. Это действительно странно, ведь минерал, найденный в XIX в., не менял своего названия, а само название *байкалит* входит в лексикографические минералогические списки.

В 2010 г. в санкт-петербургском Институте лингвистических исследований РАН вышел Словарь языка М.В. Ломоносова с подзаголовком Минералогия [Словарь Ломоносова 2010]. Получив хорошую философскую школу, М.В. Ломоносов явился точным наблюдателем в такой области знания, как минералогия. Как отмечают авторы словаря, поздняя оценка его трудов не умаляет его заслуг в этой области. Имя М.В. Ломоносова увековечено в минералогическом эпониме *ломоносовит*.

Поскольку во всех перечисленных нами лексикографических источниках минералогические эпонимы подаются в общем списке и отдельно не выделяются, мы решили предложить свои критерии включения минералогических эпонимов в терминологический словарь.

В большинстве названий минералов увековечены имена в первую очередь тех ученых, которые связаны с изучением Земли. Это минералоги, кристаллографы, геологи, петрографы, геохимики, горные инженеры, а также коллекционеры и торговцы минералами. Есть минералы, названные в честь ученых других специальностей — химиков, физиков, математиков, астрономов, медиков, а также в честь писателей, поэтов, философов, путешественников, политических деятелей. Например, фосфат *беловит* назван в честь академика Н.В. Белова, который основал российскую школу рентгеноструктурного анализа, а борат *коллеманит* — в честь американского коммерсанта У. Коллемана, основателя промышленности по добыче бора в Калифорнии. Один из широко распространенных слюдяных минералов — *биотит* — назван в честь французского физика Жана Батиста Био, изучавшего магнетизм и оптику. К этой группе можно отнести и минералы *рентгенит*, *кюриит*, *беккерлит*, названные соответственно в честь В. Рентгена, описавшего в 1895 г. новый вид электромагнитных волн, П. Кюри, открывшего полоний и радий, А. Беккереля, установившего радиоактивность урана и его солей. Некоторые минералы названы в честь исследователей и путешественников, а также в честь космонавтов, исследовавших космос и Луну. Так, структурно связанный с флюоритом *гагаринит* назван в честь Ю.А. Гагарина — первого человека, совершившего в 1961 г. полет в космос. Силикат *армстронгит* назван по имени Нила Олдена Армстронга, американского астронавта, впервые ступившего в 1969 г. на поверхность Луны. Чести быть увековеченными в названиях минералов удостоиваются не только ученые, но и личности, известные своими достижениями в других сферах человеческой деятельности. Например, *гётит* назван в честь И. фон Гёте, немецкого писателя, поэта и философа, который коллекционировал минералы и даже подарил в 1797 г. одну из коллекций музею Санкт-Петербургского горного института. Некоторым минералам присвоены имена президентов США (*джефферсонит*, *рузвельтит*), первого премьер-министра Австралии Х.Э. Холта (*холтит*) и других политических деятелей. В 1998 г. были опубликованы данные по найденному на Чукотке минералу *сороситу*, открытому российскими, финскими и украинскими исследователями и названному в честь Дж. Сороса, основателя Международного научного фонда [Борисова 2010: 219–220].

Мы бы хотели дополнить исследование Т.Г. Борисовой и назвать другие профессии людей, в честь которых названы минералы. В нашу классификацию вошли океанографы, землепроходцы, геологоразвед-

чики, кристаллохимии, первопоселенцы, металлурги, метеорицисты, мореплаватели (Христофор Колумб, в честь которого назван минерал *колумбит*), первооткрыватели, петрологи, музейные сотрудники, военные, биологи (немецкий биолог Лоренц Окен, в честь которого назван минерал *окенит*), ботаники (швейдский ботаник Карл Линней, в честь которого назван минерал *линнеит*), фармакологи, фармацевты, художники (Леонардо да Винчи, в честь которого назван минерал *давинчиит*), космохимики, физикохимики, геофизики, редакторы, лингвисты (американский лингвист и филолог Дж. Пиккерингит, в честь которого назван минерал *пиккерингит*), энтомологи, геохимики, наблюдатели, бурильщики, инженеры, финансисты, артисты (Людмила Алексеевна Чурсина, в честь которой назван минерал *чурсинит*), студенты, смотрители маяка, металлографы, журналисты, геммологи, композиторы (Вольфганг Амадей Моцарт, в честь которого назван минерал *моцартит*), рабочие, летчики (Валерий Павлович Чкалов, в честь которого назван минерал *чкаловит*), зоологи, спектроскописты, химики, адвокаты, вулканологи, теологи, проходчики, издатели, палеонтологи, микроскописты, технологи, техники, специалисты по микронзондовому анализу, естествоиспытатели, радиохимики, ремонтники, почвоведы, владельцы рудников, изобретатели, спонсоры, промышленники, географы, проповедники, экспортеры, горные мастера, революционеры (герой мексиканской революции Эмилиано Запата, в честь которого назван минерал *запаталит*), консультанты, фотографы, натуралисты.

Вторую по величине группу после антропонимных минералогических эпонимов составляют оттопонимные эпонимы, на третьем месте по величине находятся отмифонимные эпонимические термины.

Минералогические эпонимы уникальны тем, что помимо традиционных производящих основ — антропонимов, топонимов и мифонимов — их производящими основами являются также каронимы (названия кораблей) (*раит* в честь папирусной лодки Ра), документонимы (*минрекордит* в честь журнала *Mineralogical Record Magazine*), зоонимы (*тиннункулит* в честь пустельги обыкновенной, от лат. *Falco tinnunculus*), фирмонимы (деловые объединения людей) (*альмарудит* от названия университета в Вене *Альма-Матер Рудольфина*), космонимы (*аллендеит* по названию метеорита *Алленде*) и этнонимы (*эскимоит* в честь эскимосов).

Учитывая разнообразие производящих основ минералогических эпонимов, мы предлагаем в качестве основного критерия нашего

словаря минералогических эпонимов именно этот словообразовательный формант. Также неизменным элементом словаря должен стать год открытия минерала. Поскольку все минералогические эпонимы являются интернационализмами, мы включаем в словарь их название на русском и английском языках.

Таким образом, наш словарь внесет вклад в российскую терминографию и дополнит существующие лексикографические источники новыми минералогическими эпонимами.

Литература

Борисова Т.Г. Термин и культура: пути пересечения // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 8. Ставрополь, 2010. С. 217–223.

Борхвальдт О.В. Историческая терминография русского языка: Вопросы теории // Проблемы коммуникации и номинации в концепции общегуманитарного знания. Сб. научных трудов в честь профессора Людмилы Александровны Шкатовой. Челябинск, 1999. С. 261–271.

Борхвальдт О.В. Русская терминография в историческом аспекте: Материалы для спецкурса и спецсеминара. Красноярск, 1998.

Булах А.Г. Общая минералогия. Учебник. СПб., 1999.

Буторова У.В., Герд А.С., Захаров В.П., Панков Д.И., Пурицкая Е.В., Хохлова М.В. Структурная типология словарных статей в словарях русского языка и способы их формального представления // НТИ. Серия 2. Информационные процессы и системы. 2016. № 2. С. 29–35.

Какзанова Е.М. Англо-русско-немецкий словарь интернациональных эпонимов: название и происхождение. От А до Z. М., 2015.

Краткое методическое пособие по разработке и упорядочению научно-технической терминологии. М., 1979.

Сокращения

Геологический словарь 1955 — Геологический словарь. Т. I. А-Л. / под общ. ред. А.Н. Криштофовича. М., 1955.

Геологический словарь 2017 — Геологический словарь. В 3 тт. СПб., 2017.
Кривовичев 2009 — Кривовичев В.Г. Минералогический словарь. СПб., 2009.

Севергин — Севергин В. Подробный словарь минералогический. Т. 2. СПб., 1807.

Словарь 1948 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. А-Б. М.; Л., 1948.

Словарь 1991 — Словарь современного русского литературного языка. Т. 1. А-Б. М., 1991.

Словарь Ломоносова 2010 — Словарь языка М.В. Ломоносова. Минералогия / отв. ред. С.С. Волков. СПб., 2010.

Флейшер 1990 — Флейшер М. Словарь минеральных видов. М., 1990.

Terminographic fixation of mineralogical eponyms

Eugenia Kakzanova

kakzanova@post.ru

All-Russian Institute for Scientific and Technical Information (VINITI),
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The first part of the article provides a link to lexicographical sources which include names of minerals. Special attention is paid to the mineralogical dictionary by V.M. Severgin published in early 19th century. Criteria are proposed for the inclusion of mineralogical eponyms in the terminological dictionary. The variety of production bases of mineralogical eponyms is indicated. Academic «Vocabulary of Modern Russian Literary Language» and «Lomonosov's Language Dictionary. Mineralogy» are involved in the description.

Keywords: Academic Vocabulary of Modern Russian Literary Language, mineralogical dictionaries, terminography, eponym terms, mineralogical eponyms, production basis

Раздел 3

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЗДАНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ

О методологии академических толковых словарей: от названия к принципам отражения словарного состава русского языка

Николай Леонидович Васильев

nikolai_vasiliev@mail.ru

Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия

Анализируется концептуальная связь названий важнейших толковых словарей русского языка (в их исторической перспективе — от «Словаря Академии Российской» до «Большого академического словаря русского языка») с принципами репрезентации в них лексических ресурсов национального языка. Первостепенное внимание уделено теоретической программе «Словаря современного русского литературного языка» (1948–1965) и преемственности с ней «Большого академического словаря русского языка» в контексте прагматических требований лингвистов и рядовых пользователей к современной лексикографии (полнота отражения словарного состава языка, возможные ограничения, развитие корпусных и информационных технологий, переход от печатных к электронным формам словарей).

Ключевые слова: толковые словари русского языка, название словаря, принципы отбора лексики, объем словника, исторические тенденции академической лексикографии, перспективы развития отечественной толковой лексикографии

Название словаря, как и любого другого жанрово-структурированного текста, не просто прагматически информативно, но и отчасти отражает принципы, методологию того или иного лексикографического издания, особенно когда это касается толковых словарей, репрезентирующих в глобальном масштабе национальную речевую стихию, понятийно-лексический и образно-фразеологический инвентарь конкретного языка.

«Словарь Академии Российской» (САР) (1789–1794) ориентировался на «Le Dictionnaire de la Académie Françoisе [Словарь Французской академии]» (1694, 4-е изд. — 1762), задачами которого были, в первую очередь, нормализация орфографии, поиск компромисса между исходной этимологической и новой фонетико-орфоэпической структурами слова. Своим названием САР не отражал программу составителей словаря, но имплицитно подразумевался как стилистически нормативный по принципам отбора лексики.

«Общий церковно-славяно-русский словарь» (1834) П. И. Соколова, не являясь академическим проектом, подчеркивал заглавием преимущество русского языка с «церковнославянским», общим культурным достоянием восточнославянских языков.

«Словарь церковнославянского и русского языка, составленный вторым отделением Академии Наук» (1847) акцентировал эту концепцию, хотя его название явно противоречиво, поскольку отрывает церковнославянское начало от истории древнерусского и русского литературных языков, раздваивая их эволюцию в рамках единого этно- и глоттогенеза.

Первым значительным словарем, наименование которого подчеркнуло его функционально-общественный статус, стал «Толковый словарь живого великорусского языка» (1863–1866) В. И. Даля, polemично отразивший и прагматичную сторону подобных изданий (толкование значений слов), и охватываемые им стилистические, хронологические границы: *живого*, т. е. не книжно-архаичного, а разговорного и одновременно современного; *великорусского*, т. е. не древнерусского и не церковнославянского, а собственно русского. Это, на наш взгляд, стало решающим моментом в развитии отечественной лексикографии, как и почти тезаурусный принцип отражения словарного состава русского языка, выраженный еще ярче в переиздании словаря в начале XX в. под редакцией И. А. Бодуэна де Куртенэ (включение отдельных бранных слов) [Даль 1903–1907]. До сих пор по широте охвата словника русской речи (около 220 тысяч лексем) [см.: Виноградов 1941/1977: 230] данный словарь является, несмотря на лакуны в нем [Васильев 2015: 83–84], самым репрезентативным справочником русского языка, даже без учета неологизмов и заимствований XX в., — на 100 тысяч лексем превышая по объему 17-томный академический словарь. Мы все до сих пор с благодарностью обращаемся к этому словарю, когда необходимо узнать значения редких слов.

Незавершенный лексикографический проект «Словарь русского языка, составленный 2-м отделением Академии Наук» (1895–1937), инициированный акад. Я. К. Гротом, а позже редактировавшийся акад. А. А. Шахматовым [Словарь русского языка... 1891–1907] и продолжавшийся советскими исследователями, не был альтернативой, судя и по названию, словарю В. И. Даля и развивал основные линии отечественной лексикографии — нормативную (Я. К. Грот) и тезаурусную (А. А. Шахматов) [Виноградов 1941/1977: 232–233; Шимчук 2003: 44–45], но в итоге так и не был доведен до конца, отчасти вследствие отсутствия компромисса между нормативностью и стремлением к максимальной лексической полноте [см. также: Васильев 2017].

«Толковый словарь русского языка» (1935–1940) под редакцией Д. Н. Ушакова, подготовленный коллективом выдающихся филологов (языковедов и литературоведов), продолжил наметившуюся стратегию: *толкование слов современного русского языка* — в его широких проявлениях, включая грубое просторечие (*блевать, блевотина, брехня, брехун, брехунец, брехунья, буза* ‘скандал, шумный беспорядок’, *бузовать, буркалы* и др.), диалектизмы (*али, бзик/бзык, бодун, бодунья, болона, большак, буза* ‘легкий хмельной напиток из проса, гречи, ячменя (в Крыму, на Кавказе)’, *бурак, быдло, бяша* и др.) и даже арго (*хипесник, хипесница* и др.); поэтому мы бы не стали говорить о его «нормативности» [ср.: Шимчук 2003: 45]. Составители словаря указывали, в частности, на ограничения в подаче терминологии: «Новый “Толковый словарь русского языка” есть словарь филологический, и к нему нельзя предъявлять тех требований, которым должны удовлетворять энциклопедические словари»; «...Толковый словарь русского языка не ставит себе целью обнять все богатство русского языка во всем его историческом и территориальном объеме»; «Он дает объяснение значений слов современного русского литературного языка, причем под литературным языком понимается не собственно язык художественной литературы, но вообще книжная и разговорная речь образованных людей» [Толковый словарь русского языка 1935–1940, т. 1: VII, XXI].

Отметим здесь противоречие в понимании термина «литературный язык»: по мнению «ушаковцев», это понятие шире «языка художественной литературы» и, следовательно, включает последний. Между тем современная трактовка данного лингвистического концепта принципиально иная: язык художественной литературы как сплав различных стилевых и стилистических черт (в том числе нелитера-

турное просторечие, вульгаризмы, обценизмы, диалектизмы, жаргонизмы, арготизмы) в строгом методологическом смысле не является собственнo литературной, т. е. кодифицированной, формой национального языка (ср. научный, деловой и отчасти публицистический стили) [см. также: Общее языкознание... 1970: 502–508]. Он гораздо шире по лексическому спектру как разговорного, так и литературного языка, поскольку вмещает в себя и то, и другое, а кроме этого окказиональные элементы, иноязычные вкрапления. К сожалению, указанное противоречие имплицитно присутствует и в последующих лексикографических проектах.

Педалирование категории нормативности с помощью термина «литературный» проявилось «Словаре современного русского литературного языка» [ССРЛЯ 1948–1965], который вобрал в себя, например, тысячи диалектизмов лишь на том основании, что их использовали те или иные писатели... Необходимость включения отдельных распространенных диалектизмов в академические толковые словари нами не оспаривается; но зачем при этом подчеркивать в названии и теоретической платформе словаря его нормативный статус? Задача любого толкового словаря — дать толкование, по возможности, всех слов национального языка, описать их функционально-стилистические черты, на базе чего и формируется речевая системная нормативность, а не наоборот, т. е. путем искусственных ограничений, фильтрации какой-то части лексики. Словарь, лишенный распространенных в обществе, узусе слов, ущербен, он не выполняет своей миссии — ни в отношении соотечественников, ни в качестве справочника для осваивающих русский язык как иностранный.

Новейший «Большой академический словарь русского языка» [БАС 2004–] преемственно связан с 17-томным и отличается от него интригующим названием. Оно лишено подчеркнутой избирательности в формировании словника, что несомненный «плюс», омонимически соотносится с неофициальным именованьем академического предшественника (БАС, хотя эта формулировка поддерживалась антонимической оппозицией: МАС [Словарь русского языка 1957–1961]). В то же время, не будучи коммерческим проектом, современная версия академического словаря (БАС-3) отражает, на наш взгляд, «коммерческую» издательскую политику, направленную на глобализацию подобных изданий, ср.: «Большой толковый словарь русского языка» [БТСРЯ 1998], «Большой словарь крылатых слов русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2000], «Большой словарь русского

жаргона» [Мокиенко, Никитина 2001], «Большой словарь мата» [Плущер-Сарно 2001–2005], «Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка» [Берков, Мокиенко, Шулежкова 2008] и т. д. Иногда эта номинативная тенденция доходит до нелепостей и абсурда, напр.: «Большой толковый словарь донского казачества: около 18 000 слов и устойчивых сочетаний» [2003], «Большой толковый словарь русского языка: около 60 000 слов» [2004], «Большой словарь трудностей русского языка» [2010], «Большой толковый уникальный иллюстрированный словарь для детей: фразеологизмы, пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова» [2012], «Большой уникальный иллюстрированный словарь иностранных слов и выражений для детей: [более 750 иностранных слов: более 250 весёлых рисунков]» [2012], «Большой уникальный иллюстрированный этимологический словарь для детей» [2012], «Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий» [2012], отразивший «свыше 1500 фразеологизмов», в то время как в скромном по названию «Фразеологическом словаре современного русского литературного языка» [2004] представлено «более 35 000 фразеологических единиц»...

Но если для некоторых из упомянутых словарей принцип всеохватности языкового материала в известной мере закономерен, не говоря уже о каламбурно-пародийном обыгрывании этого лексикографического «бренда» в словаре А. Плущера-Сарно, то БАС-3 вовсе не ставит задачу соревноваться с предшественниками по объему словника, не слишком превосходя в этом плане академический однотомник под редакцией С. А. Кузнецова, где представлено «около 130 тыс. слов» [БТСРЯ: 3].

По заверению научных редакторов словаря, БАС-3 отразит «более 150 000 слов русского языка его классического (XIX в.) и нового (XX–XXI) периодов. Он включает в себя всю [!] общеупотребительную лексику русского языка от Пушкина до наших дней...»; «БАС порождает особый, новый в русской лексикографии тип словаря-сокровищницы, словаря эталона [!] слов русского языка уже за два столетия его развития» [БАС, т. 1: 3, 6]. Однако в указанном словаре отсутствуют, например, некоторые книжно-высокие слова: *афродизиак*, *бренд*, *богоизбранный*, *измлада*, *камены* ‘музы’, *кириллический*, *коррелировать*, *мздоимный*, *неоднозначный*, *неосязательный*, *родо-племенной* и др. Как «эталонный» данный словарь, вслед за своим предшественником [ССРЛЯ], не включил, по пуристическим соображениям, исходя-

вшим и от издательства «Наука», в словарь-тезаурус, например, популярнейшую, ставшую многозначной в последнее время грубоватую лексему *жопа*. Заметим, что для этого невинного анатомического концепта нашлось место в более демократичном и не претендовавшем на статус тезауруса «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой [1992/2003: 195] и в академическом одготомнике [БТСРЯ 1998: 308]. Вместе с тем, исходя из традиций 17-томного словаря, БАС-3 продолжил линию внешней «демократизации» академической лексикографии. Здесь фиксируются, например, просторечные лексемы *гондон*, *дрыхня*, *едрить*, *едунья*, *едун*, *жимануть*, *откель*, *откудова*, *отчебучить*.

Заметим, что любой толковый словарь неизбежно сталкивается с лексическими ограничениями. Они касаются, в первую очередь, всего объема терминов и номенов, диалектизмов, жаргонизмов и арготизмов, т. е. необщепринятых ресурсов, а также популярных окказионализмов и лексоидов [Васильев 2015: 38–44, 83–86]. В отношении остальных ресурсов русского языка какие-либо ограничения исторически и функционально предстают менее объективными, — этически, может быть, напрашивающимися (вульгаризмы, обценизмы), но информативно порочными, лишаящими пользователя возможности оценить, верифицировать семантический и экспрессивно-стилистический подтекст распространенного словоупотребления...

Таким образом, «Большой академический словарь русского языка» как преемник ССРЛЯ оказывается не таким уж *большим* по своему словнику, несмотря на его безмерно многотомный характер. Определение «большой» не выглядит корректно с точки зрения академичности и скорее дань рекламной моде последних лет. Это наблюдение не подрывает огромного значения данного словаря как естественного продолжения двухвековой традиции отечественной академической лексикографии, направленной на создание масштабных словарных продуктов. Но будущее толковой лексикографии, на наш взгляд, не за многотомными дорогостоящими бумажными изданиями, а за оперативно пополняемыми и легко корректируемыми электронными карточками и словарями, в которых найдут свое место, хотя бы в виде гиперссылок, в большем объеме, чем ранее, термины, номены, диалектизмы, жаргонизмы, арготизмы, окказионализмы, лексоидные образования, историзмы, архаизмы, неологизмы, т. е. почти все ресурсы национального языка (речи) в их глобальной исторической и функциональной перспективе [Васильев 2017].

Литература

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов русского языка. М., 2000.

Берков В. П., Мокиенко В. М., Шулежкова С. Г. Большой словарь крылатых слов и выражений русского языка. Магнитогорск, Greifswald, 2008.

Большой словарь трудностей русского языка / сост. В. Ю. Никитина. М., 2010.

Большой толковый словарь донского казачества: около 18000 слов и устойчивых сочетаний / ред.: В. И. Дегтярёв [и др.]. М., 2003.

Большой толковый словарь русского языка: около 60000 слов / под ред. Д. Н. Ушакова [sic!]. М., 2004.

Большой толковый уникальный иллюстрированный словарь для детей: фразеологизмы, пословицы и поговорки, афоризмы и крылатые слова / авт.-сост.: С. В. Волков, С. Н. Зигуненко, С. В. Истомин. М., 2012.

Большой уникальный иллюстрированный словарь иностранных слов и выражений для детей: более 750 иностранных слов: более 250 весёлых рисунков / ред.-сост. Ю. Н. Лебедева. М., 2012.

Большой уникальный иллюстрированный этимологический словарь для детей. М., 2012.

Большой фразеологический словарь русского языка: значение, употребление, культурологический комментарий: [около 1500 фразеологизмов] / отв. ред. В. Н. Телия. М., 2012.

Васильев Н. Л. Возможен ли идеальный толковый словарь: дескриптивность vs нормативность // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2017. Т. 76. № 3. С. 23–29.

Васильев Н. Л. Теория языка. Русистика. История советской лингвистики. М., 2015.

Виноградов В. В. Толковые словари русского языка (1941) // Виноградов В. В. Избранные труды: Лексикология и лексикография. М., 1977. С. 206–242.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2001.

Общее языкознание: Формы существования, функции, история языка / отв. ред. Б. А. Серебренников. М., 1970.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд. М., 2003.

Плуцер-Сарно А. Ю. Большой словарь мата. СПб., 2001–2005.

Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Академии наук / под ред. Я. К. Грота, А. А. Шахматова. Т. 1–2. СПб., 1891–1907 (изд. не закончено).

Словарь русского языка: В 4 т. М., 1957–1961.

Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Фразеологический словарь современного русского литературного языка: В 2 тт. / под ред. А. Н. Тихонова. М., 2004.
Шимчук Э. Г. Русская лексикография: Учебное пособие. М., 2003.

Сокращения

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Тт. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).

БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб., 1998.

Даль — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 тт. 3-е изд., испр. и доп. / под ред. И. А. Бодуэна де Куртенэ. СПб.; М., 1903–1907.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л, 1948–1965.

On the methodology of academic dictionaries: from the name to the principles of reflection of the vocabulary of the russian language

Nikolay Vasilyev

nikolai_vasiliev@mail.ru

Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russia

The conceptual connection of the names of the most important explanatory dictionaries of the Russian language (in their historical perspective — from the “Dictionary of the Russian Academy” to the “Great academic dictionary of the Russian language”) with the principles of representation of lexical resources of the national language in them is analyzed. The primary attention is paid to the theoretical program of “Dictionary of the modern Russian literary language” (1948–1965) and the continuity with it “Large academic dictionary of the Russian language” in the context of pragmatic requirements of linguists and ordinary users to modern lexicography (completeness of the reflection of the vocabulary of the language, possible limitations, the development of corpus and information technologies, the transition from printed to electronic forms of dictionaries).

Keywords: explanatory dictionaries of the Russian language, the name of the dictionary, the principles of vocabulary selection, the volume of the dictionary, the historical trends of academic lexicography, the prospects of development of domestic explanatory lexicography

Словник «Большого академического словаря русского языка» как отражение функционально-стилистических разрядов лексики

Елизавета Владиславовна Пурицкая

purichi@list.ru

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

В статье анализируются данные, полученные на материале вышедших томов «Большого академического словаря русского языка», и предлагаются критерии параметрического описания лексических единиц с нормативно-стилистическими пометами, выделенных по социально-функциональному, хронологическому и территориальному признакам. Особое внимание уделяется лексике с двойными (комбинированными пометами), которые позволяют квалифицировать лексический состав русского языка в исторической ретроспективе. Большой языковой материал, который представляет собой словник БАС, также позволяет исследовать изменения лексической системы.

Ключевые слова: академическая лексикография, «Большой академический словарь русского языка», словник, стилистическая помета, функциональный стиль

«Большой академический словарь русского языка» [БАС, т. 1–24], представляющий собой после ССРЛЯ третье издание академического толкового словаря большого типа, — на сегодняшний день самый полный словарь литературного языка, фиксирующий не только современное состояние языка, но и позволяющий проследить грамматические и семантические изменения слов на протяжении нескольких сотен лет, а также фиксирующий изменения, которые за это время произошли в лексическом составе языка. БАС прежде всего отражает актуальные для данного времени сферы функционирования языка, описывает активный нормативный словарный запас современного общества в данную языковую эпоху. При этом словарь охватывает гораздо более протяженный период, чем все предыдущие академические словари, тем самым представляя собой уникальную сокровищницу русской лексики XIX–XXI веков и источник для изучения изменений различных стилистических и функциональных разрядов лексической системы русского языка.

В данной статье анализируются данные, полученные на материале вышедших томов БАС, и на примере слов, снабженных нормативно-стилистическими пометами, предлагаются критерии параметрического описания лексических единиц со сложными стилистическими характеристиками. Материал для анализа был выбран из опубликованных томов «Большого академического словаря русского языка» [БАС, т. 1–24]. Текст словарей был обработан скриптами на языке Python, в результате чего были получены различные статистические данные.

Общее количество словарных статей (вхождений) на данный момент работы над словарем составляет почти 100 тыс. Наиболее общей, категориальной характеристикой семантики слова является его частеречная принадлежность, соответственно, самой универсальной зоной словарной статьи, дающей наибольшую степень формализации данных, является зона грамматики; грамматическая характеристика слова в словаре является одним из основных параметров поисковых систем в автоматизированных базах данных. С точки зрения грамматической отнесенности истолкованных в словаре слов вышедшие тома демонстрируют следующие результаты: существительные 31912, глаголы 38916, прилагательные 21184, наречия 6312, служебные части речи 455, местоимения 72, числительные 76, «неизвестные» 105, итого 99121 (в процентном соотношении: существительные 32%, глаголы 39%, прилагательные 22%, наречия 6%, служебные части речи 1%, местоимения, числительные, «неизвестные» менее 1%). Для сравнения в МАС: существительных 41883, глаголов 30988, прилагательных 19273, наречий 2357, остальных 1258, или, в процентном соотношении: существительных 44%, глаголов 32%, прилагательных 20%, наречий 3%, остальных 1%. [Поликарпов, Курлов 1994: 68–69].

Обращает на себя внимание тот факт, что словник словаря большого типа, каким является БАС, по сравнению, например, со словником словаря среднего типа, демонстрирует большее число существительных, чем глаголов, процент же прилагательных при этом остается прежним. Отметим, что при алфавитном принципе подачи материала словник разных томов многотомного словаря большого типа демонстрирует разное распределение лексем по грамматическим разрядам. Так, например, в 6 томе БАС (з-зятюшка) заметно доминирование глаголов (что определяется большим количеством лексем с приставкой за-, большая часть которых глаголы), а в 12 томе (нёдруг-няня) — прилагательных, поскольку в этот том включены прилагательные

с отрицательной приставкой типа *непогашенный, неповрежденный, неповторяемый*; 8 том (какюта-кюрины) заметно опережает другие тома по количеству местоимений. Все это говорит о том, что использование словарей большого типа как источника лингвистических данных и как источника моделирования лексической системы невозможно на основе ограниченной выборки или избранных томов (как это было сделано на материалах МАС, где анализировались 1, 2 и 4 тома на основании того, что «данные по $\frac{3}{4}$ объекта, несомненно, надежно характеризуют объект в целом» [Поликарпов, Курлов 1994: 68].

Отметим, что не все вхождения в БАС снабжены однозначной грамматической характеристикой — встречаются и «неизвестные» с грамматической точки зрения вхождения, т. е. вхождения, разработанные на своем алфавитном месте, но при которых не заполнен грамматический раздел статьи. Обычно это словарные статьи на фразеологизм, компоненты которого в свободных сочетаниях не употребляются, а также словарные статьи, толкующие часть слова, и вхождения, в принципе не имеющие определенной грамматической отнесенности, например:

АНТОНОВ. ~ *Антонов огонь.*

АРЕДОВЫ. ~ *Аредовы веки, до аредовых лет* (жить, прожить).

БАШ. ~ *Баш на баш* (менять, обменивать и т. п.).

ПРОПАДОМ. ~ *Пропадом пропадать / пропасть.*

ЗАУРЯД. 1. *Устар.* Первая часть сложносоставных слов, вносящая знач.: занимающий должность без соответствующего чина, диплома и т. п. (зауряд-прапорщик, зауряд-офицер и т. п.).

ВИЦЕ... Первая часть составных названий должностей, званий, вносящая знач.: заместитель, помощник (вице-губернатор, вице-канцлер и т. п.).

ВСЯК, а, о, *кратк. ф. сл.* всякий (только им. пад.).

Г. Четвертая буква русского алфавита.

Вхождений, не содержащих зоны грамматической характеристики, немного, однако их необходимо учитывать при подсчетах, и при включении их в автоматизированную базу данных необходимо дать грамматическую квалификацию (если это возможно).

Обработка текста словарей скриптами на языке Python была использована для анализа слов с нормативно-стилистическими пометами, которые являются маркерами отнесенности слова к тому или иному стилистическому разряду. Стилистическая характеристика слова — важнейший параметр лексической системы как нормативной

подсистемы современного русского языка. Внутри данной подсистемы выделяются группы лексических единиц, объединенных общими признаками. В основу параметризации традиционно кладутся три основных критерия: социально-функциональный (функционирование слова в разных социальных сферах и ситуациях общения), хронологический (принадлежность к активному или пассивному словарному запасу) и территориальный (употребление слов повсеместно или на ограниченной территории) — соответственно выделяется лексика сниженных стилистических пластов (разговорная, разговорно-просторечная, жаргонная, сниженная и др.), устаревшая лексика и диалектная (областная) лексика, причем часть лексических единиц может обладать одновременно несколькими признаками.

В отечественной лексикографической традиции существуют большие различия в использовании нормативно-стилистических помет в разных словарях, а также заметны противоречия в использовании одной пометы пределах одного словаря, за что словари не раз подвергались критике. Однако критика чаще всего основана на небольшой выборке слов или сравнении словарей разных типов и разного времени создания. При этом БАС как словарь большого типа характеризуется значительным приращением («дополнением») словника, в который включаются единицы различных стилистических и хронологических пластов национального языка, что отличает БАС от словарей малого и среднего типов. «Это дополнение состоит из единиц, практически нигде не представленных, кроме текстов прежних эпох, продолжающих сохранять культурную значимость. Учет этого «дополнения» в общей сумме наряду с совокупным актуальным лексическим составом данного языка и приводит к полному охвату лексической системы данного языка, отображению полного состава литературного словаря данного народа в данную эпоху. Устаревшее «дополнение» в этой картине представляет тот слой лексической системы, который является для нее наиболее периферийным, но все же реально существующим, так как хотя бы некоторая часть общества, хотя бы и пассивно, но знает единицы этого слоя, читает и понимает тексты, содержащие их (и даже, может быть, изредка употребляет со справочными или стилистическими целями некоторые из лексических средств этого типа)» [Поликарпов, Руис-Соррилья 2013: 13–14]. Критериями включения периферийной лексики в словник БАС являются употребление ее в произведениях классической литературы, а также наличие лексикографического источника, в котором это слово зафиксировано, по-

сколькx БАС является наследником российской академической лексикографической традиции.

Как показывают результаты количественного анализа слов с функционально-стилистическими пометами, маркирующими слова различных стилистических пластов, в БАС слов с пометами¹:

Разг. — 18344 (18,4% от всего словника)

Прост. (а также *Груб.-прост.*) — 6491 (6,7%)

Обл. — 1956 (2,1 %)

Устар. (а также *Устаревающее*) — 13900 (13%)

Кроме того, в БАС применяется комбинация помет:

Устар. и *Прост.*, *Устар. Прост.* 1039 (1,1 % от словника)

Устар. и *обл.* 612 (0,6 %)

(Ср. в МАС: *Разг.* 18,53% (куда включено и просторечие), *Устар.* 6 %, *Обл.* 0,88% [Поликарпов, Курлов 1994: 68–69]).

Итак, заметно, что более 25 % словника БАС составляют единицы сниженных стилистических пластов, снабженные пометами *Разг.*, *Прост.* (*Груб.-прост.*) и *Обл.* (в БАС введена также помета *Жарг.*, но она используется крайне редко, поэтому в данном анализе не учитывается). При этом БАС как словарь большого типа, отражающий лексику русского языка в исторической перспективе, содержит в два раза больше устаревших, не употребительных в современной речи лексических единиц (архаизмов), чем словарь среднего типа: «...усиление периферийной составляющей в словаре среднего типа в сравнении с кратким словарем, а в большом словаре — в сравнении со средним происходит как за счет большего привлечения в него знаменательной (в основном предметной) лексики, так и менее широко употребляемых (а то и вовсе — неупотребляемых), но пассивно известных (хотя бы кому-либо из ныне живущих) значений слов» [Поликарпов, Руис-Соррилья 2013: 19]. Слова с пометой *Устар.* (а также *Устаревающее*) составляют 13% словника, что в два раза превышает объем такой лексики в словарях среднего типа. Помета *Устар.* (устарелое) указывает на то, что слово, его значение или форма вышли из употребления и в современном языке воспринимается как архаизм.

Часть лексем имеет обе характеристики, стилистическую и хронологическую, что означает, что слово относится к сниженным стили-

---

¹ Слово считалось маркированным пометой, если соответствующая помета встретила в словарной статье хотя бы один раз.

стическим пластам и одновременно отражает динамические изменения лексического состава языка. Эти случаи маркируются соединением помет, при этом при постановке дополнительной пометы *Устар.* последовательно различаются два случая: соединение помет посредством союза И (*Устар.* и *разг.*, *Устар.* и *прост.*, *Устар.* и *обл.*) и соединение без союза (*Устар. прост.*, *Устар. разг.*). Комбинация помет с союзом И означает, что слово устарело с точки зрения современного языка, но употребляется в сниженных его разновидностях. Соединение функциональной и динамической пометы без союза (*Устар. разг.*, *Устар. прост.*) означает, что слово было характерно для какой-либо функциональной разновидности русского языка (откуда оно попало в произведение классической литературы), но сегодня не употребляется.

Так, примерно одна шестая часть лексем (слов и значений) с пометой *Прост.* в БАС сопровождается одновременно и пометой *Устар.* Комбинация помет *Устар.* и *прост.* означает, что слово устарело с точки зрения современного языка, но употребляется в просторечии, например:

ба́бничать *Устар.* и *прост.* 'вести себя как баба', **гада́ться** *Устар.* и *прост.* 'думаться, предполагаться', **доли́ть** *Устар.* и *прост.* 'одолевать', **зада́чный** *Устар.* и *прост.* 'удачный, счастливый', **кнутри́** *Устар.* и *прост.* 'по направлению к центру предмета', **ла́сина** *Устар.* и *прост.* 'лоснящееся пятно, полоса на чем-л.', **неду́житься**, *Устар.* и *прост.* 'нездоровиться'. Кроме того, комбинация помет может маркировать иную, по сравнению с нормативной, форму литературного слова: **быстренько** <...> С иным (*устар.* и *прост.*) удар: быстре́нко; **портфе́ль** <...> В иной (*устар.* и *прост.*) форме: портфе́ль, и, ж. [Полицеймейстер] *держит рапорт о благосостоянии города; правитель канцелярии с портфелем ждет у дверей кабинета; исправник бросает тоскливые взоры на эту портфель.* Герцен, Зап. одного молод. чел. — Ты бы лучше пособил.. Брось свою портфель и давай. Проскур. Горьк. травы.

При этом пометы *Устар.* *прост.* маркируют случаи, когда слово являлось единицей «старого просторечия» (вторая половина XIX — начало XX вв.), но сегодня не употребляется и большинству носителей не известно, например:

бунтова́ться *Устар.* *прост.* 'поднимать бунт' *Городничиха поспешает сообщить своему мужу, что приказные бунтуются, требуют водки.* Салт. Губерн. оч.; **гвоздь: Гвоздём не вышибешь, не выколотишь** и т. п. (какой-л. мысли, намерения и т. п.). *Устар. прост.* 'никак не переубедить (кого-л.)'. *Алексей знал, что если отец заберет что себе в голову, то уж того.. у него*

гвоздем не вышибешь. Пушкин. Барышня-крест.; **доселева** Устар. прост. 'до сих пор'; **кобяниться** Устар. прост. 'упорствовать, не соглашаться'; **обдёранный** Устар. прост. 'плохо одетый; обтрепанный, оборванный'.

Комбинация помет Устар. и разг. означает, что лексема (или ее форма) устарела с точки зрения литературной нормы, но используется в разговорной речи, например:

отдáрок Устар. и разг. 'вещь, которую дарят в благодарность за полученный подарок; ответный подарок' [Татарин] *не подарит огурца без надежды получить за него отдарок*. Марл. Аммалат-Бек. <...> *Подарки невестка везла рублевые, но преподносила так, будто достала их по великому благу. Конечно, Кирпиковы отвечали отдарком, и не рублевым, но все выходило, что невесткино не в пример ценнее*. Крупин, Жив. вода.

миллионёрка Устар. и разг. 'Женск. к миллионер'. В БАС не приведено примеров употребления данной лексемы в современных текстах, однако она употребляется в разговорной речи и используется современными писателями для речевой характеристики персонажей, например: [Вера] *подарки приняла с благодарностью, но в глазах Эля уловила разочарование: «Миллионерка, могла бы и больше привезть»*.. В. Токарева, Террор любовью.

Следует заметить, что не во всех случаях комбинация помет используется последовательно. Так, например, прилагательное **анáfемский** Устар. и разг. в значении 'очень плохой, скверный, отвратительный' в современной разговорной речи не употребляется, хотя и было характерно для непринужденного общения прошлых эпох, помету лучше заменить на Устар. разг.

Пометы Устар. Разг. показывают, что слово, форма слова или сочетание были характерны для разговорной речи прошедших эпох, но сегодня являются устаревшими, например:

аму́рничать Устар. разг. 'заниматься любовными похождениями, иметь любовные отношения'; **безборóдый**: Безборóдая публика. Устар. разг. 'о чиновниках и военных, для которых бритье бороды было обязательным'; **благовéстить** Устар. разг. 'разглашать вести, слухи и т. п.'; **лиссабóн** Устар. разг. 'сорт португальского крепленого вина (портвейна); вино такого сорта'; **мада́м** Устар. разг. 'хозяйка модного магазина, модная портниха (обычно иностранка)'.

Также в БАС при характеристике лексики, которая устарела с точки зрения литературной нормы, но продолжает употребляться в русских народных говорах, используется комбинация помет Устар. и обл., например:

ва́реги ‘теплые рукавицы, варежки’ *Татьяна Карповна ткала знатные полотна и вязала вареги*. Помял. Данилушка. [Домна] *сучит овечью нитку, чтобы к зиме спроворить сыну теплые вареги*. Личутин, Последн. колдун.; **долгу́ша** *Устар.* и *обл.* ‘телега, повозка с длинным кузовом’, **за́верть** *Устар.* и *обл.* ‘метель, пурга, буран’, **отгоро́дка** *Устар.* и *обл.* ‘легкая стенка, отделяющая часть помещения; отгороженная часть помещения’.

Итак, система функционально-стилистических помет в нормативном словаре литературного языка — один из центральных элементов описания лексики, необходимых для понимания системы языка в целом, и важнейшая зона словарной статьи, которая к тому же поддается формализации, что особенно важно для электронного представления словаря. Анализ функционально-стилистических помет в БАС как словаре большого типа, который после своего завершения будет включать более 150 тысяч вхождений, позволяет построить описание лексической системы русского языка по функционально-стилистическим параметрам, с учетом как одного из трех основных параметров — социально-функционального, хронологического и территориального, так и их пересечений. Комбинации помет показывают пересечения параметров: стиль (*Разг.*) /вхождение в активный лексикон (*Устар.*), территориальная ограниченность (*Обл.*) /вхождение в активный лексикон (*Устар.*) и др. Как отмечают исследователи, «В “больших” словарях стилистическое описание оказывается затрудненным из-за широких хронологических рамок, внутри которых норма успевает пройти несколько этапов развития» [Круглов, Истратий, Гамирова 2015: 213]. Соединение помет разной направленности позволяет это затруднение отчасти преодолеть, поскольку предоставляет пользователю словаря более подробную информацию о слове, употребленном в произведениях классической или современной литературы. Кроме того, комбинация помет позволяет изучать различные языковые формы прошедших эпох, что возможно только на таком большом языковом материале, какой представляет собой словарь БАС. Однако некоторые лексические единицы, снабженные комбинацией помет, нуждаются в нормативной переоценке.

Благодарность

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка», проект № 17-04-00552/15.

Литература

Круглов В.М., Истратий В.В., Гамирова Д.Р., Каплан Е.Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / ред. В.М. Круглов. СПб., 2015.

Поликарпов А.А., Курлов В.Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (по данным толковых словарей)» // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 62–75. Обновленная версия: [Электронный ресурс:] URL: http://www.philol.msu.ru/~humlang/articles/mas_ind.htm

Поликарпов А.А., Руис-Соррилья Крусате М. Трехчастная типология толковых словарей С.И. Ожегова в системной перспективе // Вестник Московского государственного университета. 2013. Сер. 9. Филология. № 5. С. 7–34.

Сокращения

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–24. Москва; СПб., 2004–2017. (продолжающееся издание)

МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1950–1965.

The glossary of the “Great academic dictionary of the russian language” as a reflection of functional and stylistic distributions of vocabulary

Elizaveta Puritskaya

purichi@list.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The article analyzes the data obtained on the basis of the published volumes of the “Great Academic Dictionary of the Russian Language” (BAS), and proposes criteria for the parametric description of lexical units with normative-stylistic labels, selected according to socio-functional, chronological and territorial features. The particular attention is paid to the vocabulary with double (combined) labels, which allow to qualify the lexical composition of the Russian language in a historical retrospective. Moreover, the BAS' glossary contains the rich linguistic material enabling to explore changes in the lexical system.

Keywords: academic lexicography, “Great Academic Dictionary of the Russian language”, glossary, stylistic label, functional style

Иллюстрации из текстов А. Н. Островского в «Словаре современного русского литературного языка» и данные «Частотного словаря языка А. Н. Островского»

Нина Семеновна Ганцовская

Gantsovsky_n@mail.ru
Костромской государственный университет,
Кострома, Россия

Галина Дмитриевна Неганова

cultland@yandex.ru
Костромской государственный университет,
Кострома, Россия

Авторы рассматривают представленность цитат из произведений А. Н. Островского в словарных статьях «Словаря современного русского литературного языка» в сравнении с подобным материалом двух последующих его изданий. Анализируется состав пьес драматурга в каждом из изданий 1-го тома Словаря, их продуктивность, полнота используемых цитат, частотность иллюстрируемой лексики в языке писателя. Предметом специальных наблюдений является определение локальной окраски слов, иллюстрируемых текстами А. Н. Островского.

Ключевые слова: Большой академический словарь русского языка, словарная статья, А. Н. Островский, частотность, диалектное слово

Составителями нового словаря русского литературного языка под редакцией Д. Н. Ушакова [Ушаков I: 5–6] отмечалась «пренебрежение к русской разговорной речи» в качестве основной черты академических словарей старого типа. В свое время В. И. Даль пробудил интерес к диалектам, к русской разговорной речи, справедливо полагая, что надо постигнуть суть («дух») народного языка и на этой основе выработать постепенно свой «образованный» язык. Этому пожеланию в определенной степени отвечают новые академические словари современного русского литературного языка: Толковый словарь русского языка под ред. Д. Н. Ушакова и многотомные академические словари всех трех изданий, начиная с первого, известные под именем «БАС» (Словарь современного русского литературного языка, Большой академический словарь русского языка), а также четырехтомный Словарь русского языка (МАС — Малый академический словарь). В них включены примеры употребления «живой» русской разговорной лексики

из классических произведений русских писателей, в частности, широко представлены цитаты из текстов А. Н. Островского. С именем драматурга связан ощутимый демократический вклад в развитие русского литературного языка — мощный приток лексики и фразеологии живой разговорной речи. Вместе с тем, подобно А. С. Пушкину и другим корифеям русской классической литературы, в своем творчестве он органически соединяет элементы книжно-письменного и разговорного языка, где сигналы разговорности на фоне преобладающих книжных средств языка создают полную иллюзию естественной, непринужденной речи.

Предметом нашего внимания является представленность цитат из произведений А. Н. Островского, иллюстрирующих ту или иную лексику в 1-м томе юбилейного «Словаря современного русского литературного языка» (БАС₁) в сравнении с подобным материалом двух последующих его изданий. Нас интересует состав пьес драматурга в каждом из изданий этого тома БАС, их продуктивность, полнота используемых цитат, частотность иллюстрируемой лексики в творчестве писателя, что, несомненно, определенным образом соотносится с употребительностью данного слова в общелитературном языке или его отдельных сферах. Сведения о частоте употребления того или иного слова в текстах писателя предоставляет Частотный словарь языка А. Н. Островского (ЧСЯО), созданный костромскими и ивановскими авторами под редакцией Н. С. Ганцовой как части энциклопедии А. Н. Островского. Также предмет наших специальных наблюдений является выявление локальной окраски слова, иллюстрируемого текстом А. Н. Островского и имеющего специальную помету *обл.* или же скрывающуюся под видом помет *простор.*, *истор.*, *разг.* и др., для чего ряд слов сопоставлялся с данными Словаря русских народных говоров.

В первую очередь отмечаем, что в рассматриваемом томе БАС₁ в качестве иллюстративного материала использованы только цитаты из пьес А. Н. Островского; иные произведения, а также нехудожественные тексты составителями не привлекались. Из 47 оригинальных пьес драматурга цитируется 40 (в БАС₂ — 41). Цитируемые тексты относятся к разным периодам его творчества: I — 1840–50-е гг.; II — 1860-е гг.; III — 1870–80-е гг. (по ЧСЯО). Наиболее часто цитируются две пьесы позднего (III) периода: «Снегурочка» (11 цитат, что составляет 8,9 % от их общего количества) и «Без вины виноватые» (6 цитат — 4,9 %); три пьесы, написанные в ранний (I) период: «Бедность не порок» (7 цитат —

5,7%), «Свои люди — сочтемся!» и «Гроза» (по 5 цитат — 4,0 %); из периода 1860-х гг. в качестве иллюстраций использованы по 4 цитаты (3,3 %) из пьес «Козьма Захарыч Минин, Сухорук», «Воевода, сон на Волге» и «На всякого мудреца довольно простоты». Единичные цитаты взяты из пьес «За чем пойдешь, то и найдешь (Женитьба Балзамина)» (1861), «Тяжелые дни» (1863), «Воевода, сон на Волге» (1864), «Василиса Мелентьева» (1867), «Богатые невесты» (1875), «Правда — хорошо, а счастье лучше» (1876), «Бесприданница» (1878), «Сердце не камень» (1879). Всего в 1-м томе БАС₁ нами выявлено 123 цитаты из пьес А. Н. Островского, используемые как примеры словоупотреблений в 105 словарных статьях.

В 1-м томе БАС₂ значительно, на 49 и 43 % соответственно, увеличивается количество словарных статей, содержащих цитаты из произведений А. Н. Островского, и количество используемых в качестве иллюстраций цитат. Максимальное количество цитат — из пьес «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (11), «Снегурочка» и «Свои люди — сочтемся!» (по 10). В словарные статьи не вошли иллюстрации из пьес, представленных в БАС₁: «Богатые невесты», «Правда — хорошо, а счастье лучше», «Семейная картина» и «Тяжелые дни». По-видимому, причина отчасти заключается в подходе к отбору иллюстративного материала, изложенном во «Введении ко второму изданию», а именно: «осуществлен более строгий подход к отбору цитат с точки зрения отражения ими общеязыковых норм, исключены цитаты окказионального и индивидуально-авторского характера»; «иллюстративный материал Словаря существенно обновлен за счет цитат из художественной литературы последних десятилетий» (1-й том Словаря вышел в 1991 г.); «взамен цитат, не отражающих современную идеологию и характер общественно-политической жизни, включены цитаты из новых партийных документов, а также речения, созданные на основе текстов периодической печати»; «в целях сокращения объема словаря и устранения излишней беллетризации избыточные цитаты заменяются типичными, регулярно воспроизводимыми речениями» [БАС₂ I: 17]. Сравнение соответствующих словарных статей в обоих изданиях демонстрирует, как проявился такой подход. Например, в словарной статье «Агент» БАС₁ приведена иллюстрация из пьесы «Пучина»: «[Кисельников:] *В суде я вас никогда не видал-с.* [Неизвестный:] *Я сам не бываю, а у меня есть агенты, которые за меня ходят по судам*» [БАС₁ I: 41–42]; в БАС₂ все представленные значения иллюстрируются цитатами из источников XX века: Полн. собр. соч. В. И. Ле-

нина, романов «Мертвая зыбь» (1965) Л. В. Никулина, «Сибирь» (1969–1973) Г. М. Маркова, «Суровое поле» (1963) А. В. Калинина. В словарной статье «Алчный» БАС₁ дана иллюстрация из пьесы «Трудовой хлеб»: «[Ключница:] Алчная я, жадная, до всего завистная, до всякой малости завистная» [БАС₁ I: 101]; в БАС₂ приводится цитата из романа «Свидание с Нефертити» (1963) В. Ф. Тендрякова [БАС₂ I: 78].

Первый том 3-го издания включает слова на А–Биш, поэтому для корректного сравнения определяем аналогичный объем словарных статей в предыдущих изданиях. Полученные результаты показывают, что по сравнению с БАС₁ на 70 % увеличилось количество иллюстраций, на 21 % — количество цитируемых пьес А. Н. Островского. Это коррелирует с расширением словника в данном объеме (А–Бишь) БАС₃. Наиболее цитируемой по-прежнему остается «Снегурочка» (10 цитат), востребованными оказались также пьесы «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (8 цитат), «Лес» и «Последняя жертва» (по 6 цитат). Как и в БАС₂, наблюдаются случаи сокращения в цитатах или, напротив, увеличения их объема. Так, в словарной статье «Аукаться» БАС₁ приводится цитата из пьесы «Снегурочка», состоящая из 4-х стихотворных строк, по две в каждом предложении: «[Лель:] В роще подруженьки врозь разбрелись, Кто по кустам, кто по ельничку. Ягодки брали, аукались, Милой подруженьки нет, как нет» [БАС₁ I: 221]; в аналогичной статье БАС₂ и БАС₃ она дана с сокращениями — опущены 2-я и 4-я строки (выделены подчеркиванием): «[Лель:] В роще подруженьки врозь разбрелись... Ягодки брали, аукались» [БАС₂ I: 270; БАС₃ I: 309]. В словарной статье «Бесить» цитата из комедии «Доходное место» в БАС₁ также большего объема, состоит из двух предложений: «[Вышневицкий:] Не падение меня бесит — нет, а торжество, которое я им доставляю своим падением. Что теперь разговору, что радости!» [БАС₁ I: 402]; в БАС₂ и БАС₃ приведено одно предложение — то, в котором непосредственно содержится объясняемая лексема [БАС₂ I: 502; БАС₃ I: 563]. Данные примеры, однако, не являются основанием для утверждения положения о тенденции к сокращению объема цитат в последующих изданиях. Напротив, имеется случай его увеличения. Так, во всех трех изданиях при толковании слова *безделье* в качестве примера словоупотребления используется цитата из «Снегурочки». В БАС₁ она иллюстрирует значение «пустое занятие, забава» с негативной коннотацией, на что указывает компонент 'пустое': «Народ великодушный Во всем велик — мешать с бездельем дело Не станет он — трудиться, так трудиться. Плясать и петь, так вдоволь — до упаду» [БАС₁ I:

336]. Во 2-м и 3-м изданиях представлена цитата большего объема, она иллюстрирует смысловой оттенок слова («Устар. поэт. Досуг, приятное времяпрепровождение, забава»): *«Играйте, веселитесь, Заботы прочь гоните, для заботы Своя пора. Народ великодушный Во всем велик, — мешать с бездельем дело Не станет он; трудиться так трудиться, Плясать и петь — так вдоволь, до упаду»* [БАС₂ I: 411] (в БАС₃ толкование дано без значения 'забава' [БАС₃ I: 465]).

Имеющийся в нашем распоряжении ЧСЯО позволяет установить, как часто А. Н. Островский употреблял в своих текстах, как художественных, так и нехудожественных, лексемы, которые в БАС₁ представлены с иллюстрациями из его пьес. Наивысшую частотность среди них имеет служебное слово *а*, занимающее 7-е место по количеству употреблений (15 035), *бы* — 40- место (3 358). В «Тысячу самых частых слов» также входят: *быть* (ранг (Р) — 12, частотность (Ч) — 9 732); *бояться* (Р — 141, Ч — 851); *брать* (Р — 143, Ч — 830); *брат* (Р — 165, Ч — 703); *благодарить* (Р — 241, Ч — 481); *бежать* (Р — 353, Ч — 332); *будто* (Р — 406, Ч — 284); *барышня* (Р — 414, Ч — 279); *бумага* (Р — 441, Ч — 261); *бросить* (Р — 620, Ч — 183); *бросать* (Р — 675, Ч — 167); *большой* (Р — 758, Ч — 146); *бить* (Р — 805, Ч — 138); *бегают* (Р — 868, Ч — 126) [ЧСЯО: 655–657]. В БАС₁ включены слова, редкие (одно-два употреблений) в языке А. Н. Островского, тем не менее, с иллюстрациями из его пьес. В их числе 17 лексем, которые, по данным ЧСЯО, встречаются в художественных и нехудожественных текстах драматурга всего по одному разу: *абаз**, *авантажный**, *амбар**, *апелляционный*, *аспидски**, *баланиц**, *бездомовник**, *безлистный*, *беспардонно*, *беспечально*, *бесхлебица**, *близир** (в выражении для *близиру*), *бобёр**, *богачество**, *бордюрчик*, *брусяной**, *бряцать* [ЧСЯО: 531–359]; из них 11 (помечены звездочкой), большая часть, представлены в БАС₁ с пометами (*истор.*, *устар.*, *доревол.*, *в просторечии*, *в просторечной форме*, *переносно*).

В словарных статьях с цитатами из пьес А. Н. Островского 1-го тома БАС всех трех изданий выявлено 6 лексических единиц пометой *обл.*: *ажно* — «В просторечии и обл. То же, что аж, даже. [Улита Прохорова:] *Вдруг наверху, над моей головой, кто-то крикнул во все горло, я ажно присела*. А. Остр., Шутники, д. III, явл. I» [БАС₁ I: 60]; *баба* — «Обл. Пеликан. [Мороз:] *А вот вчера Из-за моря вернулась птица-баба, Уселась на полынь широкой*. А. Остр. Снегурочка» [БАС₂ I: 282; БАС₃ I: 324] (в БАС₁ это слово приведено с пометой «Зоол.» и соответственно с другой иллюстрацией [БАС₁ I: 233]); *батожьё* — «Батог,

а, м. <...> 2. Устар. и обл. Палка вообще, трость. <...> Батожьё, я, ср. Собир. Батоги. <...> [Боярин Облезлов:] *С холопьями твоими суд короток: Велю их бить нещадно батожьем.* А. Остр., Воевода, д. V, явл. 10» [БАС₁ I: 296]; *бельмы* — «2. В просторечии и обл. Бельма и бельмы, мн. Глаза (уничиж.). <...> [Дарья:] *Бегу из лавочки, а тут какой-то дурак остановился на дороге, да прямо в глаза и смотрит. Что, говорю, бельмы-то выпучил, чего не видал, на мне ничего не написано.* А. Остр., Бедная невеста, д. I, явл. 4» [БАС₁ I: 390]; *березничек* — «Собир. Устар. и обл. Уменьш.-ласк. к березник и берёзник; мелкий березовый лесок. [Лель:] *Ельник мой, ельничек, Частый мой березничек. Приволье мое!* А. Остр. Снегурочка» [БАС₂ I: 491; БАС₃ I: 550]; *благодарить* — «В просторечии и обл. Благодарить на чем. [Старик:] *Благодарим покорно на ласковом слове да на потчеваньи.* А. Остр., Бедность не порок, д. II, явл. 6» [БАС₁ I: 478]. Вместе с тем еще у ряда слов, представленных в БАС с иллюстрациями из пьес А. Н. Островского, обнаруживается соответствие в СРНГ. Приведем примеры.

Аще. В словарной статье «Аще» БАС₂ и БАС₃ союз дается с пометой: «Устар. Если (в соврем. употр. — обычно в стилизованной речи). [Минин:] *И аще, братья, похотим помочь, Не пожалеем наших достояний!* А. Остр. К. З. Минин..» [БАС₂ I: 278; БАС₃ I: 319] (в БАС₁ слово имеет помету «Церк.» [БАС₁ I: 228]). В СРНГ, со ссылкой на «Опыт областного великорусского языка» и В. И. Даля, отмечено бытование союза *аще* со значением «хотя, если» в мещерских говорах [СРНГ I: 300].

Бахарь. Цитата из пьесы «Комик XVII столетия»: «[Кочетов:] *Вот книга-то* ["Домострой"]! *Вся жизнь, как на ладони, Показана. Читай о скоморохах, бахарях*» (у А. Н. Островского: «[Кочетов:] (Показывая "Домострой") *Вот книга-то! Вся жизнь как на ладони Показана. Читай о скоморохах И бахарях и казись*» [Островский VII: 356]) иллюстрирует употребление лексемы *бахарь* со значением 'рассказчик, сказитель' [БАС₂ I: 370; БАС₃ I: 421]. В СРНГ представлены пять значений этого многозначного слова, первое из которых «говорун, краснбай»; второе — «человек, умеющий хорошо рассказывать сказки; сказочник» [СРНГ II: 152].

Беда. В соответствующей статье БАС₃ приводится толкование: «2. В знач. нареч., в функции сказ. Прост. Очень много. [Антип Антипыч:] *Да уж что с этим немцем смеху было — беда!* А. Остр. Сем. картина» [БАС₃ I: 439]. Такое же значение дается в СРНГ с пометой «в знач. нареч. или усилит. частицы» [СРНГ II: 173].

Бездельный. С пометой «Устар.» представлено значение этого слова в БАС₂ и БАС₃: «Устар. Не заслуживающий внимания, незначительный, несущественный, ничтожный. [Минин:] *Что заварится! Брань да перекоры, Бездельные, пустые разговоры.* А. Остр. К. З. Минин..» [БАС₂ I: 411;

БАС₃ I: 465]. «Маленький, ничтожный» — с таким значением лексема *бездельный* зафиксирована в вологодских говорах (Тотем., Никол., Сольвыч.) [СРНГ II: 187].

Бездомовник. В БАС₁ эта лексема приводится в словарной статье «Бездомный»: «В просторечии. Человек, не имеющий жилища или семьи; одинокий. ♦ Человек, не привязанный к дому, мало бывающий дома. [Лотохин:] *Я сам бездомовник, человек кочующий; зимой по клубам, а летом по родным кочую*. А. Остр., Красавец-мужчина, д. I, явл. 2» [БАС₁ I: 339]. В БАС₂ и БАС₃ слово *бездомовник* выступает как заголовочное, с пометой «Устар. прост.», в толковании представлены два самостоятельных значения: «1. Тот, у кого нет своего дома, жилища, пристанища»; «2. Человек, не испытывающий привязанности к дому; плохой хозяин» [БАС₂ I: 415; БАС₃ I: 469]. (В данном случае усматривается реализация принципа, заявленного во «Введении ко второму изданию» Словаря: «...гораздо шире и последовательнее производится выделение самостоятельных значений слова взамен смысловых оттенков» [БАС₂ I: 11].) В СРНГ данная лексическая единица представлена также в качестве заголовочного слова. В тексте, разъясняющем его, приводятся два значения: 1) «человек, не имеющий своего хозяйства или дома, жилища» — *Волог., Калуж., Тул.*; 2) «бесхозяйственный человек» — *Тул., Калуж., Перм., Свердлов.* [СРНГ II: 188].

Браво. В БАС₁ представлено наречие *браво* со значением «молодцевато», в качестве иллюстрации взята цитата из пьесы «Бесприданница»: «[Илья:] *Вот беда, вот беда! В хоре надо браво стоять, а его [Антон] на бок перегнуло*. А. Остр., Бесприданница, д. II, явл. 4» [БАС₁ I: 598–599]. В этом же издании БАС наречие *молодцевато* — от прилагательного *молодцеватый*, толкуемого как «имеющий бравый вид, статное, крепкое сложение», «присущий, свойственный молодцу» [БАС₁ VI: 1189–1190] (*молодец* — «молодой человек бравого вида, крепкого сложения, статный, сильный; удалец» [БАС₁ VI: 1180]). В пьесе же речь идет о теноре, который должен петь в хоре, и, скорее всего, приведенная цитата может иллюстрировать смысловой оттенок, коррелирующий со значением диалектного слова: «хорошо; красиво» (Перм., Енис.) [СРНГ III: 146]; заметим, что в БАС₂ эта цитата исключена из словарной статьи.

Буки. В разных изданиях Словаря это слово представлено с различными пометами и отличиями в объяснении. В БАС₁: «В просторечии: о неосновательных надеждах на будущее; о сомнительных, только гадательных предположениях»; приводится выражение «Все это буки, пока это буки — ненадежные обещания» с иллюстрацией: «[Ризположенский:] *Заслужу, Лазарь Елизарыч, когда-нибудь сквитаемся*. [Подхалюзин:] *Все это буки-с. Улита едет, да когда-то она будет*. А. Остр., Свои люди. . . , д. II, явл. 5» [БАС₁ I: 678]. В БАС₂: «Устар. О неосновательных надеждах на будущее» [БАС₂ I: 809]. Сравним в СРНГ: «2. О чем-либо маловероятном, гадательном», указывается география — *Пенз., Твер.* [СРНГ III: 265].

Как видим, помета *обл.* к словам, иллюстрируемым цитатами из произведений А. Н. Островского, знатока диалектов и автора «Материалов для словаря русского народного языка», может встречаться чаще, чем это мы наблюдаем и даже в данном томе, где превалирует заимствованная лексика на букву *А*, но особенно, полагаем, в последующих томах.

Привлечение материалов классиков русской литературы, ввиду их неувядаемой актуальности, в нашем случае А. Н. Островского, в качестве иллюстративного материала академических нормативных словарей является крупным достижением русской лексикографии XX в., которое следует в полном объеме сохранить и в дальнейшем при формировании новых словарей подобного типа или переиздании прежних. Помимо того, что примеры из пьес, пожалуй, самого любимого до сих пор русской публикой драматурга, выявляя словарное богатство русского языка в его наиболее демократической форме, помогают точно и многосторонне семантизировать заголовочное слово и атрибутировать его по многим позициям, они также дают представление о единстве русского языка в хронотипическом, территориальном и социальном планах, показывают выразительные свойства слова в разных сферах русского языка и, в силу высоких эстетических качеств текстов писателя, способствуют популяризации Словаря в целом.

Литература

Островский А. Н. Полное собрание сочинений: в 12 тт. / под общ. ред. Г. И. Владыкина, И. В. Ильинского, В. Я. Лакшина и др. М., 1973–1980.

Сокращения

БАС₁ _ Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1950–1965.

БАС₂ _ Словарь современного русского литературного языка. В 20 т. Т. 1 / гл. ред. К. С. Горбачевич. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 1991. (незаконченное издание)

БАС₃ _ Большой академический словарь русского языка. Т. 1 / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб., 2004. (продолжающееся издание)

СРНГ — Словарь русских народных говоров. Т. 1–3. Л.; СПб., 1965–1968.

Ушаков — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ЧСЯО — Частотный словарь языка А. Н. Островского / под ред. Н. С. Ганцовской // А. Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. и сост. И. А. Овчинина. Кострома; Шуя, 2012. С. 530–658.

Illustrations from the texts of A. N. Ostrovsky in the vocabulary of the “Dictionary of the modern russian literary language” and data from the “Frequency dictionary of the language of A. N. Ostrovsky”

Nina Gantsovskaya

Gantsovsky_n@mail.ru
Kostroma State University, Kostroma, Russia

Galina Neganova

cultland@yandex.ru
Kostroma State University, Kostroma, Russia

The authors consider how the quotations from the works of A. N. Ostrovsky are presented in the dictionary entries of the jubilee “Dictionary of the Modern Russian Literary Language” in comparison with similar material of two subsequent editions of it. They pay attention to the composition of the plays of the playwright in each of the editions of the 1st volume of the Dictionary, their productivity, completeness of the quotations used, the frequency of the illustrated vocabulary in the writer’s language. The subject of special observations is the definition of the local coloring of words, illustrated by the texts of A. N. Ostrovsky.

Keywords: Large Academic Dictionary of the Russian language, dictionary entry, A. N. Ostrovsky, frequency, dialect word

Применение технологии базы данных в лингвистических исследованиях

Кристина Сергеевна Кочергина

tinakohergina@gmail.com

Национальный исследовательский Томский
государственный университет, Томск, Россия

В статье приводится краткий обзор существующих на данный момент лингвистических баз данных. Лингвистическая база данных рассматривается как новый формат представления лексикографической информации в соотношении с форматами традиционного бумажного и электронного словаря. Описываются возможности применения лингвистических баз данных в качестве исследовательского инструмента на примере «Лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц)», разрабатываемой для целей лингвистической экспертизы.

Ключевые слова: словарь, база данных, лингвистическая экспертиза, отрицательно-оценочная лексика

Постановка проблемы

По последним данным в опыте отечественной лексикографии в период с конца XVII в. до начала XXI в. накоплено более 3 300 лексикографических продуктов — одноязычных словарей русского языка (их общий список представлен в справочной книге В. А. Козырева и В. Д. Черняк [Козырев, Черняк 2016: 405–592]), среди которых исследователи выделяют 37 типов (с подтипами): толковые словари (насчитывается 59 наименований), словари неологизмов (44 наименования), динамические словари (4 наименования), словари иностранных слов (127 наименований) и др. [Козырев, Черняк 2015]. При этом каждый словарь «характеризуется определ[енной] концепцией, касающейся типа, объема С[ловаря] и разработки в нем разл[ичных] лексикографич[еских] параметров, т. е. отбора слов и их аспектов, разъясняемых в С[ловаре]» [Гак 1990].

Многообразие лексикографических изданий, разнообразие их типов, своеобразие каждого из словарей — все это ставит перед лингвистом-исследователем проблему выбора какого-то одного словаря-источника (или нескольких, например, для сопоставительных исследований) в соответствии со своими исследовательскими целями, т. е.

выбор словаря в качестве источника для исследования обуславливает его результаты. При этом субъективный выбор лингвиста-исследователя накладывается на «субъективность» лексикографа как автора, составителя, автора-составителя, редактора словаря (называемую Н. Д. Голевым «интуицией» лексикографа [Голев 2003]).

Для соблюдения принципов объективности, всесторонности и полноты лингвистических исследований [73-ФЗ: ст. 8], в частности, необходимо обращаться к нескольким лексикографическим источникам. Так, например, И.А. Стернин отмечает, что при производстве лингвистической экспертизы возникает необходимость использовать «несколько разных толковых словарей (из практики — не менее трех), включая словари сленга и разговорной речи», при этом «данные разных словарей должны быть *обобщены* методом обобщения словарных дефиниций» [Стернин 2017: 203].

Таким образом, при проведении теоретических и прикладных лингвистических исследований следует обращаться к нескольким словарям-источникам, например, при производстве лингвистической экспертизы, когда разнородность систем стилистических помет и расхождение в стилистической квалификации лексики в толковых словарях не способствуют точности и объективности исследований, проводимых с опорой на них: «пометы при одном слове (или его значении) в разных словарях могут быть различны, либо они могут отсутствовать в одних словарях при наличии в других» [Кочергина 2017: 34], равно как и сами слова (или их значения) могут быть представлены не во всех словарях.

Одним из решений указанной проблемы является использование технологии базы данных, позволяющей получать лексикографическую информацию из различных источников, в том числе в сопоставлении.

История вопроса

База данных (далее — БД) — это «упорядоченная совокупность данных, предназначенных для хранения, накопления и обработки с помощью ЭВМ» [База данных 1993: 96]. Под лингвистической БД (далее — ЛБД), соответственно, понимается совокупность систематизированных лингвистических данных.

Технология БД широко применяется в различных сферах, в том числе в лингвистических исследованиях, например, в фонетических,

лексических, грамматических исследованиях, в лексикографии и компьютерной лингвистике.

В работах Н. А. Мишанкиной [Мишанкина 2012; 2013] рассматриваются проблемы, связанные с обработкой информации и созданием информационных систем на основе технологии БД в гуманитарной сфере и, в частности, с применением данной технологии в области филологических (лингвистических) исследований. Исследователь дает историческую справку о существующих БД и предлагает выделять ЛБД в отдельную категорию, выделяя в них два типа: *полнотекстовые* (содержащие целостные тексты) и *фактографические* (содержащие лингвистические единицы различных уровней: фонетического, морфологического, лексического, синтаксического).

К первому типу ЛБД относятся, например, «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru), «Томский диалектный корпус», представленный на сайте Лаборатории общей и сибирской лексикографии (losl.tsu.ru/?q=node/23), БД «Среднеобский фольклор» [Мишанкина, Тубалова, Эмер 2004; Мишанкина 2012].

В качестве примеров известных в настоящее время ЛБД второго типа назовем следующие: БД «Звучание» [Мишанкина 2013], БД метафорической терминологии [Мишанкина, Панасенко 2016], психолингвистическая БД [Резанова, Миклашевский 2016], БД прагматически маркированной лексики [Саженин 2015; Басалаева 2016; Булыгина, Трипольская 2016; 2017].

Таким образом, анализ разработанных ЛБД позволил сделать вывод о том, что каждая ЛБД создается для решения конкретной исследовательской задачи, и на данный момент не существует ЛБД, предназначенных для целей лингвистической экспертизы.

ЛБД как новый формат представления лексикографической информации

В настоящий момент для отечественной лексикографии характерен процесс «перевода существующего массива словарей различных типов из бумажного формата в электронный» [Селегей], а также активно развивается новое направление — компьютерная лексикография, в рамках которой создаются электронные словари.

Под электронным словарем понимается «не просто электронная (отсканированная, оцифрованная) версия уже созданного бумажного словаря», а «полностью самостоятельный продукт» [Агапова, Карто-

Фелева 2014а: 6]. Такими могут считаться, например, толковый словарь Ефремовой (efremova.info) и собрание словарей на портале «Академик» (dic.academic.ru), размещенные в сети Интернет.

Общими для всех словарей функциями являются «фиксация, систематизация, накопление и хранение знаний о мире и о национальном языке, передача этих знаний от поколения к поколению» [Лукьянова 2006: 28]. Помимо них каждому типу словаря свойственны свои функции: например, толковые словари нормативного типа выполняют функцию описания и нормализации русского языка, а переводные — позволяют получать информацию о других языках. В плане выполнения этих функций форматы бумажного и электронного словарей представляются аналогичными.

Описанию недостатков и преимуществ бумажных и электронных словарей посвящен ряд работ таких исследователей, как В.П. Селегей, О.С. Рублева, Н.А. Агапова, Н.Ф. Картофелева и др. [Селегей; Рублева 2010; Агапова, Картофелева 2014а; Агапова, Картофелева 2014б].

В данной статье охарактеризуем формат ЛБД в соотношении с традиционным форматом бумажного (толкового) словаря и форматом электронного (толкового) словаря по следующим параметрам: форма, объем и характер информации, поиск данных, структура.

По форме представления данных. Как и электронный словарь, ЛБД обладает электронной формой (что также отличает ЛБД от бумажного словаря), которая позволяет получать к ним доступ в удобное для пользователя время и в любом месте. Однако если электронный словарь может существовать только в форме самостоятельного компьютерного приложения или интернет-сайта, то ЛБД кроме этого может быть успешно интегрирована в качестве модуля компьютерной программы, например, предназначенной для автоматической обработки текста. Таким образом, электронная форма представления информации в виде ЛБД предоставляет большие возможности ее использования в исследовательских целях.

По объему и характеру данных. Электронная форма электронного словаря и ЛБД позволяет увеличить объем содержащейся в них информации по сравнению с традиционным бумажным словарем, имеющим связанные с форматом книжного издания определенные ограничения, а также предоставляет возможность наращивать ее объем путем добавления новых данных и корректировки имеющихся. При этом и электронный словарь, и ЛБД могут включать не только большой объем лексикографической информации, но и информацию другого

рода (нелингвистическую, например, аудио-, видео-, фотоматериалы), дополняющую, иллюстрирующую представленные лингвистические данные. Отметим, что если электронный словарь представляет собой как правило один словарь (или несколько его томов), то ЛБД может включать информацию из более чем одного словаря (в том числе многотомного), а также из нескольких словарей разных типов. Кроме того, ЛБД отличается от электронного словаря тем, что она не ограничена функциональными рамками лексикографического издания, поэтому может содержать и несловарные данные, например, результаты, полученные в ходе проведения психолингвистического эксперимента, или контексты со словоупотреблениями, извлеченные из корпуса текстов.

По поиску данных. Несмотря на гораздо больший объем содержащейся в них информации электронный словарь и ЛБД предоставляют пользователю возможности более удобного и более быстрого ее поиска, чем при работе с бумажным словарем, в котором он осуществляется вручную — обычно по алфавиту (прямому и обратному) и тематическим группам. Кроме этих двух основных вариантов в электронном словаре и ЛБД возможен автоматический поиск по введенному заголовочному слову, при этом для ЛБД также предусмотрен поиск (сортировка, фильтрация) по заданным параметрам, например, по стилистическим пометам. При помощи ЛБД можно осуществлять поиск как по каждому источнику в отдельности, так и одновременно по нескольким, что особенно важно при проведении сопоставительных исследований или исследований, требующих максимальной объективности, к каковым относится в том числе лингвистическая экспертиза. Отметим, что при подключении ЛБД к программам, предусматривающим машинную обработку текста, возникает возможность извлечения представленных в ЛБД данных посредством автоматического поиска по тексту.

По структуре данных. Быстрота и удобство поиска обусловлены высокой структурированностью информации, содержащейся в ЛБД. По аналогии со словарем (как бумажным, так и электронным) в ЛБД можно выделить макроструктуру (схему данных, отображающую связи между всеми таблицами) и микроструктуру (структуру каждой таблицы данных). В ЛБД данные представлены в табличном виде, то есть дискретно: одна запись приравнивается к одной словарной статье (либо к части словарной статьи в случае многозначных слов, для каждого значения которых создается отдельная запись) и состоит из

нескольких единиц данных, соотносимых с лексикографическими параметрами слова (например, толкованием, типом значения, комментарием). Таким образом, структура ЛБД динамична (изменяема) в отличие от статичной (неизменяемой) структуры бумажного и электронного словарей.

Таким образом, по форме представления данных, объему и характеру информации, поиску данных ЛБД отчасти похожа на электронный словарь, однако ввиду специфики своего формата имеет большие функциональные возможности, связанные с особой структурой представления в ней информации.

Отметим, что если словари в первую очередь являются продуктами теоретической и практической лексикографии, то ЛБД — выступает как инструмент исследований. ЛБД не является полным аналогом словаря (как бумажного, так и электронного), но представляется отдельным самостоятельным форматом представления лексикографической информации, который может применяться при проведении лингвистических исследований в качестве альтернативы традиционному формату бумажного словаря и новому формату электронного словаря.

Отношения между словарями и ЛБД можно охарактеризовать следующим образом. ЛБД, содержащая лексикографическую информацию, вторична по отношению к словарям как ее источникам, поскольку представляет собой совокупность извлеченных из них данных. При этом, как указывалось выше, формат ЛБД может применяться при создании как бумажных, так и электронных словарей: в таком случае ЛБД первична по отношению к словарям, созданным на основе содержащихся в ней данных.

Таким образом, создание ЛБД является одним из перспективных направлений на пересечении прикладной лингвистики и современной лексикографии и позволяет не только повышать эффективность решения традиционных для лингвистики задач, но и решать ряд новых задач.

Возможности применения ЛБД в лингвистических исследованиях

В данной статье рассмотрим применение технологии БД при проведении лингвистических исследований на примере «Лингвистической базы данных отрицательно-оценочной лексики (имена существитель-

ные со значением номинации лица и группы лиц» (далее — ЛБД ООЛ) [Кочергина 2017; Кочергина 2018].

ЛБД ООЛ представляет собой совокупность систематизированных лингвистических данных — лексико-семантических единиц (далее — ЛСЕ) и их параметров. Под ЛСЕ понимается лексическая единица в конкретном ее значении, а именно существительное с отрицательно-оценочной семантикой номинации лица и группы лиц, в том числе эквивалентная ему идиома. Под параметрами ЛСЕ понимаются её значимые семантические, стилистические и другие характеристики (атрибуты), извлечённые из лексикографических источников.

Назначение разрабатываемой ЛБД — предоставление семантической, стилистической (отрицательно-оценочной) и иной вспомогательной (дополнительной) информации об оценочных словах при проведении лингвистических исследований (как теоретических, так и практических).

В лексикографии. Как уже отмечалось ранее, ЛБД используются для составления новых словарей (как бумажных, так и электронных). Так, например, на основе представленных в ЛБД ООЛ данных могут быть составлены словари таких типов, как словарь оценочной лексики, словарь инвективной лексики, словарь наименований лиц и др. Кроме того содержащаяся в ЛБД ООЛ стилистическая информация найдет применение в теоретических исследованиях на пересечении областей лексикографии и стилистики (например, для разработки системы стилистических (оценочных) помет).

В лексикологии. ЛБД, содержащие единицы лексического уровня, описывают определенные фрагменты языковой картины мира, в частности, ЛБД ООЛ, содержащая отрицательно-оценочные наименования лица и группы лиц, характеризует фрагмент языковой картины мира, связанный с категорией оценки, системой ценностей, представлениями о человеке. Существующие связи между таблицами в ЛБД позволяют прослеживать и выстраивать системные отношения между лексическими единицами, исследовать проблему их многозначности и др. Представленное в формате ЛБД описание оценочной лексики может способствовать нахождению новых подходов к ее семантико-стилистической характеристике.

В экспертной деятельности. Формат ЛБД позволяет при проведении исследований (в том числе при производстве лингвистической экспертизы) не только сопоставлять информацию из нескольких

источников, тем самым объективируя их результаты, но и ускорять сам процесс (в частности, с применением автоматической обработки текста), что особенно актуально для исследования текстов большого объема. Сведения, извлеченные из ЛБД ООЛ, представляют практический интерес для лингвистов-экспертов и лингвистов-исследователей, изучающих языковые явления на материале конфликтных текстов. ЛБД ООЛ может применяться как инструмент исследования при решении вопросов о негативной оценке лица и группы лиц: в первую очередь по делам об оскорблении, оскорблении представителя власти, неуважении к суду, оскорблении чувств верующих (поскольку помимо лексикографической информации содержит данные о возможности охарактеризовать форму негативной оценки как неприличную), а также по делам о клевете, по делам, связанным с экстремистской деятельностью и др.

В экспериментальных исследованиях. Формат ЛБД позволяет с ее помощью подбирать материал для проведения экспериментальных исследований, формировать анкеты, обрабатывать полученные в ходе эксперимента результаты, тем самым одновременно пополняя ЛБД новыми данными. В качестве примера такого эксперимента, проведение которого возможно при помощи ЛБД ООЛ, назовем психолингвистический эксперимент по определению семантики и стилистической характеристики слов в обыденном представлении носителей русского языка.

В автоматической обработке текстов. Как отмечалось выше, ЛБД могут быть подключены к компьютерным программам, например, ЛБД ООЛ может использоваться в качестве инструмента поддержки процедуры лингвистической экспертизы — для автоматического поиска негативной оценки (отрицательно-оценочных лексических единиц и их контекстов) в конфликтных текстах [Кочергина 2015; Кочергина, Кочергин 2017].

Помимо лингвистических исследований технология БД находит применение и *в практической деятельности*, например, в изучении и преподавании русского языка (как родного, неродного, иностранного) и переводческой деятельности. ЛБД могут использоваться носителями русского языка в качестве информационно-справочных ресурсов, когда возникают определенные трудности, связанные, например, со стилистическими синонимами, разрешить которые позволяет ЛБД ООЛ. Подобную информационно-справочную функцию ЛБД могут выполнять и при переводе текста на русский язык: так с помощью

ЛБД ООЛ возможно подбирать стилистически нейтральные или, наоборот, окрашенные единицы.

Таким образом, ЛБД (и, в частности, ЛБД ООЛ) являются эффективным инструментом для лингвистических исследований разной направленности, проводимых в разных областях лингвистической науки, и обладают практической ценностью как для исследователей (в том числе экспертов), так и для носителей русского языка (как родного, неродного, иностранного).

Выводы

Наряду с продолжающимся изданием бумажных словарей, а также их переводом в электронный формат, созданием электронных словарей как самостоятельных лексикографических продуктов начало XXI в. в отечественной лексикографии характеризуется активной разработкой ЛБД (в частности, содержащих единицы лексического уровня) как нового, самостоятельного формата представления лексикографической информации.

Формат ЛБД обладает рядом преимуществ перед традиционными бумажными и электронными словарями, поскольку позволяет хранить больше лингвистической (и нелингвистической) информации, накапливать и систематизировать ее, осуществлять быстрый и удобный поиск в ее пределах, а также имеет открытую, динамичную структуру для внесения изменений, непрерывно происходящих в языковой системе.

Использование технологии БД в лингвистических (и в целом — гуманитарных) исследованиях способствует эффективной работе с материалом, в том числе за счет возможности применения средств машинной обработки.

Таким образом, ЛБД открывают новые перспективы для дальнейших исследований (не только в области лексикографии), в которых они могут выступать как в качестве эффективного инструмента, так и объекта исследования.

Литература

Агапова Н.А., Картофелева Н.Ф. О принципах создания электронного словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы // Вестник Томского государственного университета. 2014а. № 382. С. 6–10.

Агапова Н.А., Картофелева Н.Ф. Проект электронного словаря лингвокультурологического типа: общая концепция и специфика технического воплощения // Вопросы лексикографии. 2014б. № 2. С. 17–30.

База данных // Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. М., 1993.

Басалаева Е.Г. Прагматический макрокомпонент и способы его семантизации в электронной базе данных // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 112–125.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. База данных прагматически маркированной лексики русского языка: материал, принципы описания, возможности использования // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 70–85.

Булыгина Е.Ю., Трипольская Т.А. Национально-культурный компонент в семантике слова и способы его представления в базе данных прагматически маркированной лексики // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 5–19.

Гак В.Г. Словарь // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. [Электронный ресурс]. URL: <http://tapemark.narod.ru/les/462a.html> (дата обращения: 05.11.2018).

Голев Н.Д. Юрислингвистический словарь инвективной лексики русского языка (к постановке проблемы) // Актуальные проблемы русистики: Матер. Междун. науч. конф. / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск, 2003. Вып. 2. Ч. 1. С. 92–98.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший. СПб., 2015.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Кто есть кто в русской лексикографии: справочная книга. СПб., 2016.

Кочергина К.С. Проектирование базы лингвистических данных (на материале оценочной лексики) // Материалы XIX Открытой конференции студентов-филологов (Санкт-Петербург, 18–22 апреля 2016 года) / отв. ред. С.И. Монахов. СПб., 2017. С. 170–174.

Кочергина К.С. Система интеллектуальной поддержки процедуры лингвистической экспертизы // Перспективы развития фундаментальных наук. Сборник научных трудов XII Международной конференция студентов и молодых ученых. Национальный исследовательский Томский политехнический университет. Томск, 2015. С. 1497–1499.

Кочергина К.С. Стилистические пометы в толковых словарях современного русского языка: сопоставительный анализ // Вопросы лексикографии. 2017. № 11. С. 20–38.

Кочергина К.С., Кочергин М.И. Разработка компьютерного приложения для лингвистической экспертизы // Информационные технологии в гуманитарных науках тезисы докладов конференции. Сибирский федеральный университет. 2017. С. 129–130.

Лукьянова Н.А. Типология русских лингвистических словарей // Вестник НГУ. Серия История. Филология. 2006. Т. 3. Вып. 1. С. 20–44.

Мишанкина Н.А. Базы данных в лингвистических исследованиях // Вопросы лексикографии. 2013. № 1 (3). С. 25–33.

Мишанкина Н.А. Базы данных в филологических исследованиях // Открытое и дистанционное образование. 2012. Т. 2. С. 35–40.

Мишанкина Н.А., Панасенко Е.А. База данных метафорической терминологии: концептуальное проектирование // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2016. № 6 (34). С. 86–99.

Мишанкина Н.А., Тубалова И.В., Эмер Ю.А. Филология и информатика: специфика электронного представления региональных фольклорных текстов // Гуманитарная информатика: Сб. статей / под ред. Г. В. Можяевой. Вып. I. Томск, 2004. С. 102–114.

Резанова З.И., Миклашевский А.А. Моделирование образно-перцептивного компонента языковой семантики при помощи психолингвистической базы данных // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 5 (43). С. 71–92.

Рублева О.С. Слово в электронном словаре (с позиции пользователя электронными ресурсами). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2010.

Саженин И.И. К вопросу о построении базы данных прагматически маркированной лексики // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. 2015. № 5 (27). С. 114–121.

Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2018620042. Лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики (имена существительные со значением номинации лица и группы лиц) / К.С. Кочергина. — 10.01.2018. — М.: Роспатент, 2018.

Селегей В.П. Электронные словари и компьютерная лексикография. [Электронный ресурс]. URL: http://www.slowo.ru/stat9_1.html (дата обращения: 05.11.2018).

Стернин И.А. Основные принципы семантического анализа в лингвокриминалистической экспертизе текста // Вестник Кемеровского государственного университета. 2017. № 1. (69). С. 202–207.

Сокращения

БД — база данных

ЛБД — лингвистическая база данных

ЛБД ООЛ — лингвистическая база данных отрицательно-оценочной лексики

ЛСЕ — лексико-семантическая единица

Application of database technology in linguistic research

Kristina Kochergina

tinakochergina@gmail.com

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

The article provides a brief overview of the currently existing linguistic databases. The linguistic database is considered as a new format for the presentation of lexicographic information in reference to the traditional paper dictionary format and the electronic dictionary format. The capabilities of using linguistic databases as a research tool are described on the example of the “Linguistic database of negative-evaluative lexicon (nouns with the meaning of the nomination of a person and a group of persons)” which is developed for the purposes of forensic linguistics.

Keywords: dictionary, database, forensic linguistics, negative evaluative lexicon

Интегральный подход к описанию семантики относительных прилагательных на страницах «Словаря современного русского литературного языка»

Георгий Иванович Михалёв

georgy.mihaliov@yandex.ru

Российский университет транспорта (РУТ (МИИТ)),
Москва, Россия

В статье представлен анализ лексикографической обработки относительных прилагательных авторами «Словаря современного русского литературного языка». На основе проведенного анализа делается вывод об интегрирующем характере применяемых в Словаре методов и способов лексикографического описания семантической структуры относительных прилагательных: использование при составлении словарных дефиниций результатов системно-структурного и функционального методов научных исследований.

Ключевые слова: словарь литературного языка, относительные прилагательные, семантическая структура, способ построения словарной статьи, системно-структурный метод, функциональный метод

Издание «Словаря современного русского литературного языка» в 1948–1965 годах — знаменательное событие не только в истории отечественной лексикографии. Сложно переоценить его вклад в развитие филологической науки, образования и культуры нашей страны. 120480 слов русского языка получили свое подробное толкование. Предельная конкретизация лексического значения при составлении словарных дефиниций относительных прилагательных — один из способов наиболее полного, подробного описания в Словаре их семантической структуры. Благодаря использованию такого подхода к лексикографическому описанию лексического значения многие прилагательные русского языка нашли свое отражение на страницах Словаря (начиная с самых первых томов) в сопровождении семантически исчерпывающих дефиниций, не оставляющих вопросов и неясностей в их толковании:

Бронзовый, а я, о е. Сделанный из бронзы... ♦ Имеющий цвет бронзы: желто-коричневый, золотисто-желтый, темно- или светло-желтый с блеском... ♦ *Медиц.* Бронзовая болезнь... ♦ *Археол.* Бронзовый век...» [ССРЛЯ I: 637]. Аналогично: *алфавитный, аналитический, аномальный,*

анонимный, апельсиновый, аршинный, базальтовый, байковый, бирюзовый, бисерный, бобрóвый, болеутоляющий, борода́тый, бревенчатый, бязевый, выходной, галёрный, галечниковый, дермати́новый, деревя́нный и т. д.

Особенно отчетливо такой подход к лексикографическому описанию относительных прилагательных проявляется, когда речь идет о многозначных словах с устойчивой и очень развитой структурой. Например, прилагательное *бёглый* имеет свою собственную словарную статью (в виде исключения из гнездового принципа расположения, когда «...гнездо оказывается богатым по семантике и словообразованию и поэтому слишком обширным...» [ССРЛЯ I: X]). «Обширность» гнезда создается более пристальным анализом употребления относительных прилагательных в огромном количестве контекстов, фиксацией всех выявленных лексико-семантических вариантов и оттенков значения. В словарной статье прилагательного отражено 5 самостоятельных значений, 5 оттенков, объяснение 4 устойчивых сочетаний и употребление, характеризуемое в Словаре толкованием «в знач. сущ.».

Бума́жный — 4 значения, 1 оттенок и 6 устойчивых сочетаний; *ветро́вой* — 4 значения; *вну́тренний* — 4 значения, 4 оттенка, 8 устойчивых сочетаний; *голово́ной* — 3 значения, 1 оттенок и 5 сочетаний; *дома́шний* — 4 значения, 4 оттенка и 3 сочетания; *желе́зный* — 5 значений, 1 оттенок и 4 сочетания; *зото́вой* — 4 значения, 8 оттенков, 23 сочетания и выражения; *ка́менный* — 3 значения, 4 оттенка и 12 сочетаний и выражений; *физи́ческий* — 6 значений, 4 оттенка и 11 сочетаний, *ше́лковый* — 5 значений, 1 оттенок и 1 сочетание, *электри́ческий* — 6 значений, 4 оттенка и 6 сочетаний и т. д.

Появление таких статей на страницах Словаря не случайно и симптоматично. Сам языковой материал, воздействуя на лингвистическое чутье составителей Словаря, подталкивает к необходимости, даже в ущерб теоретическому единству последнего, зафиксировать все выявленные значения анализируемых слов, не боясь, что какая-то их часть окажется за пределами лексикографического описания. Следует по достоинству оценить труд авторского коллектива, проводившего эту колоссальную работу «ручным способом». Думается, если бы данный подход мог быть осуществлен с использованием современных методов электронной обработки материала, таких статей в Словаре было бы гораздо больше, поскольку пристальный анализ многих контекстов, зафиксированных в Национальном корпусе русского языка, позволяет говорить об устойчивой многозначности относительных

прилагательных, многие из которых и по сей день толкуются как слова, имеющие только одно значение.

Составители первых трех томов Словаря, отражая на его страницах семантику относительных прилагательных, как правило, придерживались заявленных во введении теоретических позиций, согласно которым лексическое значение относительных прилагательных «...вполне соответствует значению основного слова, изменяясь лишь по своей грамматической принадлежности, которая и указывается при данном производном слове установленной пометой» [ССРЛЯ I: XI]. Эта общая помета «*прил.*» сопровождает большую часть прилагательных, размещенных согласно принятому в первых трех томах Словаря гнездовому способу, в словарной статье производящего слова, подменяя общекатегориальным значением признака, свойственного любому прилагательному, лексическую наполняемость конкретных лексико-семантических вариантов, употребляемых в языке как в качестве самостоятельных значений, так и в качестве оттенков значения. Иногда такая презентация даже не сопровождается иллюстративным материалом, поскольку, как указано во введении, «одни слова требуют более широкого, развернутого определения, для других достаточно краткого указания...» [ССРЛЯ I: XII]. Например:

«**Агáвный**, *прил.*» [ССРЛЯ I: 39]. Нет ни толкования, ни иллюстрации, только указание на то, что это слово относится к грамматическому классу имен прилагательных. Аналогично: *анабиотический*, *аортальный*, *аортальный*, *арактовый*, *арбалетный*, *арбитражный*, *арочный*, *башмачный*, *блиндажный*, *балковый*, *веночный* и т. д.

Иногда значение прилагательного «наводится» краткой этимологической справкой первоисточника:

«**Ба́ковый**, *прил.* <...>

— Яновский. Нов. словотолк. 1803: бак; Даль. Слов.: ба́ковый. — От франц. *bas* — чан» [ССРЛЯ I: 246]. Аналогично: *апатитовый*, *аппаратный*, *балыковый*, *вельботный*, *гелиевый*, *дратвенный* и т. д.

Объясняющий характер иллюстраций часто применяется авторами в качестве единственного (не считая пометы «*прил.*») способа раскрыть лексическое значение относительных прилагательных. Это один из самых распространенных приемов описания семантики анализируемых слов, предлагающий пользователю первых трех томов Словаря самостоятельно построить отсутствующее толкование:

«**Берёзовый**, прил. [Повар] видимо, только что пришел из бани — от него пахло берёзовым веником и перцовкой. М. Горький, В людях, V. Подле него лежало несколько кусков толстой берёзовой коры, из которой вырубал он топором круглые, полновесные поплавки для невода. Григор., Рыбаки, ч. I, гл. 3. Деревня показалась ему довольно велика: два леса, берёзовый и сосновый, как два крыла — одно темнее, другое светлее, были у ней справа и слева. Гог., Мертв. Души, т. I, гл. 5. Березовая роща и еловый лес снабжают обитателей деревами и валежником на построение и отопление жилищ, Пушкин. Ист. села Горюхина. ◇ Устар. В шутовском выражении: дать берёзовой каши — подвергнуть наказанию розгами. [Марфа Ив.]: Пошли его [поваренка] сюда; уж я ему дам, разбойнику, березовой каши! Лерм., Menschen und Leidenschaften, д. II, явл. 1...» [ССРЛЯ I: 396].

Аналогично: *акци́зный* (сбор, ведомство, чиновник), *амба́рный* (крыша, книга, вредители), *антраци́товый* (копи, пласты, печи), *апте́чный* (шкаф, запах), *арбу́зный* (бахча, корки), *бага́жный* (квитанция, касса, ярлык, вагон), *баклажа́нный* (икра), *бакла́новый* и *бакла́ний* (гнездо), *бара́чный* (постройка, служитель), *ба́шенный* (часы), *белоры́бий* (балык), *бельве́ой* (шкаф, корзинка, ткани), *берёзовый* (веник, кора, лес, роща), *бри́твенный* (принадлежности), *ва́рочный* (котел), *вязи́говый* (пирог), *габарди́новый* (плащ), *гага́чий* (пух), *гадю́чий* (укус, жало), *га́ечный* (ключ), *гардеро́бный* (шкаф), *га́русный* (поясок), *дизельный* (топливо), *дрофи́ный* (яйца), *дюралюми́ниевый* (пропеллер) и т. д.

Иногда подробное объяснение получают только устойчивые сочетания с толкуемым прилагательным: «**Акварельный**, прил. *Акварельный портрет. Акварельная живопись.* ◇ Акваре́льные краски — клеевые краски из соков растений или минералов, разводимые водой и служащие для акварельной живописи...» [ССРЛЯ I: 72]. Аналогично: *акце́нтный*, *апре́льский*, *альтернати́вный*, *анатомиче́ский*, *антисепти́ческий*, *арго́нный*, *артези́анский*, *астрономи́ческий*, *атмосфе́рный*, *ба́зовый*, *база́рный*, *булаво́чный*, *валютный*, *га́зовый* и т. д.

Еще один способ презентации в Словаре относительных прилагательных — объяснение только оттенков значения (некоторые из них, с учетом их семантической типологии, можно рассматривать как самостоятельные лексико-семантические варианты) и устойчивых сочетаний: «**Бензи́новый**, прил. *Бензиновый запах. Бензи́новые лаки* — покрывные лаки, состоящие из раствора в бензине смол и высыхающих масел. ◆ Действующий посредством бензина. *Бензиновый двигатель...*» [ССРЛЯ I: 393].

Авторы «Словаря современного русского литературного языка» в лексикографической обработке относительных прилагательных

широко применяют и толкование отсылочным определением «Относящийся к ...» (реже — «свойственный ...», «характерный ...», «при-сущий...» и т. д.). По своему семантическому наполнению толкование «относящийся к...» можно уравнивать с пометой (термин составителей) «прил.», которая, начиная с третьего тома Словаря уже не используется. Такие объяснения призваны охватить всю объемную семантику относительных прилагательных: ее подробное описание представлялось серьезной лексикографической проблемой, решение которой откладывалось, как и решение о презентации омонимов («в знач. сущ.»), заменяясь на указание самого общего отношения производного прилагательного к производящему слову. Отсутствие современного электронного инструментария, дающего сегодня возможность по-новому взглянуть на строение и объем семантической структуры анализируемых слов, на наш взгляд, не позволяло авторам Словаря найти наиболее точные и подробные способы решения указанных вопросов на теоретическом уровне.

В толковании прилагательного *бархатный* в рамках одного значения через запятую указывается разное применение этого материала: «сшитый, сделанный из бархата, обитый бархатом», затем выделяются два переносных оттенка и три устойчивых выражения. Разные значения объединяются в одно в связи с явным пониманием семантической недостаточности толкования «относящийся к ...» (в силу размытости его абстрактного (деривационного) обобщения) и желанием отразить в Словаре как можно больше выявленных лексико-семантических вариантов и их оттенков: **ВОДЯНО́Й**, ая, ое и (*устар.*) **ВОДЯ́НЫЙ**, ая, ое; дя́н, дя́на, о. **1.** Относящийся к воде, состоящий из воды, содержащий воду, образуемый водою (в 1-ом знач.) <...> ◊ Водяна́я болезнь... ◊ Водяны́е краски — краски, разводимые водою, употребляемые в живописи; акварель. ◻ *Техн.* Водяно́е отопление — способ обогрева помещения с помощью горячей воды, проходящей по особой системе труб, размещенных в здании. Водяно́е охлаждение — способ охлаждения каких-либо механизмов при помощи холодной воды, циркулирующей между их двойными стенками. ◈ Просвечивающий, прозрачный как вода. В специальной терминологии. Водяны́е знаки <...> ◈ Находящийся, живущий на курорте минеральных вод (*устар.*) <...> ◈ Переносно. *Устар.* Многословный, бессодержательный, лишенный красочности. <...>

2. Относящийся к воде; растущий, живущий в воде (во 2-ом знач.) <...> *Уже над ельником из-за вершин колючих, Сияло облако вечерних*

облаков, Когда я рвал веслом густую сеть пловучих Болотных трав и водяных цветов. Полон. Уже над ельником.. (II, 46). Дорога сухим путем была несколькими милями короче пути водяного. Я бросил челнок, навьючил лошадь и отправился к конторе. Пушк. Джон Теннер. □ В специальной терминологии. *Бот.* В названиях растений: водяной касатик... □ *Зоол.* В названиях животных. Водяной воробей... □ *Мифол.* Водяной дед, царь, водяная царица и т. п... ♦ Приводимый в движение водой (во 2-ом знач.). Водяной двигатель, водяная мельница, водяная турбина... ◇ Водяное колесо <...> □ Водяной, ого, в знач. сущ...» [ССРЛЯ II: 521].

Воздушный — «1. Относящийся к воздуху; занятый, заполненный воздухом, состоящий из воздуха <...> 2. Находящийся, живущий, происходящий в воздухе <...> 3. Работающий при помощи воздуха...» [ССРЛЯ II: 556–559], кроме этого — 3 оттенка и 20 сочетаний. *Галантерейный* — «относящийся к галантерее; состоящий из галантереи», *гигиенический* — «относящийся к гигиене, требуемый правилами гигиены», *дворовый* — «относящийся к двору, находящийся на дворе» и т. д.

Дальнейшая конкретизация отсылочного толкования — наиболее частотный способ презентации в Словаре семантики относительных прилагательных.

«**Алебастровый**, ая, ое. Относящийся к алебастру. *Алебастровый завод.* ♦ Сделанный из алебастра. *Вот алебастровые чаши. Изделе мастерской руки. Вяземский...* ♦ *Техн.* Алебастровое стекло — стекло, получаемое от смешения стеклянной массы с кремнеземом и по внешнему виду сходное с алебастром (идет на изготовление ваз, статуэток и т. п.) <...>» [ССРЛЯ I: 91–92].

«**Брусничный**, ая, ое. Относящийся к бруснике. *Брусничный куст.* ♦ Сходный с брусникой по цвету. [Чичиков] *надел перед зеркалом манишку, выщипнул вылезшие из носу два волоска и непосредственно за тем очутился во фраке брусничного цвета с искрой.* Гог., Мертв. души, т. I, гл. 1. ♦ Приготовленный из ягод брусники. ...*На столик ставят воцаной Кувшин с брусничною водой.* Пушк., Е.О., III, 3. ♦ Приготавливаемый из листьев брусники. *Брусничный чай...*» [ССРЛЯ I: 650].

См.: альпийский, алюминиевый, ананасный, анархистский, арифметический, арктический, артельный, архивный, атомный и атомный, бактериальный и бактерийный, бараний, барбарисовый, батистовый, беличий, береговой, бриллиантовый и брильянтовый, брюквенный, буерачный, валерьяновый и валерьяновый, ваварский, вёрбовый, верблюжий, верёвочный, весовой, вечёрный, вещевой, виноградный, вискозный, вязовый, газетный и т. д.

Ввиду большей употребительности некоторые значения занимают первое место в семантической структуре многозначных относительных прилагательных, отодвигая отсылочное толкование на второй план:

«**Аристократический**, ая, о е. 1. Состоящий из аристократов (в 1-ом знач.). *Аристократическое общество...* ♦ Свойственный аристократу, аристократам. *Аристократические манеры*. 2. Относящийся к аристократии (во 2-ом знач.), свойственный ей. *Аристократический образ правления...*» [ССРЛЯ I: 183]. См.: *античный, беговой, выючный, ватный* и т. д.

Разная степень конкретизации отсылочного толкования приводят иногда к тому, что однотипные значения то выделяются в качестве самостоятельного лексико-семантического варианта, то как оттенок значения, то остаются иллюстрацией в пределах «относящийся к...»: «...**Вéерный**, ая, о е. 1. Изготавливающий веера, занимающийся производством вееров. *Веерная мастерская...*» [ССРЛЯ II: 120]; «...**Армату́рный**, ая, о е. 1. Предназначенный для арматуры (в 1-ом и 2-ом знач.). *Арматурное железо. Арматурные материалы*. ♦ Изготавливающий арматуру. *Арматурный цех...*» [ССРЛЯ I: 187]; «...**Гипсовый**, ая, о е. 1. Относящийся к гипсу, состоящий из гипса (в 1-м знач.). *Гипсовый завод. Гипсовый камень...*» [ССРЛЯ III: 2108] [подчеркивания наши — Г. М.].

Из перечисленных способов лексикографического описания относительных прилагательных в «Словаре современного русского литературного языка», после того как Словарь, начиная с четвертого тома, «изменил свой облик», наиболее употребительными можно считать:

Толкование отсылочным определением.

«**КАДОЧНЫЙ**, ая, о е. Относящийся к кадке. *Кадочное производство*» [ССРЛЯ V: 647]. См.: *ибисовый, кадастровый, кактусовый, лабазный, метёлочный, наганный, обморочный, обózный, паевой, папирусный, портфельный, саквожный, тарантасный, урючный, фиксáжный, хéресный, цигáрочный, шизофренический, шерéнговый, щёчный* и т. д.

Толкование отсылочным определением с дальнейшей конкретизацией.

«**КАДМИЕВЫЙ**, ая, о е. Относящийся к кадмию; содержащий кадмий. *Кадмиевые руды. Кадмиевые сплавы*. || Изготовленный, сделанный из кадмия. *Кадмиевые аккумуляторы*» [ССРЛЯ V: 646]. См.: *ивовый, игóрный, казáрменный, лаврóвый, металлический, наследственный, обóйный, палáточный, пáлубный, портрётный, рабóчий, садóвый, табáчный, ура́новый, фиáлковый, хищнический, цепной, черни́чный, черепи́чный, шёлковый, щеня́чий, экспортный* и т. д.

Конкретизация лексического значения без отсылочного определения.

«ЗАВАРОЧНЫЙ, ая, о е. Предназначенный для заварки. *Нечесаная его голова казалась очень маленькой, будто заварочный чайник.* Панфер. Борьба за мир» [ССРЛЯ IV: 227]. См.: *жареный, жвачный, завозный, загородный, каламбурный, лакированный, метрбый, набатный, обмолбочный, обогревательный, пальтобый, порыжелый, самокатный, топленый, урывочный, умирительный, фетровый, хвойный, цигейковский, широкоэкранный, щелочной* и т. д. Особенность отсылочного толкования, кроме его широкого деривационного обобщения, заключается в том, что оно сопровождается в Словаре и многозначные прилагательные, и слова, имеющие только одно значение.

«ЭБОНИТОВЫЙ, ая, о е. Относящийся к эбониту; сделанный из эбонита. *Эбонитовая кнопка. Эбонитовая панель. В сельсовете Валентина прижалась щекой к холодной эбонитовой трубке.* Николаева, Жатва, I, 5.» [ССРЛЯ XVII: 1712–1713]. В Национальном корпусе русского языка (<http://www.ruscorpora.ru/>) отражено только одно значение «сделанный из ...».

«ГЛУХАРИНЫЙ, ая, о е. Относящийся к птице глухарь. *Гришка пошел проводить Шмотякова до Авдеевой сыри. Отсюда он думал подняться в верха Нименьзи, в глухариные места.* Тарас. Крупн. Зверь, гл. 5» [ССРЛЯ III: 154].

Анализ материалов Национального корпуса русского языка, иллюстрирующих употребление этого прилагательного, как нам кажется, дает повод выделить следующие значения:

ГЛУХАРИ́НЫЙ, ая, о е. 1. Являющийся частью глухаря. *Глухариный хвост, крыло.* 2. Состоящий из молодых глухарей. *Глухариные выводки.* 3. Выбранный глухарями для токования. *Глухариный ток.* || Подходящий для проживания глухарей. *Глухариные места.* || Выбранный глухарями для ночлега. *Глухариный ночлег.* 4. Осуществляемый глухарями в брачный период. *Глухариное токование.* || Издаваемый глухарем во время весеннего токования. *Глухариная песня (токанье, голоса).* 5. Имеющий целью добычу глухаря. *Глухариная охота.* || Предназначенный для добычи глухаря. *Глухариный заряд.* 6. Получаемый в процессе варки тушки глухаря. *Глухариный бульон.* 7. Оставляемый глухарями на снегу и мягкой земле. *Глухариные следы.*

Суть интегрального подхода к лексикографическому описанию относительных прилагательных в «Словаре современного русского языка» заключается в том, что Словарь позволяет сосуществовать на своих страницах результатам двух разных методов исследований: системно-структурного и функционального, не называя последние, но используя и те, и другие методы анализа, необходимые для нужд практической лексикографии. Отклонение лексикографа-практика от

этого интегрального подхода, увлечение каким-либо одним методом или способом анализа семантики описываемого класса слов вызывает заслуженную критику: «Отсутствие последовательной реализации *семного принципа описания значений* в словарях существенным образом затрудняет пользование ими как лингвистам, так и носителям языка — не дифференцируются по семному составу многие семантически сходные слова...» [Маклакова 2015: 5–6].

Наиболее приемлемым способом анализа признается «комплексный подход», опирающийся «...как на парадигматический анализ значений как единиц системы языка, так и на контекстуальный анализ употребления исследуемых единиц, их семантическую актуализацию в текстах» [Стернин 2013: 8].

Привлекая в своих интересах результаты различных подходов к изучению семантики, авторы Словаря делают анализ языкового материала интегрированным, т. е. совмещающим в себе все лучшее из различных теорий и удобное для практики составления словарной дефиниции. Такой подход позволяет лексикографии максимально приблизиться к зеркальному отражению объективной действительности, по-новому взглянуть на проблемы, вынесенные в повестку дня конференции, среди которых особо хочется выделить «вопросы современной словарной типологии» и «решение традиционных проблем лексикографии в условиях развития новых информационных технологий».

Хочется надеяться, что дальнейшая детализация лексикографического описания семантики относительных прилагательных будет проводиться с учетом современного языкового развития и привлечением всех имеющихся на сегодняшний день способов изучения и описания анализируемых слов. Презентация не только появившихся новых значений, но и не выявленных ранее, может стать практикой сегодняшней лексикографической работы. Этому в немалой степени должно способствовать применение электронных методов исследования, выявление семантической типологии для прилагательных разных лексико-семантических групп и применение различных направлений в изучении семантических явлений.

Литература

Маклакова Е.А. Теоретические проблемы семной семасиологии: монография. Изд. 2-ое. М.; Берлин, 2015.

Стернин И.А. Методы исследования семантики слова. Ярославль, 2013.

Сокращения

Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.–Л., 1950–1965.

Integrated approach to the description of semantics relative adjective on pages “Dictionary of modern russian literary language”

Georgiy Mikhalev

georgiy.mihaliov@yandex.ru

Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

The article presents an analysis of the lexicographic processing of relative adjectives by the authors of the “Dictionary of the Modern Russian Literary Language”. Based on the analysis, a conclusion is drawn on the integrating nature of the methods and methods used in the dictionary to lexicographically describe the semantic structure of relative adjectives: the use of system-structural and functional research methods in compiling vocabulary definitions

Keywords: relative adjectives, semantic structure, method for constructing a dictionary entry, system-structural and functional research methods

О компьютерной онтологии русских предлогов

Виктор Павлович Захаров

v.zakharov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Для решения задач автоматизированной обработки естественного языка необходимо научиться выявлять семантические отношения в текстах. Данная работа направлена на решение следующих задач: 1) описать совокупность русских предлогов как связанную систему; 2) собрать корпусные статистические данные об использовании каждого предлога в каждом его значении; 3) описать семантику предлогов как элемент реализации синтаксических связей между знаменательными словами.

Описывается разработка инструментария, который включает корпуса текстов и инструменты корпусной лингвистики. Этот инструментарий реализует корпусный подход в сочетании с дистрибутивно-статистическим анализом. Описывается технология обработки корпусных данных и подсчет частотных характеристик предложных значений в современных русских текстах. Предложные значения описываются семантическими рубриками, основанными на понятии синтаксемы, введенном Г.А. Золотовой. Наша конечная цель состоит в построении квантитативной онтологии русских предлогов, основанной на эмпирических данных корпусов русского языка.

Ключевые слова: русские предлоги, предложные конструкции, значение предлогов, компьютерная онтология, корпусная лингвистика, корпусная статистика, методология корпусного исследования

1. Введение

Данная статья ставит вопрос о семантике русских предлогов и способах ее описания для использования в системах автоматизированной обработки текста. О предлогах в русском языке имеется огромная литература. Представительный список литературы можно найти в работе А.В. Солоницкого [Солоницкий 2003], стоит также выделить обзорную работу М.В. Филипенко [Филипенко 2000]. Однако можно сказать, что общая ситуация в этой области исследований далека от идеальной. Множество работ посвящены частным аспектам использования тех или иных предлогов при малом количестве обзорных и методологических работ.

Особенно характерно, что предлоги в русском языке, как, впрочем, и в других, довольно долго оставались без пристального внимания со

стороны специалистов по автоматическому анализу текста. В информационно-поисковых системах они входили в списки «стоп-слов», которые предотвращали их использование в векторных моделях информационного поиска. Действительно, в задачах информационного поиска ими, как правило, можно пренебречь, они характеризуются низкой «специфичностью», т. е. не являются хорошими смысловыми идентификаторами содержания документов. Однако для семантически ориентированного анализа текста они безусловно важны, поскольку передают определенные семантико-синтаксические отношения между знаменательными словами, между характеристиками предиката, между пространственно-временными спецификациями пропозиций, например:

- (1) *мост через реку vs мост над рекой;*
- (2) *говорить с акцентом vs говорить без акцента;*
- (3) *переводить с английского vs переводить на английский;*
- (4) *с 8 марта vs до 8 марта;*
- (5) *на столе vs под столом.*

Приведенные выше примеры, так сказать, «онтологического» характера, ярко демонстрируют роль предлогов в организации синтаксической структуры текста как четкого показателя их важности для построения текстов на русском языке.

Данная работа является частью большого проекта, основу которого образуют четыре взаимосвязанных задачи: 1) описать совокупность русских предлогов как связанную систему, для этого, в частности, необходимо предложить метаязык описания предложных значений; 2) на базе корпусного исследования дать статистические данные об использовании каждого предлога в каждом его значении; 3) описать значение предлогов как функцию от состава предложной конструкции как единого целого; 4) описать семантику предлогов как элемент реализации синтаксических связей между знаменательными словами.

2. О значении предлогов

Обычно предлоги трактуются как служебные слова без лексического значения. Приведем несколько определений предлогов.

В определении Русской грамматики 1980 г. говорится: «Предлог — это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий, состояний, признаков, которые этими словами называются» [Русская

грамматика 1980: 704]. При этом не указывается, какие слова могут «оформляться» предлогами (по умолчанию можно предположить, что любые).

Википедия определяет предлог как «служебную часть речи, обозначающую отношение между объектом и субъектом, выражающую синтаксическую зависимость имен существительных, местоимений, числительных от других слов в словосочетаниях и предложениях» [Википедия]. Здесь хорошо передается частеречная принадлежность зависимого слова и подчинительный характер предложных конструкций. Большой энциклопедический словарь определяет предлог как «часть речи — служебное слово, употребляемое для выражения различных отношений между зависимыми и главными членами словосочетания. Предшествует зависимому слову (напр., *войти в дом*). Не является членом предложения» [БЭС].

Рассмотрим еще два определения: «Предлог (грамм.) — неизменяемая частица, служащая для более точного определения значения глагола или падежа. Первоначальное вещественное значение П. утрачено, но сохранились несомненные следы их прежнего склонения... Две позднейшие их функции. С одной стороны, П. мог примкнуть к глаголу... С другой стороны, П. мог примкнуть к падежу: отсюда образовались П., требующие, как мы обыкновенно говорим, определенного падежа» [ЭСБЕ]. «Предлог (грамм.) — служебное слово (например: *в, к, на, при*), которое, сочетаясь с существительными, местоимениями и числительными, указывает на синтаксические отношения их к другим словам» [МАС III: 365]. Определение в МАС показывает более ясное понимание роли предлога: это слова, которые ... указывают на синтаксические отношения их к другим словам, но не указано, что перечисленные части речи стоят в определенной падежной форме, для которых предлог как «неизменяемая частица» служит «для более точного определения значения <...> падежа» [ЭСБЕ].

Обращает на себя внимание то, что во всех определениях явно или неявно говорится о том, что предлоги не имеют лексического значения. Если уточнить, что же такое лексическое значение, то это: «соотношение звуковой оболочки слова с соответствующими предметами или явлениями объективной действительности... Лексическое значение раскрывает признаки, по которым определяются общие свойства для ряда предметов, действий, явлений» [Википедия].

Нам кажется, что в примерах (1)–(5) предлоги как раз «соотносятся» с «явлениями объективной действительности».

Во всех определениях подчеркивается реляционный характер предлогов. Предложные конструкции — «это способы соединения синтаксических единиц средствами языка для выражения определенных смысловых отношений» [Кириллова Е.]. «Предлог — это служебная часть речи, которая выражает смысловые связи между существительными...» [Методика изучения частей речи]. Причем отношения могут быть следующими:

временное отношение: *прыгать с утра до вечера*;

пространственное отношение: *побывать в Питере и на Байкале*;

отношение сравнения и сопоставления: *ростом с меня, что-то вроде вспышки*;

отношение сопровождения: *взять с собой, приехать с братом*;

отношение причины: *зарыдать от горя*;

объектное отношение: *забыть про отдых, говорить о свадьбе*;

отношения цели: *платье для выхода; еда для праздника*;

и мн. др.

Вряд ли правомерно утверждать, что здесь отсутствуют «явления объективной действительности». Нам кажется возможным сказать, что нередко предлоги имеют лексическое значение определенного типа. Основное отличие этого значения от «классического» лексического значения — отсутствие денотата.

3. Семантико-синтаксическое значение предлогов

Встает вопрос, какие же смысловые отношения выражают предлоги «при соединении синтаксических единиц». Обычная номенклатура традиционной лингвистики, описывающая синтаксические отношения, имеющие место в словосочетаниях, как-то: атрибутивные, объектные, обстоятельственные, аппозитивные, комплетивные и др. — вряд ли пригодна для описания семантики синтаксических связей.

Мы считаем, что в предложных конструкциях должна интерпретироваться не связь между знаменательным словом и предлогом, а связь двух знаменательных слов, уточняемая и конкретизируемая с учетом соединяющего их предлога. Отсюда следует, что первичен смысл знаменательных слов. Можно предположить, что при анализе синтаксической конструкции «хозяин» (главное слово) — предлог — «слуга» (зависимое слово), снабженной информацией о морфологических и лексическо-семантических характеристиках «хозяина» и «слуги», значение предлога можно вывести автоматически. Но такая

процедура требует наличия в словаре конечного списка потенциальных значений предлога и однозначные правила вывода, опирающиеся на лексико-семантические и морфологические характеристики «хозяина» и «слуги». И это задача второй очереди, для решения которой требуется сформировать такой словарь и выработать набор правил.

Для нас такое словарное описание предлогов значимо как раздел машинного словаря, понимаемого как информационный ресурс, обладающий определенной вычислительной функциональностью и предназначенный для поддержки задач автоматической обработки текста. И такого ресурса для русского языка пока нет.

4. Инвентарь предлогов в русском языке

Эту тему мы затронем лишь косвенно с той целью, чтобы расширить инвентарь единиц, которые мы называем предлогами. Предлоги в русских текстах неоднородны и разнообразны: есть небольшая группа первообразных (первичных) предлогов и обширная с неясными границами группа производных (вторичных) предлогов, которые мотивированы знаменательными частями речи (существительными, наречиями и деепричастиями), нередко в сочетании с первообразными предлогами. Попутно заметим, что поэтому при статистических подсчетах частотность собственно первообразных предлогов обычно завышена за счет того, что часть их используется в структуре производных предлогов.

При отнесении последних к предлогам (или не отнесении) используются противоречивые параметры. Во-первых, важно отвлеченное значение существительных, во-вторых, обязательным признаком производного предлога является непроницаемость линейной последовательности первообразного предлога и грамматикализованного знаменательного слова, например, *в течение*, *во исполнение* и др. Косвенным и непоследовательным показателем производного предлога является отличное от формы существительного орфографическое написание: *в течение года* vs *в течении реки*; *несмотря на непогоду* vs *не смотря по сторонам*; *во исполнение приказа* vs *в исполнении детского хора*. Важным показателем «предложного» характера таких сочетаний является их полная или частичная синонимичность первообразным предлогам. Если мы обратимся к определению предлога («Предлог — это служебная часть речи, оформляющая подчинение одного знаменательного слова другому в словосочетании или в предложении и тем самым выражающая отношение друг к другу тех предметов и действий,

состояний, признаков, которые этими словами называются» [Русская грамматика 1980: 704]), то для нас самым важным является именно эта семантико-синтаксическая функция («выражающая отношение»), которую выполняет такое сочетание, и не важно, реализована она «настоящим» предлогом или квазипредлогом.

С точки зрения полисемии можно выделить две большие группы предлогов:

1) немногозначные предлоги, значение которых достаточно конкретно и не зависит от управляемого слова: основную часть этой группы составляют производные предлоги, значение которых тесно связано со значением коррелирующих с ними полнозначных слов;

2) многозначные предлоги, значение которых выявляется в контексте: основную часть этой группы составляют первообразные предлоги; отношение между планом выражения и планом содержания для этих предлогов в основном описывается как «многие ко многим»: почти каждый предлог является многозначным, и почти каждое значение может быть выражено разными предлогами.

В результате анализа разных словарей нами были составлены базовые таблицы синонимии (естественно, частичной) для предлогов, являющихся объектом нашего анализа на первом этапе.

Наша главная цель — составить своего рода онтологию предлогов, частью которой должны быть и отношения между ними. При этом говорить об однозначной онтологии сложно — напомним еще раз, что значения предлогов во многом являются контекстно-зависимыми. При формировании такой онтологии мы предполагаем опираться также на дистрибутивно-статистические методы и инструменты корпусной лингвистики.

5. Метаязык описания предложных значений

Описание семантики предлогов на уровне естественного языка в обычных толковых словарях рассчитано на носителей языка. Значения предлогов даются описательно. Толковые словари дают лишь некоторую систематизацию способов использования предлога в речи, опираясь на набор примеров регулярного использования предлогов и приводя примеры их использования в составе фразеологизмов. Если взглянуть с этой точки зрения также и на словарные описания предлогов в переводных словарях, то можно заметить, что описания межъязыковых соответствий, в сущности, оказываются не переводом зна-

чений, а набором примеров, рассчитанных на способность пользователя словаря самостоятельно подобрать соответствующий эквивалент.

Поэтому нам представляется важным дать описание предлогов в терминах единого семантического метаязыка. Хотя семантическим такой язык мы называем с известной долей условности, памятуя о семантико-синтаксической функции предлогов. В качестве такого метаязыка мы выбрали номенклатуру синтаксем, предложенную Г.А. Золотовой [Золотова 2011]. Мы определяем значение предлога как семантическую рубрику, описывающую всю предложную конструкцию, отождествляя это понятие с понятием синтаксемы. Также следует отметить, что в рамках нашей грамматики предлогом является не словарная форма того или иного предлога, а сочетание «предлог + падеж», то есть имеет место грамматическая омонимия предлогов.

Приведем примеры таким синтаксем: директив, дестинатив, коррелятив, квантитатив, квалитатив, локатив, медиатив, темпоратив и др. Желающих ознакомиться с их полным перечнем отсылаем к [Золотова 2011: 383]. Естественно, эта номенклатура может дорабатываться в сторону расширения или сужения.

По Золотовой, предлог в сочетании с падежной формой образует предложно-падежную синтаксему — минимальную и нечленимую единицу синтаксиса. Синтаксемы характеризуются морфологическим оформлением и служат **конструктивно-смысловыми** компонентами словосочетаний и предложений. Именно семантическую нагруженность синтаксем мы и хотим подчеркнуть. И в этом смысле семантика предлогов неотрывна от категориально-семантического значения предложно-падежных синтаксем.

Подчеркнем еще раз, что предложные синтаксемы, как правило, связывают не предлог и какое-то знаменательное слово, а два знаменательных слова. И эта связь уточняется и конкретизируется предлогом.

6. Корпусный дистрибутивно-статистический анализ предложных конструкций

Одна из задач нашего проекта — создание **квантитативной** грамматики (онтологии) предложных конструкций, т. е. описанные в ней значения и отношения должны быть описаны с приведением количественных характеристик. Соответственно, была разработана технология корпусного статистического анализа предложных конструкций.

Исследование проводилось на материале подкорпусов Национального корпуса русского языка и корпусов русского языка семейства Aranea (<http://unesco.uniba.sk>), созданных в Братиславском университете [Benko 2014].

Стоит заметить попутно, что система NoSkech Engine [Rychlý 2007], под управлением которой работают корпуса Aranea, позволяет создавать подкорпусы, соответствующие национальным доменам верхнего уровня (.ua, .by, .il, и т.д.). Это дает возможность анализировать русские предложные конструкции в региональном аспекте.

На первом шаге анализа формируется конкорданс предложных конструкций на базе корпусов разных типов и разных функциональных стилей. Для этого формируется запрос к корпусу в соответствии со следующим шаблоном: «хозяин» (глагол или существительное) + «предлог» + «слуга» (существительное, или числительное, или местоимение, или аббревиатура), причем между этими составляющими могут стоять другие слова. Вообще говоря, составление такого оптимального запроса является нетривиальной задачей.

Естественно, мы не в состоянии вручную проанализировать всю совокупность конструкций, которая иногда может быть очень даже большой, поэтому конкорданс случайным образом перемешивается и из него выбирается подмножество, которое упорядочивается по частоте (рис. 1).

Полученные списки конструкций далее подвергаются «ручному» экспертному анализу. Одним из результатов этой обработки являются статистические данные о доле того или иного предложного значения (семантической рубрики) в корпусе (см. табл. 1).

	lemma	Frequency	Items: 1,947 Total frequency: 2,000
P N	мост через река	7	
P N	покупка через интернет	6	
P N	транзит через Россия	4	
P N	товар через интернет	3	
P N	работа через интернет	3	
P N	протереть через сито	3	
P N	пропустить через мясорубка	3	
P N	продвижение через социальный сеть	3	
P N	общение через интернет	3	
P N	кредит через интернет	3	
P N	транзит через Украина	2	
P N	сооружение через река	2	
P N	сделать через терминал	2	
P N	сдавать жилье через агентство	2	
P N	работать через раз	2	
P N	проявляться через месяц	2	
P N	проходить через парк	2	
P N	пронести через весь жизнь	2	
P N	переход через проезжий часть	2	

Рис. 1. Частотный список конструкций с предлогом через в выборке объемом 2000 конструкций

**Частотные характеристики предлога *через*
и некоторых синонимов**

Предлог	значение	НКРЯ со снятой омонимией, 6 млн. слов (200 случайных контекстов)	НКРЯ газетный, 228,5 млн. слов (200 случайных контекстов)	<i>Araneum Russicum</i> , веб-корпус 120 млн. токенов (200 случайных контекстов)
Через	медиатив	ipm 173,53 20,5% (41 употр.) от всех употребл.	ipm 221,30 34,5% (69 употр.) от всех употребл.	ipm 185,21 32,5% (65 употр.) от всех употребл.
С помощью	медиатив	ipm 76,63 460 употр.	ipm 113,21 25870 употр.	ipm 228,64 27437 употр.
При помощи	медиатив	ipm 22,32 134 употр.	ipm 27,66 6322 употр.	ipm 82,60 9916 употр.
Посредством	медиатив	ipm 16,49 111 употр.	ipm 12,31 2813 употр.	ipm 42,90 5154 употр.
Через посредство	медиатив	ipm 0,99 6 употр.	ipm 0,09 22 употр.	ipm 0,42 50 употр.
Через	транзитив	ipm 245,39 29,5% (57 употр.) от всех употребл.	ipm 118,65 18,5% (37 употр.) от всех употребл.	ipm 157,71 27,5% (55 употр.) от всех употребл.
Сквозь	транзитив	ipm 119,83 719 употр.	ipm 19,25 4398 употр.	ipm 23,90 2869 употр.
Поперек	транзитив	ipm 12,00 72 употр.	ipm 3,15 720 употр.	ipm 3,40 408 употр.
Через	темпоратив	ipm 390,96 47% (94 употр.) от всех употребл.	ipm 319,95 50% (100 употр.) от всех употребл.	ipm 222,25 27,5% (55 употр.) от всех употребл.
Спустя	темпоратив	ipm 54,67 328 употр.	ipm 82,28 18800 употр.	ipm 52,50 6300 употр.
По истечении	темпоратив	ipm 2,17 13 употр.	ipm 5,81 1328 употр.	ipm 6,88 826 употр.
Чрез	темпоратив	ipm 14,00 84 употр.	ipm 0,16 37 употр.	ipm 3,29 395 употр.

В данном эксперименте анализировались конструкции с семантическими рубриками транзитива, темпоратива и медиатива. Более подробно см. [Азарова и др. 2018]. Семантические рубрики помогают организовать довольно расплывчатые предложные значения. Их близость и различие могут быть объяснены путем анализа семантических классов управляющих и подчиненных слов («хозяева» и «слуги»). Будем считать, что значение предлога в тексте определяется парой знаменательных слов: синтаксически главным для предлога («хозяином») и синтаксически подчиненным («службой»). Тогда основная задача квантитативного описания семантики предлогов — это составление реестра синтаксических пар и выявление (вычисление) статистических параметров таких конструкций в корпусе. Вся структура предложных частот и распределения семантических (лексических) классов призваны стать базой для создания квантитативной грамматики предложных конструкций русского языка. Но это уже тема отдельной статьи.

7. Заключение

Об экспериментальной базе. Национальный корпус русского языка достаточно репрезентативен и сбалансирован, но его функциональные возможности по обработке получаемых данных весьма ограничены. Система NoSketch Engine и корпуса Aranea в целом соответствуют требованиям нашего исследования. Однако корпуса Aranea, созданные на основе текстов из веба, не обеспечивают ни должной сбалансированности, ни возможности выбора подкорпуса определенного жанра или функционального стиля. Поэтому, помимо использования существующих корпусов, мы приступаем к созданию собственных корпусов различных функциональных стилей. Методология и технология обработки корпусных данных останутся прежними.

Следующие шаги в реализации проекта — анализ всего множества предлогов с разбиением их по семантическим рубрикам и составление реестра «хозяев» и «слуг» в терминах лексико-семантических классов и грамматических категорий.

Отдельная задача — описание синонимии первичных и производных предлогов как некоторого градуированного пространства в терминах семантических контекстов.

После этого планируется следующий этап исследования, а именно, создание компьютерной онтологии русских предлогов как информационного ресурса для поддержки задач автоматической

обработки текста. И здесь семантика предлогов должна рассматриваться как часть общей задачи семантической интерпретации синтаксических связей.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, гранта № 17-04-00552-ОГН-А «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка» (разделы 1–3) и гранта № 17-29-09159 «Квантитативная грамматика русских предложных конструкций» (разделы 4–7).

Литература

Азарова И.В., Захаров В.П., Москвина А.Д. Семантическая структура русских предложно-падежных конструкций // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. Вып. 2 (Труды XXI Международной объединенной конференции «Интернет и современное общество, IMS-2018, Санкт-Петербург, 31 мая — 2 июня 2018 г. Сб. научных статей). СПб., 2018. С. 9–16.

Википедия [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения 11.12.2018)

Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. Изд. 4-е. М., 2011.

Кириллова Е. Синтаксис: что изучает этот раздел. Синтаксические единицы, связи и отношения. [Электронный ресурс]. URL: <http://fb.ru/article/164182/sintaksis-cto-izuchaet-etot-razdel-sitaksicheskie-edinityi-svyazi-i-otnosheniya>

Методика изучения частей речи. [Электронный ресурс]. URL: https://studopedia.net/7_12967_metodika-izucheniya-chastey-rechi-sistema-raboti-poformirovaniyu-ponyatiya-o-glagole.html

Русская грамматика. М., 1980.

Солоницкий А.В. Проблемы семантики русских первообразных предлогов. Владивосток, 2003.

Филипенко М.В. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях // Исследования по семантике предлогов. М., 2000.

Benko V. Aranea: Yet Another Family of (Comparable) Web Corpora // P. Sojka, A. Horák, I. Kopeček, K. Pala (Eds.): Text, Speech and Dialogue. 17th International Conference, TSD 2014, Brno, Czech Republic, September 8–12, 2014. Proceedings. LNCS 8655. Springer International Publishing Switzerland, 2014. Pp. 257–264.

Rychlý P. Manatee/Bonito — A Modular Corpus Manager // 1st Workshop on Recent Advances in Slavonic Natural Language Processing. Brno, 2007. Pp. 65–70.

Сокращения

БЭС — Большой энциклопедический словарь. М., 1991.

МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. А.П. Евгеньевой и Г.А. Разумниковой. Изд. 3-е, стереотип. М., 1988.

ЭСБЕ — Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907.

Computational ontology of russian prepositions

Victor Zakharov

v.zakharov@spbu.ru

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia

The paper provides a construction grammar perspective to identifying meaning of prepositions in Russian. To solve natural language processing tasks, we need to learn how to uncover semantic relations in texts automatically. While on the subject of the Russian language, it should be mentioned that a great number of semantic relations are conveyed by preposition.

We are going to develop a toolkit, which will include corpus linguistics tools and procedures for calculating connection of prepositions with their “governors” and “governees”. This toolkit implements the corpus-driven approach combined with distributional, statistical and other techniques. The task seems challenging as we know that one can hardly mention any corpus-based works dedicated to the Russian prepositions.

We are collecting a number of prepositional constructions and arrange them according to frequencies of specified meanings in corpora of modern Russian texts. Different semantic aspects of prepositional constructions are described with semantic rubrics which are based on a notion of syntaxeme invented by G. Zolotova. Our final aim is to create a corpus-based quantitative ontology of Russian prepositions.

Keywords: Russian prepositions, prepositional constructions, preposition meaning, computational ontology, corpus linguistics, corpus statistics, methodology

Клавиатурные опечатки как проблема современной лексикографии

Виктор Васильевич Шаповал

ShapovalVV@mgpu.ru

Московский городской педагогический университет,
Москва, Россия

Сегодня уже почти все словари создаются с помощью компьютера, что предъявляет новые требования к цифровой грамотности в современной лексикографии. Ошибки в современных словарях в существенной мере вызываются клавиатурными опечатками, поэтому в настоящей статье рассмотрены различные способы их исправления на основе примеров таких ошибок, найденных в отечественных словарях.

Ключевые слова: цифровая грамотность, ошибки в словаре, способы коррекции

При помощи компьютерного набора сегодня вводятся как старые, так и новые словарные материалы. Даже если часть материала сканируется или копируется из электронных ресурсов, при его правке непременно используется клавиатура. Очевидно, что при всей важности лингвистической и общефилологической квалификации лексикографа сегодня еще и от техники владения клавиатурой напрямую зависит как индивидуальная экономия времени и усилий, так и качество коллективного результата. Существует даже особый термин «QWERTY-экономика», который связан с оценками экономических потерь, вызванных недостатками актуальной английской компьютерной клавиатуры, напр. [David 1985]¹. Серьезные траты в глобальном масштабе связаны с тем, что наиболее популярная до сих пор английская раскладка на клавиатуре механических пишущих машинок, в целом воспроизведенная и для компьютера, первоначально предполагала разнесение наиболее часто соседствующих в словах букв по отдаленным друг от друга клавишам, чтобы воспрепятствовать сцеплению рычагов при печати. Сегодня скорость печати на компьютерной клавиатуре уже не зависит от гравитации или иной механической или

---

¹ Благодарю проф. В.К. Щербина, подсказавшего мне этот термин во время обсуждения доклада, который лег в основу данной статьи.

электрической силы, возвращающей рычаги в стартовое положение. Более того, очень желательно для ускорения письма печатать соседние буквы скользящим нажатием нескольких клавиш, что почти невозможно, поскольку система расстановки букв на клавиатуре, восходящая к последней трети XIX в., по традиции блокирует именно такое более экономное решение. Однако наличие множества уже освоивших эту раскладку клавиатуры людей заставляет как производителей офисной техники, так и новичков, вливающих в ряды печатающих, подстраиваться под косную и не самую эргономичную традицию.

Неудобство актуальной раскладки можно проиллюстрировать такими данными. Начало списка частотных пар букв в русских словах дает только одно совпадение с клавиатурой: **ен** — 6, ранг по [Ляшевская, Шаров 2009: 1051–1058]. Однако **е** и **н** находятся в разных зонах, **е** левой, а **н** правой руки. В первой сотне пар букв по частоте нами обнаруживается только 7 пар, соседствующих в центральной части клавиатуры. В первой тысяче пар букв — 13 пар в периферийной части клавиатуры. Трехбуквенных сочетаний из первой тысячи в средней строке всего 4: **про** — 3, **ыва** — 114, **апр** — 614, **рол** — 893. Как видим, только **про** имеет значение для ускорения печати.

Современную раскладку русских букв ЙЦУКЕНГ для пишущих машинок придумали в Америке в конце XIX в. [Менделеев 1912]. То, что было сказано выше о раскладке QWERTY, справедливо для русской раскладки ЙЦУКЕНГ и других кириллических раскладок, созданных на ее основе, только экономические и эргономические эффекты изучены гораздо слабее, чем для QWERTY. Тем не менее понятно, что это яркий пример отдаленного эффекта, вызванного издержками однажды принятого решения, усвоенного миллионами пользователей. Параллель с проблемами реформы орфографии очевидна: там тоже против инновации выступает масса наиболее квалифицированных ее потенциальных потребителей, поскольку для переучивания требуется расстаться со ставшим комфортным навыком.

Попытаюсь сформулировать пути хотя бы частичного решения проблемы², исходя не из реальной ситуации, а представив, что у нас имеются необходимые временные и прочие ресурсы. Первое, что очевидно, необходимо повысить квалификацию в области клавиатурной

---

² Благодарю проф. М.Н. Приёмшеву за ценные замечания и рекомендации к моему докладу, легшему в основу данной статьи.

грамотности всех участников лексикографического процесса. Конечно, в реальности трудно найти время и средства для качественного обучения методу слепой десятипальцевой печати, однако это позволит корректировать набираемый текст визуально непосредственно в момент его набора, что положительно скажется на скорости, на качестве и снизит усталость от такой работы. Совсем углубляясь в мелочи, укажу на необходимость использования для освобождения обеих рук держателей и пюпитров для листов и карточек, с которых набирается текст, а также возможности использования второго экрана при наборе с электронной копии.

В связи с желательностью повышения навыков клавиатурной грамотности следует оценить те базовые ресурсы, которыми мы обладаем, поскольку они определяют средний стартовый уровень студентов-филологов, а в будущем и специалистов. Ситуация в школе здесь близка к положению в области среднестатистического изучения иностранных языков, только еще заметно беднее ассортимент предложений на свободном рынке образовательных услуг. Если задаться вопросом, кто должен учить клавиатурной грамоте, то мы обнаружим, что, в соответствии с Федеральным государственным образовательным стандартом основного общего образования (ФГОС ООО), за это отвечает не курс русского языка, а курс информатики, который входит в предметную область «Математика и информатика». При этом совершенно неясно, когда и где в программе предусмотрены чисто орфографические вопросы: использование различных видов кавычек, двух тире, продвинутый уровень работы со средствами автоматической проверки орфографии. Складывается впечатление, что огромная область навыков современного грамотного компьютерного письма сегодня осваивается стихийно, часто путем индивидуальной передачи опыта, тем более что в школьной программе нет часов тренинга для выработки быстрого, экономного и грамотного письма на клавиатуре. Отметим, что за рубежом имеются значительные успехи в разработке практических учебных программ для всех уровней образования, учитывающих и необходимость целенаправленного формирования навыков быстрого клавиатурного письма, напр. [Eshet-Alkalai 2004]. В отечественной школе обучающиеся перед переходом в старшие классы имеют лишь весьма скромные программные цели в этой области, при этом критерии для оценки скорости письма и время на выработку соответствующих навыков вообще не предусмотрены: «Практическая деятельность. 1. создавать небольшие текстовые документы посред-

ством квалифицированного клавиатурного письма с использованием базовых средств текстовых редакторов» [Рабочая программа 2015: 9]. Это скромное учебное достижение довольно далеко отстоит от потребностей рынка труда. Парадоксы сегодняшней грамотности состоят в том, что дети нередко осваивают клавиатуру телефона и компьютера раньше, чем ручку для письма. Школьная же методика обучения письму все еще остается в стороне от клавиатуры и экрана, что подробно рассмотрено нами ранее, и этот анализ не потерял, к сожалению, своей актуальности [Шаповал 2009].

В традиционной текстологии об ошибках компьютерного набора, формально говоря, нет ни слова. Только на основе метафоры мы можем связать эту новую разновидность опечаток со следующим пунктом прежней типологии: «специфические ошибки, связанные с расположением букв в наборной кассе, клавиатуре линотипа, печатной машинки и т. д., например рука наборщика или машиниста попадает на соседнюю букву» [Лихачёв 2001: 432]. При этом усилие даже при работе на линотипе было намного большим, чем при работе с нормальной компьютерной клавиатурой, что и обусловило различия в механизмах производства опечаток. Так что клавиатурные опечатки для создателя текста отличаются даже осязательно. Тем более заметно отличие клавиатурных опечаток и опечаток в политерном наборе. Не совпадает даже раскладка клавиш, на которых заглавная и строчная буква не различаются по позиции, только по регистру, что, например, может приводить к смешению как строчных, так и прописных у и ц, соседствующих на периферии клавиатуры. В наборной же кассе буквы у и ц, как и У и Ц, разнесены по разным ячейкам, поэтому вероятность таких опечаток заметно ниже. Опечатка в политерном наборе при всех различиях техники может в конечном счете выглядеть, как опечатка клавиатурная. Пример из источника XIX в.: «**Дуо** или **Духтъ**. Пѣніе въ два голоса» [Словарь 1861: 25], очевидно, из *дуэть. Наборщик взял не литеру э над ячейкой для ю-строчного, а под нею (х). Понятно, что поиск фонетических резонансов для такой ошибки лишен оснований. В том и коварство ошибок такого рода, что при различии причин она могут иметь одинаковые последствия.

Пользуясь классификацией Дж. Ризона [Reason 2000: 769], клавиатурные опечатки, как сходные опечатки в машинописи и при наборе на линотипе или политерном наборе, следует причислить к «промахам» (slips), первому из классической триады типов ошибочных действий. К таким ошибкам приводит некорректное действие в подходя-

щей ситуации, контексте. Нажатие соседней клавиши на музыкальном инструменте — это точная аналогия, только корректировать ошибки клавиатурного письма следует не ушами, а глазами на дисплее. Так, «промахом» (англ. *slip*) в буквальном смысле является клавиатурная ошибка, приводящая к написанию «Питѣльийе» в качестве заглавного слова [СРНГ 27: 53] вместо правильного *питѣльице* ‘питьецо’, представленного там же в иллюстративном примере [Страхов 2008: 243]. Такая подмена может быть вызвана ошибочным нажатием на клавишу «Й» вместо соседней «Ц».

Далеко не всегда причины опечатки определяются однозначно. «Гусѣлый, ая, ое. Заплесневевший. Олон. Барсов» [СРНГ 7: 245]. Как мне представляется, *-п-* в этом слове маловероятно, скорее *-н-*, т. е. *гуснѣлый*» [Страхов 2004: 271]. Реконструкт *гуснелый* в словаре не представлен [СРНГ 7: 245], хотя он вероятен. У Е.В. Барсова в словарице ко второму тому «Причитаний»: «Гусѣлый (хлѣбъ) заплѣсневшій» [Барсов 1882: 320]. Слово довольно хорошо документированное, видимо? эта запись и послужила основой для прочтения *гуспелый*. Вставку «п», по нашему мнению, можно было бы объяснить как клавиатурную ошибку, поскольку диагонально вправо и вверх располагаются клавиши С — П — Е, а случайное нажатие промежуточной клавиши вероятно. Однако следует учесть, что седьмой выпуск СРНГ был издан в 1972 г., в докомпьютерную эпоху, когда число корректирующих читателей машинописи словаря было больше, поэтому нарушение алфавитного порядка в гипотетическом протографе *гуселый, гуспелый, гусѣлушка с большой вероятностью было бы поправлено, а два соседствующих варианта прилагательного были бы объединены. Поэтому вероятнее, что ошибка возникла на карточке или при чтении/копировании карточки: это ошибочное прочтение строчного *п* (*рѣ*) — то ли сразу как *пе*, то ли же как *п* с последующим восстановлением *е* (то ли из знака акута при *п*, то ли иным путем). Ясно, что цитируется Е.В. Барсов, установлено, что именно цитируется.

Кроме того, на компьютерной клавиатуре можно ошибочно печатать sdвоенные буквы и соседние буквы одним нажатием, например, «РП» вместо «Р» в слове: «ГАШѢРПА, -ы, ж. Угол. Спиртное» [Мокиенко, Никитина 2000: 123], со ссылкой на: «ГАШИРА — спиртное» [Балдаев, Белко, Исупов 1992: 55]. Последнее слово не является безупречным с точки зрения достоверности: вероятно, это ошибочное прочтение записи *гамира, ср.: «Гама/ы/ра — самогон, спирт» [Потапов 1927: 35].

Как и смешения букв, охватившие неравное число элементов, переразложения такого несимметричного типа трудно обосновать. Так, вставка буквы может быть объяснена несколькими причинами: «**Обмишуртиться** — попасться» [Потапов 1927: 105], ср. иркутское *обмишуриться* ‘вследствие ошибки, промаха поставить себя в неприятное, затруднительное положение’ [СРНГ 22: 131]. Возможно, это ошибка машинописи (клавиши «и» и «т» расположены рядом), отраженная в типографском наборе. Но нельзя исключить и переразложения с неравным числом элементов при чтении рукописи: *–риться>> –ртиться*. Подчеркнутый сегмент содержит 4-5 однотипных элементов *иии* между *р* и *ь*. Здесь есть все условия для неправильного прочтения: *иииь* или *иииьь*.

В самом общем виде механизм возникновения подобной ошибки можно описать так: человек, который не запомнил еще точно на уровне моторной памяти, куда нажимать, давит на соседнюю или близкую клавишу: а) ошибки строгого соседства (по горизонтали, вертикали, диагонали): «**ДЕМБУД** — то же, что **ДИЗИК** <дезертир>» [Дубягина, Смирнов 2001: 56, 57], ранее: *дембул* ‘то же’ [Толковый 1991: 47], от *дембель*; б) реже ориентиром служит положение усвоенной литеры, но нажимается соседняя клавиша не справа, а слева: так, выбор литеры *л* вместо *ж* может быть обусловлен их соседством на клавиатуре с *д(лд-ж)*: калужское *недостилки* ‘недостатки’ [СРНГ 21: 32] < *недостижки* ‘то же’ [Там же].

Как и в других типах ошибок, более опасны правдоподобные искажения, совпадающие с реальными словами. Прочтение новгородского *долбежник* таковым не является, сегмент *лье* не самый распространенный в графических словах: «**Дольежнік**, а, м. Прозвище жителя города Новгорода. Тихв. **Новг.**, 1857» [СРНГ 8: 115]; «Несомненное *долбежник*, см. *долбежнік* ‘прозвище жителя г. Новгорода’, тихв. новг., 1848 [СРНГ 8: 103], *долбежники* в знаменитом зачине «Истории одного города». Ошибочное чтение *ь* вместо *б* либо опечатка (по причине соседства литер *Б* и *Ь* на машинной клавиатуре)» [Журавлёв 1995: 188]. Это исправление подтверждается источником 1857 г.: «Долбежнікъ (тихв.) *прозваніе*, присвоенное жителю города *Новгорода*» [Эрдман 1857: 119], иное ударение и неоговариваемое исправление у [Страхов 2004: 272].

Как видим, жаргонные и диалектные слова порой описываются и воспроизводятся с клавиатурными ошибками. Еще одна рекомендация касается стратегии обнаружения клавиатурных ошибок: по

нашим наблюдениям, примеры таких ошибок довольно часто касаются малочастотных букв, находящихся на периферии клавиатуры.

И.А. Бодуэн де Куртенэ писал: «Русский алфавит вовсе не связан с русским языком по существу; он с ним связан только благодаря исторической случайности» [Бодуэн де Куртенэ 1963: 220]. Тем более расположение букв на клавиатуре, даже если с ним свыклись миллионы, не является неизменяемым по определению. Сегодня многие работают на клавиатурах нескольких языков, СМС-сообщения на телефоне набираются вообще по иным принципам.

Распространение клавиатурной грамотности приводит к обыгрыванию в сети опечаток этого типа, например: «Что такое *ронкопмгл?*». Ответ: буква «к» напечатана левой рукой правильно, а правая рука сдвинулась на одну клавишу влево, поэтому вместо «ПРЕкРАСНО» получилось «ронкопмгл».

Еще одно предостережение касается систем автоматической проверки орфографии. Если в результате клавиатурной опечатки получилось другое слово, то оно, разумеется, не будет выделено. Однако есть еще одна проблема: предлагая варианты замен для слова с клавиатурной опечаткой, компьютер довольно часто не дает в этом ряду искомое правильное слово. Видимо, некоторые спелл-чекеры (т. е. компьютерные программы, осуществляющая проверку заданного текста) не учитывают саму возможность таких опечаток.

Тесно связаны с клавиатурными опечатками также автоматические замены, содержащиеся в установках компьютера. В принципе их можно выборочно отключать. Но лексикографу при работе с нетривиальным словарем приходится ослаблять критерии «невозможного» графического слова, поэтому отключать эту функцию порой необходимо, например, автоматическое написание заглавной буквы после точки.

Если часть материала для будущего словаря сканируется или копируется из электронных документов, то при его корректировке необходимо учитывать возможность появления *осканирок* и *окодировок*, но эта тема требует отдельного рассмотрения.

В заключение кратко повторим практические рекомендации лексикографам, следующие из нашего анализа: а) желательно владеть слепым десятипальцевым письмом; б) большинство клавиатурных ошибок возникает на периферии клавиатуры, там их и надо искать; в) спелл-чекер не всегда помогает находить и исправлять клавиатурные опечатки; г) лексикографу полезно знать, как отключаются автоматические замены в установках компьютера.

Литература

Барсов Е.В. Причитанья северного края. Ч. II. Плачи завоенные, рекрутские и солдатские. М., 1882.

Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М., 1963.

Журавлёв А.Ф. Лексикографические фантомы. 1 // *Dialectologia slavica: Сборник к 85-летию Самуила Борисовича Бернштейна: Исследования по славянской диалектологии.* 4. М., 1995. С. 183–193.

Лихачёв Д.С., при участии *А.А. Алексеева и А.Г. Боброва.* Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв). СПб., 2001.

Менделеев И.П. Новое в области пишущих машин // *Природа и Люди.* Иллюстрированный журнал науки, искусства и литературы. 1912. № 49.

Рабочая программа по учебному предмету «Информатика» для 7–9 классов. 2015. [Электронный ресурс]. URL: http://27.ucoz.ru/2015/informatika_fgos.pdf (дата обращения: 15.11.2018).

Страхов А.Б. По страницам Словаря русских народных говоров (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica.* Cambridge. 2004. Vol. XII. № 1. Pp. 254–324; 2008. Vol. XVI. No 1. Pp. 219–275.

Шаповал В.В. Новые типы ошибок в письменной речи // *Русский язык в школе.* 2009. № 9. С. 76–83.

Эрдман(н) Ф.И. Дополнение к «Опыту областного великорусского словаря по Новгородской губернии» // *Учёные записки Казанского ун-та.* 1857. Кн. 2. С. 106–167.

David P. A. Clio and the Economics of QWERTY // *The American Economic Review.* 1985. Vol. 75. No. 2. Papers and Proceedings of the Ninety-Seventh Annual Meeting of the American Economic Association. (May, 1985). Pp. 332–337.

Eshet-Alkalai Y. Digital Literacy: A Conceptual Framework for Survival Skills in the Digital Era // *Journal of Educational Multimedia and Hypermedia.* 2004. Vol. 13(1). Pp. 93–106.

Reason J. Human error: models and management // *British Medical Journal.* 2000. Vol. 320. No 18. March Pp. 768–670. [Электронный ресурс]. URL: www.bmj.com (дата обращения: 15.11.2018).

Сокращения

Балдаев, Белко, Исупов 1992 — Балдаев Д.С., Белко В.К., Исупов И.М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона. Одинцово, 1992.

Дубягина, Смирнов 2001 — Дубягина О.П., Смирнов Г.Ф. Современный русский жаргон уголовного мира. М, 2001.

Ляшевская, Шаров 2009 — Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка. М., 2009.

Мокиенко, Никитина 2000 — Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

Потапов 1927 — Потапов С.М. Словарь жаргона преступников (блатная музыка). М., 1927.

Словарь 1861 — Словарь иностранных слов, употребительных в русской литературе. М., 1861.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл. ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб., 1965–2018 (продолжающееся издание).

Толковый словарь 1991 — Толковый словарь уголовных жаргонов. М., 1991.

Digital misprints as a problem in the modern lexicography

Viktor Shapoval

ShapovalVV@mgpu.ru

Moscow City University, Moscow, Russia

Now almost all dictionaries are compiled with help of digital technology. Thus, digital literacy plays its growing role in the modern lexicography. Errors in dictionaries are partly caused by key-board mistakes. The article dealt with the different ways of correcting key-board mistakes, found in Russian dictionaries.

Keywords: digital literacy, errors in dictionary, ways of correction

Раздел 4

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ ТОЛКОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Использование словарных статей для изучения древнего понимания ценностей (польские и русские словари)

Беата Рашевска-Журек

beataraszewska@interia.pl

Институт языкознания, Ягеллонский университет,
Краков, Польша

Статья посвящена проблеме пригодности словарных статей польск. **zgoda**, русск. **согласие / соглашение** в словарях старо- и среднепольского языков и в русских исторических словарях для диахронических аксиолингвистических исследований. Изучение древних ценностей связано с определенными трудностями, например, понимания древнего способа толкования. Если какое-нибудь понятие считается ценностью, это должно отражаться в языке, т. к. именно с помощью языка люди выражают свое отношение к ценностям. Возникает вопрос: возможно ли это вывести из основной формы описания языка, каковой являются словари, а точнее говоря, из словарных статей?

Анализ словарных статей вместе с иллюстрирующим материалом из словарей, отражающих древние этапы развития польского и русского языков, показывает, что в объяснениях полностью отсутствуют элементы, связанные с оценкой понятий, хотя в приводимых в словарях фрагментах древних текстов они присутствуют. Это вызвано не решенной до сих пор проблемой — может ли аксиологический компонент считаться элементом значения слова или он остается лишь коннотацией? Автор приходит к выводу, что словарные статьи мало пригодны для аксиолингвистических исследований, но сами словари являются бесценным ресурсом, потому что ими можно пользоваться как своего рода корпусами текстов, в которых отражается широкий спектр древнего понимания ценностей.

Ключевые слова: аксиолингвистика, аксиологическая дефиниция, аксиологическая коннотация, диахронические исследования, общественные ценности

Основную цель диахронических исследований языка составляет получение сведений о древнем языке. Однако язык представляет собой особый предмет анализа, т. к. является элементом и материалом, создающим культуру, инструментом коммуникации об окружающем мире, в том числе понимания и описания мира человеком. Язык является источником информации о действительности носителя языка древних эпох и о нем самом. Частью этой обнаруживаемой языком ментальной действительности становится система ценностей.

В настоящей статье анализу подвергается лексема, представляющая собой главную общественную ценность: **согласие**. В польском языке для обозначения этого понятия используется лексема **zgoda** в общественном значении с XV по XVIII вв. Говоря о «ценности», я опираюсь на понимание этого понятия как ценности, которое, как мне кажется, совпадает с пониманием большинства современных носителей польского языка. Однако нет полной уверенности в том, что **согласие** является ценностью для каждого современного человека. Эта предпосылка основывается лишь на здравом смысле, и для нее необходимо найти подтверждение. Если какое-нибудь понятие считается ценностью, это должно отражаться в языке. Возникает вопрос: возможно ли это вывести из основной формы описания языка, каковой являются словари, а точнее говоря, из словарных статей? Полезны ли словарные статьи в работе аксиолингвиста, изучающего язык в диахронической перспективе?

Лексема **zgoda** была зафиксирована в польском языке уже в старопольский период и принадлежит к самому древнему запасу польской лексики. Слово сохранилось доныне, не меняя своего основного значения. Если говорить о древнейших записях, то *Старопольский словарь* дает реконструированное значение ‘brak zatargów, nierozumień, pojednanie, porozumienie’ (‘никаких столкновений, недоразумений, примирение, понимание’), а также ‘pokój, brak wojen’ (‘мир, отсутствие войны’) и ‘jednomysłność, jednakość’ (‘единодушие, однородность’) [SSTP]. Небольшое количество фиксаций в старопольскую эпоху не позволяет сделать выводы об аксиологическом характере старопольской **zgody**. Записи не являются аксиологически насыщенными, а скорее нейтральными. Для эпох Возрождения и Барокко словарные статьи пока не составлены, т. к. словари польского языка этих периодов только разрабатываются¹, и термин **zgoda**, находящийся в конце латин-

---

¹ ESXVIII-XVIII дает: **zgoda** ‘porozumienie się, pogodzenie się; jednomysłność, ugoda’ (‘соглашение, примирение; единодушие’) и ‘przystanie na co, przyzwolenie’ (‘убежище в чем, разрешение’), но словарная статья пока не окончена.

ского алфавита, до сих пор не вышел из в печати. Однако можно предположить, что словарная статья лексемы **zgoda** не будет содержать аксиологического компонента, как не содержит его и словарная дефиниция, слова **pokój** (тесно связанного с лексемой **zgoda**): ‘czas, kiedy nie ma wojny’, ‘niezakłócony ład wewnętrzny społeczności świeckich i Kościoła, brak konfliktów i zamieszek’, ‘zgoda, nieczynienie krzywdy drugiemu człowiekowi’ (‘время, когда нет войны’, ‘ненарушенный внутренний порядок сообщества мирян и церкви, отсутствие конфликтов и беспорядков’, ‘соглашение, не причиняющее вреда другому лицу’) [SXVI]. Как видим, авторы словаря не предусматривали включения аксиологического компонента как части словарной статьи².

В этом контексте следует обратить внимание на один из древнейших польских словарей, который четко отмечает ценность понятия **согласие**. Ценность, конечно не является компонентом значения, поскольку речь идет о трехязычном латино-немецко-польском словаре Мымера [Mumer] 1528 г., который приводит иноязычные соответствия лексемы **zgoda**, а не дефиницию. Статьи в этом словаре имеют тематическое расположение (сегодня мы бы это определили как расположение по лексико-семантическим полям) и разделяются на главы. *Concordia. eyntracht. zgoda* [Mumer: 36] находится в главе *Virtutum vocabula. Namen der tugenden. Imioná cznot.* [Mumer: 35] — в переводе на современный язык можно назвать эту главу «Названия ценностей». Именно такое расположение слова **zgoda** показывает, что понятие **согласие** в начале XVI в. считалось ценностью не только в польскоязычном культурном кругу, но и на территории, где преобладали два остальных языка, латынь и немецкий, что составляло значительную часть Европы. На восприятие **zgody** как ценности указывает также окружение, в котором слово появляется — это 62 соседствующих лексемы, называющие в что-то значительное в различных сферах жизни: *wiara, nadzieja, modlenie i zbawienie; czystość, pokora, zasność i poczciwość; prawda i sprawiedliwość; piękność, zdrowie, szczęśliwość i bezpieczeńność* (вера, надежда, молитва и спасение; чистота, смирение,

---

² На самом деле нельзя сказать, что авторы вообще не предусматривали его. Так, в словарной статье на **cnota** в дефиниции указано, что **cnota** (добродетель) оценивается положительно: ‘zasność, prawość, szlachetność, dodatnie cechy moralne’ (‘доброта, честность, благородство, положительные нравственные качества’) [SXVI]. Означает ли это, что в этом случае аксиологический компонент можно считать относящимся к семантике слова? Может быть, нравственная ценность более выражена, чем общественная?

уважение и порядочность³; правда и справедливость; красота, здоровье, счастье и безопасность). Существенно для понимания **согласия** помещение в этой же главе лексем *Pax. Fride. Pokoy* [Мурер 36]. Словарь Мымера не являлся оригинальным произведением, его первообразом был латино-чешско-немецкий словарь *Dictionarius trium linguarum*, изданный в Вене Ветором (H. Wietor) и Й. Сингериусом (J. Singrenius) в 1513 г., из которого была взята система расположения заглавных слов [Kędelska 1986: 67–68]. Конечно, с современной точки зрения, многие понятия, определенные как ценности, или наоборот, как «*Imioná niedoŃatkow*», вызывают сомнения. Однако положительная оценка **согласия** подтверждается многими другими текстами старо- и среднепольского периода.

В словарях, созданных позже, принято уже алфавитное расположение слов, но ни один из словарей, созданных в среднепольский период, — ни словарь Мончинского [Mączyński 1564], ни словарь Кнапиуша [Knapiusz 1621], ни словарь Троца [Trotz 1764] — не упоминает о коннотации ценности в словарных статьях, посвященных лексеме **zgoda**.

В результате проведенного глубокого анализа контекстных значений слова **zgoda** на основании 1365 записей лексемы⁴, относящихся к старо- и среднепольской эпохе, можно принять следующую дефиницию: 'одобряемое всеми и желаемое состояние общества, характеризующееся отсутствием конфликтов; ценность общественного характера'. Важными для этой дефиниции являются определения 'одобряемое' и 'желаемое', поскольку, как показывает анализ контекстов лексемы, наиболее ярко экспонируемая информация о **согласии** — это его достоинство. Древние тексты чаще всего представляют образцовое **согласие**, некую идеализированную модель, являющуюся ценностью. Этот вывод вытекает из наблюдений над многочисленными видами выражения оценки **согласия** в текстах, как, например, сопоставление с иными аксиологически насыщенными лексемами, метафорические представления, но наиболее яркий — основной способ выражения

---

³ Точный перевод концептов не всегда возможен, и сами концепты не полностью идентичны современным, что обусловлено особенностями их понимания в данном обществе в данную языковую эпоху. Польские понятия, выраженные одним словом, сегодня не означают то, что в прежние времена.

⁴ Я рассматривала лишь те варианты значения лексемы *zgoda*, которые касались понятия «общественное согласие».

оценки в языке — сочетание лексемы с оценивающим именем прилагательным. В старо- и среднепольских записях слово **zgoda** сочетается с эпитетами: *dobra, sna i pocziwa, prawa i prawdziwa, piękna i nadobna*⁵ (добрый, честный, правильный и правдивый, красивый), что однозначно указывает на их положительную оценку:

dobra **zgoda** y pokoy miedzy popolitym ludem: ále lepfsza miedzy pány/ ktorzy ludźmi rządzą/ ábo o nich rządzą: nalepfza [zgoda] miedzy krolmi/ ktorzy wftykiemu świátu pokoy **zgoda** fwoią przynofzą [SkarKazSej 664b; SXVI];

ták iż fpołu obá nierozdzyelnie rządźili w dobrej **zgodzie** á opátrności [BielKron 149v; SXVI];

Gdźie ieft práwa **zgoda** w wierze; nie baczę dla częgo ták wiele roznych Confesiy potrzeba (WujJud 13; SXVI);

A myśli/ ktore kołem We dnie bywały: práwie wftyki fpołem W cney **zgodzie**/ ferce wodźi (GrabowSet T3v; SXVI);

Gdzye wdzyęczny pokoy á poćciwa **zgoda**/ Thám nie może być w żadney rzeczy fzkoda (RejZwierc 227v; SXVI).

Перечисленные выше аксиологически положительно насыщенные имена прилагательные, сопровождающие слово **zgoda**, и отсутствие отрицательных эпитетов показывают, что **согласие** в давние времена считалось общественной ценностью. Здесь возникает вопрос: входил ли аксиологический компонент в значение лексемы **zgoda** или она имела только аксиологическую культурную коннотацию? Кажется, что признание аксиологического компонента частью значения лексемы **zgoda** было бы полезным, возможно, даже необходимым для понимания восприятия понятия **согласие** древними носителями языка, поэтому необходимо включить его в словарную статью.

В историческом словаре русского языка зафиксировано слово **согласие** (**сьгласие**, **-ье**), имеющее несколько значений. Значения, обладающие общественным характером, — это 'единомыслие, единодушие', 'дружественные отношения', 'объединение, союз', 'взаимная договоренность, соглашение, уговор'. Ни об одном аксиологическом компоненте не упоминается. С другой стороны, в очень древней (в записи XI в.) фиксации лексемы **согласие** оценка выражена прямым образом. Слово **благоключимо** ссылается на пользу, следовательно, **согласие** — это что-то хорошее, то, что является ценностью. Причем

---

⁵ Иногда в современном русском языке нет эквивалента для архаичных польских слов, например, для польских прилагательных **cny** и **nadobny**.

запись касается согласия братьев (неважно, в каком значении); то же явление можно наблюдать и в древнем польском языке, часто с сильной аксиологической насыщенностью:

Благодклучимо⁶ есть **сгласье** братства [Панд. Ант.¹, 117, XI в.; СЛРЯ XI-XVII];

Pokoу у teze **zgodą** myedzy braczyą у myedzy syostrami ma byczy [1484 Reg 715-6; SXVI].

В двух следующих записях употребляются синонимические лексемы **соединение** и **согласие**. Их сочетание является известным в польском языке приемом, имеющим целью подчеркнуть их вескость и усилить ценность. Обратим внимание на тот факт, что в контексте присутствует также *мир всего мира*, т. е. некий образец, модель идеального мира. Это соответствует характерному для древних текстов устойчивому сочетанию русск. *мир всего мира*, *соединение* и *согласие* (всех христиан), а польск. *pokój, jedność i zgoda*. Конечно, источником этого сходства является христианство, которое в каком-то плане освящает эти понятия, помещая их *высоко* на *иерархической* лестнице ценностей. В обоих языках эти ценности названы в молитвах, как предмет просьб, обращенных к Богу, а также метафорически божий дар:

О людие, помолимся гсду о мирѣ всего мира и утверждени сирѣчь немятежномъ стѣхъ цркѣвей бжїихъ, и соединени, сирѣчь **согласии** всѣхъ хрїстианъ [Скрижаль, II, 240, 1656 г. ; СЛРЯ XI-XVII];

Чтобъ могло быти во общую нашу ползу⁷ и въ крѣпчайшее соединение и **согласие** обшихъ оружей нашихъ [Петр, I, 91, 1696 г.; СЛРЯ XI-XVII];

A gdziekolwiek iedno thákowa iedność/ **zgodą**/ miłość у pokoy w Pánie/ s prawdziwey wiáry nálezyony bywa/ thám bez wátpienia fą fynowie Boży [RejPosWstaw [143⁴]; XVI w.: SXVI];

by iedno **zgodá** á pokoy wnetrzny bylo poftanowieni [BielKron 314; SXVI].

Однозначно положительный оттенок имеет также запись XVII в., упоминающая давнюю дружбу и согласие сердец. Подобная же запись зафиксирована в польском языке в те же времена:

Пребывати будеть однакожде между тѣми жѣ союзниками древней дружбы и сердець **согласие** [Петр, I, 127, 1697 г.; СЛРЯ XI-XVII];

⁶ **Благодклучимый** 'способный к чему, годный для чего' [СЛРЯ XI-XVII].

⁷ **Польза** 'благо, положительный результат, успех' [СЛРЯ XI-XVII].

á w tákie iedno/ iż nie tylko w ieden ánimufz álbo w iednę myśl/ w iednę **zgodę**/ w iednę miłość/ w iednę fpólną przyiaźń <...> fpoioné fą [SarnStat 1002; XVI w.: SXVI];

áby <...> W. M. mego Mćiwego Páná przedfiewzięćie/ <...> dla záttrzymánia **zgody**/ miłości/ pokoiu/ w oyczyźnie náfzey mnożyć y błogofłáwić raczył [ReszList 192; SXVI].

Несколько хуже документирован синоним **соглашение** (**сѣглашение**) ‘единомыслие, согласие’, также не содержащий признаков оценивания в дефиниции. В то же время приведенные в словаре контексты четко указывают на положительную оценку, например, благодаря сочетанию имени существительного **сѣглашение** с именем прилагательным **чюдно** и сопоставлению с синонимической лексемой **сѣплетение**, что подчеркивает и усиливает значение обоих слов. В другом контексте внимание обращено на объединение умов для согласия во имя Бога Отца и Сына Иисуса Христа, и Святого Духа:

Бѣаше нѣкое чюдно **сѣглашение** и сѣплетение якоже мошти: онь бо люди наставляаше, а съ наставляющаго [Гр. Наз., 40, XI в.; СлРЯ XI-XVII];

Всѣхъ же умы и разумы совокупляться **соглашению**, къ единению приступиша во имя Отца и Сына и Святаго Духа [Львов. лет. I, 248, XV в.; СлРЯ XI-XVII].

В следующей записи от XV в. находим своеобразный каталог понятий. Никакими оценочными элементами они не сопровождаются, но, как кажется, ссылка на Бога и интерпретация этих понятий как данных Богом для людей способствуют пониманию их как ценности. Таким образом, в записи сформулирован каталог трансцендентных и общественных ценностей, а их сочетание увеличивает значимость вторых. Присутствуют здесь любовь к Богу и вера, а в общественных категориях — согласие, единомыслие, общность, мир. Такое перечисление в одном ряду названий ценностей не чуждо и польскому языку и появляется достаточно часто, особенно в текстах XVI в.:

Единь богъ и отецъ всѣхъ, <...> вѣсхотѣ всѣхъ насъ въ едино быти любовию еже к нему и вѣрою и **сѣглашениемъ** и еже другъ съ другомъ сѣвѣкуплениемъ⁸, сединениемъ и миромъ (По.Злат.) [ВМЧ, Ноябрь 13-15, 897. XVI в. ~ XV в.; СлРЯ XI-XVII];

---

⁸ **Совокупление, сѣвѣкупление** ‘соединение, слияние, смешение, единение, тесная связь, единство, союз’ [СлРЯ XI-XVII].

To mafz Stephaná [Batorego] Rycerzá godnego, Wieczney pámięci Krolá wlaecznegi [!]. <...> Z tym v nas w Polfcze wczás, pokoy, ochłoda, Roſkofz, porządek, mieſzkała y **zgodá**. [KlonKr F3v; SXVI];

w kościele Bożym/ <...> ieft dziwnie poćiefzne mieſzkanie/ <...> wielka **zgodá** w nim/ wielki porządek/ wielki doſtátek/ beſpieczna obroná y nádanie przywileiow bogátych/ ſwięte y ſpráwiedliwe práwá [SkarKaz 633b; SXVI];

Nágradzi Pan Bog oftátek/ gdy w boiázni Bożey/ w **zgodzie**/ w vprzeymoſci y fzczyroſci do dobrego popolitego/ ſzukać łáſki iego będziem [SkarKazSej 663b; SXVI].

Положительная оценка понятия **согласие**, определяемого в польском и русском языках лексемами **zgoda**, **согласие** и **соглашение**, часто отмечается как в древнепольских, так и древнерусских источниках, но в реконструированных дефинициях в обоих случаях аксиологический компонент не отмечается. Он может считаться элементом значения или нет, в зависимости от лингвистической парадигмы. Тем не менее, пользователь, читающий словарные статьи **zgoda**, **согласие** и **соглашение**, дефиницию вместе с иллюстрацией, может ощущать некое несоответствие, поскольку то, что показано в примерах, не отражается в самой дефиниции.

Нехватка аксиологического компонента в дефинициях может быть следствием того, что проанализированные словари были созданы во время доминирования структурализма (польский вышел в 1966 г., русский в 1975 г.), а на значимость коннотации стали обращать внимание под влиянием когнитивизма. П. Жмигродский [Żmigrodzki 2005: 80–95], описывая типы дефиниций в польских толковых словарях, ни разу не упоминает об аксиологическом компоненте, но затрагивает тему когнитивной дефиниции как «полной семантической структуры описываемого понятия» [op. cit.: 93].

Выдающаяся польская исследовательница языка ценностей Я. Пузынина в 1982 г. писала: «... dla wielu leksemów, takich jak prawdomówny, kłamać, niewola i in. wiążącą się z nimi ocenę pozytywną lub negatywną można traktować tylko jako silną, kulturowo uwarunkowaną konotację, nie zaś jako element definicyjny znaczenia» [«...для многих лексем, таких как правда, ложь, плен и др., положительная или отрицательная оценка, связанная с ними, может рассматриваться только как сильная, культурно обусловленная коннотация, а не как дефинитивный элемент значения»] [Puzynina 2013 (1982): 23], но в этой же работе ниже отмечается, что разработка аксиологической лексики в словарях оставляет желать лучшего [op. cit.: 29]. Спустя десять лет она писала уже:

«Językoznawca i aksjolog mają kłopoty z ustaleniem statusu elementu wartościującego w wielu wyrazach opisowo-wartościujących. Czy ocena jest elementem definicyjnym, semantycznym w wyrazach takich, jak kłamać, kraść, uczciwy, pracowity — czy też wartościowanie pozytywne jest tu tylko konotacją kulturową <...>?» [«У лингвиста и аксиолога возникают проблемы с определением статуса элемента значения во многих описательно-оценочных словах. Является ли оценка элементом определения, семантическим в таких словах, как лжи, воровство, честность, трудолюбие — или эта положительная оценка является только культурной коннотацией <...>?»] [Puzynina 2013 (1992): 81].

Затем, как кажется, по мере углубления понимания аксиологической лексики автор выступает за включение оценки в дефиницию некоторых слов. Статус оценки в значении слова не является ни ясным, ни неизменным. Р. Гжегорчикова пишет: «Składnik ocenianiaśo-emocjonalny <...> może wystąpić w obrębie każdego z omawianych typów⁹: jako należący do centrum podlegającego asercji (negacji): *dobry, trafny, właściwy, wspaniały* (głównie jawne predykaty), jako składnik peryferyjny (presuponowany) <...> Wreszcie emocja i ocena mogą należeć do konotacji semantycznych». [«Оценка и эмоциональный компонент <...> могут возникать в каждом из обсуждаемых типов» как принадлежащие центру, подлежащие утверждению (отрицанию): хорошие, подходящие, правильные, великолепные (в основном явные предикаты), как периферийный компонент (предположительно) <...> Наконец, эмоции и оценка могут относиться к семантическим коннотациям»] [Grzegorzczukowa 1991: 91–92].

Однако Й. Бартмински и Р. Токарски считают, что «Nie można zgodzić się z taką koncepcją opisu znaczenia, która mówi o Niemieszczeniu

---

⁹ Автор обращает внимание на следующие семантические элементы, подчеркнутые в дискуссии об элементах значений: 1. части дефиниции, принадлежащие к семантическому центру, в состав которого входит содержание, передаваемое прямо. 2. Осуждение, вытекающее из содержания, сообщаемого семантическим центром. 3. Пресуппозиции: информация о ситуациях, состояниях, являющихся фоновыми для того факта, о котором непосредственно говорится, и которые не подвергают отрицанию. 4. Элементы коннотирующие, не принадлежащие ни к семантическому центру, ни к пресуппозиции, не появляющиеся обязательно при употреблении данного выражения, но сильно ассоциированные с называемыми явлениями (напр. из употребления слова мать не вытекает заботливость (мать конкретного лица), но это черты, которые сильно ассоциируются с этим словом).

się tzw. konotacji w definicji słowa¹⁰» [«Нельзя согласиться с такой концепцией описания смысла, которая говорит о том, что так называемая коннотация не принадлежит к определению слова»] [Bartmiński, Tokarski 1993: 54]. Исследователи, работающие в рамках когнитивной лингвистики, все больше внимания обращают на связь языка с ценностями, вплоть до признания, что «ценности составляют необходимую часть описания значения» и определяют их как «имманентный элемент значения» [Krzeszowski 1999: 132]. Выдвигаемые польскими учеными, занимающимися языковой картиной мира, когнитивные дефиниции, воспринимаемые как «орудие описания коннотации» [Bartmiński 2009: 42–51], должны предусматривать и аксиологическую коннотацию. Однако они настолько обширны, что не годятся для словарей. Аргументом в пользу включения аксиологического компонента слова в словарные статьи может быть, например, польский том под заглавием *Nazwy wartości*. Большая группа лингвистов — авторов тома, упоминая о названиях ценностей, признали, что существуют лексемы, для значения которых аксиологический компонент является существенным. Оценивание осуществляется прежде всего в текстах, но многократная реализация оценки в различных текстах позволяет, очевидно, заключить, что данная лексема относится к ценности и аксиологический компонент прочно укоренен в значении. Тем не менее, присутствие оценивающего элемента в словарной статье вызвало бы многие затруднения, самое явное из которых — это аксиологическая амбивалентность многих понятий. Существует также риск нарушения постулата объективизма в лексикографическом описании, которое Жмигродский определяет следующим образом: «Opis leksykograficzny powinien zawierać wszystko (i tylko to), co da się wyinterpretować z obserwacji zachowania jednostek języka w tekstach i sposobów rozumienia tych tekstów przez użytkowników języka» [«Лексикографическое описание должно содержать всё (и только это), что можно заключить из наблюдения за поведением языковых единиц в текстах и способов понимания этих текстов носителями языка»] [Żmigrodzki 2005: 60]. С моей точки зрения, из представленных выше источников можно вывести, что согласие — это ценность, однако такая интерпретация может показаться субъективной, учитывая, что способ понимания древних текстов нельзя проверить.

---

¹⁰ Авторы ссылаются на взгляды Ю.Д. Апресяна (1980), Л.Н. Иорданской и И.О. Мельчука (1980).

Подводя итоги, можно констатировать, что словарные статьи мало пригодны для аксиологических исследований. Означает ли это, что толковые, исторические и современные словари не могут использоваться в аксиологических исследованиях? Они составляют неоценимый корпус текстов, точнее минитекстов, но зато данных в большом количестве. Записи из словарей, а еще лучше из словарных картотек, как известно, короткие, их можно назвать минитекстами. Они не передают смысл так хорошо, как большие фрагменты текстов, но дают возможность использовать в исследовании большое количество употреблений слов. Тем самым они передают общее значение лексемы и смысл понятия вместе с оценкой, которые в определенной степени свободны от индивидуальных признаков, вытекающих из идиолекта и личных взглядов автора высказывания и характера текста¹¹.

Литература

- Bartmiński J.* Językowe podstawy obrazu świata. Lublin, (2006) 2009.
- Bartmiński J., Tokarski R.* Definicja semantyczna: czego i dla kogo // O definicjach i definiowaniu, Bartmiński J., Tokarski R. Lublin, 1993. С. 47–62.
- Grzegorzczak R.* Składniki znaczeń leksemów a interpretacja semantyczno-pragmatyczna wypowiedzi // Poradnik Językowy, 1991, Т. 3–4. С. 87–95.
- Kędelska E.* Łacińsko-polskie słowniki drukowane pierwszej połowy XVI wieku i ich stosunek do źródeł czeskich. Wrocław, 1986.
- Krzeszowski T.* Aksjologiczne aspekty semantyki. Toruń, 1999.
- Puzynina J.* Językoznawstwo a aksjologia // Biuletyn Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, 1982, Т. 39. С. 23–32; переиздание: *Puzynina J.* Wartości i wartościowanie w perspektywie językoznawstwa. Kraków, 2013. С. 21–31.
- Puzynina J.* Problematyka aksjologiczna w językoznawstwie // Problematyka aksjologiczna w nauce o literaturze. Lublin, 1992; переиздание: *Puzynina J.* Wartości i wartościowanie w perspektywie językoznawstwa. Kraków, 2013. С. 75–85.
- Żmigrodzki P.* Wprowadzenie do leksykografii polskiej. Katowice, 2005.

Сокращения

Knapiusz — *Knapski G.* Thesaurus Polonolatinograecus seu Promptuarium linguae Latinae et Graecae Grzegorza Knapskiego. Cracoviae [Kraków], 1621. [Электронный ресурс] URL: http://www.mimuw.edu.pl/polszczyzna/Knapski/Knapski_DjVu/

---

¹¹ Публикация, финансируемая по программе Министра Науки и Высшего Образования под названием «Национальная Программа Развития Гуманитарных Наук» в 2017-2022 годах, проект № 11 Н 16 0266 84.

ESXVIIiXVIII — Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII w., przygotowany Instytutem Polskiego Języka PАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://sxvii.pl>

Mączyński — *Mączyński J.* Lexicon Latino-Polonicum ex optimis Latinae linguae scriptoribus concinnatumю Królewiec, 1564. [Электронный ресурс] URL: <http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=23849&from=publication>

Mymer — *Mymer F. (Mymerus)*, Dictionarius trium linguarum: Latine, Teutonice et Polonice potiora vocabula continens nunc denuo pluribus in locis auctus in titulis per seriem alphabeti concinnatus tum peregrinantibus tum domi desidentibus et quibuslibet tribus loqui linguis cupientibus maxime necessarius et utilissimus. Vietor, Cracoviae [Kraków], (1550) 1528. [Электронный ресурс] URL: http://www.wbc.poznan.pl/dlibra/docmetadata?id=180726&from=&dirids=1&ver_id=&lp=3&QI=

Sstp — *Urbańczyk S.* (ред.), Słownik staropolski. T. I-XI. Wrocław, 1953-2002; наряду с файлом.

SXVI — *Mayenowa M. R.* (ред.), Słownik polszczyzny XVI wieku. T. I-XXXVI. Wrocław, 1966-; наряду с файлом.

Trotz — *Trotz M. A.* Nowy dykcjonarz, to jest Mownik polsko-niemieckofrancuski. Lipsk, 1764. [Электронный ресурс] URL: <http://www.dbc.wroc.pl/dlibra/docmetadata?id=7138&from=publication>

СЛРЯ XI-XVII — *Словарь русского языка XI—XVII вв.* М., 1975-; наряду с файлом: URL: http://etymolog.ruslang.ru/doc/xi-xvii_26.pdf

The utility of dictionary definitions in the identification of the early understanding of values (polish and russian dictionaries)

Beata Raszewska-Żurek

beataraszewska@interia.pl

Institute of Linguistics, Jagiellonian University, Cracow, Poland

The article is devoted to the problem of the utility of the lexicographical definition of the names: Pol. *zgoda*, Russ. *sogłasiye* and *soglasheniye* in the dictionaries of the Old Polish, Middle Polish and Old Russian languages in diachronic axiolinguistic research. The identification of early values is associated with certain difficulties, for example the difficulties associated with the discovery of the early manner of understanding things. If a given concept is considered to be a value, it should be reflected in (a) language, for people use (a) language to express their attitude to values. Therefore, the following question arises: is it possible to learn about these things from the most basic documentation of a language — dictionaries — and to be more precise — lexicographical definitions. An analysis of definitions in conjunction with the material which exemplifies

the said definitions from the early Polish and the early Russian languages demonstrated that the explications completely omit elements associated with the evaluation of concepts, when they are clearly present in the recorded material which was adduced. This is a result of the dilemma which heretofore remains unsolved — may the axiological component be considered an element of the meaning of a word or does it remain mere connotation. In the conclusion it was stated that lexicographical definitions are of limited utility in axiolinguistic research, whereas the dictionaries themselves provide inestimable assistance, for they may be treated as a sort of text corpora, providing a wide cross-section of the early understanding of values.

Keywords: axiolinguistics, lexicographical definition, axiological connotation, diachronic research, social values

Исторические словари в начале двадцать первого века¹

Мариола Якубович

mjakub7@interia.pl
Институт славистики Польской академии наук,
Краков (Польша)

Шимон Погвизд

szymon.pogwizd17@gmail.com
Институт славистики Польской академии наук,
Краков (Польша)

Темой статьи являются польские словари, концентрирующиеся на древних этапах развития языка, которые на фоне работ, посвященных диахронической лексикографии, отличаются новым подходом. Главным признаком инновации является размещение словарей в интернете, цифровая обработка и открытый доступ. В статье приводятся современные разработки польских исторических словарей. Среди них особое внимание уделяется XI тому Праславянского словаря, который является продолжением многолетнего труда краковского филиала Института славистики Польской академии наук в области диахронной лингвистики. Словарь разрабатывается на материале всех славянских языков. Собранный материал анализируется при использовании историко-сравнительного метода, что позволяет восстановить первоначальную форму и семантику определенных слов. Том XI отличается от предыдущих тем, что впервые будет опубликован в электронной версии, что значительно облегчит доступ к словарю и расширит круг читателей.

Ключевые слова: исторические словари, этимология, лексикография, открытый доступ, дигитализация

Статья посвящена словарям, издаваемым в Польше в XXI в., которые на фоне других проектов в рамках исторической лексикографии отличаются новым подходом. Главным признаком инновации является цифровая обработка и открытый доступ к словарям в интернете. Рассматриваются исторические словари, которые объединяет концентрация на древних этапах языка, а именно:

- словари, созданные в давние времена;
- современные словари, описывающие лексику давних веков;

---

¹ Publikacja finansowana w ramach programu Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Narodowy Program Rozwoju Humanistyki” w latach 2017-2022, nr projektu 11 N 16 0266 84.

- словари, описывающие лексику, которая зафиксирована конкретными авторами;
- словари, объясняющие происхождение современной лексики, т. е. этимологические словари;
- словари, описывающие лексику, реконструированную на основе более поздних стадий языка — реконструкционные словари.

Инновацией XXI в. стало перенесение словарей, изданных в бумажном виде, на электронные ресурсы. На значимость этого процесса указывает, например, введение в образовательную программу предмета *Дигитализация польских исторических словарей*, осуществленное на кафедре формальной лингвистики Варшавского университета.

Чаще всего способом перенесения словарей на электронный ресурс является размещение в интернете pdf-версии данного словаря: на сайтах выкладываются электронные документы, представляющие собой отсканированную копию опубликованных бумажных изданий. Таким путем в интернет попали важнейшие старые словари польского языка, а именно, изданный в начале XIX в. *Словарь польского языка* Самуэля Богумила Линде (Samuel Bogumił Linde, *Słownik Języka Polskiego*), который является первым толковым словарем польского языка [Linde], а также изданный в начале XX в. *Словарь польского языка* (*Słownik Języka Polskiego*) под редакцией Я. Карловича, А. Крыньского и В. Недзведзкого, так называемый *Słownik warszawski* [Karłowicz, Kryński, Niedźwiedzki].

Основным местом размещения функционирующих в свободном доступе так называемых «pdf-ов» ранее изданных словарей являются серверы научных институций, например, электронные библиотеки: *Электронная библиотека Варшавского университета* (Akademicka Biblioteka Cyfrowa UW, <https://www.abc.uw.edu.pl>) или *Куявско-Поморская цифровая библиотека* (Kujawsko-Pomorska Biblioteka Cyfrowa, <http://krbc.umk.pl/dlibra>). Обширную информацию, касающуюся названных здесь и некоторых других словарей, можно найти в электронной публикации *Исторические и современные словари. Учебное пособие* [*Słowniki dawne i współczesne*], созданной в Варшавском университете.

Хотя названные словари были подвергнуты OCR-обработке, кажется, что они еще не достигли уровня, при котором можно бы считать работу с электронным словарем в виде pdf-файлов легче работы с ее книжным изданием. Относительно медленный темп загрузки текста усложняет перелистывание страниц словарей. Во время копирования текста возникают проблемы типа склеивания друг с другом стоящих

рядом слов. Эта же проблема усложняет поиск слов или их частей, не говоря уже о недостаточном распознавании текста в процессе OCR и в итоге невозможности полного использования поисковых механизмов.

Намного легче и быстрее работает со словарями, на которых проведена более продвинутая оцифровка. Из исторических словарей польского языка первой такой работой стала электронная версия *Словаря польского языка* (*Słownik Języka Polskiego*, так называемый *Słownik wileński*) изданного в Вильнюсе в 1861 г. [Zdanowicz]. В итоге реализации проекта возникла электронная версия словаря, главную часть которой составляют сканы всех его страниц, подвергнутых обработке OCR и снабженных инструментами поиска. В отличие от выше названных словарей, электронная версия *Вильнюсского словаря* дает возможности быстрого поиска словарной статьи с помощью индекса, который находится рядом с текстом (в этом случае данная статья показывается в верхней части страницы) или просто «перелистывания» страниц, которые загружаются в темпе нажатия кнопки мыши. Электронная версия *Вильнюсского словаря* предлагает также безотказный поиск слов, их частей либо сочетаний, содержащих определенную последовательность символов, что полезно, прежде всего, для исследований по словообразованию.

Для упомянутого уже *Варшавского словаря* также создан алфавитный и обратный индекс всех 280000 слов из восьми томов словаря.

Следующий жанр исторических словарей — это документационные словари, помещающие лексику древних времен. От названных выше старых толковых словарей они отличаются хронологической перспективой. Предметом их становится не современная авторам, а древняя лексика, с чем связано ограниченное количество источников. Такая хронологическая перспектива требует специфического авторского подхода, заключающегося в ограничении интуиции редактора словаря как носителя языка. Это важно для того, чтобы автоматически не переносить свою языковую компетенцию на прежние этапы развития языка. В Польше были созданы или разрабатываются три главных словаря этого типа. Это *Старопольский словарь* [*Słownik staropolski*], *Словарь польского языка XVI века* [*Słownik polszczyzny XVI w.*] и *Электронный словарь польского языка XVII и XVIII веков* [*Elektroniczny słownik*], который является цифровым продолжением *Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII века* [*Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku*].

Все тома оконченого в 2002 г. *Старопольского словаря* [Słownik staropolski] уже доступны в интернете в виде pdf-файлов. Однако, учитывая большой объем файлов, пользоваться ими в ежедневной практике пока достаточно трудно. Медленно загружаются очередные страницы, а инструменты поиска только частично справляются с заданными запросами. В настоящее время ведутся работы над дальнейшей цифровой обработкой словаря. Для *Словаря польского языка XVI века* [Słownik polszczyzny XVI w.] актуальны те же проблемы. Быстрый поиск возможен только в индексах слов, помещенных в очередных томах, но невозможно ни пройти от индекса до словарной статьи, ни найти нужную лексему с помощью клавишей Ctrl+F.

Нельзя не упомянуть, что на основе материала *Старопольского словаря* возник *Словарь понятий старопольского языка* онлайн (2011–2015) [Słownik pojęciowy]. Словарь снабжен разветвленной семантической структурой, в которой размещены все значения слов, собранные в одиннадцати томах *Старопольского словаря*. Вместе со значениями в соответствующем поле даются цитаты, также происходящие из *Старопольского словаря*. Словарь является очень полезным инструментом для всех, занимающихся лексико-семантическими исследованиями на историческом фоне.

Электронный словарь польского языка XVII и XVIII веков, который издается с 1996 г., прошел большую реструктуризацию, после того как его редакторы приняли решение перейти на электронный вид представления словаря. Сейчас идет работа над постепенным размещением на сайте словаря материалов из картотеки *Словаря польского языка XVII и первой половины XVIII века*. Пользователи словаря имеют возможность открыть любую словарную статью, даже если она находится в процессе редактирования (большинство из них имеет заметку: «w trakcie opracowania» — «идет обработка»), и таким образом пользоваться введенным уже материалом. В каждой статье отмечаются такие элементы, как: «зафиксированные в словарях» («notowanie w słownikach»), «грамматические формы» («formy gramatyczne»), «значения» («znaczenia»), «ссылки» («odsyłacze»), а в некоторых и другие элементы, например, «устойчивые сочетания».

Если учесть тот факт, что большая часть словаря вообще не проходила «бумажного периода», этот электронный словарь свободен от всех тех недостатков, о которых мы говорили выше. Единственную проблему составляет возможность попасть на статьи с нулевым содержанием, но их становится все меньше.

Нельзя не упомянуть и о словаре, который находится вне пространства польского языка, но, как и выше названные словари, создается в Институте польского языка Польской академии наук, а именно об *Электронном словаре средневековой латыни в Польше* [Elektroniczny Słownik], который открыл серию электронных исторических словарей, издаваемых в этом же институте. Словарь документирует латинскую лексику, которая употреблялась в Польше в Средние века. Каждую статью в словаре можно посмотреть в полном или в сокращенном виде. Если выбрать сокращенный вид, есть возможность открытия только нужных в данный момент элементов, составляющих часть более объемной базы. Очень полезна в данном словаре возможность перехода от просматриваемой лексемы к такому же слову в других словарях средневековой латыни, издаваемых в других европейских странах. Было бы очень полезно создать такой вид коммуникации между историческими словарями польского языка.

Далее мы перейдем к особой группе исторических словарей, которую составляют словари лексики одного автора. С 2009 г. группа ученых из Варшавского университета работает над электронным словарем языка Циприана Камила Норвида [Cyprian Norwid]. Словарь создается на основе относительно недавно составленной картотеки (1983–1989) и помещает материал, извлеченный из полного издания сочинений этого автора. Словарь существует только в электронной версии, но, хотя он постоянно находится в обработке, предоставлен полный доступ к его содержанию. Словарные статьи, над которыми ведется работа, снабжены меткой «неоконченная версия» («**nieostateczna wersja**»).

Среди этимологических словарей все еще преобладают бумажные издания, хотя именно в этом случае хорошие электронные словари были бы особенно полезны, поскольку в этимологических словарях особенно важны взаимные связи. Система ссылок от одной словарной статьи к другой в них была бы еще более полезна, чем в толковых словарях. Приведем пример этимологического (но, к сожалению, не электронного) словаря Крыстыны Длугош-Курчабовой, изданного в начале XXI в. [Długosz-Kurczabowa 2003]. Автор этого словаря впервые в истории этимологических словарей польского языка применила гнездовую структуру, размещая в одной словарной статье все слова, связанные происхождением друг с другом. В одной статье расположены в алфавитном порядке дериваты, засвидетельствованные на разных этапах развития языка, а кроме этого, и слова, связанные со словарной

статьей на более глубоком, индоевропейском уровне. Например, для заглавного слова **gość** помещены древние сложения и дериваты: *gospoda, gościec*, а кроме них слово *gazda* — заимствование из венгерского, в который оно также вошло из славянских языков, вероятнее всего, из хорватского *gospod* ‘владелец’, а также европеизмы: *hospicjum, hotel, hostessa*. То же самое сделано и для других слов, например, **rudy** (слова славянского происхождения: *rumiany, rusy, rdza, rydz, ryżu* и европеизмы: *erythrocyty, rubin*) или **serce** (коренные: *serdeczny, osierdzie* и европеизмы: *kordialny, konkordat, kardiolog*) [Słowniki dawne i współczesne]. Чаще всего включаются европеизмы, источником которых являются греческие и латинские лексемы, продолжающие тот же праиндоевропейский реконструкт, что и данное польское слово. Не давая оценок самой идее такого типа этимологического словаря, мы полагаем, что он идеально вписывается в картину электронного словаря. Во-первых, не отказываясь от алфавитного порядка, можно было бы ясно представить словообразовательную модель каждого производного, отсутствие которой составляет главный упрек в адрес словаря К. Длугош-Курчабовой со стороны других этимологов. Во-вторых, материал, приведенный в словаре, можно было бы представить в таком виде, что уже на первый взгляд было ясно, какая связь существует между заглавным словом и лексемой, приведенной в словарной статье.

В следующей части статьи мы обратимся к реконструкционным словарям, целью которых является реконструкция лексики давних языков или языковых семей. Таким словарем является создающийся в Кракове *Праславянский словарь* [Słownik prasłowiański], который сейчас впервые появится в электронном виде.

Работа над XI томом *Праславянского словаря* является продолжением многолетнего труда в области диахронной лингвистики. Словарь издается с 1974 г. Инициатором работ по подготовке картотеки словаря с 1954 г. был выдающийся польский славист Тадеуш Лер-Сплавиньски, первым редактором и создателем словаря был Францишек Славский. Словарь создается на материале всех славянских языков. Целью работы является реконструкция полного лексического запаса праславян, до момента распада праславянской языковой общины (ок. VII–VIII вв.) и начала процесса образования современных славянских языков. Собранный материал анализируется при использовании историко-сравнительного метода, что позволяет восстановить первоначальную форму и семантику определенных слов. Реконструкция праславянского значения является уникальной по сравнению с дру-

гими словарями, восстанавливающими праславянские формы. Словарь имеет огромное значение не только для славистов, но и для других специалистов, занимающихся изучением истории индоевропейских языков.

Хотя разработка XI тома *Праславянского словаря* является продолжением научного труда с 1974 г., по сравнению с предыдущими томами этот том является весьма инновационным. Основным его отличием от остальных десяти томов является то, что впервые помимо печатной версии он будет опубликован также в электронном виде на специально подготовленной цифровой платформе. Точнее говоря, версия, созданная на цифровой платформе, будет изначальной, и уже на ее основе будет подготовлена бумажная версия. Согласно предварительным планам, словарь должен содержать около 450 словарных статей. Основные части словарных статей не изменятся, но будут более последовательно систематизированы, чем в предыдущих томах. Это значительно облегчит доступ к этой работе и расширит круг читателей, позволяя ознакомиться с текстом словаря не только лингвистам, занимающимся диахронией, но и другим специалистам, например, этнографам, историкам. Помещенная на электронной платформе система даст возможность подробного анализа помещенного в словаре материала и его использования в научной работе.

Очевидно, что создание электронной версии требует основательной подготовки. Прежде всего, нужна разработка информатиками специальной платформы, где будут вводятся словарные данные. Необходимо также расширить редакционный коллектив, т. к. введением данных должен руководить металексикограф. В настоящий момент разрабатывается предварительно подготовленная платформа, которая была создана при работе над иным лексикографическим проектом. Учитывая факт, что *Праславянский словарь* станет первым такого рода словарем, созданным в электронной версии, постоянно появляются новые идеи и новые решения, которые нужно применить для того, чтобы использование платформы было наиболее ясным и доступным.

Публикация словаря в интернете является причиной целого ряда изменений в организации текста словаря. Одним из важнейших изменений будет разделение словарных статей сложной структуры, в которой реконструируется несколько родственных друг другу лексических единиц, чаще всего образованных от одной основы, но при помощи разных аффиксов. В электронной версии они станут независимыми словарными статьями.

Определенные изменения коснутся всех частей словарной статьи. Так, в цифровой версии каждой реконструированной лексеме будет приписана часть речи и основные элементы склонения или спряжения (в предыдущих томах грамматическая косвенная форма помещалась только в случае, если не являлась очевидной). Следующим изменением станет введение английской и русской версии восстанавливаемого значения слова в заглавии статьи, так что у читателя будет возможность выбора подходящей языковой версии, а значение на латыни, размещенное в печатной версии, будет перенесено в конец. Далее помещается информация о географическом распространении данной лексемы, т. е. о его бытовании на территории, занимаемой тремя основными группами славян — западнославянской, южнославянской и восточнославянской (раньше эта информация подавалась лишь в случае, когда лексема не была зафиксирована на всей территории Славянщины).

Наиболее обширной частью словарной статьи является подтверждающий материал, здесь помещаются все континуанты восстанавливаемого слова в разных славянских языках. ~~Материал делится на три~~ основные группы: западнославянскую, южнославянскую и восточнославянскую. Лексемы приводятся по толковым, историческим и диалектным словарям всех славянских языков. В этой части тоже будет несколько изменений: читателям будут предложены две языковые версии: в переводе на польский язык (как и в предыдущих томах) или на языке оригинального источника. Электронная версия способствует расширению объема: возможно будет показать больше представительных примеров, как по фонетическим, так и семантическим признакам.

Относительно семантических объяснений: печатная версия вызвала ограничение сведений, касающихся толкования континуантов анализируемых лексем, что препятствовало демонстрации дальнейшего, часто неожиданного, семантического развития. В электронном словаре такие инновационные значения будут выделяться в отдельной зоне, их просмотр будет возможен при выборе ячейки «остальные значения».

Стоит отметить еще одну инновацию в словаре: в словарные статьи будут добавлены квалификаторы по критериям семантических полей. Маркированию будут подвергаться все лексемы; типичные примеры квалификаторов — это фитонимы, зоонимы, названия, связанные с ремеслом, и т. п. Такое изменение даст пользователям возможность поиска определенного лексического материала.

Облегчится также доступ к самим источникам. В бумажной версии источники обозначены сокращениями, в электронной версии эти сведения будут снабжены прямыми ссылками на конкретную монографию. Для этого в базу данных будет введена вся литература, использованная в томах (I–VIII), а также литература, примененная в новейших томах, которые пока не появились в печати.

Следующей частью словарной статьи является этимология данного слова. Если слово или выражение образовано на праславянской почве и является дериватом от другой лексемы, присутствующей в словаре, эта часть обычно ограничивается описанием словообразовательных процессов и читатель найдет ссылку на словообразовательную основу и информацию об аффиксе. Если же слово является непосредственным континуантом праиндоевропейской лексики, оно требует более глубокого объяснения: приводятся соответствия из других индоевропейских языков и реконструируется корень. Это объяснение является ключевым в этимологическом словаре, поэтому эта часть будет переведена на английский и русский языки. В электронной версии словаря будут приведены все авторитетные этимологические теории о происхождении данного слова (ранее авторы словаря ограничивались приведением лишь этимологии, одобряемой ими). Поэтому рассматривается образование в словарной статье двух ячеек: одной с дефинициями, с которыми авторы согласны, и второй с другими, менее вероятными, по мнению редакторов, версиями этимологии.

Кроме очевидного облегчения доступности к работе и новых возможностей поиска данных, одиннадцатый том *Праславянского словаря* в онлайн доступе будет обладать и другими преимуществами. Во-первых, возможным станет размещение более объемного и исчерпывающего материала, а также дополнительных сведений, которые были опущены из-за ограниченного объема печатной версии. Публикация более широкой дополнительной информации может составить ценный материал для читателей, занимающихся, например, семантическим развитием. Введение иноязычных версий для некоторых частей словарных статей позволит использовать собранный в словаре материал не только славистам, но и языковедам, не владеющим польским языком.

Таким образом, *Праславянский словарь* вписывается в ряд лексикографических проектов, использующих современные технические средства, которые могут значительно облегчить исследовательскую работу.

Сокращения

Cyprian Norwid — *Internetowy słownik języka Cypriana Norwida*. URL: <https://www.slownikjezykanorwida.uw.edu.pl/> [30.10.2018].

Długosz-Kurczabowa 2003 — *Długosz-Kurczabowa K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa, 2003.

Elektroniczny słownik — *Elektroniczny słownik języka polskiego XVII i XVIII wieku*. URL: https://sxvii.pl/index.php?strona=lista&zn_forma=0&zn_forma=chabina&uklad=af [30.10.2018].

Elektroniczny słownik łaciny — *Elektroniczny słownik łaciny średniowiecznej w Polsce* <http://scriptores.pl/lexicon/> [30.10.2018]

Karłowicz, Kryński, Niedźwiedzki — *Słownik języka polskiego*. Red. J. Karłowicz, A. Kryński, W. Niedźwiedzki. T. I–VIII URL: <http://ebuw.uw.edu.pl/dlibra/docmetadata?id=236&dirids=1&tab=3> [30.10.2018]

Linde — *Linde S.B. Słownik języka polskiego*. T. I–VI. URL: <https://archive.org/details/sownikjzykapols02lindgoog/page/n38> [30.10.2018].

Słowniki dawne i współczesne — *Słowniki dawne i współczesne. Przewodnik edukacyjny*. Red. Bańko M., Majdak M., Czeszewski M. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.leksykografia.uw.edu.pl/> [30.10.2018].

Słownik języka polskiego — Słownik języka polskiego XVII i 1. połowy XVIII wieku, IJP PAN, Kraków 1996–.

Słownik pojęciowy — *Słownik pojęciowy języka staropolskiego*. URL: <http://spjs.ijp.pan.pl/spjs/strona/kartaTytulowa> [30.10.2018].

Słownik polszczyzny XVI w. — *Słownik polszczyzny XVI wieku*. T. I–XXXVI. URL: <http://spxvi.edu.pl/wersja-cyfrowa/> [30.10.2018]

Słownik prasłowiański — *Słownik prasłowiański*. Red. Sławski F., Wrocław 1974–.

Słownik staropolski — *Słownik staropolski*. T. I–XI. URL: <https://pjs.ijp.pan.pl/sstp.html> [30.10.2018]

Słowniki dawne i współczesne — *Słowniki dawne i współczesne. Przewodnik edukacyjny*. URL: <http://www.leksykografia.uw.edu.pl/> [30.10.2018]

Zdanowicz — *Słownik języka polskiego*. Red. Zdanowicz A. URL: <https://eswil.ijp.pan.pl/?str=otworz-slownik> [30.10.2018]

Электронные ресурсы

Akademicka Biblioteka Cyfrowa UW [Электронный ресурс]. URL: <https://www.abc.uw.edu.pl>

Kujawsko-Pomorska Biblioteka Cyfrowa [Электронный ресурс]. URL: <http://kpbc.umk.pl/dlibra>

Historical dictionaries at beginning of the XXI century

Mariola Jakubowicz

mjakub7@interia.pl

Szymon Pogwizd

szymon.pogwizd17@gmail.com

Institute of Slavic Language Polish Academy of Science

The article is devoted to Polish dictionaries which are focused on the early stages of the development of the language and which are distinguished by a new approach in the context of earlier works devoted to diachronic lexicography. The main feature of this approach is the publication of dictionaries on the internet, digital processing and open access. The article discusses historical dictionaries which are being developed contemporarily and which are available online. Within this group, particular attention was devoted to the eleventh volume of the *Słownik prasłowiański (A Dictionary of the Proto-Slavic Language)*, which is the continuation of many years of work of the Kraków branch of the Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences in terms of diachronic linguistics. The dictionary is based on the material furnished by all Slavic languages. The material which was collected is analysed by means of a historical and comparative method, which enables the reconstruction of the original form and semantics of particular words. The eleventh volume differs from the preceding ones in that it will be published in an electronic version for the first time. The placement of the dictionary on the electronic platform will considerably facilitate the access to the work and it will broaden its readership.

Keywords: historical dictionary, etymology, lexicography, digitalization, open access

Исторические словари как источники базы данных русских фитонимов phytolex (XI–XVII вв.)¹

Валерия Борисовна Колосова

chakra@eu.spb.ru

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Кира Иосифовна Коваленко

kira.kovalenko@gmail.com

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Алексей Сергеевич Щёкин

shekinalexey@gmail.com

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург Россия

Статья посвящена рассмотрению исторических словарей русского языка как источников базы данных русских фитонимов PhytoLex. Не подвергая сомнению значимость словарей, отражающих лексическое богатство древнерусского и старорусского языка, авторы предлагают ряд уточнений по датировке и семантике некоторых лексем, которые можно сделать благодаря репрезентации фитонимов в базе данных. Кроме того, анализируется ряд лексем, не представленных в словарях.

Ключевые слова: фитоним, словарь, историческая лексикография, русский язык, база данных, PhytoLex

Тематическое исследование лексики русского языка в диахроническом аспекте является одним из наиболее перспективных направлений в исторической лексикологии. Данный подход позволяет изучать лексический состав языка того или иного периода в системе, наблюдать динамические процессы, происходящие в семантике и функционировании лексем, проследить изменения в наполняемости лексических групп. Отдельным группам древнерусской и старорусской лексики посвящены статьи [Лексические группы... 1991; Смирнова 2006; Аста-

---

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17-06-00376 «Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.)».

хина 2009; Горбань 2009; Благова 2010; Волынская 2010; Судаков 2012, 2013], монографии [Сороколетов 1970; Лукина 1990; Мжельская 2003; Лутовинова 2005; Богородский 2006], диссертации [Герд 1968; Судаков 1985], они описаны в словарях [Белова 2001; Словарь промысловой лексики 2003–2015; Щеглова 2004; Романова 2017] или в пробных словарных статьях [Чернышева, Филиппович 1999; Юридическая лексика 2014–2016]. При этом некоторые группы остаются малоизученными и редко привлекают внимание исследователей. К таким группам относится, в частности, фитонимическая лексика русского языка XI–XVII веков, включающая в себя названия растений и их плодов. Это связано со многими факторами: отсутствием научной классификации растений, временными затратами, связанными с обнаружением фитонимов, сложностью их идентификации. Для облегчения данной задачи коллективом исследователей (В.Б. Колосова, А.Б. Ипполитова, К.И. Коваленко, Г.А. Мольков, О.Г. Олехнович, К.С. Худин, А.С. Щекин и К.А. Зайцева) создается база данных PhytoLex, в которую включаются фитонимы, зафиксированные в русской книжности XI–XVII веков, представленные в контексте употребления и снабженные подробной документацией источника.

В ходе работы над проектом предполагается осуществить сплошную выборку фитонимов из древнерусских текстов различных жанров, травников, азбуковников, документов Аптекарского приказа, исторических документов, которые составляют корпус первичных источников базы. В то же время предполагается ввод материалов вторичных источников — исторических и этимологических словарей (см. подробнее о первичных и вторичных источниках и методах их анализа в [Колосова, Петров 2016]).

Репрезентация материалов исторических словарей в комплексе дает ряд преимуществ. В частности, это позволяет более полно представить лексические и фонетические варианты фитонимов. Так, например, зафиксированные в разных словарях названия растения *Aloe vera* L. демонстрируют ряд вариантных названий на уровне лексики, графики и фонетики: *алои* [Срезневский 1: 17–18] / *алой* [СлРЯ XI–XVII 1: 31], *аллой* [СлРЯ XI–XVII 1: 31], *алгуи* [Срезневский 1: 17–18], *альгуи* [Срезневский 1: 17–18], *алоэ* [СлРЯ XI–XVII 1: 31], *стакть* [СДРЯ 11: 493], *стакта* [СДРЯ 11: 492]², а также словообразовательные варианты

---

² В других исторических словарях *стакта* и *стакти* толкуются как ‘вид ароматической смолы’ [Срезневский 3: 490; СлРЯ XI–XVII 27: 192].

дериватов: *алоинь* [Срезневский 1: 18; СДРЯ 1: 82] / *алоиный* [СлРЯ XI–XVII 1: 31], *алоевый* [СОРЯ 1: 45].

Справедливо в этом отношении наблюдение Т.А. Трафименковой о том, что «Словарь русского языка XI–XVII вв.» имеет широкие хронологические рамки и не может прокомментировать все написания названий растений за восемь веков, поэтому в заголовочной строке даются лишь выборочные, наиболее употребляемые, ориентируемые на графический облик слова в конце охватываемого периода или позволяющие проследить фонетические изменения наименования» [Трафименкова 2015: 38]. В отличие от словарей база данных, не ограниченная в объеме корпуса цитат из различных источников, позволит представить вариантность во всей полноте и проследить изменение того или иного фитонима во времени и пространстве.

Одной из наиболее проблемных зон в словарных статьях, посвященных названиям растений и образованных от них прилагательных, является зона толкования. Достаточно часто встречаются словарные статьи, из которых ясно лишь то, что слово представляет собой фитоним, или же указаны только некоторые свойства растения, почерпнутые из контекста. В качестве примеров можно привести следующие лексемы: *аммонь* ‘благовонное растение’ [СлРЯ XI–XVII 1: 36]; *волчаной корень* ‘трава (какая?)’ [СОРЯ 2: 324]; *вопъ* ‘название травы (какой?)’ [СОРЯ 2: 337]; *драчие* ‘название лекарственного растения’ [СлРЯ XI–XVII 4: 351]; *желтяника* ‘название растения’ [СлРЯ XI–XVII 5: 86]; *зигия* ‘название дерева’ [СлРЯ XI–XVII 5: 386]; *кокъ* ‘название травы’ [СлРЯ XI–XVII 7: 229]; *кроватьникъ* ‘название травянистого растения’ [СлРЯ XI–XVII 8: 61]; *карагичь* ‘южное листовое дерево’ [СлРЯ XI–XVII 7: 71]; *метлекъ* ‘кормовая трава’ [СлРЯ XI–XVII 79: 82]; *скорода* ‘луговое растение’ [СлРЯ XI–XVII 24: 244].

Обращение к текстам, не входящим в источниковую базу словарей, в ряде случаев позволяет прояснить значение слов. Так, например, сравнение словарных статей из разных азбуковников (рукописных лексикографических сводов Московской Руси) позволило выявить, что фитоним *зеленичие*, толкуемый в «Словаре русского языка XI–XVII веков» как ‘название одного из видов деревьев с вечнозелеными листьями’ [СлРЯ XI–XVII 5: 369], является названием растения самшит вечнозеленый (*Vuxus sempervirens* L.) [Коваленко 2014].

Значительно облегчают задачу исследователя источники, в которых даны латинские определения имеющихся фитонимов. К таким

источникам, в частности, относится словарь Марка Ридли (Mark Ridley, 1560–1624) — английского врача, который состоял на службе у царя Федора Иоанновича в качестве придворного лекаря с 1594 по 1598 год. Словарь был составлен предположительно в 1599 году в Москве [Stone 1996] и содержит перевод русских слов и словосочетаний на английский язык и обратно, а также тематические словари; при этом названия растений переведены не на английский, а на латынь.

Словари и разговорники, созданные иностранцами в XVI — начале XVIII веков, являются ценными источниками лексики русского языка [Чернышева 2017]. К сожалению, далеко не все из них отражаются в исторических словарях русского языка по разным причинам (поздняя публикация, критическое отношение к материалу источника и т.д.). Репрезентация данных словарей и разговорников в фитонимической базе данных позволит включить их лексические данные в общий корпус фитонимов и верифицировать их, сравнив с материалом других источников.

Одним из фитонимов, который неоднократно фиксируется в словаре Ридли, является **воронье сало**. «Словарь русского языка XI–XVII веков» определяет его как ‘растение (из семейства коноплевых)’ и датирует первое употребление 1672–м годом [СлРЯ XI–XVII 3: 33]. В словаре Ридли в русско-английской и англо-русской части соответственно он толкуется как: 1) *ворона сала. fabaria* [Ridley 1599: 471] и *fabaria. ворона сало* [Ridley 1599: 507]); 2) *вороною салъ. satiriu[m]* [Ridley 1599: 472] и *satiriu[m]. ворони салъ* [Ridley 1599: 513]); 3) *главъ ворони сала. eupatoriu[m]* [Ridley 1599: 472] и *eupatoriu[m]. главъ вороние сало* [Ridley 1599: 506]. Достоверность употребительности фитонима и его латинских эквивалентов подтверждается данными рукописных источников XVII века и более поздними фиксациями: **воронье сало** в значении ‘очиток обыкновенный (*Sedum telephium*³)’ приводится в «Ботаническом словаре» Н. Анненкова [Анненков 1878: 324], в значении ‘растение семейства Охридные (*Satyrium*)’ оно встречается в травнике XVII в. «Книга, глаголемая Прохладный вертоград» [Исаченко 1997: 383], а в значении ‘посконник коноплевый (*Eupatorium cannabinum* L.)’ — в словарной статье азбуковников XVII века *Еупаторионъ, вороние сало* [Коваленко 2018: 206].

---

³ Латинский фитоним *fabaria* является синонимом *Faba crassa* или же, по классификации Линнея, *Sedum telephium* [Hooper 1817: 158].

Таким образом, можно предполагать, что уже в XVII веке у фитонимов была развита многозначность, для выявления которой требуется обширная источниковедческая база.

Необходимо также отметить, что наличие фитонима **воронье сало** в словаре Ридли позволило отодвинуть нижнюю границу первой фиксации номинации более чем на 70 лет назад. Хочется надеяться, что со временем это удастся сделать и для других фитонимов, первая фиксация которых в словарях относится к XVI или XVII векам, в то время как «Этимологический словарь славянских языков» возводит их к праславянскому языку, ср. *девесиль*, *девясиль* [СлРЯ XI–XVII 4: 197] < *devešilь [ЭССЯ 4: 221], *дягиль* [СлРЯ XI–XVII 4: 401] < *dęgljь [ЭССЯ 5: 25], *ежевика* [СлРЯ XI–XVII 5: 36] < *eževika [ЭССЯ 6: 35], *ельшина* [СлРЯ XI–XVII 5: 49] < *eľšina [ЭССЯ 6: 25], *калина* [СлРЯ XI–XVII 7: 36] < *kalina [ЭССЯ 9: 120], *козлецъ* [СлРЯ XI–XVII 7: 224] < *kozьльсь [ЭССЯ 12 34], *липа* [СлРЯ XI–XVII 8: 236] < *lipa [ЭССЯ 15: 114], *льщина* [СлРЯ XI–XVII 8: 225] < *lěščina [ЭССЯ 14: 263], *малина* [СлРЯ XI–XVII 9: 14] < *malina [ЭССЯ 17: 263], *медуница* [СлРЯ XI–XVII 9: 63] < *medunica [ЭССЯ 18: 60].

В некоторых случаях наличие праславянского реконструкта дает основание предположить наличие лакун. Так, например, мы не находим в исторических словарях следующих лексем: *baranьсь > рус. диал. *баранец* ‘плаун’, ‘чабрец’, ‘крапива’ [ЭССЯ 1: 158]; *bedrenьсь > рус. *бедренец* (*Pimpinella Saxifraga* L.) [ЭССЯ 1: 177]; *gorikvětь > рус. *горичвет* ‘зорька’ (*Lychnis* L.) или ‘адонис’ (*Adonis* L.) [ЭССЯ 7: 46]; *gorьсь > рус. диал. *горец* ‘змеевик’ (*Bistorta* (L.) Scop.) [ЭССЯ 7: 52]; *dervějь > рус. *дервей* ‘тысячелистник’ (*Achillea millefolium*) [ЭССЯ 4: 209]; *lěръčica > рус. диал. *лепчица* ‘ясменник цепкий’ (*Asperugo rivalis* Sibth.) [ЭССЯ 14: 225]; *lomonoсь > рус. *ломанос* ‘бородавник’ [ЭССЯ 16: 20]. Необходимо отметить, что лакуны в исторических словарях неизбежны в силу специфики исторической лексикографии. В отличие от лексикографических работ, описывающих современное состояние языка (литературного или диалектов), исторический словарь может располагать в качестве источников описываемой лексики только письменными фиксациями языковых фактов в текстах различных жанров, и если слово (в данном случае фитоним) не представлено в историческом словаре определенного периода, это совсем не значит, что его не было в языке. Оно могло не получить письменной фиксации в тексте, или же источник с такой фиксацией мог не сохраниться до настоящего времени. Наконец, даже в случае наличия письменной фиксации

слова в памятнике определенного периода этот текст мог по различным причинам не попасть в число источников исторических словарей. Значительное количество памятников русского языка остается неизданными, а ряд собраний рукописных книг и документов не имеет даже научных описаний. Поэтому данные исторического словаря могут свидетельствовать только о наличии определенного слова в определенный период истории языка, но не о его отсутствии.

Так, например, в азбучовниках Московской Руси встречаются такие фитонимы, не зафиксированные историческими словарями, как *желтяница*, *змиинъ язычекъ*, *обринъ*, *поприца*, *собачий языкъ*, значение которых можно лишь гипотетически предположить на основании греческих соответствий [Коваленко 2018: 199–234].

Словарь Ридли также позволяет пополнить корпус фитонимов. В нем фиксируются такие названия, как *авортъ* ‘копытень европейский’ *Asarum europaеum* L.⁴ [Ridley 1599: 53], *алошникъ*⁵ [Ridley 1599: 471], *вероника* ‘вероника’ [Ridley 1599: 471], *голубель* ‘голубика’ [Ridley 1599: 474], *девесилница* ‘девясил’ [Ridley 1599: 474] и другие.

К неоспоримым преимуществам базы данных относится возможность более подробного документирования цитат, что позволит локализовать употребление фитонимов и их вариантов (см. [Щекин 2018]), уточнить их написание и контекст [Колосова 2017], а также осуществлять поиск фитонимов по максимально широкому спектру параметров [Kolosova et al 2018]. Благодаря разнообразию источников, тщательно продуманной структуре и высокому уровню технической реализации база данных *PhytoLex* должна стать незаменимым ресурсом по исследованию фитонимической лексики русского языка XI–XVII веков.

---

⁴ Фитоним *авортъ* переведен автором на латынь как *Asarum* [Ridley 1996: 53]. Род *Asarum* (копытень) включает 121 вид, однако его видовое разнообразие наиболее высоко в Юго-Восточной Азии [Копытень], а тот факт, что Ридли создавал свой словарь в Москве, позволяет с высокой степенью достоверности предположить, что речь идет о виде *Asarum europaеum* L. копытень европейский / копытень обыкновенный, достаточно распространенном в России [Копытень европейский].

⁵ Фитоним *алошникъ* имеет латинское соответствие *Populus* [Ridley 1599: 471]. К сожалению, род *Populus* крайне обширен, и пока не представляется возможным определить, имел ли в виду автор какой-либо вид тополя или же осину, которая также входит в данный род.

Литература

Анненков Н. И. Ботанический словарь. СПб.: Императорская Академия наук, 1878.

Астахина Л.Ю. История одной лексико-семантической группы в русском языке // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. № 6. С. 38–49.

Белова О.В. Славянский бестиарий. Словарь названий и символики. М., 2001.

Благова Н. Г. Правовая лексика в памятниках письменности Кольского Севера // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 5. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVIII Международной филологической конференции 16–20 марта 2009 г. СПб., 2010. С. 3–9.

Богородский Б.Л. Очерки по истории слов и словосочетаний русского языка. СПб., 2006.

Волынская А.В. Лексика книжного дела в архангельских источниках XVII — первой половины XVIII века // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 5. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVIII Международной филологической конференции 16–20 марта 2009 г. СПб., 2010. С. 24–31.

Герд А.С. Проблемы формирования научной терминологии (на материалах русских научных названий рыб). Дисс. ... докт. филол. наук. Ч. 1–2. Л., 1968.

Горбань Л.В. Этапы формирования русской военно-морской терминологии // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Вып. 4. Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXVII Международной филологической конференции 11–15 марта 2008 г. СПб., 2009. С. 23–27.

Коваленко К.И. Растение зеленичие в азбуковниках и лексиконах XVI–XVII вв. // XLIII Международная филологическая конференция 11–16 марта 2014 года. Тезисы. СПб., 2014. С. 390–391. [Электронный ресурс]. URL: http://www.conference-spbu.ru/files/local/CMS_File/h0000/1178/1178.pdf

Коваленко К.И. Азбуковник Давида Замарая как источник по русской лексикографии XVII века. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2018.

Колосова В.Б. Проблемы анализа фитонимов в «Материалах для словаря древнерусского языка по письменным памятникам» И.И. Срезневского // И.И. Срезневский и русское историческое языкознание: опыт и перспективы. К 205-летию со дня рождения И.И. Срезневского: сборник статей Международной научно-практической конференции, 21–23 сентября 2017 г. / отв. ред. Е.П. Осипова. Рязань, 2017. С. 229–235.

Колосова В.Б., Петров Н.В. Фитонимия русского языка в диахроническом аспекте (XI–XVII вв.) // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2016. СПб., 2016. С. 308–314.

Копытень [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Копытень>

Копытень европейский [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Копытень_европейский

Лексические группы в русском языке XI–XVII вв. М., 1991.

Лукина Г.Н. Предметно-бытовая лексика древнерусского языка. М., 1990.

Лутвинова И.С. Слово о пище русской. СПб., 2005.

Мжельская О.С. Лексика обиходно-разговорного языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2003.

Романова Г.Я. Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2017.

Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина. Вып. 1–3. СПб., 2003–2015.

Смирнова Г.Ю. Лексика псовой охоты в исторических словарях русского языка (на материале рукописи XVIII века) // Русское слово в историческом развитии (XIV–XIX века). Материалы секции «Историческая лексикология и лексикография» XXXV Международной филологической конференции. СПб., 2006. С. 59–66.

Сороколетов Ф.П. История военной лексики в русском языке XI–XVII вв. Л., 1970.

Судаков Г.В. Русская бытовая лексика XV–XVII вв. в динамическом и функциональном аспектах. Дисс. ... докт. филол. наук. Вологда, 1985.

Судаков Г.В. Система названий напитков в старорусском языке // Вестник Череповецкого государственного университета. 2012. Т. 1. № 2 (38). С. 116–120.

Судаков Г.В. Названия хлебных изделий в старорусском языке // Русское слово и костромской край. СПб., 2013. С. 231–238.

Трафименкова Т.А. Представление фрагмента языковой действительности «Растительный мир» в «Словаре русского языка XI–XVII вв.»: особенности лексикографирования // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2015. № 6 (203). Вып. 25. С. 36–43.

Чернышева М.И. Лексика русского языка в составленных иностранцами лексиконах и разговорниках XVI — нач. XVIII в. // Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. Минск: Четыре четверти, 2017. С. 171–175.

Чернышева М.И., Филиппович Ю.Н. Историко-лексикологическое (тематическое) исследование: экспериментальный опыт на основе информационной технологии // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 56–83.

Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII–XVIII веков. Изд. второе, испр. и доп. М., 2004.

Щёкин А.С. Межевые документы XVI–XVII веков как источник по фитонимической лексике русского языка // Славянская историческая лексикология и лексикография. Вып. 1. СПб., 2018.

Юридическая лексика русского языка XI–XVII веков. Материалы к словарю-справочнику / отв. ред. В.П. Киржаева. Вып. 1–3. Саранск, 2014–2016.

Hooper R. A new medical dictionary; containing an explanation of the terms in anatomy, physiology, practice or physic, materia medica, chymistry, pharmacy, surgery, midwifery, and the various branches of natural philosophy connected with medicine. Philadelphia, 1817.

Kolosova V., Zaytseva K., Kovalenko K. PhytoLex — the Database of Russian Phytonyms: from Idea to Implementation // SlaviCorp 2018. 24–26 September 2018. Charles University, Prague. Book of Abstracts. Pp. 88–90. [Электронный ресурс]. URL: https://slavicorp.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/sites/144/2018/09/SlaviCorp2018_Book_of_Abstracts.pdf

Сокращения

Исаченко 1997 — Книга, глаголемая «Прохладный вертоград» / сост., предисл., вступ. ст., переводы, коммент. Т.А. Исаченко. М., 1997.

Срезневский — Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Тт. 1–3. СПб., 1890–1912.

СДРЯ — Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). М., 1988 — по наст. вр.

СОРЯ — Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. СПб., 2004 — по наст. вр.

СлРЯ XI–XVII — Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975 — по наст. вр.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1974 — по наст. вр.

Ridley 1599 — A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. Attributed to Mark Ridley. Ed. from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introd. by G. Stone. Koln; Weimar; Wien, 1996.

Stone 1996 — Introduction // A Dictionarie of the Vulgar Russe Tongue. Attributed to Mark Ridley. Ed. from the late-sixteenth-century manuscripts and with an introd. by G. Stone. Koln; Weimar; Wien, 1996. Pp. 1–42.

Historical dictionaries as sources of the phytalex — russian phytonyms database (XI–XVII cc.)

Valeria Kolosova

chakra@eu.spb.ru

Institute for Linguistic Studies, the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia,

Kira Kovalenko

kira.kovalenko@gmail.com

Institute for Linguistic Studies, the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia,

Aleksej Shchekin

shekinalexey@gmail.com

Saint-Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article concerns the historical dictionaries of the Russian language taken as sources of the Russian phytonyms database PhytoLex. Not questioning the significance of the dictionaries which reflect the lexical richness of the Old East Slavic and Old Russian languages, the authors offer a number of clarifications in the dating and semantics of some lexemes that can be made thanks to representing phytonyms in the database. Besides, some lexemes not represented in dictionaries are analyzed.

Keywords: phytonym, dictionary, historical lexicography, the Russian language, database, PhytoLex

Словарь вторичных номинаций политических деятелей в русских текстах потестарной семантики XV–XVII вв.

Михайлова Татьяна Витальевна

ta.rada@mail.ru

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

Михайлов Алексей Валерианович

avm_2006_64@mail.ru

Сибирский государственный университет науки и технологий
имени академика М.Ф. Решетнева, Красноярск, Россия

В статье представлены результаты изучения древнерусских текстов потестарной семантики XV–XVII вв., в том числе повести Смутного Времени. Авторами выявлен спектр вторичных номинаций политических деятелей, составляющих вместе с первичным именем формулу, или устойчивую синтагму.

В предлагаемом Словаре отражена работа по вычленению «вторичных именований» политических лидеров позднего русского Средневековья. Имена деятелей даны в алфавитном порядке. Словарная статья представляет собой в «левой» части имена деятелей, а в «правой» сначала «стандартные» номинации, затем — «вторичные» разнообразные номинации, применяемые по отношению к ним разными книжниками-публицистами. Максимально широкие контексты помогают читателю Словаря более точно понимать смысл номинаций.

Мировоззренческие представления книжников являются основой именований. Точки зрения, представленные во вторичных номинациях, от «я-номинаций» до «он-номинаций», формируют аналог 3D-модели древнерусского политического менталитета. Систематизация отношений между первичными и вторичными номинациями властителей в указанное время истории России дает возможность выпукло увидеть динамику потестарных воззрений Древней Руси и политического публицистического дискурса.

Ключевые слова: Древняя Русь, XV–XVII вв., тексты потестарной семантики, вторичные номинации, словарь вторичных номинаций

В данной работе авторами предлагается создание Словаря вторичных номинаций политических лидеров Древней Руси периода XV–XVII вв. на материале текстов потестарной семантики указанного времени: произведений Вассиана Рыло, Посланий Нила Сорского, Посланий старца Филофея, Ермолая Еразма, Слов Иосифа Волоцкого, Челобитных Ивана Пересветова, переписки Ивана Грозного с князем Курбским, повестей Смутного Времени и некоторых других. В поле

зрения авторов вошли публицистические тексты, целенаправленно формирующие общественное сознание.

Целями данной статьи являются представление проекта Словаря вторичных номинаций политических деятелей в русских текстах постаршей семантики XV–XVII вв., обоснование отбора материалов, словника, номинаций.

Специфика древнерусского сознания, отраженная в текстах, включает в себя сохранение древней синтагматичности, формульности [Колесов 1989: 136–139]. В этом процессе создания формул могут участвовать не только предикаты, но и имена субъектов (имена собственные), получивших относительно устойчивые «распространители» (по В.В. Колесову). «Основным элементом текста-образца, которым пользовались средневековые писатели, создавая новый текст, были речевые формулы; эти формулы оказались еще стабильнее, чем сами жанры, которые они обслуживали в течение нескольких столетий...» [Колесов 1989: 14]. Как полагает Т.П. Рогожникова, строевой элемент средневекового текста, выделенный В.В. Колесовым, — языковая формула, в фокусе которой демонстрируются лингвистические механизмы эмансипации слова из синтагмы [Рогожникова 2007: 9].

Авторы статьи понимают под вторичными номинациями, сопутствующими именам властителей в рассматриваемых текстах, пре- и постпозитивные определения — атрибутивные конструкции, выраженные определениями, их сочетаниями, в том числе и сравнительные конструкции, субстантивы в роли определений и т.п. При этом принимается, что *предикативные* вторичные номинации относятся к другому типу номинаций. О предикатных номинациях говорится, например, в серии трудов В.Г. Гака. В них же указывается и на роль субъекта оценочной номинации (предикатной ли, или иной, тут не так важно). В.Г. Гак указывает и на специфику функции «повторной номинации», трактуемую им как семантическую [Гак 1977; Гак 1979].

Предлагаемый Словарь можно трактовать в значительной степени как синтаксический, так как он опирается на описание синтаксических моделей для выражения оценки политических деятелей. Развитие различных типов синтаксических словарей в последние 40 лет в лингвистике рассмотрено в ряде работ С. Важника, который заявляет о существенном отличии лексикографических параметров синтаксических словарей от параметров классических (толковых и переводных) словарей. По его мнению, «наиболее продуктивными уровнями пара-

метризации являются формально-грамматический и категориально-семантический, которые представлены во всех существующих синтаксических словарях (СИС). Вторая по «продуктивности» группа представлена логико-синтаксическим уровнем (50 % продуктивности). Третью «рейтинговую» группу составляют логико-семантический и лексический уровни (17 %)» [Важник 2008: 16].

Предлагая проект Словаря вторичных номинаций политических деятелей в русских текстах потестарной семантики XV-XVII вв., авторы считают, что подобные лексикографические произведения имеют право на существование. Систематизация вторичных номинаций политических деятелей эпохи дает более полное представление о мировоззрении древнерусских книжников, их отношениях с читателями. В частности, известен проект, например, Словаря оценочной лексики как отдельного лексикографического произведения, ср. труды М.А. Тихоновой (МГУ печати им. И. Федорова) [Тихонова 2015]. Работы В.Н. Телия [Телия 1986], Т.В. Топоровой [Топорова 1996], Г.А. Золотовой [Золотова 1976], Н.Д. Арутюновой [Арутюнова 1977; Арутюнова 1985], Е.М. Вольф [Вольф 1985] в значительном смысле побудили авторов к формированию идеи Словаря.

В частности, исследование древнегерманских двучленных имен собственных Т.В. Топоровой, обнаруживающее «дополнительные смысловые связи между компонентами имени», «нарушение логических отношений между ними», «выделение центра и периферии семантического пространства [имени]», «идеализацию, состоящую в акцентировании внимания на положительных моментах», «героизацию» и «мифологизацию» [Топорова 1996: 240–241] и под., может и должно быть использовано как образцовая схема изучения древнерусского именника, в том числе именника вторичных номинаций.

Можно назвать достижения на направлении изучения вторичных номинаций (в данном случае однозначно и только оценочных) на современном материале: см. «Большой словарь русских прозвищ» В.М. Мокиенко, Х. Вальтера [Мокиенко, Вальтер 2007]. В этом лексикографическом произведении нашли отражение вторичные номинации специфичного типа современных российских и некоторых зарубежных деятелей. Примером подобных работ может служить и труд В.М. Зариповой «Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций», где собраны материалы официальной и неофициальной вторичной номинации политических деятелей XX-XXI веков по текстам газет «Известия» и «Комсомольская правда» [Зарипова 2017].

Ср. также «Словарь устойчивых сравнений русского языка» В.М. Огольцева [Огольцев 2001].

Вторичные номинации в рассмотренных нами древнерусских текстах представлены, как уже было сказано, определениями, конструкциями на их основе, другими идентифицирующими способами. Для характеристики отдельных лиц количество вторичных номинаций в корпусе текстов может достигать более ста. Как отмечено Н.Д. Арутюновой, «потенциальная вариативность речевых номинаций одного объекта согласуется с множественностью обслуживающих его в тексте предикатов. Она особенно велика по отношению к объекту-лицу в силу его природной и социальной многогранности...» [Арутюнова 1977: 308]. Этим же исследователем указано, что «использование оценочных номинаций, отражающих разные точки зрения, открывает возможность множественности наименования одного и того же персонажа» [Арутюнова 1977: 319]. Действительно, персонажи политики могут быть описаны с разных точек зрения, в разные периоды их деятельности.

Большое значение имеет жанровая отнесенность текстов, в которых функционируют вторичные номинации: «варьирование наименований одного объекта (обычно лица) характерно для разных жанров публицистики. <...> в публицистике это явление достигает особенно широких масштабов» [Арутюнова, 1977: 326–327].

Для авторов важен спектр вторичной номинации политических деятелей рассмотренных текстов, как и причины номинаций. Интересны также и точки зрения, отражаемые во вторичных номинациях. Здесь важно указание В.Н. Телии на то, что «непрестанно протекающие в языке спонтанные процессы вторичной номинации не столь случайны по выбору мотивирующих признаков и результату...» [Телия 1977: 134].

Предлагается классифицировать номинации по субъекту и адресату номинации: «я-номинации», «ты-номинации» (= адресатные номинации), «номинации от 3-го лица».

Множественность номинаций, в том числе вторичных, конечно, отражает множественность проявлений персоны, а также множественность точек зрения в текстах. Подобное представление вторичных номинаций связано с необходимостью учесть разнородные номинации, порожденные различными основаниями. Множественные вторичные номинации отражают множество точек зрения на именуемую в текстах персону, которые можно свести к «я-номинациям», «ты-номинациям», «он-номинациям».

В работе М.М. Бахтина «Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа» высказана мысль о том, что «у Достоевского, где персонажи — идеологи, автор и такие герои (мыслители-идеологи) оказываются в одной плоскости» [Бахтин 1986: 311]. По мере возможности объемное представление точек зрения, отраженное во вторичных номинациях политических деятелей, является одной из задач составителей Словаря.

В отличие от словарных произведений, отражающих усредненную, обобщающую семантику лексем в древнерусских текстах, мы предлагаем индивидуализировать оценку персонажей и их номинации. Такой подход естественным образом применяется при описании языковой личности, например, Ивана Грозного, в работе С.А. Шилиной, где автор указывает на специфику словоупотребления, синтаксиса, в целом самоописания царя [Шилина 2003]. Необходимо, однако, отметить, что в данном случае автор обратился к Духовной грамоте царя 1572 года, документу, в котором царь непосредственно обращается к Богу перед смертью, каясь в своих грехах.

Подобное же монографическое описание личности Ивана Грозного, но уже на основе материалов деловой переписки, в том числе не опубликованных до того, представлено в работе О.В. Поповой [Попова 2004].

Представляется, что индивидуализация исторических персонажей стала насущной филологической проблемой, а на ее основе можно было бы говорить и о дальнейшей индивидуализации лексикографической работы, о чем говорит в своей работе Л.Л. Шестакова [Шестакова 2012].

Ниже представлены материалы для словаря вторичных номинаций властителей, упомянутых в текстах Повестей Смутного Времени. Источником и материалом для полного исследования, результаты которого будут представлены позже, послужили тексты авторов XV–XVI вв., которые цитируются по изданиям серий «Памятники литературы Древней Руси», «Библиотека литературы Древней Руси», отдельным изданиям, а также рукописям. В рамках данной статьи Словарь представлен материалами начала XVII века. Тексты Повестей Смутного Времени здесь и далее цитируются по публикации в т. 13 «Российской исторической библиотеки» [Памятники 1891]. После списка литературы представлен список сокращений источников.

Словник вторичных номинаций личных имен правителей, лжеправителей, их детей, супругов создается на основе методики сплошной выборки по текстам. О возможном объеме словника Словаря вторичных номинаций можно судить по такому обстоятельству. «Указатель личных имен» по изданию РИБ в его 13-м томе (стлб. 953–972) включает около 650 имен. Разумеется, что около 30 имен из этого списка порождает 70–75 % вторичных номинаций, например, можно насчитать 118 именовании для царя Фёдора Иоанновича в корпусе текстов, опубликованных в издании.

Фрагмент Словника мог бы выглядеть так, см. ниже.

Аврааамий (в миру — Аверкий Иванов Палицын (ок. 1550–13.09.1626 или 1627) — келарь Троице-Сергиева монастыря, писатель и публицист.

Анастасия Романовна, урождённая Захарьина-Юрьева (1530 или 1532–28.07.1560) — царица, первая жена Ивана Васильевича Грозного, мать царя Фёдора Иоанновича.

Борис Фёдорович Годунов (1552–13.04.1605) — боярин, шурин царя Фёдора I Иоанновича, в 1587–1598 гг. фактический правитель государства, в 1598–1605 гг. — русский царь.

Василий Иванович Шуйский (1552–12.09.1612) — князь из рода Шуйских, русский царь (1606–1610 гг., Василий IV Иоаннович).

Григорий Отрепьев (ок. 1580–17.05.1606) (мирское имя и отчество — Юрий Богданович, прозвище — Гришка Отрепьев) — монах, дьяк Чудова монастыря, сын галичского дворянина Богдана Отрепьева. Выдавал себя за царевича Дмитрия, под именем Дмитрия I — царь России (1.06.1605–17.05.1606).

Димитрий Иоаннович (19.10.1582–15.05.1591) — **царевич**, князь углицкий, младший сын Ивана Грозного от Марии Фёдоровны Нагой.

Иван IV Васильевич Грозный (25.08.1530–8.03.1584) — великий князь (с 1533 г.) и царь (с 1547 г.) всея Руси, писатель и публицист.

Илейко Муромец, см. **Петр Фёдорович**, также под именем **Лжепётр**, «царевич» (?–12.01.1608) — самозванец, выдававший себя за царевича **Петра Фёдоровича**, в действительности никогда не существовавшего сына царя Фёдора I Ивановича, — настоящее имя Илья Иванович Коровин, военачальник войска Ивана Исаевича Болотникова.

Марина (Марианна) **Юрьевна Мнишек** (ок. 1588–ум. 1614 или 1615, царица 8.05.1606–17.05.1606), польск. Maryna Mniszech, Maryna Mniszchówna, Marianna Mniczech — дочь воеводы Ежи Мнишека

и Ядвиги Тарло, жена Лжедмитрия I, коронованная как русская царица, затем жена Лжедмитрия II.

Мария Феодоровна Нагая (в иночестве **Марфа**) (1553–1611) — царица, последняя (седьмая) жена Ивана IV Васильевича, мать царевича Дмитрия Углицкого, во время правления Лжедмитрия I — царица-мать.

Михаил Феодорович Романов (12.07.1596–13.07.1645) — первый русский царь из династии Романовых (правил с 27 марта 1613 года), был избран на царствование Земским собором 21 февраля 1613 года.

Петр Фёдорович, «царевич», см. **Илейко Муромец**, также под именем **Лжепётр** (?–12.01.1608) — самозванец, выдававший себя за царевича **Петра Фёдоровича**, в действительности никогда не существовавшего сына царя Фёдора I Ивановича, — настоящее имя Илья Иванович Коровин, военачальник войска Ивана Исаевича Болотникова.

Сигизмунд III (20.06.1566–30.04.1632), польск. Zygmunt III Waza, швед. Sigismund I, лит. Zigmantas III — король польский и великий князь литовский, король шведский, сын шведского короля Юхана III и Екатерины Ягеллонки, отец Владислава IV.

Феодор I Иоаннович (Феодор Блаженный) (31.05.1557–7.01.1598) — царь всея Руси и великий князь Московский, третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.

Крымский царь, в текстах без имени (?–1577) — вассал Османской империи крымский хан Девлет I Гирей (Герай).

Структура статьи.

Структура словарной статьи достаточно проста.

1. Лексема (имя) деятеля.
2. Описание его основной исторической роли.
3. «я-номинации»: контексты, в которых они представлены.
4. «ты-номинации» (адресатные номинации): контексты, в которых они представлены.

5. номинации от 3-лица: контексты, в которых они представлены.

Вторичная номинация рассматривается в очень широких контекстах. Это связано с важностью коммуникативной ситуации, в которых они создавались. Особенно важно это в ситуации с лжецарем, или в полемике (тексты XVI века).

Наиболее явно видно это в описаниях таких противоречивых персонажей — Бориса Годунова, Григория Отрепьева и др.

Образцы статей.

(1) **Крымский царь**, в текстах без имени (?–1577) — (2) вассал Османской империи крымский хан Девлет I Гирей (Герай).

(3) Нет в текстах.

(4) Нет в текстах.

(5) *Агарянско нахождение ... нечестивна царя* [ВИТ, стлб. 302]; *Безбожнаго же Измаилита къ царюющему тогда ...граду... Устрашилъ бо нечестиваго* [крымского царя] *и со иже съ нимъ... [ВИТ, стлб. 303]; яко льто цѣло препустивъ, дождавъ предпосланного блаженнымъ Феодоромъ, самодержавнымъ царемъ, на востокъ ко Агарянску царю ходившаго...* [ВИТ, стлб. 331].

(1) **Феодор I Иоаннович (Феодор Блаженный)** (31.05.1557–7.01.1598) — (2) царь всея Руси и великий князь Московский, третий сын Ивана IV Грозного и царицы Анастасии Романовны Захарьиной-Юрьевой.

(3) Нет в текстах.

(4) Нет в текстах.

(5) *И по немъ осташия его царскаго корене двѣ пресвѣтліи отрасли, сынове его, царевичъ Феодоръ Ивановичъ всеа Русіи, [да мнѣй его братъ царевичъ Дмитрей Ивауовичъ всеа Русіи]...* [ИС, стлб. 1]; *приказа же благородныя чада своя, благовѣрныхъ царевичевъ ... [ИС, стлб. 2]; Бысть же въ льта по отшествіи міра сего въ кровы небесныя святаго и праведнаго государя царя и великого князя Феодора Ивановича всеа Русіи самодержца осмыа тысящи 106 году...* [ИС, стлб. 11]; *святый и праведный государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ, всеа Русіи самодержецъ*, преставися отъ міра сего въ кровы небесныя. ... [ПКВНЦП, стлб. 152]; *Святый же государь царь и великій князь Феодоръ Ивановичъ...* [ИППИ, стлб. 930]; *старѣйшему сыну своему благочестивому и христілюбивому царю и великому князю Феодору Ивановичю всеа Росіи...* [ЖЦД, стлб. 878]; Сей же преосвященный Филареть... бысть *бывшему скиѠетродержателю благовѣрному и приснопамятному царю и великому князю Феодору Ивановичу всеа Русіи...* [ПКШ, стлб. 872]; *Благовѣрный же государь царь и великій князь Феодоръ Иоанновичъ милостивой и богобоязливой...* [СЦФИ, стлб. 785].

(1) Григорій Отрепьев (ок. 1580–17.05.1606) (мирское имя и отчество — Юрий Богданович, прозвище — Гришка Отрепьев) —

(2) монах, дьяк Чудова монастыря, сын галичского дворянина Богдана Отрепьева. Выдавал себя за царевича Дмитрия, под именем Дмитрия I — царь России (1.06.1605–17.05.1606).

(3) именуя себя сице: *Отъ царя и и великаго князя Дмитрея Ивановича всеа Русіи ...Божіемъ произволеніемъ...* [ИС, стлб. 27]; *Борисъ же царь, егда слышавъ Гришку Ростригу нарицающагося царевичемъ Дмитріемъ...* [ИС, стлб. 30]; [письмо Григория Отрепьева] *...и вы, не вѣдаючи про насъ, прирощаннаго государя своего, цѣловали крестъ измѣннику нашему Борису Годунову* [ИС, стлб. 43]; [письмо Григория Отрепьева] а как *про насъ, великаго государя*, учаль быти слухъ... [ИС, стлб. 44]; [письмо Григория Отрепьева] и я, *крестыанскій государь, по своему царскому милосердому обычаю...* [ИС, стлб. 44]; [письмо Григория Отрепьева] и *мы, христіанскій государь*, не хотя ... [ИС, стлб. 46]; *Пострадали есьми по истиннѣ от злаго властолюбца и убийцы за насъ за природныхъ своихъ государей ...* [СЦФИ, стлб. 812].

(4) [именование с точки зрения людей Григория Отрепьева] **О великій государю!** Ты самъ опять хочещи идти, насъ же кому оставляещи? [ИС, стлб. 35];

(5) и сказала князь Адамъ про него королю, будто онъ *царевичъ Дмитрей Ивановичъ Углицкой...* (ИС, стлб. 22); *...и онъ учаль преллцати его, именуци себя суцщаго быти царевича Дмитрея, приснаго сына благовѣрнаго государя царя и великаго князя Ивана Васильевича всеа Русіи самодержца* [ИС, стлб. 22-23]; *Грѣхъ же ради нашихъ, всего православнаго христіанства, наки тѣмъ же проиеноващемъ царя Димитрія инъ врагъ воздвижесе...* [ППРМГ, стлб. 227]; *...кто речеть, яко расстрига Гришка Отрепьевъ — царь, а не Димитрій царевичъ...* [ИППИ, стлб. 935]; *... чаяху истиннаго природнаго царевича Димитрія Иоановича* [СЦФИ, стлб. 804]; *...ожидаху его окаяннаго еретика богоотступника Гришку Отрепьева въ Москвѣ и хотятъ его пріяти, аки приснаго государя царевича Димитрія Иоановича...* [СЦФИ, стлб. 803-804].

(1) Марина (Марианна) Юрьевна Мнишек (ок. 1588–ум. 1614 или 1615, царица 8.05.1606–17.05.1606), польск. Maryna Mniszech, Maryna Mniszchówna, Marianna Mniczech — (2) дочь воеводы Ежи Мнишека и Ядвиги Тарло, жена Лжедмитрия I, коронованная как русская царица, затем жена Лжедмитрия II.

(3) Нет в текстах.

(4) Нет в текстах.

(5) *и тоє же **прежеписанную Маринку блудницу** на ложе къ себѣ пріятъ... [ППрМГ, стлб. 227]; И еретикъ Гриша Отрепьевъ, пребываючи у Юрья Мнишка въ Сердомиръ городе, и возлюбил у него **дщерь, именемъ Маруху**... [СГО, стлб. 721]; яко не достоинъ ти есть, царю, совокупитися **со иновѣрною отроковицею**, и како ти есть мошно ввести въ соборную и апостольскую церковь не омывъ ю банею накибытія? [ПККР, стлб. 656]; ... той же злый еретикъ Гриша многіе гонцы посылая въ Литву зъ драгими дары, а прося **люторки** за себя... [СГО, стлб. 737]; да **Ростригина жена Маруха** зъ женами... [СГО, стлб. 753]; А онъ окаянной еретикъ Гришка Отрепьевъ женился въ Полюш у пана Юрья Сердоминскаго, взялъ **дочь ево дѣвку, именемъ Маринку**, и пришелъ съ нею къ Москве; такоу же понялъ **еретицу и врагоугодницу въры и ерести Римской**... [СЦФИ, стлб. 822-823]; И жену его, **проклятую преждереченную еретицу Маринку**... [СЦФИ, стлб.831]; и еще сочεταιя беззаконному браку, приведе себѣ **жену отъ папешскія въры**... [ЖЦДМ, стлб. 916].*

Мы приходим к выводам, что специфика коммуникационных ситуаций в древнерусских текстах в текстах Повестей Смутного Времени обусловлена, во-первых, полемичностью и представленностью разных точек зрения на одно и то же лицо, а во-вторых, ситуацией самозванчества (появлением ложных царей и царьков, их само-названиями, экзоназваниями), ситуацией обмана и дальнейшего прозрения.

Словарные статьи Словаря предполагают охват максимально возможного количества точек зрения, в связи с чем объем Словаря может быть достаточно велик. При этом авторы полагают, что лексикографический проект Словаря вторичных номинаций политических лидеров Древней Руси XV–XVII вв., представленный в данной статье по материалам Повестей Смутного Времени, может дать эффект объемного изображения властных фигур, представить более полную картину политических взглядов и оценок в период становления русской государственности.

Литература

Арутюнова Н.Д. Номинация и текст // Языковая номинация (Виды наименований) / Отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. М., 1977. С. 304–357.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт. М., 1988.

Бахтин М.М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 297–325.

Важник С. Параметризация дистрибутивных свойств глагольного предиката в синтаксических словарях славянских языков // XIV Меѓународен славистички конгрес. Сборник на резимеа. Т. 1. Лингвистика / XIV Меѓународен славистички конгрес, Охрид, 10 – 16 септември 2008. Скопје, 2008.

Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М., 1985.

Гак В.Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация. Общие вопросы. М., 1977. С. 230–293.

Гак В.Г. Повторная номинация на уровне предложения // Синтаксис текста. М., 1979. С. 91–102.

Заринова В.М. Номинация лиц в языке газеты: эволюция этикетных тенденций. Самара, 2017.

Золотова Г.А. О синтаксических свойствах имён качества // Синтаксис и стилистика. М., 1976. С. 130–160.

Колесов В.В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

Мокиенко В.М., Х. Вальтер. Большой словарь русских прозвищ. М., 2007.

Огольцев В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка (синонимо-антонимический): около 1500 единиц. М., 2001.

Попова О.В. Языковая личность Ивана Грозного (на материале деловых посланий): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Омск, 2004.

Рогожникова Т.П. Русское слово в лингвистическом творчестве В.В. Колесова // Вестник Омского университета им. Ф.М. Достоевского. 2007. № 1. С. 7–11.

Телия В.Н. Вторичная номинация и ее виды // Языковая номинация (Виды наименований) / отв. ред. Б.А. Серебrenников, А.А. Уфимцева. М., 1977. С. 129–221.

Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.

Тихонова М.А. «Словарь оценочной лексики русского языка» как способ лексикографической интерпретации аксиологической семантики // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2015. № 3. С. 140–131.

Тихонова М.А. Оценочная лексика русского языка: проблемы лексикографирования // Вестник МГУП. 2015. № 2. С. 352–358.

Топорова Т.В. Культура в зеркале языка: древнегерманские двучленные имена собственные. М., 1996.

Шестакова Л.Л. Русская авторская лексикография: теория, история, современность: дисс. ... д-ра филол. наук. М., 2012.

Шилина С.А. Языковая личность Ивана IV (на материале документов XVI–XVII веков): дисс. ... канд. филол. наук. Брянск, 2003.

Сокращения

ВИТ — Временник Ивана Тимофеева // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 261–472.

ИС — Так называемое Иное сказание // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 1–144.

ПКВНЦП — Повесть, како восхити неправдою на Москве царский престол Борис Годунов // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 145–176.

ИППИ — История о первом патриархе Иове Московском // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 923–950.

ЖЦД — Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 877–898.

ПКШ — Повести князя Семена Ивановича Шаховского // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 837–876.

СЦФИ — Сказание о царстве Федора Иоанновича // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 755–836.

ППРМГ — Плач о пленении и разорении Московского государства // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 219–234.

СГО — Слово и Гришке Отрепьеве // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 713–754.

ПККР — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского по второй редакции // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 625–712.

ЖЦДМ — Житие царевича Димитрия Иоанновича, внесенное в Минеи Германа Тулупова // Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному Времени / Русская историческая библиотека. Т. XIII. СПб.: Археографическая комиссия; Тип. И.Н. Скороходова, 1891. Стлб. 899–922.

Dictionary of secondary nominations of politicians in russian texts of potestarian semantics of XV–XVII centuries

Tatiana Mikhaylova

ta.rada@mail.ru

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia

Alexey Mikhaylov

avm_2006_64@mail.ru

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia

The article presents the results of the study of ancient Russian texts of the power semantics of the XV–XVII centuries, including the story of the time of Troubles. The authors identify the range of secondary nominations of political figures that make up a formula or a stable Syntagma together with the primary name.

The proposed Dictionary reflects the work on the identification of “additional names” of political leaders of the late Russian middle Ages. The names of the figures are given in alphabetical order. The dictionary entry represents in the “left” part names of figures, and in the “right” represents first “standard” nominations, then - “secondary” various nominations applied in relation to them by different scribes-publicists. The widest possible contexts help the reader of the Dictionary to understand the meaning of the nominations more accurately.

The worldview of the scribes is the basis of naming. The points of view presented in the secondary nominations, from “I-nominations” to “He-nominations”, form an analogue of the 3D model of the old Russian political mentality. Systematization of the relations between primary and secondary nominations of the rulers at the specified time, the history of Russia, gives the opportunity to see vividly the dynamics of the power of the beliefs of the Ancient Rus and the political journalistic discourse.

Keywords: Ancient Russia, XV–XVII century, texts with the semantics of power, additional nominations, additional nominations dictionary

Словарь немецкого языка М.В. Ломоносова: принципы лексико- и грамматикографии¹

Сергей Святославович Волков

sergejvolkov2006@yandex.ru
Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Константин Анатольевич Филиппов

k.filippov@spbu.ru
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматриваются вопросы составления «Словаря М.В. Ломоносова. Немецкий язык». Ставится задача описания не только лексики немецкого языка в составе трехязычного идиолекта М.В. Ломоносова, но и грамматики немецкого языка М.В. Ломоносова, ее соответствия грамматическим нормам того времени.

Ключевые слова: Ломоносов, XVIII век, немецкий язык, словарь, идиолект, лексика, грамматика

В 2018 г. исполнилось 70 лет с момента выхода в свет первого тома «Словаря современного русского литературного языка» или, как его обычно называют, «Большого академического словаря» (БАС). Охватывая перспективу употребления русского слова «от Пушкина до наших дней», БАС являлся одновременно и историческим, и нормативным словарем. Новый подход к описанию общезыковой, нормативной семантики слова в «Словаре современного русского литературного языка» стал причиной пробуждения интереса филологов к исследованию того, что осталось за пределами БАС, в том числе дихотомии «языковое vs идиолектное», «нормативное vs индивидуально-авторское (креативное)». Вслед за появлением «Словаря современного русского литературного языка» начался новый период составления авторских словарей («Словарь языка Пушкина», «Словарь языка автобиографической трилогии М. Горького», «Словарь “Моления

---

¹ Работа над словарем проводится при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-012-00636 «Словарь языка М.В. Ломоносова (немецкий язык)» (руководитель К.А. Филиппов).

Даниила Заточника», «Словарь М.А. Шолохова», «Словарь языка Достоевского», «Словарь языка русской поэзии XX века», «Словарь языка А.С. Грибоедова» и мн. др.), во многом учитывающих опыт БАС и основывающихся — нередко в скрытом виде — на его модели словарного описания. К подобного рода авторским словарям относится и «Словарь языка М.В. Ломоносова».

В этом плане «Словарь языка М.В. Ломоносова. Немецкий язык» (далее — Словарь), разрабатываемый коллективом авторов под руководством проф. К.А. Филиппова (участники проекта — С. С. Волков, Л. Н. Григорьева, М. В. Корышев, К. В. Манерова, А. К. Филиппов), представляет собой авторский переводной двуязычный исторический словарь, объектом описания которого является отдельная лексическая единица (конкретное слово, словосочетание, имя собственное) в текстах Ломоносова, написанных на немецком языке. По своим основным характеристикам (структура словарной статьи, организация словарного материала и пр.) словарь весьма близок к тому особому типу толково-переводного словаря иностранного языка на русском языке, пути создания которого в «Опыте общей теории лексикографии» наметил Л. В. Щерба.

В нашем Словаре мы стараемся взаимно интегрировать и поставить на один уровень вопросы описания лексических единиц и грамматических форм / грамматических конструкций, зафиксированных в немецких текстах Ломоносова. Немецкий ученый-энциклопедист Г.В. Лейбниц прямо говорил о необходимости учета слов, служащих для связи предложений: «Для выражения последовательных и методических рассуждений требуются слова, показывающие *связь, ограничение, различение, противоположение, ударение* и т.д., и когда в этом ошибаются, то тем самым приводят слушателя в замешательство» [Лейбниц 2017: 64]. Г. Ельшлегер справедливо обращает внимание на некоторую диспропорцию в современном осмыслении практического применения лексикографических изданий и грамматических справочников: «В то время как в лексикографии уже давно дискутируются вопросы использования словарей, типологии словарей, композиции словарей с учетом потенциальных пользователей и их интересов, в то время как вопросы пользования словарем уже эмпирически анализируются с разных сторон <...>, в грамматикографии наблюдаются лишь разрозненные, большей частью импрессионистские подходы к типологии грамматик, пользовательский аспект лишь случайно становится темой анализа,

а эмпирические исследования по использованию грамматик полностью отсутствуют»².

Таким образом, если историческая лексикография приоритетом считает *семантику* и систему «применений» слова, то историческая словарная грамматикография, по всей вероятности, должна своим главным объектом иметь *форму* слова (включая ее фонемный состав и особенности варьирования), грамматические характеристики и сочетаемость. Особая область словарной грамматикографии — исследование истории грамматических и, шире, филологических терминов.

В соответствии с нашим подходом к основным конститутивным признакам Словаря мы относим следующие параметры:

- двуязычность словаря: он включает не только лексику текстов М.В. Ломоносова на немецком языке, но и предоставляет пользователю переводы этих слов в современном русском языке;
- эмпирической базой словаря является конкорданс к немецким текстам М.В. Ломоносова, что позволяет обеспечить максимальную полноту словника и отказ от субъективного «отбора» слов;
- лексикографическое описание текстов разных жанров (научные тексты, письма, деловые документы);
- демонстрация лексической и синтаксической сочетаемости слова;
- исчерпывающее представление примеров словоупотребления М.В. Ломоносова;³

---

² „Während in der Lexikographie Fragen der Wörterbuchbenutzung, der Wörterbuch-typologie, der Anlage von Wörterbüchern relativ zu ihren potenziellen Benutzern und deren Interessen schon lange diskutiert werden, während die Wörterbuchbenutzung auch schon verschiedentlich empirisch untersucht wurde [...], gibt es in der Grammatikographie nur vereinzelte, meist mehr impressionistische Ansätze zu einer Typologie von Grammatiken, wird der Benutzungsaspekt nur gelegentlich thematisiert, fehlen empirische Untersuchungen zur Benutzung von Grammatiken völlig“ [Öhlschläger G. 2001: 188].

³ Иллюстративный материал, как считает коллектив авторов, должен полно отражать систему употреблений слова. Зона контекстов является для словарной статьи исторического словаря основной: в этой части словарь должен максимально приблизиться к корпусу текстов. Зона иллюстраций (контекстов), с одной стороны, должна служить надежным средством верификации принятых в словаре решений и выводов лексикографа, а с другой — давать пользователю максимум эмпирической информации. Аналитическая, свободная от субъективности подборка контекстов употребления заголовочного слова вполне самодостаточна и позволит вдумчивому, внимательному читателю свободно осмыслить этот материал, выбрать нужные для него речевые факты, самостоятельно сделать выводы, использовать материалы словаря в исследовательской работе.

- показ явлений смешения кодов (code switching);
- лексикографическая разработка собственных имен (топонимика и антропонимика);
- наличие в словарной статье справочного отдела, задача которого состоит в соотнесении лексического и грамматического ресурсов идиолекта М.В. Ломоносова с лексическим и грамматическим фондом немецкого языка XVIII в.

Практическая реализация указанных выше словарных параметров обусловила разработку словарной статьи нового типа со следующей структурой:

<i>Условный репрезентант лексической единицы («псевдолемма»)</i>
<i>Заголовочное слово (заголовочная строка)</i>
<i>Статистические сведения</i>
<i>Грамматическая характеристика</i>
<i>Семантические сведения (словарные аналоги)</i>
<i>Контексты употребления слова</i>
<i>Устойчивые сочетания</i>
<i>Контексты употребления устойчивых словосочетаний</i>
<i>Комментарии</i>
<i>Справочный отдел</i>

В целях словарной оценки фактов «идиолектного» немецкого дискурса Ломоносова и сопоставления грамматического оформления с принятыми грамматическими нормами того времени целесообразным представляется обращение к сведениям, предоставляемым составителям словаря немецкими и русским грамматическими трактатами XVIII в.

В письме из Марбурга от 4.09.1737 г., адресованном камергеру И.-А. Корфу, Ломоносов упоминает о своих первых успехах в немецком языке: «*Weil aber biß dato der teutschen **Schprache** nicht mächtig bin gewesen, und jetzo etwas darin gethan, so habe mich in tieffer demuth erkünnen wollen Denenselben nicht nur meine unterthänigste Pflicht abzustatten, sondern auch die Erstlinge der teutschen **Schprache** auf zu opfern*» [АПСС 10: 415]. В этом фрагменте обращает на себя внимание

написание слов *Sprache* с использованием триграфа **sch**– Schprache. То же самое мы видим в «Отчете о расходах по «научной командировке» за границу. 1737 до сентября 26»; ср. следующую запись: «*Der frantzösische Schprachmeister — 9 Thal.*» [Там же: 324]

Такое написание встретилось в рабочих материалах всего 4 раза (Schprache — 2, Schprach-Meister — 1, Schprachmeister — 1), в то время как обычная форма *Sprache* была зафиксирована 17 раз (словоформы *Sprache* — 4, *Sprachen* — 4, *Sprachmeister* — 3, *Sprach-Meister* — 2, *sprechen*, *spreche*, *spricht*, *sprach* — по одному разу). Показательно, что три (из четырех ошибочных) написания слова *Sprache* обнаружались в текстах, написанных Ломоносовым в сентябре 1737 г (и еще один в 1738 г., т.е. в начальный период его нахождения в Германии)⁴.

Дело заключается в том, что для передачи на письме согласного звука [ʃ] в немецком алфавите отсутствует специальная графема. В. Икельзамер в своей немецкой грамматике (*Teutsche Grammatica*, 1537) перечисляет несколько сочетаний графем, используемых для передачи на письме звука [ʃ], а именно *sch*, *sc*, *sp*, *st*, *sq*. При этом он одновременно сетует на отсутствие в немецкой грамматике отдельной буквы для его обозначения: «*Also soltē wir auch ainen ainigen und sonderlichen buchstabē darzu haben*» [Ickelsammer 1881: 24]

Выявленные орфографические погрешности в письмах Ломоносова с большой степенью уверенности позволяют судить не только об уровне владения немецким языком в начальный период нахождения в Германии, но и о способах овладения немецким языком — посредством устного общения, что закономерно в условиях постоянного нахождения в иноязычной среде. В подтверждение этого наблюдения можно привести примеры из практики преподавания в России XVIII в. как русского, так и немецкого языков.

В одном из первых российских грамматических трактатов «Первые начала русской грамматики» В. Е. Адогуров настоятельно советует читателям (ученикам) при изучении сложных звуков русской речи обращаться к практическому произношению русского учителя: при овладении буквы **Ы** — «Лучше всего учиться произношению этой буквы устно» (*Beßer läßt sich die Aussprache davon mündlich lehren*) (цит. по: [Адогуров: 98–99]); **Ю** — «Произношению этой буквы лучше всего

---

⁴ Впервые мы упомянули об этом факте (без анализа причин данного явления) в статье [Волков, Филиппов 2009]. Сейчас этот пример получает подробное объяснение наряду с другими аналогичными фактами.

учиться устно» (*Man lernet es beßer mündl. aussprechen*) [Там же]; слова с мягким знаком — «этому можно лучше всего научиться устно у преподавателя языка» («**Б** <...> *kann vom Sprach-Meister beßer mündlich gewiesen werden*») [Там же]. Точно так же И.М. Греч при обучении произношению немецкой буквы *H, h* советует прибегать к помощи учителя: «Учащиеся должны привыкать сию букву чисто произносить по изустному учительскому выговору» [Греч 1769: 2].

С похожим явлением мы сталкиваемся при анализе двух случаев разного написания Ломоносовым глагола **abziehen**: 1) в орфографически правильной форме в составе словосочетания *lehr abziehen* (уходить ни с чем, с пустыми руками): «Die nicht[s] als ihre Sinnen mit sich bringen, wenn sie aus der Erfahrung Warheiten lernen wollen, müssen meisten theils gar lehr **abziehen**» [АПСС 1: 124], 2) в орфографически неверной форме *abziegen* (вычитать, удерживать) в своем прямом значении «... die Chymie war aus, der Inspector Kern wol[l]te nicht anfangen, weil der Henkel viel von dem ihm von der Academie der Wießenschaften zu gestandenem Gelde **abziegen** wol[l]te» [АПСС 10: 425].

Глагольные словоформы *abziehen* и *abziegen* отличаются друг от друга всего лишь заменой одной графемы на другую, т.е. *h* на *g*. В данном случае мы сталкиваемся с любопытным феноменом, имеющим важное значение как при обучении российских граждан немецкому языку, так и при обучении немцев русскому языку. Так, в «Материалах к российской грамматике» можно встретить две заметки Ломоносова, свидетельствующих о его колебаниях относительно разницы в произношения некоторых букв в немецком и русском языках; ср. 1) замечание Ломоносова об особенностях произношения отдельных немецких букв: «Писать о разности в русском между *h* и *g*» [АПСС 7: 614]; 2) помета в таблице русского алфавита по поводу произношения русской буквы *Г* «*g* oder *h*» [Там же: 621].

В «Российской грамматике» (1757) Ломоносов приводит пять возможных способов произношения буквы *Г*: «1) как у иностранных *h* <...> особливо в косвенных падежах речения *Богъ*, как: *Бога*, *Богу*, *Богомъ*, *Боги*, *Боговъ* <...>; 2) в конце речений, как *к* <...>; 3) как *х* в именительном единственном *Богъ* и в иностранных, кончащихся на *ургъ*: *Санктпетербургъ*, *Марбургъ* <...>; 4) в родительных падежах, конча[ю]щихся на *го*, в простых российских словах и в разговорах произносят, как *в* <...>; 5) в иностранных речениях, которые в российском языке весьма употребительны, выговаривать пристойно как *h*, где *h*, как *g*, где *g* у иностранных...» [АПСС 7: 426–427].

По нашему мнению, одна из возможных причин замены *h* на *g* словоформах *abziehen* и *abziegen* заключается в интервокальной позиции согласного, находящегося к тому же на стыке двух слогов. К.Ф. Айхингер, давая характеристику согласному *h*, среди всего прочего замечает: «Иногда в середине слова он сохраняет шум выдоха» (*Bisweylen behält es auch in der Mitte seinen Hauch*) [Aichinger 1754: 9], причем это характерно не только для иностранных, но и для исконно немецких слов [Там же]. В шестом томе «Словаря произношения немецкого языка» (Duden Aussprachewörterbuch) имеется любопытная ссылка на то, что в позиции между гласными переднего ряда (включая безударное окончание [эп]) согласный [g] может заменяться на фонему [j] [Duden 1974: 64]. Именно такая позиция согласных *h* и *g* наблюдается в анализируемых словоформах.

Если соотнести эти фонетические факты немецкого языка с наблюдениями русских диалектологов о наличии в северорусских говорах заднеязычной фрикативной фонемы [γ] (см. [Русская диалектология 1990: 49; Трубинский 2004: 85]), весьма близкой по звучанию с немецкой среднеязычной фонемой [j], то многое становится понятным и объяснимым. Заметим, что патриарх русской диалектологии и лингвогеографии член-корреспондент РАН Р.И. Аванесов подметил случаи непроизнесения (пропуска) согласной фонемы [г/γ] в окончаниях родительного падежа мужского и среднего рода прилагательных и местоимений, характерные для северной (поморской) группы северновеликорусского наречия [Аванесов 1949: 216]. А если учесть к тому же, что сам Ломоносов был носителем северно-русского говора — *поморской гóвори*, совершил с отцом несколько походов по северным морям, бывал на Коле и Пинеге, встречался и беседовал с купцами-воложанами [АПСС 6: 509], то можно утверждать, что он, наблюдательный, внимательный к мелким деталям ученый-естествоиспытатель, имел полное представление о всем разнообразии народного языка северно-великорусского наречия. К тому же Ломоносов обучался немецкому языку преимущественно посредством устного общения, поэтому можно понять его сомнения в особенностях произношения немецких согласных [h] и [g].

Таким образом, подготовка «Словаря немецкого языка М.В. Ломоносова» будет преследовать задачи как *общекультурные*, так и *общезнакоуные*. *Общезнакоуные* — на основе лексикографического, грамматико-графического и лингвобиографического описания словоупотребления в немецких текстах Ломоносова объективно показать

нашему современнику Ломоносова как ученого-полимата, человека, находившегося под комплексным влиянием гуманистических идей европейского Просвещения. *Общезнаменательные* — исследовать уникальный полилингвизм Ломоносова и факты свободной мены им языковых кодов как лингвистическое явление.

Литература

Аванесов Р.И. Очерки русской диалектологии. Ч. 1. М., 1949.

Волков С.С. Трехязычный словарь М.В. Ломоносова // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. Вып. III. М., 2012. С. 98–106.

Волков С. С., Филиппов К. А. Тексты М.В. Ломоносова на немецком языке (лингвистические проблемы описания) // Материалы XXXVIII Международной филологической конференции. Вып. 13: Грамматика (Романо-германский цикл) / отв. ред. А.В. Зеленщиков. СПб., 2009. С. 120–123.

Греч И.М. Готшедова немецкая грамматика. 2-е изд. Санктпетербург: Морск. шляхет. кадет. корпус, 1769.

Лейбниц Г.В. О словах: Пер с фр. Изд. 2-е. М., 2017.

Русская диалектология: Учеб. пособие для филол. фак. ун-тов / В.В. Колесов, Л.А. Ивашко, Л.В. Капурулина и др.; Под ред. В.В. Колесова. М., 1990.

Трубинский В.И. Русская диалектология: Говорит бабушка Марфа, а мы комментируем: Учеб. пособие. СПб.; М., 2004.

Aichinger C.F. Versuch einer teutschen Sprachlehre, von Carl Friedrich Aichinger. Frankfurt und Leipzig, 1754.

Ickelsammer V. Valentin Ickelsammers Teutsche Grammatica / Hrsg. von Dr. Kohler. 3. Aufl. Freiburg i.B. und Tübingen, 1881.

Öhlschläger G. Grammatiken für den Alltag // Sprache im Alltag. Beiträge zu neuen Perspektiven in der Linguistik. Berlin; New York, 2001.

Сокращения

Адогуров — Василий Евдокимович Адогуров. «Anfangs-Gründe der Rübischen Sprache» или «Первые основания российского языка»: коллективная монография / А. А. Ветушко-Калевич, С. С. Волков, Л. Н. Григорьева, Н. В. Карева, М. В. Корышев, К. В. Манерова, К. А. Филиппов / Отв. ред. К. А. Филиппов, С. С. Волков; отв. секр. Н. В. Карева. СПб., 2014.

АПСС — Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Тт. 1–11. М.; Л., 1950–1983.

Duden — Der grosse Duden: Band 6. Aussprachewörterbuch. Wörterbuch der deutschen Aussprache. 2. Aufl. Mannheim; Wien; Zürich, 1974.

Dictionary of M.V. Lomonosow' german language: principles of lexicography and grammargraphy

Sergey Volkov

sergejvolkov2006@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg, Russia

Konstantin Filippov

k.filippov@spbu.ru

St. Petersburg State University, St. Petersburg Russia

The article considers the problems of “The Dictionary of M. V. Lomonosow’s German Language” compiling. The main task of the Dictionary is to describe not only the German vocabulary as part of the trilingual idiolect of M. V. Lomonosov, but also the grammar of his German language, its compliance with the grammatical norms of the time.

Keywords: M. V. Lomonosov, 18th century, German language, dictionary, idiolect, vocabulary, grammar

Журналистские тексты XVIII века как источник материалов «Словаря русского языка XVIII века»¹

Александр Александрович Малышев

a.malyshev@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена рассмотрению материалов периодических изданий, из которых осуществлялась выборка примеров для Картотеки «Словаря русского языка XVIII века», а также использованию этих примеров при подготовке выпусков самого «Словаря». Отмечается необходимость разделения собственно журналистских текстов и текстов периодических изданий, близких к журналистике, но полностью ею не являвшихся, что позволяет более точно определить тематическое распределение источников «Словаря» и жанрово-стилистические характеристики избранных из них цитат.

Ключевые слова: историческая лексикология, журналистика XVIII века, словарь русского языка XVIII века, историческая стилистика

Исследование источников любого исторического словаря — необходимая часть работы по его созданию. Как создание списка печатных и рукописных памятников определенного исторического периода предвдваряет начало работы по полной или частичной выборке цитат в картотечный фонд, становящийся основой будущего словаря, так и промежуточный аналитический обзор этого списка позволяет скорректировать уже ведущийся процесс издания. Это положение не может упускаться из вида и при создании «Словаря русского языка XVIII века», поскольку в ином случае существует вероятность возникновения количественного и качественного дисбаланса между источниками разного типа. Ю. С. Сорокин отмечал, что «недостаточность существующих представлений о развитии лексической системы в XVIII в. прежде всего зависит от одностороннего привлечения книжных материалов к исследованию, а дальнейшее движение этих представлений в очень сильной степени зависит от правильного расширения круга

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ № 18-312-00164 «Историческая стилистика русской научно-популярной периодики первой половины XVIII века».

изучаемых памятников» [Сорокин 1966: 17]. Из работ последних лет, затрагивающих этот вопрос, отметим исследование И. А. Малышевой, в котором убедительно доказывается необходимость более планомерного привлечения рукописных таможенных книг как источников разнообразного лексического материала, не учтенного в Картотеке «Словаря» [Малышева 2007].

Классическое положение о том, что СРЯ XVIII должен быть словарем всего русского языка «осьмнадцатого столетия», а не словарем языка художественной литературы XVIII в. [Сорокин 1965а], как представляется, в определенной степени все же остается теоретическим положением. Подобное впечатление может создаться при просмотре выпусков «Словаря» и при обращении внимания на источники цитат: при всем типологическом и стилистическом разнообразии цитатного материала большинство примеров приводится из литературных произведений устойчивого круга авторов. В данном случае речь, вероятно, идет не только о своеобразной историко-лексикологической инерции, имеющей в том числе и идеологическую основу, но и об общем внимании историков языка именно к литературным памятникам.

В научной литературе неоднократно отмечалось особое место журналистики в системе культуры любой эпохи и журналистских текстов как ценного материала для более углубленного понимания процессов эволюции литературного языка, связанного с изменением общекультурной ситуации. Приведем лишь некоторые примеры. По мнению Г. В. Жиркова, Петр I во имя интенсивного развития общественного сознания реформировал не только различные сферы общественной деятельности, но и информационное пространство: изменения получили особое развитие после учреждения печатной прессы. Северная война 1700–1721 гг. стала при этом первой в истории России информационной войной (как считает Г. В. Жирков, речь идет даже о возникновении на основе реляций именно в это время жанра т.н. «боевых листков», повествовавших о военных успехах) [Жирков 2003: 15–18, 41–48, 69–86]. Якоб Штелин вспоминал, что при обучении юного наследника Петра Федоровича часто пользовался именно материалами газет, поскольку язык газеты на любом уровне более приближен к живому разговорному языку, чем обработанный книжный. Из исследований, посвященных изучению истории русского языка, отметим, к сожалению, во многом забытые на фоне классических трудов С. И. Коткова ценные наблюдения А. Л. Сахарова о лексике

рукописной газеты 1621 г. [Сахаров 1967] и И. С. Хаустовой о языке петровских «Ведомостей» [Хаустова 1958]. Составление полной выборки из 709 получивших внутритекстовое толкование лексем в материалах первого научно-популярного журнала «Примечания к Санкт-Петербургским ведомостям» (1728–1742) позволило не только дополнить материалы Картотеки СРЯ XVIII 45 новыми лексическими единицами, но и расширить семантические границы уже содержащейся в Картотеке лексики, а также уточнить время вхождения ряда слов в русский язык (37 случаев) [Мальшев 2017]. Ю. С. Сорокин в большом количестве привлекал для исследования лексического состава середины и второй половины XIX в. журнальные материалы, поскольку «именно в критике и публицистике многие лексические новшества находили наиболее быстрое отражение... остро реагируя на новые явления действительности и чутко отражая различные перемены в общественном сознании, публицистика особенно нуждалась в новых языковых средствах и часто обращалась к новым словам и выражениям, не дожидаясь того момента, когда они будут канонизированы образцовым употреблением признанных писателей, одобрены пуристами-филологами и включены в академические словари. Поэтому показания публицистической речи особенно незаменимы при установлении даты происходящих в языке изменений» [Сорокин 1965б: 41]. Наблюдения Е. Н. Басовской показывают важную роль цитат из газетных текстов при создании «Толкового словаря русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова [Басовская 2014]. Значительное количество лексических, морфологических и синтаксических примеров из текстов СМИ являются иллюстративным материалом для исследования современного состояния русского языка — языка «эпохи массмедиа».

Указатель источников «Словаря русского языка XVIII века», составленный **О. Е. Березиной и А. А. Алексеевым** и опубликованный в 1984 г., в настоящее время представлен на сайте Института лингвистических исследований РАН в расширенной и уточненной Г. А. Мольковым и С. В. Алексеевой версии, насчитывающей 1876 шифровых позиций. Периодические издания, по нашим подсчетам, занимают в нем 66 позиций, что составляет 3,5% от общего количества источников; среднее количество цитат из них составляет около 6–8% от общего количества цитат в разных выпусках «Словаря». С формальной точки зрения незначительная доля периодики в общем массиве источников вполне понятна: в эпоху зарождения отечественной перио-

дической печати неперIODические издания чисто количественно не могли не составлять абсолютное текстовое большинство. Тысячи номеров Санкт-Петербургских (Спб. в., 1728–1800) и московских (МВ, 1756–1810) ведомостей «под одним шифром» в этом отношении оказываются равнозначны, например, анонимному шестистраничному «Сновидению, бывшему мне в ночь на 4-ое июля 1794 г.». В связи с этим возникает вопрос: какие из периодических и продолжающихся изданий XVIII в. могут считаться собственно журналистскими, а к каким следует применять определенные оговорки относительно их журналистской природы, даже если формально они относятся к периодике.

В «Проекте» СРЯ XVIII в числе источников «Словаря» названы «разнообразные типологически, в жанровом и стилистическом отношении, а также по своему функциональному назначению и тематической ориентации памятники письменности и литературы»: произведения книжно-славянского типа языка, оригинальные и переводные произведения художественной литературы, тексты деловой литературы и письменности, книги и статьи научного характера общепопулярного и специального назначения, конфессиональные сочинения, эпистолярное наследие, произведения народно-поэтического творчества, лексикографические, грамматические и риторические труды [Проект 1977: 11–15], при этом, насколько мы можем судить, газетная и журнальная периодика не встречается в числе перечисленных разновидностей источников.

В то же время в п. 4.6 «Проекта» сказано и о «публицистико-полемических произведениях», однако представляется неясным, что имеется в виду в данном случае, поскольку для XVIII в. нередко наблюдается смешение понятий «публицистика» и «журналистика», причем журналистика как будто практически выпадает из числа сфер общественного сознания. Так, В. В. Виноградов, чьи идеи оказали существенное влияние на рассмотрение вопроса о стилистической системе XVIII в., среди прочего писал об особом развитии языка литературы, «официально-светской речи, канцелярского, приказно-юридического языка и специально-технических диалектов <...> научно-технических, официально-правительственных стилей», а также отмечал, что иноязычные слова проникали в русский язык через «официальные публицистические стили» [Виноградов 1982: 56, 62]. В данном случае сочетание «публицистические стили», очевидно, следует понимать широко и, вкУпе с «официальностью», относить

к нему не только журналистику, но и богословскую полемическую публицистику, тексты указов и постановлений и т. д. В. М. Живов, рассматривая переход от гибридного книжного регистра литературного языка XVII в. к «простому языку» XVIII в., критикует исследователей русского литературного языка за избыточно одностороннее внимание к текстам художественной литературы и к лексике в ущерб соответственно материалам другой жанрово-стилистической природы и морфолого-синтаксическому анализу [Живов 1996: 31–41, 88–162 и др.], однако и сам преимущественно не уходит от привлечения в качестве материала для наблюдений произведений художественной литературы, риторико-богословских трудов и грамматических сочинений.

В то же время речь может идти не столько о противопоставлении публицистики и журналистики (в зарубежной традиции они нередко оказываются тождественными), сколько о публицистичности как стилистической характеристике текстов разных жанров, в том числе (но и не только!) и журналистских. Неслучайным видится в этом аспекте рассмотрение «публицистической литературы» (И. Т. Посошков, В. Н. Татищев, Феофан Прокопович и др. авторы) как одной из основных движущих сил в развитии литературного языка в «Истории лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века» под редакцией Ф. П. Филина [История лексики... 1984: 30]. Представляется необходимым отличать с исторической жанрово-стилистической точки зрения публицистичность как таковую от «публицистичности публицистики»: публицистичность некоторых текстов художественного или даже научного стиля может быть значительно выше публицистичности текстов публицистического стиля. Примером достаточно произвольного употребления понятия «публицистика» в исследованиях нашего времени являются статьи Т. Л. Морозовой о проявлениях национального сознания в журналистике первой и второй трети XVIII в. [Морозова 2005а, 2005б, 2005в]. Так, например, новостную заметку о воинских успехах попа Ивана Окулова Т. Л. Морозова называет то победной реляцией (в таком случае это жанр официально-делового стиля), то краткой газетной корреспонденцией (тогда это журналистский жанр публицистического стиля с другими стилистическими характеристиками) [Морозова 2005а: 94–95]. Следовательно, общая публицистичность текста не является основанием для отнесения его к публицистическим журналистским материалам.

Периодичность и долговременность издания также оказываются неустойчивыми критериями для отнесения источника к журналистике. Нет сомнений, что выходившие на протяжении многих лет ведомости (сначала «петровские», затем санкт-петербургские и московские) и прибавления к ним и по периодичности, и по охвату аудитории отличались от изданий, выходивших несколькими частями в течение непродолжительного времени. Знаменитый «Трутень» издавался Н. И. Новиковым еженедельно с мая 1769 по апрель 1770 гг.: с точки зрения продолжительности существования он не может быть сравнен с выходившей десятилетиями новостной периодикой, тогда как по общекультурной и стилистической значимости во многом ее превосходит. Альманахи «Аглая» и «Аонида» Н. М. Карамзина, вышедшие каждый лишь в двух частях, по количеству выпусков формально уступают «Трутню», то есть при понимании журналистики как регулярной профессиональной деятельности даже периодическими изданиями могут считаться с большими оговорками. В то же время, разумеется, нельзя забывать и о сделанном П. Н. Берковым более шестидесяти лет назад предостережении будущим исследователям от излишне придирчивого взгляда с позиций современности на такие показатели, как число подписчиков того или иного издания, недолговечность многих изданий, их «толщину» и особенно тиражи.

Наконец, определяющим оказывается содержание привлекаемой в качестве источника СРЯ XVIII периодики. В данном случае мы можем считать собственно журналистскими текстами весьма ограниченный круг материалов: например, ряд текстов оказывается на пересечении художественной литературы и журналистики, а следовательно, каждый случай необходимо оговаривать отдельно. Полемическая статья о понимании основ стихосложения или стиля прозы может считаться журналистским материалом (как предтеча современной арт-журналистики), но метящее в оппонента стихотворение сущностно остается литературным произведением независимо от «площадки» для публикации — рукописного листка, книги, журнала или альманаха (а затем и газеты). С этой точки зрения «Трудолюбивая пчела» А. П. Сумарокова не столько журналистское, сколько писательское предприятие, поскольку в журналистский фонд избранными из нее могут быть фельетоны и некоторые критические статьи, но не переводы Овидия или Вольтера. Под шифром «Крм. ДВ» в списке источников СРЯ XVIII находится произведение Н. М. Карамзина «Деревенские вечера» (пере-

вод из Жанлис), напечатанное в журнале «Детское чтение для сердца и разума» (1787, ч. 9–12): в данном случае перед нами, конечно, исключительно литературный текст, поскольку сам журнал какими-либо иными, менее «литературными» материалами в списке источников не представлен. Философский журнал «Утренний свет» (1777–1780) отчасти напоминает современные биографические журналы, однако в целом он так же относится к числу философских сочинений, как и выпущенные в виде книг труды античных и европейских философов, отличаясь от них только формой подачи (книга vs. журнал). Научная периодика Санкт-Петербургской Императорской Академии наук содер­жательно оставалась достоянием жизни ученого сословия и практически не может считаться журналистикой, тогда как научно-популярные академические издания («Примечания к ведомостям», «Ежемесячные сочинения» и «Новые ежемесячные сочинения») в значительной части материалов к ней принадлежат и т. д.

Таким образом, в количественном отношении упомянутые ранее показатели в 3,5% периодических изданий в «шифровой» системе источников «Словаря русского языка XVIII века» и 7–8% цитат из них в цитатном объеме выпусков «Словаря» оказываются значительно ниже для непосредственно журналистских текстов. Конечно, это не означает, что примеры из собственно журналистских материалов должны более активно использоваться при подготовке будущих выпусков «Словаря», однако их планомерный историко-лексикологический анализ способен как внести существенный вклад в развитие исторической стилистики русской журналистики, которая фактически не определена в качестве научного направления, так и дополнить существующие исследования по истории русского литературного языка XVIII в.

Литература

Басовская Е. Н. «И слово прорастало...»: лексика печатных СМИ конца XIX — начала XX века в восприятии Д. Н. Ушакова // *Филология и человек*. 2014. № 2. С. 86–103.

Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. Изд. 3-е. М., 1982.

Живов В. М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.

Жирков Г. В. Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003.

История лексики русского литературного языка конца XVII — начала XIX века / отв. ред. Ф. П. Филин. М., 1981.

Малышев А. А. Толкование в научно-популярных текстах первой половины XVIII века (на примере журнала «Примечания к Санкт-Петербургским Ведомостям»); Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2017.

Малышева И. А. Новые источники «Словаря русского языка XVIII века» // «Единым письмен употреблением памяти подкрепляется вечность»: Сб. научных трудов памяти З. М. Петровой (к 85-летию со дня рождения). СПб., 2007. С. 261–275.

Морозова Т. Л. «И вознесете на высшую степень славу русского имени» (Трансформация национального сознания: документы и публицистика 1700–1720-х гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 85–111.

Морозова Т. Л. «Что скажет потомство!» (Национальное сознание на поворотах истории: документы и публицистика 1730–1750-х гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 158–188.

Морозова Т. Л. «Для славы и обогащения народа нашего» (Национальный подъем и опасность национального разобщения: документы и публицистика 1760–1770 гг.) // Русская литература как форма национального самосознания. XVIII век. М., 2005. С. 297–340.

Сахаров А. Л. Лексика русской рукописной газеты 1621 г. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1967.

Словарь русского языка XVIII века: проект. Л., 1977.

Сорокин Ю. С. О «Словаре русского языка XVIII века» // Материалы и исследования по лексике русского языка XVIII века. М.–Л., 1965а. С. 5–42.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка: 30–90-е годы XIX века. М.; Л., 1965б.

Сорокин Ю. С. О задачах изучения лексики русского языка XVIII в. // Процессы формирования лексики русского литературного языка (от Кантемира до Карамзина). М.; Л., 1966. С. 7–34.

Хаустова И. С. Лексика «Ведомостей» 1702–1703 гг. (Из истории формирования национального литературного языка и его стилей): Дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1958.

Journalistic texts of the 18th century as the source of “The dictionary of russian language of the 18th century” materials

Alexander Malyshev

a.malyshev@spbu.ru

St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

The article is devoted to the consideration of the periodical materials by the selection of examples for “The Dictionary of Russian language of the 18th century” Card index and also to the use of these examples by preparation of volumes of the “Dictionary”. There is a need to divide the actually journalistic texts and the texts of the periodicals close to the journalism not completely. That allows to define more precisely the thematic distribution of the “Dictionary” sources and the genre and stylistic characteristics of the chosen quotes.

Keywords: historical lexicology, journalism of the 18th century, dictionary of Russian language of the 18th century, historical stylistics

О микро- и макроструктуре «Исторического словаря русской лингвистической терминологии»

Елена Александровна Шерстянникова

lena_kolesnikova@list.ru

Сибирский государственный университет
науки и технологий имени академика М.Ф. Решетнева,
Красноярск, Россия

Теории и практике исторической лексикографии в последнее время уделяется особое внимание. Необходимость создания исторического словаря русского языка назрела давно. К настоящему времени для большинства европейских языков исторические словари составлены или составляются. Опыт разработки теоретической проблемы истории особого пласта лексики — терминологии, предлагаемый в данной статье, опирается на практику конкретного специального словаря — «Исторического словаря русской лингвистической терминологии». Надеемся, такой словарь сыграет свою ориентирующую роль и будет актуален для складывающейся лексикографической практики.

Ключевые слова: историческая лексикография, лингвистическая терминология, микроструктура и макроструктура исторического терминологического словаря

В современной русской исторической лексикографии различают два класса словарей в зависимости от способа описания языкового материала: словари «эволюции» и словари «состояния». Гораздо шире представлены словари «состояния», в которых дается синхронное описание — горизонтальный срез определенного периода истории языка. Это специфический вид толкового словаря. Собственно диахроническими являются словари «эволюции», создание которых предвосхитил Л.В. Щерба в своем «Опыте общей теории лексикографии»: «Историческим в полном смысле этого термина был бы такой словарь, который давал бы историю всех слов на протяжении определенного отрезка времени, начиная с той или иной определенной даты или эпохи, причем указывалось бы не только возникновение новых слов и новых значений, но и их отмирание, а также их видоизменение» [Щерба 1974: 303]. Следовательно, историзм в описании языковых фактов предполагает не только особый объект (прошлое языковое состояние), сколько сам подход к объекту: выражение идеи последовательного и закономерного изменения и развития [Сорокин 1975: 20].

Те лексиконы, которые мы привычно называем «историческими словарями» скорее дают сведения, которые должны быть положены в основу диахронического исследования, но самой динамики в открытом виде читателю не предъявляют [Бабаева, Журавлев, Макеева 1997: 34].

Таким образом, исторический словарь призван рассматривать языковые явления во временных изменениях, в их движении; он должен демонстрировать процесс языкового развития в том или ином периоде. Словарю с такими задачами максимально полно соответствует жанр словаря-исследования. Именно в этом жанре, каноны которого не сложились окончательно, да, вероятно, и не сложатся (характер жанра таков, что каждый работающий в нем лексикограф будет вносить свою лепту) и подготовлен «Исторический словарь русской лингвистической терминологии». Его главной целью является лексикографическое описание метаязыка лингвистики второй половины XVIII — первой трети XX вв.

Перед автором «Словаря...» стоял ряд непростых задач: показать состав, а также особенности формирования и развития русской лингвистической терминологии указанного периода; выявить системность терминологии, а через нее — структуру соответствующей предметной области; показать основные семантические процессы внутри лингвистической терминологии прошлой эпохи.

Основная часть Словаря включает описание около 2000 лингвистических терминов, которые распределены по следующим разделам: **фонетика, морфология, лексикология, синтаксис и общелингвистические термины**. Внутри каждого раздела термины объединены в гнезда по лексическому (семантическому) признаку. Основой объединения терминов в гнездо служат отношения между выражаемыми ими понятиями — чаще всего родо-видовые, когда в гнезде родового термина находятся видовые термины. Сами гнезда терминов в разделе расположены по алфавиту родовых терминов. Благодаря такому исследованию терминологии, на наш взгляд, становится возможным определить природу термина и его происхождение, способы терминообразования и традиции употребления, периоды развития и семантические особенности.

По характеру разработки статей «Словарь...» относится к типу толкового терминологического словаря. В то же время Словарь носит энциклопедический и одновременно учебный характер, который и определил расположение статей и принципы изложения материала.

В структуре словарной статьи заложена различная информация о термине и его истории: этимологическая, семантическая, системная. В пределах словарной статьи эта информация содержится преимущественно в локализованном виде. Лексикографические реквизиты, включенные в словарную статью, распределены по шести группам: **формальные, этимологические и хронологические, интерпретационные, иллюстративные, микрокомпозиционные и парадигматические.**

К **формальным параметрам** относятся сведения об особенностях формы заголовочного термина: его написание, наличие дублетов.

К **этимологическим и хронологическим параметрам** относятся сведения о языке-источнике заимствования термина, времени его появления (первой фиксации в литературе), об авторстве термина, сведения, дающие представления об историческом развитии термина. К сожалению, далеко не каждая словарная статья нашего словаря содержит подобные сведения.

Основной частью словарной статьи любого словаря является семантическая характеристика (**интерпретационный параметр**). Выработка метаязыка для полного описания семантики термина — задача чрезвычайной сложности. Как справедливо отметил Р. Р. К. Хартман, «лингвисты вынуждены пользоваться языком, чтобы описать язык же, что достаточно трудно, но составитель словаря лингвистики должен пользоваться языком, чтобы описать язык, использованный для описания языка, а это является еще более трудной задачей» [Никитина 1987: 63].

В нашем словаре в качестве главного средства семантизации термина выступает толкование, в котором раскрываются основные признаки понятия термина. Однако наряду с толкованием встречается и перечислительный способ толкования, который заключается в раскрытии не содержания значения термина, а объема этого значения путем перечисления подклассов данного класса языковых явлений. Такой способ толкования используется нешироко, поскольку не вскрывает качественных характеристик явлений языка, обозначенных теми или иными терминами.

Материал описания исторический, порой трудно понять, что стоит за тем или иным термином у того или иного автора. Поэтому некоторые словарные статьи построены исключительно на материале источника.

Главный принцип, лежащий в основе расположения значений термина внутри словарной статьи, — хронологический. Организу-

ющим началом является концепция того или иного автора. Такое расположение материала, на наш взгляд, дает представление о многообразии точек зрения различных языковедов на какое-либо научное понятие, об этапах его развития. Однако это не исключает повтора терминов и дублирование некоторой информации в пределах одной словарной статьи, поскольку понимание одного и того же термина разными лингвистами может совпадать.

Иллюстративные параметры представлены цитатами из грамматических работ отечественных лингвистов второй половины XVIII — начала XX вв.

Всякий термин системен. Место термина в терминосистеме определяется местом соответствующего понятия в системе понятий данной области знания (**парадигматический параметр**). Системные отношения в Словаре представлены эксплицитно в виде системы условных помет и обозначений, содержащих указание на синонимы, омонимы, антонимы, родо-видовые отношения заголовочного термина.

Данный Словарь рассчитан в первую очередь на филолога, в практике работы которого нередко встречается потребность не только в выяснении точного значения того или иного лингвистического термина, но и более полного раскрытия его содержания для учебных целей. Материалы «Словаря...» могут быть полезны для штудий в области исторического, синхронного терминоведения, для теоретического осмысления особенностей формирования терминологических систем в гуманитарной сфере, на занятиях по истории лингвистических учений, общему языкознанию.

Далее приведены выдержки из словарной статьи термина «ЗАЛОГ».

ЗАЛОГ (лат. *significatio* греч. *diathesis* или *genus*).

Термин **залог** встречается уже в древнейших грамматиках церковнославянского, а затем и русского языка. В определении залогов сказалось влияние греко-латинских грамматик. При различении залогов древние грамматикой руководствовались главным образом лексическим значением глагола. Недаром в латинских грамматиках наряду с названием залогов *genera* было другое — *significations*. Само же греческое название залога *diathesis* значило собственно «расположение», «состояние» (т.е. положение субъекта, его отношение к действию). В греческой грамматике различались три залога: *действительный*, *страдательный*, *средний (общий)*. Стоики выделяли еще глаголы возвратные, относя их к *страдательным*. У римских грамматиков были введены

еще *deponentia*, т.е. глаголы с формой страдательного залога, но со значением действительного (как бы отложившие действительную форму). В грамматике М. Смотрицкого выделены, кроме *действительного* (т.е. *действительного*), *страдательного* и *среднего*, еще два залога — *отложительный* (с окончанием –ся, но со значением действительного залога или среднего) и *общий* (с окончанием –ся, но со значением действительного и страдательного). В «Русской грамматике» Г.В. Лудольфа впервые встречается термин *взаимный залог* [Виноградов, 1947, с. 606–607].

ЛОМОНОСОВ определяет **залог** как отношение между субъектом и объектом действия. *Деяния суть двояки: первые от одного происходят и в другом действо производят, посему и глаголы на два залога разделяются — на действительный: люблю, посылаю, и на страдательный: меня любят, меня посылают. Вторые деяния от одного к другому не простираются, но в том же само производятся: стою, сплю, блыдню. Таковые глаголы называются средние или залога среднего* [Ломоносов, 1950–1959, с. 415–416].

Действительный залог (Действительный глагол). Форма залога, указывающая на то, что действие направлено от субъекта на объект. *Действительный глагол значит деяние, от одного к другому преходящее и в нем действующее: возношу, мою* [Ломоносов, 1950–1959, с. 481].

Син.: Преходительный залог (*transitivum*) [Барсов, 1981, с. 540], Преходящий глагол [Греч, 1830, с. 250].

Страдательный залог (Страдательный глагол). Форма залога, указывающая на объект, который не производит действие, а испытывает на себе действие какого-либо субъекта. *Страдательный глагол значит страдание, от другого происшедшее; составляется из причастий страдательных и из глагола есмь или бываю: Богъ есть прославляемъ; храмъ воздвигнуть* [Ломоносов, 1950–1959, с. 482].

Возвратный залог (Возвратный глагол). Форма залога, образованная от действительного глагола с помощью –ся, –сь, указывающая на то, что действие направлено на сам действующий субъект. *Возвратный глагол значит деяние и страдание, от себя самого на себя же происходящее; составляется из действительного глагола и слова ся или съ: возношусь, моюсь* [Ломоносов, 1950–1959, с. 482].

Взаимный залог (Взаимный глагол). Форма залога, образованная от действительного или среднего глагола с помощью –сь, –ся, обозначающая совместное действие нескольких субъектов. *Взаимный глагол составляется из действительного или среднего глагола и съ или ся;*

значит взаимное двух деяние: борюсь, знаюсь, хожусь. [Ломоносов, 1950–1959, с. 482].

Средний залог (Средний глагол). Форма залога, называющая действие, не переходящее от субъекта к объекту. *Средний глагол кончается как действительный, и значит деяние, от одной вещи к другой не переходящее: сплю, хожу* [Ломоносов, 1950–1959, с. 482].

Син.: Не-переходительный залог [Барсов: 1981 с. 540], Самостоятельный залог [Там же], Непереходящий глагол [Греч, 1830, с. 250].

Общий залог (Общий глагол). Форма залога, образованная от действительного и среднего глагола с помощью –сь, –ся. *Общий глагол кончается на съ или ся и имеет знаменование купно действительного и среднего глагола: боюсь, кланяюсь* [Ломоносов, 1950–1959, с. 482].

Син.: Отложительный залог (Отложительный глагол) [Курганов, 1790, с. 30].

В Грамматике КУРГАНОВА представлена та же характеристика залогов, что и в работе Ломоносова. Лингвист выделяет те же шесть форм залога, что и Ломоносов: **действительный, страдательный, возвратный, взаимный, средний, общий**. *Залоговъ шесть: дѣйстви- тельный, страдательный, возвратный, взаимный, средній и общій. Залогъ есть случай, показующій окончаніе глаголовъ со знаменованіемъ* [Курганов, 1790, с. 29]...

БАРСОВ также выделил шесть залогов.

ЯКОБ указывает на то, что залоговые значения выражаются **переходящими глаголами (относительными глаголами)**, называющим действие, направленное на предмет. Такие глаголы выражают «действие» или «страдание», т.е. являются действительными или страдательными. *Переходящіе глаголы т.е: такіе глаголы, коихъ сказуемое означаетъ дѣйствіе, или показываютъ, что подлежащее принимаетъ дѣйствіе, или что сіе принимается подлежащимъ. они выражаютъ или дѣйствіе, или страданіе* [Якоб, 1811, с. 73–74].

Действительный залог (Действительный глагол, vox active verbum activum). Форма глагола, выражающая «действующее» сказуемое [Якоб, 1811, с. 73–74].

Страдательный залог (Страдательный глагол, vox passiva, aut verbum passivum). Форма глагола, выражающая сказуемое как принимающее действие [Якоб, 1811, с. 73–74].

Возвратный залог (Возвратный глагол, vox reciproca, media, verbum reciprocum, medium). Форма действительного глагола, указы-

вающая на то, что подлежащее есть одновременно и субъект и объект действия [Якоб, 1811, с. 73–74].

Отложительный залог (Отложительный глагол, *verba deponenta*). Глагол, имеющий форму страдательного, а значение действительного залога [Якоб, 1811, с. 73–74].

Средне-страдательный залог (Средне-страдательный глагол, *neutrapafsiva verba*). Глагол, имеющий форму действительного, а значение страдательного залога [Якоб, 1811, с. 73–74].

ГРЕЧ определяет залог как форму существования глагола [Греч, 1830, с. 254].

Страдательный залог (Страдательный глагол). Усеченная форма причастия, соединенная с существительным глаголом быть [Греч, 1830, с. 249–250].

Действительный залог (Действительный глагол, Переходящий глагол). Форма глагола, показывающая, что действие направлено на объект, переходит от субъекта к объекту [Греч, 1830, с. 250].

Средний залог (Средний глагол, Непереходящий глагол). Форма глагола, показывающая, что действие субъекта не распространяется на объект. См. **Действительный залог (Действительный глагол, Переходящий глагол)** [Греч, 1830, с. 250].

Возвратный залог (Возвратный глагол). Форма залога, образованная от переходящего глагола с помощью –ся, -сь, показывающая обращенность действия к субъекту, производящему это действие [Греч, 1830, с. 251].

Взаимный залог (Взаимный глагол). Форма возвратного залога, обозначающая действие двух субъектов, каждый из которых одновременно является и объектом этого же действия [Греч, 1830, с. 251].

Самостоятельный залог (Самостоятельный глагол, Существительный глагол). Глагол, выражающий значение существования предмета [Греч, 1830, с. 252].

Самостоятельный неопределенный залог (Самостоятельный неопределенный глагол). Глагол *быть*, выражающий значение существования предмета, пребывания в нем качества [Греч, 1830, с. 252].

Самостоятельный начинательный залог (Самостоятельный начинательный глагол) Глагол *стать*, указывающий на то, что предмет приобретает какое-либо качество. См. **Самостоятельный неопределенный залог (Самостоятельный неопределенный глагол)** [Греч, 1830, с. 252].

ВОСТОКОВ также говорит о **залоге** как о форме существования глагола, обозначающей разные отношения между субъектом и объектом действия. *Глагол есть разряд слов, выражающий действие или состояніе. Глаголы бывают: 1) действительные, 2) страдательные, 3) возвратные, 4) общие, 5) взаимные, 6) средние. Сие шесть отдѣлений называются залогом* [Востоков, 1871, с. 22]. *Сии шесть разделов называются залогом. Из них главные суть два: действительный и средний. Прочие происходят от действительного* [Востоков, 1839. Цит. по: Щеулин, Медведева, 1965, с. 69].

БЕЛИНСКИЙ определяет **залог** как свойство действия. *Залог показывает свойство действия, которое обнаруживается как явление и как производимость или действие* [Белинский, 1837. Цит. по Щеулин, Медведева, 1965, с. 87]. Белинский выделяет два основных залога — **средний** и **действительный**. **Страдательный, возвратный и взаимный** рассматривает как разновидности действительного залога...

КЛАССОВСКИЙ пишет о **залоге** как об отношении глагола (сказуемого) к сопровождающему его существительному (дополнению)... [Классовский, 1855, с. 50–51]. Лингвист выделил два основных залога — **действительный** и **средний**. **Залог возвратный, взаимный и страдательный** являются разновидностями действительного залога.

Действительный залог. Форма залога, обозначающее прямое действие субъекта на объект. [Классовский, 1855, с. 50 — 51].

Возвратный залог. Форма действительного залога, обозначающая действие, направленное на самого совершителя действия (субъект). [Классовский, 1855, с. 50–51].

Взаимный залог. Форма действительного залога, называющая действие, направленное на объект, вызывая тем самым взаимное действие со стороны последнего. См. **Возвратный залог** [Классовский, 1855, с. 50–51].

Страдательный залог. Форма действительного залога, обозначающая состояние объекта, принявшего на себя действие субъекта. См. **Возвратный залог** [Классовский, 1855, с. 50–51].

Средний залог. Форма залога, при которой глагол не оказывает влияния на форму существительного [Классовский, 1855, с. 50–51].

БУСЛАЕВ разделил все глаголы на **переходящие** и **непереходящие**. *Переходящие глаголы требуют после себя дополнения: книгу — дополнение к читаю; к труду — дополнение к привыкаю. Непереходящие глаголы дополнения после себя не имеют* [Буслаев, 1959, с. 343].

Лексико-синтаксическое учение о переходности и непереходности глагола Буслаев слил с учением о залоге. *Залог означает деятельность предмета, или переходящую на другой предмет; напр., «читаю книгу», «привыкаю к труду», или не переходящую; напр., «стою».* Глаголы первого раздела именуются переходящими, последнего — непереходящими [Буслаев, 1959, с. 343]. Как переходящие, так и непереходящие глаголы, по залогам, делятся на действительные, страдательные, средние и возвратные [Буслаев, 1959, с. 344].

Действительные залог (Действительный глагол). *Действительный глагол означает действие предмета, переходящее на другой предмет, которого название ставится в винительном падеже; напр., «ученик читает книгу»...* [Буслаев, 1959, с. 344].

Винословный залог (Винословный глагол). *Особый разряд глаголов действительных составляют винословные, т.е. такие производные глаголы, которые приписывают подлежащему причину, заставляющую кого-нибудь производить действие, выраженное первообразным глаголом, от которого винословный происходит* [Буслаев, 1959, с. 344].

Страдательный залог (Страдательный глагол). *Страдательный глагол означает состояние предмета, произведенное действием другого; напр., «любим отцом и матерью»* [Буслаев, 1959, с. 344].

Определенный залог (Определенный глагол). *Форма глагола, сопровождаемая указанием на действующее лицо. Страдательный глагол может быть или определенный, т.е. при лице действующем, напр., «любим всеми», или неопределенный, т.е. без означения лица действующего, напр., «дом строится»* [Буслаев, 1959, с. 353].

Неопределенный залог (Неопределенный глагол). *Форма глагола, не сопровождаемая указанием на действующее лицо. См. **Определенный залог (Определенный глагол)*** [Буслаев, 1959, с. 353].

Средний залог (Средний глагол). *Средний глагол означает состояние и действие предмета, не переходящее на другой предмет; напр., «стать», «ходить».* К средним глаголам принадлежит существительный или вспомогательный *быть*, как один, так и в соединении с именем прилагательным, для означения сказуемого, равно как и вспомогательный *стать*; напр., «*есть время*», «*есть деньги*», «он долго был болен, а теперь стал здоров» [Буслаев, 1959, с. 344].

Возвратный залог (Возвратный глагол). *Возвратный глагол означает действие предмета, обращенное на самого действующего, и состоит из глагола действительного с местоимением возвратным *ся*, поставленном в винительном падеже...напр., *умываться, одеваться...**

[Буслаев, 1959, с. 344]. По первоначальному своему составу, всякий глагол, оканчивающийся на –ся, есть глагол возвратный, т.е. такой, который обращает действие на самого действующего, означаемого этим местоимением в винительном падеже. Только по употреблению в предложении, форма возвратного глагола получает различное значение: или собственно возвратного залога, или взаимного, или среднего, или страдательного [Буслаев, 1959, с. 347].

Взаимный залог (Взаимный глагол). К возвратным глаголам принадлежат: а) взаимный, означающий взаимное действие двух или нескольких предметов; напр., ссориться с кем, мириться с кем [Буслаев, 1959, с. 344].

Общий залог (Общий глагол). К возвратным глаголам принадлежат: а) взаимный... б) Общий, без местоимения ся не употребляющийся; напр., лениться, бояться, надеяться [Буслаев, 1959, с. 344].

ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ определяет **залог** как форму глагола, которая выражает отношение между сказуемым (глаголом) и подлежащим. Залогам называются такие формы глагола, в которых показано, как лицо глагола (оно же и лицо подлежащего) относится к действию (состоянию), выражаемому глаголом, — является ли подлежащее лицо действующим или же недействующим, а только испытывающим действию другого предмета [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 75–76].

Страдательный залог. Форма залога, показывающая, что предмет, выступающий в предложении в роли подлежащего, не совершает действие, а испытывает на себе чье-либо действие [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 76].

Действительный залог. Форма залога, обозначающая действие, производимое субъектом, в предложении являющимся подлежащим [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 76].

Переходный залог. Форма залога, обозначающая действие, переходящее от субъекта к объекту, выступающему в предложении дополнением [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 76–77].

Непереходный залог. Форма глагола, которая не имеет при себе дополнение [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 76–77].

Возвратный залог (Возвратный глагол). Форма залога, обозначающая действие, направленное на сам действующий предмет [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 77].

Взаимный залог (Возвратный глагол). Форма залога, обозначающая действие, совершаемое двумя и более субъектами и обращенное на них же самих [Овсянко-Куликовский, 1908, с. 77–78].

ШАХМАТОВ говорит о **категории залога (категория объекта)**, выражающей отношение между субъектом и объектом. Категория залога выражается в личных глаголах, инфинитиве и причастиях. *Категория объекта, т.е. отношение признака к объекту, обнаруживается морфологически в залоге* [Шахматов, 1941, с. 476].

Действительный залог. Форма залога, обозначающая проявление признака безотносительно к его субъекту. К действительному залогу относятся переходные глаголы с прямым дополнением в винительном падеже и косвенным дополнением в родительном, дательном и творительном падежах, а также непереходные глаголы [Шахматов, 1941, с. 477].

Возвратный залог. Форма залога, показывающая обращенность действия к его производителю [Шахматов, 1941, с. 477].

Собственно-возвратный залог. Форма залога, обозначающая действие, которое направлено на субъект-производитель, переходит на его внешность [Шахматов, 1941, с. 477].

Обще-возвратный залог. Форма залога, обозначающая состояние субъекта, при котором он, оставаясь производителем действия, выступает объектом [Шахматов, 1941, с. 477–478].

Косвенно-возвратный залог. Форма залога, обозначающая состояние субъекта, при котором он, оставаясь производителем действия, выступает косвенным объектом [Шахматов, 1941, с. 478].

Косвенно-результативно-возвратный залог. Форма залога, которая обозначает действие субъекта, проявляющееся «во всей своей полноте» (на что указывает приставка *раз-*). Данная форма образуется от переходных и непереходных глаголов с помощью префикса и окончания *-ся* [Шахматов, 1941, с. 478].

Взаимно-возвратный залог. Форма залога, которая обозначает действие нескольких лиц, каждый из которых одновременно является субъектом и объектом этого действия [Шахматов, 1941, с. 478].

Пассивно-возвратный залог. Форма залога, при которой действие протекает независимо от его производителя (субъекта) [Шахматов, 1941, с. 478–479].

Кратно-пассивно-возвратный залог. Форма залога, обозначающая действие как выполняемое многократно, при этом основной характеристикой действия является его интенсивность [Шахматов, 1941, с. 479].

Страдательно-возвратный залог. Форма залога, которая формируется из собственно-возвратного залога при подлежащем, выражен-

ном неодушевленным существительном, а также из обще-возвратного залога, если производитель действия в предложении стоит в форме творительного падежа [Шахматов, 1941, с. 479].

ПЕШКОВСКИЙ пишет о залоге так: *Категория глагольного залога занимает в некоторых отношениях совершенно исключительное положение в русской грамматической системе. Прежде всего это даже не категория в собственном смысле слова. Ведь под категорией мы условились понимать ряд форм слов и форм словосочетаний, объединенных по значению. Русский же единственный глагольный залог, **возвратный** (невозвратный залог является только нулевой категорией), представлен всегда одной формой, именно формой на -ся, -сь (моется, дерусь и т. д.). ...Аффикс же -ся, -сь имеет только возвратно-залоговое значение, и потому здесь „форма» слова и „категория» совпадают. Аффикс этот столь исключителен, что для него даже и термина не подберешь: это и не „приставка», и не „суффикс» (потому что суффикс приставляется к основе: уме-л-ый, чита-тель, а этот аффикс — к целому, готовому слову: моет-ся) и не „флексия», конечно (потому что не обозначает ни падежа, ни лица). Скорее всего его можно было бы назвать „надставкой»* [Пешковский, 1956, с. 113]. Помимо возвратного залога, Пешковский выделил **залог взаимный**: *Целуются, обнимаются, ссорятся, мирятся, борются, дерутся, сражаются.... Это так называемые взаимные глаголы... действие направляется в таких глаголах с каждого из деятелей на каждого из тех же деятелей, так что каждый является одновременно и действующим предметом (субъектом) и предметом, подвергающимся действию (объектом)* [Пешковский, 1956, с. 115].

Литература

Щерба Л.В. Опыт общей теории лексикографии // Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974. С. 265–304.

Сорокин Ю.С. Что такое исторический словарь? // Проблемы славянской исторической лексикологии и лексикографии. Тезисы. Вып. 3. М., 1975.

Бабеева Е.Э., Журавлев А.Ф., Макеева И.И. О проекте «Исторического словаря современного русского языка» // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 34–56.

Гринев С. В. Введение в терминологическую лексикографию: учебное пособие. М., 1986.

Никитина С.Е. Семантический анализ языка науки. М., 1987.

Источники

- Барсов А.А.* Российская грамматика. М., 1981.
- Востоков А.Х.* Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же сокращенной Грамматики полнее изложенная. СПб., 1839.
- Греч Н.И.* Пространная русская грамматика. М., 1830.
- Курганов Н.Г.* Письмовник, содержащий в себе науку русского языка со многим присвокуплением разного ученого и полезнозабавного вещесловия. СПб., 1790.
- Ломоносов М.В.* Полное собрание сочинений: в 10 т. М.; Л., 1950–1959. Т. 7.
- Никольский А.* Основания российской словесности // В.В. Щедулин, В.И. Медведева. Хрестоматия по истории грамматических учений в России. М., 1965.
- Половцов В.* Русская грамматика для русских, печатанная по высочайшему соизволению. СПб., 1842.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. М., 1993.
- Светов В.П.* Опыт нового российского правописания. 1773.
- Фортунатов Ф.Ф.* Избранные труды: в 2 т. Т. 1. М., 1956.

On the micro- and macrostructure of the “Historical dictionary of russian linguistic terminology”

Elena Sherstyannikova

lena_kolesnikova@list.ru

Reshetnev Siberian State University of Science and Technology,
Krasnoyarsk, Russia

Theories and practices of historical lexicography have recently received special attention. The need to create a historical dictionary of the Russian language is long overdue. To date, for most European languages, historical dictionaries are being compiled or already compiled. The experience of developing the theoretical problem of the history of the special layer of vocabulary — terminology, proposed in this article, is based on the practice of a particular special vocabulary — “The Historical Dictionary of Russian Linguistic Terminology”. We hope that such a dictionary will play its orienting role and will be relevant for the developing lexicographic practice.

Keywords: historical lexicography, linguistic terminology, microstructure and macrostructure of the historical terminological dictionary

Раздел 5

ДИАЛЕКТНАЯ ТОЛКОВАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Лексикографическое представление русских говоров Беломорья в конце XIX — начале XXI вв.¹

Любовь Петровна Михайлова

posnm87@bk.ru

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия

В лексикографию Русского Севера внесли вклад такие исследователи, как А. Подвысоцкий, О.Г. Гецова, И.М. Дуров, И.С. Меркурьев, К.П. Гемп, А.С. Герд, С.А. Мызников и др. В статье проводится сопоставление словарей, в которых представлена лексика русских говоров Беломорья. Основное внимание уделяется составу, тематике, степени полноты или ограниченности связей лексики с разными сторонами жизнедеятельности человека. Описываются формальные особенности некоторых словарей, способ расположения слов, что иногда приводит к «потере» слова, трудностям поиска. Позиции авторов несколько различаются в практическом описании слова. Словари по-разному охватывают территорию говоров Беломорья, с чем связаны расхождения в объеме материала. Однако все словари содержат огромный слой общей лексики, характерный для Беломорья и отличающий его от других говоров.

Ключевые слова: русская диалектная лексикография, говоры Беломорья

Лексике говоров Русского Севера, в частности Беломорья, как историческому, лингвистическому и этнокультурному источнику, посвящены работы многих лексикологов [Елизаровский 1958, Ларин 1959, Герд 1987, Комягина 1994, Теуш 2018 и др.]. Сосредоточим внимание на лексикографическом представлении говоров Беломорья с конца XIX в. Беломорская лексика занимает определенное место в словаре

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-012-00810.

А.О. Подвысоцкого, в коллективных лексикографических трудах, дающих возможность рассматривать ее на региональном фоне Русского Севера — Архангельской области [АОС] и Карелии с примыкающими к ней районами сопредельных областей [СРГК], а также на общерусском фоне [СРНГ]. Именно лексике русских говоров Беломорья в целом посвящены словари К.П. Гемп, С.А. Мызникова, И.И. Мосеева, лексике отдельных говоров внутри Беломорского региона — словари И.М. Дурова, И.С. Меркурьева, Н.Д. Кушкова². Материал данных работ описывается в настоящей статье, так как в них относительно полно отражается своеобразие лексики Беломорья, обусловленное географическим положением, природными особенностями, историческими и этнокультурными процессами.

Материалы словарей позволяют выявить динамику лексического состава, определить архаический слой лексики, отражающий культуру поморов, обнаружить устойчивость слоя лексики, связанной с хозяйственно-экономическим укладом жителей поморских сел, с природой Беломорья.

При сопоставлении словарей существенными являются следующие аспекты: 1. состав, тематика, степень полноты или ограниченность связи с разными сторонами жизнедеятельности человека; 2. характер иллюстраций, которые могут или свидетельствовать об употреблении слова в говоре, или раскрывать точную семантику слова; 3. тип толкования значения; 4. наличие вариантов разного происхождения, возникших в результате внутренних языковых процессов или под иноязычным влиянием; 5. связь с материальной и духовной культурой жителей Беломорья; 6. исторические пласты лексики, наличие особых слов, относящихся к далекому прошлому описываемой территории, и лексических единиц нового времени; 7. отношение некоторых слов к этимологическим гнездам неясного происхождения; 8. наличие или отсутствие географических помет; 9. структурная организация представления лексикона. Характеристика словника по указанным признакам говорит о **глубине проникновения** в лексическую систему говора как на первичном, собирательском этапе, так и на этапе лексикографической работы.

---

² Ограничиваемся в данной работе указанными источниками, не используя словари, посвященные отдельным тематическим группам лексики, например, специфической промысловой лексике рыбаков и зверобоев [Дуров 1929, Жилинский].

Некоторые словари посвящены ограниченной территории, а именно: Мурманскому полуострову [ЖРКП], Терскому берегу [Кушков], Карельскому Поморью [Дуров], восточному побережью Белого моря [АОС]. Более широкую, но не совсем полную территорию охватывают словари А. Подвысоцкого и СРГК. Полный охват говоров Беломорья представлен в работе С.А. Мызникова [РГБ], использующего некоторые материалы И.С. Меркурьева, Н.Д. Кушкова, ряда местных изданий. Во всех этих словарях указывается точная география слова. Отсутствуют географические пометы в словарях, представляющих Беломорье вообще, то есть, по всей вероятности, разные населенные пункты, связанные с Белым морем [Гемп, ПГ³].

О разнице в составе лексики, естественно, свидетельствует и количество лексем, включая варианты, и тематическое наполнение. В этом отношении показательны, например, данные ПГ и РГБ, представляющие соответственно 31 и 27 слов на букву А. Совпадающих лексем в отрезке на букву А в этих словарях насчитывается всего три: *алокá*, *áнишуг*, *áрешиник / áрежник*. Междометия *áньдель* 'возглас, выражающий удивление' [РГБ: 15] и *áнде*, соответствующее возгласу ой, ай и т.п. [ПГ: 77], вероятно, также можно считать родственными, соотносящимися как полное и усеченное. В ПГ представлена преимущественно апеллятивная лексика, отражающая особенности природы и традиционного быта жителей Поморья. В РГБ подобная лексика отражена в меньшей степени, включаются общеизвестные слова, имеющие в семантической структуре региональный компонент, например, *амбáр*, *аку́лий*, *англи́йский*, *артель*, более трети словника — это имена собственные типа *Алёшиха*, *Аэроплáн* (прозвища), *Арха́нгельско*, *Анчипоровка* (топонимы). Если учитывать, что в СРГК представлены другие лексемы, известные, например, беломорским (*акопéлка*, *áлажма*, *áмишитаться* и *áймишитаться*, *анке́рик*, *анкеро́к*) и кемским говорам (*алéжник*, *áли*, *áнкер*, *апо́стол*) [СРГК I: 18–20], то становится очевидной разница в материале словарей, дополняющих друг друга и в целом

---

³ Считаем возможным использовать материалы данного словаря, несмотря на особую, не совпадающую с научной, позицию автора относительно существования так называемого «поморского языка» и его «правила», в соответствии с которыми строится словарная статья. В связи с этим возникает необходимость «перевода» некоторых слов ПГ, отражающих нелексикализованные фонетические явления (например, цоканье, изменение безударных гласных: вместо *чин* 'порядок' следует восстанавливать начальную форму *чин*, вместо *цириди́ть* — *череди́ть* и т.п.).

отражающих разные сферы реальной жизни поморов в последние десятилетия, примерно с 70-х гг. XX в. Более всего словарных статей в отрезке А представлено у А. Подвысоцкого, описавшего лексику всей Архангельской губернии, — более 50-ти, не учитывая вариантов, меньше в других словарях — 12 [Дуров], 8 [ЖРКП], 7 [Кушков], 7 [Гемп]. Интерес представляет и сравнение лексики с начальным сочетанием *ке-*, в основном имеющей иноязычное происхождение [Михайлова 2018: 110–111].

Из особенностей формального характера следует отметить неодинаковую подачу предложно-именных сочетаний типа *в утык*, *в русь* и др. Наблюдается перемещение слов из одной статьи в другую, отсутствие толкования, о котором пользователь должен догадываться, иногда обнаруживается «потеря» слова. Последнее ярко демонстрируется словом *русь*, представленном в словаре А. Подвысоцкого в статьях: 1. **Русь** — см. **Вѣтеръ** 4, **Въ верхъ**, **Лѣто** 2 (с. 150). 2. В статье **Вѣтеръ** среди словосочетаний со словом *вътеръ* приводятся: **Лѣтний вѣтеръ**, **Русский вѣтеръ**, **Вѣтеръ с Руси** с отсылкой см. **Лѣтникъ** (с. 28). 3. В статье **Лѣтникъ** в семантическом блоке ‘южный ветер’ отмечается: «У Мурманскихъ промышленниковъ вътеръ этотъ называется также: Русской вътеръ. Вътеръ с Руси» (с. 85). 4. Статья **В русь** — см. **Въ верхъ** (с. 24). Статья «**Въ верхъ**, **Въ Русь**. Когда поморы возвращаются океаном из Норвегии или с о. Новой Земли, то говорят, что *идутъ въ верхъ*, *въ Русь*» сопровождается блоком «**Ср. Въ низъ**» (с. 24). В последней статье приводятся синонимы **Въ Немецкую сторону**, **Въ Шведскую сторону** (с. 24). Совершенно очевидно, что сочетание *в русь* обозначает южное направление, остается вопрос, что же такое *Русь* или *русь*. Иллюстрации не дают точного ответа на этот вопрос: речь идет и о Белом море, и о южных берегах его, о части суши, на которой живут русские. Ср. сведения, приводимые в словаре К.П. Гемп: «**Русский (русской) ветер** — ветер южного направления (юго-восток, юго-запад). *Русской-то ветер тёплой, не жаркой, благой для нас. На русском ветру кверху идем из Белого в Баренцево либо от Летнего на Койду, либо на Варзугу*» [Гемп: 356]. В части словаря под названием «Море наше Белое» в статье **Сторона**, в которой указывается 15 видов сторон, то есть направлений по компасу, К.П. Гемп дает сочетание «**В Русь идучи**» — направление в сторону Белого моря: «*Самая приятная дорожка — в Русь идти. В Русь идучи нам шторм не шторм*» [Гемп: 303]. Для поморов актуальным является признак ‘направление в сторону Руси’. В ЖРКП выделяется слово **Русь** в двух значениях: ‘местность на

Кольском полуострове, где проживает русское население' Поной, 'области за пределами Кольского полуострова, то есть более южная местность' Захребетник [ЖРКП: 138]. В СРГК приводится четыре омонима, среди которых *Русь* 'открытое место, луг' Лод. Ленингр., *На русь* 'каждому встречному, кому попало' Выт. Волог. [СРГК V: 585]. Отсутствие слова *русь* / *Русь* в словарях И.М. Дурова, Н.Д. Кушкова, И.И. Мосеева, С.А. Мызникова, вероятно, обусловлено переходом в пассивный запас некогда значимых для поморов слов, связанных с рыбным промыслом, что свидетельствует о динамике лексической системы беломорских говоров в течение конца XIX — начала XXI вв. В добавление отметим, что данный факт может говорить о направленности интереса собирателя, внимании к той или иной теме. Словари последнего времени, естественно, не могут в полной мере отражать каждую тему, что объясняется возрастом, характером, жизненным опытом современных носителей говора, с одной стороны, опытом собирателя — с другой.

Лексика в анализируемых работах подается по алфавитному принципу, наиболее удобному для пользователя. Исключение составляет «Словарь поморских речений» К.П. Гемп, в котором материал распределен по тридцати темам, включая «Разное». Последняя свидетельствует о невозможности поместить весь словарный материал по выделенным темам. Оригинальность работы К.П. Гемп состоит в том, что часть ее — «Сказ о Беломорье» — посвящена описанию различных сторон быта, истории и культуры поморов, воспоминаниям автора, а другая часть представляет тематический словарь. В первой из них, естественно, упоминается много разного рода наименований, отраженных во второй — в словаре. Ср., например, отрывок из «Сказа»: *«Весь зверобойный период промышленники оставались на льду, жили в карбасах или под ними, укрывались буйном. Холод, сырость»* [Гемп: 85]. Слова *буйно* и *карбас*, употребленные здесь, не отражены в словаре (хотя не исключаем, что не удалось их обнаружить). Материалы «Сказа» в некоторой степени дополняют «Словарь поморских речений». Иногда материал распределяется между этими частями работы К.П. Гемп почти поровну. Ср. в тематической группе «Справа» словаря представлено 50 словарных статей [Гемп: 449–455], а в блоке «Поморская справа» даны около 30 названий мужской одежды и обуви, среди которых, например, *бузурунка* — «рубаха, плотно вязанная из плотной шерсти, удлиненная, закрывающая поясицу, ворот “под горлышко”, рукав длинный, “на запястьице”, то есть на манжете»; здесь

же обнаруживается и слово *буйно́* — «брезент из шкур или кожи тюленья или проолифленного толстого грубого холста» [Гемп: 88–91]. В этом же разделе представлено 20 названий женской одежды и особое место занимает «Справа для сна» [Гемп: 91–94]. В первой и второй частях работы К.П. Гемп — повествовательной и словарной — материал описывается по-разному, имеются материалы, не раскрытые в словаре. В связи с этим, на наш взгляд, перед диалектологом стоит задача составления полного словника, использованного в работе К.П. Гемп, с указанием страниц. В этом случае могут быть выявлены лексемы, известные только по данному источнику. Ср. названия трески в тексте: «укладывали связками особо обработанную треску — *пластун, рунтовку и лабордан*» [Гемп: 83], первое из которых не отмечено в сопоставляемых словарях, отсутствует оно в указанном значении и в СРНГ.

Семантика слова в сопоставляемых словарях, как правило, представлена в виде развернутого толкования, хотя есть и отступления (см. выше о слове Русь). В словаре А. Подвысоцкого немало статей, содержащих этнографические сведения. Например, в статье **Выводно, Выводь** — ‘соблюдаемый у кареловъ Кем. у. обряд при отъезде къ венцу’ дается довольно пространное описание действий жениха, невесты, их родственников и других участников свадьбы, при этом используются такие слова и выражения, как *плачя, подвашка, делать заплачку, прощаться с улицей* [Подвысоцкий: 24–25]. Особенно примечательны в этом описании магические действия *подвашки* с использованием топора или огня для оберега свадебного поезда, а при входе в церковь «подвашка наблюдает, чтобы невеста приподняла подол сарафана и не задела им за порог, — иначе *испортят недобрые люди и от чирьев не убережешься*» [Там же]. Словарная статья о подвашке кратка: **Подва́шка** — см. **Вѣжливый, Выводно** [Подвысоцкий: 125]. Ср. данные СРНГ: **Подва́шка**, ж. ‘участница свадебного обряда, оберегающая молодых, особенно невесту, от злых сил, порчи’ Арх., 1885 [СРНГ 27: 350]. Слово *подва́шка* представляет собой адаптированный русский вариант карельского слова *pat’vaška, pad’vaška* ‘патьяшка, свадебный чин; сват-колдун’, широко известное северным говорам карельского языка [Федотова: 200]. С учетом этих данных, видимо, требуются поправки в отношении толкования и грамматической характеристики слова *подва́шка* в СРНГ, тем более что у А. Подвысоцкого нет указания на пол лица, выступающего в роли подвашки.

Яркий фольклорный материал представлен в словаре И.М. Дурова. Например, в одном из значений слова *ѣльник* приводится легенда

о священной роще около села Вирма Беломорского района Карелии и связанным с ней учреждением праздника Поклонения честным веригам Петра и Павла [Дуров: 111].

Существенная разница в словарях, описывающих лексику Беломорья, наблюдается в подаче вариантов слов. В одной словарной статье объединяются слова с разным морфологическим составом, например: **Покрученник, покрутчик** или **Полукорщик, подкормщик** [Гемп: 394], ср. приведенную выше статью **Выводно, В вод** у А. Подвысоцкого. Фонетические варианты представлены в единой словарной статье: **Мусник, мусьник, мучник** [Кушков: 59], в разных словарных статьях: **Жистега** и **Шистега** [РГБ: 103, 480]. Относительно особого фонетического облика слова интересен материал в словаре С.А. Мызникова, например: *алокá* 14, *бáло* 17, *барма́к* 18, *ба́чка* 19, *борони́ка* 28 и *ворони́ка* 52, *бру́нка* 32, *бу́сель* 33, *забу́сеть* 105 и *гу́сель* 82, *ваку́ша* 35, *дверста́* 84, *Ерма́ния* 98, *жи́стега* 103 и *ши́стега* 480, *зя́бры* 128, *ка́бры* 133 и *ко́бры* 155, *ко́вра* 156, *кирь* 150 и *киль* 149, *киски́* 150, *кычи́га* 190 и *кичи́га* 151, *те́чкара* 433 и *ке́чкара* 148, *шля́коть* 482 и *сля́коть* 403 [РГБ: с. даны при словах]. Данные лексемы важны при решении вопроса о причинах модификации слова в зоне Беломорья.

Особого внимания требует вопрос о представлении образной лексики в словарях. Ограничимся сведениями из работы К.П. Гемп, в которой приведены богатейшие материалы. Часть словаря «Море наше Белое» содержит блок «Состояние моря», в котором море представлено как живой организм, ср. глагольные формы и сочетания: (море) *бьетса, в беспокойство пришло, взыгрывать начинает, на дыбки встало, живет во всю силу, заживает, играет, лютует, разгулялось, разъярилось, расходилось, серчает, стонет, схохлилось* и т.п. [Гемп: 297–301].

Итак, в трудах по лексикографии Беломорья имеются формальные и содержательные различия, проявляющиеся в составе словника в отношении к региональной и общерусской лексической системе, лексико-тематических группах, типах толкования значений, лексико-фонетических вариантах, наличии архаических и новых элементов, что непосредственно связано с глубиной проникновения в систему говора, с методикой сбора лексики, с длительностью сбора и обработки материала, с принципами составления словаря. Однако несмотря на некоторые, иногда весьма существенные расхождения, все словари содержат огромный слой общей лексики, характерный для Беломорья и отличающий его от других говоров.

Литература

- Герд А.С. К истории образования говоров Беломорья // Диалектное и проторечное слово в синхронии и диахронии. Вологда, 1987. С. 94–103.
- Елизаровский И.А. Лексика беломорских актов XVI–XVII вв. Архангельск, 1958.
- Комягина Л.П. **Лексический атлас Архангельской области**. Архангельск, 1994.
- Ларин Б.А. Русско-английский словарь-дневник Ричарда Джемса (1618–1619 гг.). Л., 1959.
- Михайлова Л.П. Беломорье как объект исторического, этнокультурного и ареального исследования сквозь призму языка // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6 (175). Сентябрь. С. 109–112.
- Теуш О.А. Региональная лексикография Европейского севера России: итоги и перспективы // Ярославский текст в пространстве диалога культур: материалы Третьей Всероссийской научной конференции (Ярославль, 10–11 апреля 2018 г.) / сост. и отв. ред. О.Н. Скибинская, Т.К. Ховрина. Ярославль, 2018. С. 244–249.

Сокращения

- АОС — Архангельский областной словарь / под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–17. М., 1980–2016.
- Гемп — Гемп К.П. Словарь поморских речений // Гемп К.П. Сказ о Беломорье. Словарь поморских речений / К.П. Гемп. Вступ. ст. Д.С. Лихачева, Ф.А. Абрамова; Науч. ред. В.Н. Булатов; Подгот. С.Я. Косухина, Л.С. Скепнер. 2-е изд., доп. М.; Архангельск, 2004. С. 275–568.
- Дуров — Дуров И.М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении. Петрозаводск, 2011. 455 с.
- Дуров 1929 — Дуров И.М. Опыт терминологического словаря рыболовного промысла Поморья. О. Соловки, 1929.
- Жилинский — Жилинский А.А. Промысловый словарь рыбаков и зверобоев Белого моря. Петрозаводск, 1957.
- ЖРКП — Меркурьев И.С. Живая речь кольских поморов / под ред. Б.Л. Богородского. Мурманск, 1979.
- Кушков — Кушков Н.Д. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга Мурманской области, 2011.
- ПГ — Мосеев И.И. Поморьска говоря. Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- Подвысоцкий — Подвысоцкий А. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- РГБ — Мызников С.А. Русские говоры Беломорья. Материалы для словаря. СПб., 2010.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А.С. Герд. Вып. 1–6. СПб., 1994–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / гл ред. Ф.П. Филин, Ф.П. Соколетов, С.А. Мызников. Вып. 1–50. М.; Л.; СПб., 1965–2018.

Федотова — Словарь собственно-карельских говоров Карелии — Karjalan Varšinaismurtehien šanakirja / В.П. Федотова, Т.П. Бойко. Петрозаводск, 2009.

Lexicographic representation of the russian dialects of the White sea at the end of the XIX — beginning of the XXI centuries

Liubov Mikhaylova

posnm87@bk.ru

Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia

In the lexicography of the Russian North, researchers such as: A Podvysotsky, O.G. Getsova, I.M. Durov, I.S. Merkurjev, K.P. Gemp, A.S. Gerd, S.A. Myznikov and others. The article compares dictionaries in which the lexicon of the Russian dialects of the White Sea region is presented. The focus is on the composition, subject, degree of completeness or limitations of the vocabulary connections in different aspects of human life. The formal features of some dictionaries, the way words are arranged, which sometimes leads to the “loss” of a word, the difficulties of searching, are described. The positions of the authors are somewhat different in the practical description of the word. Dictionaries in different ways cover the territory of the White Sea dialects, with which discrepancies in the volume of material are associated. However, all dictionaries contain a huge layer of general vocabulary, characteristic of the White Sea and distinguishing it from other dialects.

Keywords: Russian dialect lexicography, the White Sea dialects

Идеографический словарь диалектной языковой личности как модель индивидуального лексикона¹

Светлана Сергеевна Земичева

optysmith@gmail.com

Томский государственный университет,
Томск, Россия

Электронный идеографический словарь, созданный на материале речи индивида — носителя русского говора Сибири — рассматривается в статье как средство представления индивидуальной картины мира. В статье даны количественные характеристики основных разделов словаря — «Человек», «Природа», «Человек и природа», позволяющие судить о соотношении этих сфер. Главным результатом исследования являются новые количественные данные о соотношении различных семантических полей и макрополей в речи носителя традиционной культуры. Диалектная специфика выявляется также на уровне конкретного микрополя. В качестве примера рассмотрено микрополе «Любовь», представлен соответствующий фрагмент словаря.

Ключевые слова: идеографический словарь, диалектная языковая личность, сибирские говоры, электронная лексикография

1. Описание словаря

Создаваемый словарь является частью проекта по комплексному изучению идиолекта Веры Прокофьевны Вершининой (1909–2004), носителя сибирского старожильческого говора. В рамках проекта издан базовый толковый словарь [ПСДЯЛ] и ряд дополняющих его аспектных словарей: ономастикон [Иванцова, Берестова 2015], словарь сравнений [Иванцова 2005], словарь прецедентных текстов [Иванцова 2016]. Эмпирической базой этих лексикографических изданий, как и нового идеографического словаря, служат расшифровки записей речи В.П. Вершининой, сделанные Е.В. Иванцовой и Л.Г. Гынгазовой в условиях повседневного общения в период с 1981 по 2004 г. Объем записанных текстов — около 10 000 страниц.

Состав словника формировался в соответствии с общей установкой Томской диалектологической школы на комплексное изучение речи

---

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №16-18-02043).

индивида, поэтому наряду с диалектными единицами в словарь включены общерусские; наряду с нейтральными — экспрессивные; наряду с частотными — зафиксированные в единичных употреблениях. Такой подход позволяет рассматривать создаваемый словарь как индивидуальный тезаурус. В то же время идеографический словарь менее полон по сравнению с ПСДЯЛ: отводились от лексикографирования слова служебных частей речи (предлоги, союзы, частицы), местоимения, междометия, вводные слова. Объем словаря — более 23 тыс. единиц (за единицу подсчетов принят лексико-семантический вариант, т.е. отдельное значение слова).

Словарная статья представляет собой группу единиц разных частей речи, объединенных общим семантическим компонентом. Такое понимание словарной статьи соответствует, на наш взгляд, понятию семантического поля как «иерархической структуры множества лексических единиц, объединенных общим (инвариантным) значением и отражающих в языке определенную понятийную сферу» [Новиков 1997: 458]. При этом организация семантических полей рассматривается как средство наглядного представления картины мира: «С точки зрения идеографического (ономасиологического) описания языка, т.е. в направлении от заданного смысла (содержания) к средствам его выражения, лексику можно представить в виде системы взаимодействующих С.<семантических> п.<олей>, которые образуют сложную и специфическую для каждого языка «картину мира» (Weltbild), определяемую его внутренней формой» [там же]. Предполагаем, что картина мира не только специфична для каждого языка, но и вариативна для разных форм одного языка, в частности, отличается картина мира диалекта как формы речи, свойственной крестьянам, носителям традиционной культуры, и литературного языка, носителями которого выступают, как правило, образованные городские жители. Индивидуальная картина мира рассматривается как вариант коллективной. Потенциал идеографического словаря для изучения картины мира объясняется тем, что наиболее важные концептуальные области отмечены в нем большим количеством единиц и более дифференцированы; наименее важные включают минимальное число единиц.

Макроструктура идеографического словаря представлена синописом — общей иерархической классификационной схемой, созданной с опорой на схему Г.А. Ракова [Раков 1988] и восходящей к словарю Халлига-Вартбурга. Самыми большими группами (разделами) классификации являются «Человек», «Природа» и «Человек и природа».

Далее разделы членятся на подразделы, макрополя, поля и микрополя, имеющие ступенчатую нумерацию.

Составление словаря в целом завершено. Все единицы лексикона, отобранные для лексикографирования, распределены по словарным статьям. Идет работа над созданием электронной гипертекстовой версии. Электронный формат словаря позволит визуализировать иерархическую схему классификации лексикона, осуществлять поиск единиц, переходить от одной словарной статье к другой посредством гиперссылок.

2. Количественные результаты семантической систематизации идиолексикона

Исследование лексикона В.П. Вершининой в идеографическом аспекте было начато Е.В. Иванцовой. Отмечалось центральное положение макрополя «Человек» в идеографической классификации; асимметрия полей лексикона; преобладание биологических и социальных характеристик человека по сравнению с психическими как особенность диалектной картины мира. Было установлено, что при характеристике человека как биологического существа наиболее обширны макрополя «Болезнь» и «Потребности человека»; номинации психической сферы немногочисленны, но разнообразны и включают поля «Характер и поведение», «Эмоции», «Мышление», «Память»; среди социальных характеристик наиболее объемными являются макрополя «Труд», «Родня» и «Речь»; обширно также поле «Торговля», «отражающее и вид трудовой деятельности крестьянина, и способ приобретения чего-либо в собственность» [Иванцова 2002: 162–167]. Созданный словарь во многом подтверждает сделанные выводы.

Подтверждается вывод об антропоцентризме лексикона: раздел «Человек» насчитывает в словаре 14068 единиц, «Человек и природа» — 8573, «Природа» — 2742. Отметим также, что раздел «Природа» оказывается менее обширным, чем раздел априорных понятий. Это связано с тем, что природные реалии интересуют диалектоносителя, как правило, в связи с хозяйственной деятельностью, и соответствующие обозначения включены в раздел «Человек» (в частности, виды сельскохозяйственных работ вошли в поле «Труд»).

В составе раздела «Природа» выделены подразделы «Небо и небесные тела» (40 единиц), «Воздух. Атмосферные явления. Погода» (262), «Земля» (160), «Вода и водоемы» (147), «Огонь» (123), «Состояние

вещества» (239), «Растения» (844), «Животные» (843), «Разрушение природных веществ» (41). На основе анализа этих данных можно сделать следующие выводы: живая природа более важна, чем неживая (1687 и 978 единиц соответственно); при этом группы «Растения» и «Животные» оказались равными по объему; среди обозначений неживой природы одним из самых обширных является макрополе «Воздух. Атмосферные явления. Погода», что обусловлено прагматической значимостью соответствующих явлений для повседневной жизни и трудовой деятельности сельского жителя.

В составе раздела «Человек» по данным нового словаря количественные характеристики подразделов следующие: «Человек физический» — 4510 единиц; «Человек психический» — 2603, «Человек общественный» — 5265. Таким образом, подтверждается вывод о том, что человек интересует носителя традиционной культуры, прежде всего, в социальном и физическом аспектах, в меньшей степени — в психическом, эмоциональном плане.

Среди физических характеристик человека наиболее важны макрополя «Физическое состояние» (1430 единиц, 964 из которых входит в поле «Болезни и лечение»); «Потребности человеческого существа» (1404 единицы, в том числе «Еда» — 813, «Одежда и обувь» — 533), «Тело и его части. Внутренние органы» (806).

Анализ этого фрагмента словаря позволяет говорить об отражении общих закономерностей языковой картины мира. Так, при обозначении возраста номинируются крайние полюсы шкалы: «Детство» (66 единиц) «Старость» (67); словарная статья «Молодость» включает меньшее число единиц (27); обозначения зрелости единичны и не выделены в отдельное микрополе. Вместе с тем на наполнение полей влияют и экстралингвистические факторы: разветвленность полей «Болезни», «Старость» можно объяснить возрастными характеристиками информанта.

Диалектная специфика проявляется и в наполнении семантических полей. Например, в микрополе «Потребность в еде» отмечены диалектные глаголы *пробегаться*, *проработаться*, *проколоться*, *промолотиться* с общим значением 'проголодаться в результате какой-либо деятельности' — соответственно, бега, работы, колки дров, мольбы. Их наличие подтверждает тезис о том, что для диалектной картины мира характерно более расчлененное, по сравнению с литературным языком, представление некоторых наиболее важных понятий.

В раздел психических характеристик человека включены макрополя «Характер и поведение» (633 единицы), «Эмоции» (417), «Воля» (262), «Ум» (237). В макрополе «Эмоции» представлено 262 номинации отрицательных эмоций и 72 — положительных. Таким образом, отрицательные эмоции обозначаются чаще, что соответствует общеязыковым закономерностям.

В подразделе «Человек общественный» обращает на себя внимание детализированность макрополя «Человек в труде». Наиболее крупные поля — «Сельское хозяйство» (460 единиц, из них «Растениеводство» — 262, «Животноводство» — 170); «Ремесла и промыслы» (278, из них «Прядение и ткачество. Шитье. Вязание» — 201) и «Работа по дому» (369, из них «Готовить пищу» — 240). В то же время незначительны по объему поля «Рыбалка» (26), «Охота» (15), «Кедровый промысел» (4). Можно сделать вывод, что этот фрагмент словаря не только отражает типичные занятия представителя традиционной культуры, но и является гендерно окрашенным.

В подразделе «Человек общественный» также обширно поле «Торговля и финансы. Имущество» (858 единиц); наиболее крупные макрополя — «Деньги» (105 единиц), «Расход» (70), «Давать» (70), «Хранить» (52), «Цена» (47).

Макрополе «Дом. Усадьба. Домашнее хозяйство» насчитывает более 1000 единиц и выделено в качестве самостоятельного, хотя тесно связано по смыслу с предыдущим («Торговля и финансы. Имущество»). Диалектная специфика отражается в многочисленности номинаций групп «Двор» (144), «Печка» (60). Вместе с тем, словарь отражает и изменения традиционного быта, на что указывает обширность группы «Электричество. Бытовая техника» (125 единиц).

Среди других полей подраздела «Человек общественный» наиболее многочисленны «Связи и взаимоотношения людей в обществе» (828 единиц), «Язык и речь» (567), «Транспорт» (339). Рассмотрим подробнее первое из них. Самые обширные макрополя среди номинаций взаимоотношений людей — «Конфликт» (86 единиц), «Гости» (66), «Сотрудничество» (65), «Любовь» (61).

Особенно ярко проявляется диалектная специфика в номинации любовной сферы. Приведем соответствующую словарную статью.

2.3.3.6. Любовь. *барышня, бегать3//, битъ коньки=подбивать коньки, болтаться8, влюбляться, глянуться2//, дразнить3, друг12, дружок, дружить2, задружить, жалеть4, жить5, закрутить4, залюбить1, играть4, кабан_перен., ломиться3, любимый2, любить2, любовь2,*

матаня, милый3[прец.], мотаться2+, мря мрёт, навидеть+, наложник+, налюбоваться, объятие[прец.]+, от души1+, отбить4отбивать2, отбить5=отшвырнуть_*перен., отдать сердце[прец.], охотиться_*перен., первый свет в окошке, *поглядуться=пондрáвиться/понравиться2//, подруга2/подружка2+, подружить1=подружиться, подружить2, поклонник, покрутить2 перен., покручивать, полюбить, полюбóвник+, полюбóвница+, привораживать+, прилипáть3 перен., приухлестнóуть, раздружиться+, связаться4, связываться3, смотáться1_*перен., снóухаться+, сожитель+, сойтись2+, спóутаться2, сходитьсь2+, табуниться, ухажёр, ухаживать2, хвостáть3, ходить7, хоровóдиться.

Обращает на себя внимание наличие в данной группе наряду с положительно окрашенными лексемами (влюбя́ться, дружок, любимый2, любить2, любовь2, поклонник) единиц, тяготеющих к отрицательной оценке (наложник, полюбóвник, полюбóвница+, сожитель), зооморфных метафор и образных слов, восходящих к сфере «животные» (кабан_перен., охотиться_*перен., снóухаться+, табуниться), лексем, мотивированных образами беспорядочного движения (бегать3//, болтаться8, спóутаться2). Данный факт также отмечался исследователями [Гынгазова, Иванцова 2017: 279]. Контекстуальное использование этих номинаций, как правило, связано с описанием ситуаций супружеской неверности или распутства, которые вызывают у носителя традиционной культуры осуждение (ср. тж. единицы отбить4отбивать2, привораживать+). Можно добавить, что интенсивные проявления чувства вызывают насмешку (она ощутима во внутренней форме единиц *бить коньки=подбивать коньки*, *мря мрёт*, в других случаях — обнаруживается в контексте). Специфика диалектной картины мира проявляется и в наличии особых номинаций романтических отношений, их участников (*глядуться2//, дрáзнить3, жалеть4, играть4, матаня*). Они связаны, как правило, с отношениями молодых людей перед вступлением в брак и не имеют отрицательных коннотаций. «Высокая» любовь представлена также единицами, зафиксированными в прецедентных текстах (песнях): *милый3[прец.]*, *объятие[прец.]+*, *отдать сердце[прец.]*. В целом же концепт романтической любви, широко представленный как в элитарной, так и в массовой культуре, оказывается чуждым носителю диалекта.

Среди общественных институтов наиболее востребованы в картине мира диалектоносителя семья (272 единицы), а также государство (210) и право (279). При этом сфера права представлена специфически:

в ней выделяются обширные поля «Преступление» (156 единиц, среди которых чаще всего упоминается кража) и «Документ» (95 единиц).

Духовная сфера жизни представлена двумя крупными группами слов — «Традиции и обычаи» (207 единиц, подгруппы: «Праздник», «Обряд» («Свадьба», «Похороны», «Поминки»), «Суеверия»), «Вероисповедание и религия» (200 единиц, подгруппы: «Церковь и ритуалы», «Религиозные праздники», «Пост», «Крещение», «Религиозные представления о мире», «Человек по отношению к религии»), а также более компактной «Искусство. Культура. Творчество» (95 единиц, подгруппы «Книга», «Музыка», «Песня», «Танец», «Рисование», «Устное народное творчество»).

Другие сферы общественной жизни номинируются относительно малым количеством единиц: «Промышленность» (30), «Услуги» (20), «Спорт» (9), «Наука» (7), что подтверждает вывод об их неактуальности для информанта.

В разделе 3 «Человек и Природа» выделены подразделы «Пространство», «Время», «Восприятие», «Движение», «Перемещение», «Количество», «Оценка» и некоторые другие. Наиболее обширны первые 3 из перечисленных, насчитывающие более 1000 единиц. В наполнении этих фрагментов словаря проявляются, прежде всего, общезыковые закономерности. Так, настоящее время (21 единица) обозначается реже по сравнению с прошлым (90) и будущим (119); в подразделе «Оценка» макрополе «Плохой» насчитывает 375 единиц, «Хороший» — 281. Вместе с тем нельзя не отметить, что абстрактные категории в речи носителя диалекта часто именуется с помощью фразеологических оборотов, метафор на основе конкретно воспринимаемых признаков, на что неоднократно указывали исследователи [Гынгазова 2007, 2013].

3. Заключение

Основу картины мира индивида из диалектной среды, как и носителя литературного языка, составляют априорные категории («Пространство», «Время», «Восприятие», «Количество», «Движение», «Оценка»). Центральное положение в языковой картине мира информанта занимают понятия «Труд», «Дом», «Еда», «Болезнь», «Поведение», «Взаимоотношения», «Семья», «Растения», «Животные», отражающие зоны актуального внимания сельского жителя и ключевые ценности традиционной культуры.

Обширность той или иной группы единиц определяется как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами: социологическими и культурными характеристиками информанта, условиями жизни и эпохи. К влиянию собственно лингвистических факторов можно отнести антропоцентричность лексикона индивида как отражение антропоцентричности языка в целом, разветвленность полей априорных категорий, асимметрию полей идиолексикона, немаркированность средних значений градуальных признаков, преобладание негативной оценки. Это наиболее общие закономерности языкового упорядочивания мира.

В то же время на идеографическую организацию лексикона оказывают влияние экстралингвистические факторы. Этим влиянием обусловлена, в частности, обширность полей, обозначающих трудовую деятельность информанта («Растениеводство», «Прядение. Ткачество. Шитье. Вязание», «Готовить пищу»); разветвленность и детализированность макрополя «Болезнь», связанная с пожилым возрастом информанта.

Принадлежностью информанта к носителям традиционной крестьянской культуры обусловлена обширность полей «Религия», «Обычаи и обряды». Диалектная специфика проявляется и на уровне конкретного микрополя (наличие более расчлененного, по сравнению с литературным языком, представления некоторых понятий; наличие лакун; отличия в коннотативных характеристиках единиц).

Литература

Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // *Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте.* Томск, 2007. С. 78–109.

Гынгазова Л.Г. Сенсорные основания метафорического представления невещественных объектов (время, количество, речь) в дискурсе диалектной языковой личности // *Вестник Томского государственного университета. Филология.* 2013. № 5 (25). С. 31–36.

Гынгазова Л.Г., Иванцова Е.В. Муж и жена как константы традиционной народной культуры в речи диалектной языковой личности // *Труды института русского языка им. В.В. Виноградова.* 2017. Т. 12. С. 272–284.

Иванцова Е.В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002.

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь сравнений сибирского старожилы. Томск, 2005.

Иванцова Е.В., Берестова Е.А. Идиолектный ономастикон сибирского старожилы / под ред. Е.В. Иванцовой. Томск, 2015.

Иванцова Е.В. Идиолектный словарь прецедентных текстов сибирского старожила. Томск, 2016.

Новиков Л.А. Семантическое поле // Русский язык: Энциклопедия / ред. Ю.Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 458–459.

Раков Г.А. Диалектный идеографический словарь Нарымского говора // Г.А. Раков. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии (семасиологический и ономасиологический анализ системных отношений в лексике) / под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1988.

Сокращения

ПСДЯЛ — Полный словарь диалектной языковой личности: в 4 тт. / Авт.-сост. О.И. Гордеева, Л.Г. Гынгазова, Е.В. Иванцова [и др.]; под ред. Е.В. Ивановой. Томск, 2006–2012. В 4-х т.

The ideographic dictionary of the dialectal language personality as a model of the individual lexicon

Svetlana Zemicheva

optysmith@gmail.com

Tomsk State University, Tomsk, Russia

The individual electronic thesaurus, created on the speech records of the Russian Siberian dialect speaker, is considered in the article as a means of presenting an individual worldview. The article provides quantitative characteristics of the main dictionary sections — “Man”, “Nature”, “Man and Nature”, which allow to draw conclusions about the ratio of these spheres. The main result of the research is new quantitative data on the ratio of various semantic fields in the speech of the traditional culture keeper. Originality of the dialect is also detected at the level of the specific microfield. The microfield “Love” is considered as an example, the corresponding dictionary fragment is presented.

Keywords: thesaurus, dialect language personality, Siberian dialects of Russian, electronic lexicography

Иллюстративное поле словарной статьи в электронном словаре констант народной речи Среднего Прииртышья¹

Татьяна Георгиевна Ермакова

ermakova.ff@gmail.com

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

В статье рассматривается иллюстративное поле электронного словаря констант народной речи Среднего Прииртышья на примере словарных статей тематической группы названий растений. Развитие и широкое распространение информационных технологий дает лексикографу возможности создания электронных словарей, тезаурусов и баз данных. Электронная форма существования словаря позволяет решить вопрос отбора иллюстраций в пользу сохранения максимально широких контекстов. Иллюстративное поле в словаре формируют диалектные тексты и метатексты, которые не только подтверждают факт бытования слова в речи, не только демонстрируют его лексическую и синтаксическую сочетаемость, но и отражают объективное многообразие признаков и свойств самой реалии. Иллюстративное поле является источником, во-первых, языкового материала, необходимого для исследований в области диалектной лексикологии, мотивологии, вариантологии, лингвогеографии, во-вторых, служит источником этнокультурной информации, дает возможность познакомиться с материальной и духовной культурой сельских жителей.

Ключевые слова: диалектная фитонимика, народные названия растений, диалектная лексикография, электронные ресурсы

В последние десятилетия всё большее внимание уделяется исследованию языковой картины мира носителя традиционной народной культуры. И диалектные словари уже не просто и не только фиксаторы языковых единиц, но уникальные источники этнокультурной информации, репрезентирующие народное мировосприятие и мирозидение. В настоящее время коллектив диалектологов Омского государственного университета имени Достоевского под руководством М.А. Харламовой ведет работу над электронным Словарем констант народной речи Среднего Прииртышья. Концепция Словаря подробно отражена в работах М.А. Харламовой [Харламова 2014; 2015; 2016].

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00519.

Развитие и широкое распространение информационных технологий дают лексикографу современные инструменты для создания электронных словарей, тезаурусов и баз данных. Электронная форма существования словаря — это, с одной стороны, потенциал создания удобного для пользователя интерфейса с широким набором функций, например, с возможностью отбора слов по заданным критериям. С другой стороны, электронная форма — это значительно расширенные возможности лексикографа, которому теперь не надо экономить место на бумажном носителе и который может решать вопрос отбора иллюстраций в пользу представления бóльшего количества словоупотреблений и максимально широких контекстов. Кроме того, преимуществом электронного формата является возможность включения в словарь или базу данных мультимедийного контента в виде изображений, аудио или видеозаписей. Онлайн-версия словаря — это еще и возможность использования в тексте гиперссылок. Например, в Словаре констант народной речи Среднего Прииртышья в словарных статьях, посвященных растениям, есть поле *латинское наименование*, в котором латинское наименование данного растения является одновременно гиперссылкой на страницу этого ботанического вида в иллюстрированном онлайн-атласе-определителе растений «Плантариум». В отличие от традиционного, электронный словарь может пополняться новыми материалами по мере их поступления, оставаясь актуальным и динамичным.

Словарная статья разрабатываемого Словаря констант народной речи Среднего Прииртышья имеет полевую структуру и содержит следующие зоны: заголовок (культурно значимая константа), семантика, синонимы, варианты и дериваты заглавного слова и синонимов, переносные значения, устойчивые/фразеологические сочетания, иллюстративное поле, сочетаемость, прецедентные высказывания, лингвокультурологический комментарий [Харламова 2016: 386].

Иллюстративное поле в словаре формируют диалектные тексты и метатексты, которые не только подтверждают факт бытования слова в речи, не только демонстрируют его лексическую и синтаксическую сочетаемость, но и отражают объективное многообразие признаков и свойств самой реалии. Например, значимую информацию об употреблении растения дают нам контексты с фитонимами, обозначающими *скерду сибирскую*. *Ещё ели шкерду — травку* (Мур. Берг.). [СГСрП 3]. *В войну траву всяку ели: кислянку, гыгыль, шкирду, шамелу* (Тар. Лож.) [Доп. 2]. *Шкурду всегда весной едим* (Кол. Крайч.) [СГСрП 3].

Шкирда ишо / широко лис'тя такии // Тожы ели пака ни-прирас'тёт / ана быстра пирирас'тёт / рас-и-жоская <...> // А-шкирда эта жолтым растёт / ана высокая вырастает / <...> // ели фьсё ран'шы / тычё / тока начала рас'тить ф'сё в-лису ф'сё / так жрали чё-папала // есь-та асоба шыпка нечива была // Ф'сё што-сийсть можна была то-йели (д. Чёкрушево, Тарский р-н, Иванов А.И., муж., 74 г., 2 кл., старож., 2010).

Скерда сибирская *Crepis sibirica* L., съедобное растение семейства сложноцветных, содержит в тканях млечный сок, отсюда диалектные названия *молочник* — *молочайка* — *молочейка*: *Ели молочайки саранки гогыли пуч'ки / ани слатки фкусны щас ана почему-та ни-рас'тёт* (п.г.т. Большеречье, Большереченский р-н, 76 л., новосел., 1994). Прийти к выводу, что под этим названием скрывается один денотат, помогает контекст — описание диалектоносителя, каким способом употреблялось растение: *Трава есть — молошник, шкирда — листья. Сначала будут бубышки, потом расцветут и серу с них собирали* (Б.-реч. Б.-реч.) [Доп. 2]. *Молочейки — высокие, жёлтенькие, летом расцветают; когда жара, из них топится молоко; оно запекается, станет искрасна, её собирают и жевачку жуют* (Н.-Ом. Рад.) [СГСрП 3]. Отмеченные признаки — высокий рост растения, красноватый цвет его высохшего млечного сока — позволяют определить, что речь идёт именно о скерде, а не о молочае или одуванчике, высохший сок которых имеет тёмно-серый цвет. Другим свидетельством в пользу того, что *молочайка* — это название для растения скерда, является пример, в котором дано схожее описание способа употребления растения: *Побежишь в поле, оторвёшь головки со шкерды, молоко выступит, а солнышко его запечёт, тогда мы соберём и жуём, так раньше жвачку делали. Ходишь день и жуёшь* (Мур. Низ.) [СГСрП 3].

Многие дикорастущие растения используются в утилитарных целях, например, полынь: *Все матрасы полынкой набьёшь — красота!* (Б.-реч. Реш.) [Доп. 2]. *Полынку рвут: поярки пучками вяжут и телятам дают // Полынка — полынь обнаковенная, голубая, от давления пью* (Б.-реч. Такм.) [Доп. 2]. *Так-шоп блохи нас ни-кусали / мы палынню наламайим-от палынь на-ауародах рас'тёт / на-печ'ку на-кладём / настелима нашырушым / настелима шоб-нас не-кусали* (д. Семёновка, Калачинский р-н, Кучеренко А.С., жен., 72 г., 3 кл., рус.-укр., 2004). *А-палынь памауала [от блох] / палынь здрава памауала* (с. Горьковское, Горьковский р-н, Цупиков П.Г., 4 кл., 83 г., новосел., 2006).

В метатекстовых высказываниях с фитонимами реализуются разнообразные системные связи и отношения языковых единиц. Актуализация мотивационных отношений фитонима в метатекстах свидетельствует, что номинация обладает живой и осознаваемой внутренней формой. Диалектоноситель стремится раскрыть ближайшее мотивационное значение слова и выделяет значимые признаки реалии, которые были положены в основу наименования. *Кисленка-то, она совсем кислая травка* (Тар. Солд.) [СГСрП 2]. *Лечебная душичка-то. Запах с неё душистый. Растёт шапочкой* (Тар. Екат.) [СГСрП 1]. *Конёвник ели, это щавель конский* (У.-Иш. Колп.) [СГСрП 2]. *Сороко-недужником лечат все недуги* (Кол. Виш.) [СГСрП 3]. *Свинухами свиней кормили* (с. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Козионова Н.В., старож., 1998). *Рижучка ещё пальцы резала вот* (г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 71 г., рус.-эст., 2007). *Сон-трава растёт низко к земле, словно спать хочет* (Кол. Виш.) [СГСрП 3]. *Раньше вот горлянкой горло лечили, сварись и полоскаешь* (У.-Иш. Пан.) [СГСрП 1].

В метатекстах достаточно часто актуализируются синонимические отношения фитонимов. Трудно ожидать, чтобы городской житель разбирался в том, что растёт в лесу и в поле, поэтому диалектоноситель, ориентируясь на собеседника, при упоминании какого-либо растения старается привести несколько названий, употребительных в говоре, отмечая тождественность номинаций: *У-них многа названий. Хоть гарицвет, хоть стародупка — фсё адно и-тоже* (Омск, 46 л., 1996). *Шмела, медуница ли её зовут* (Тар. Уст.) [СГСрП 3]. *И гвоздика, и татарско мыло называется* (Б.-реч. Такм.) [Доп. 2]. *Какой-та иванчай / канёвник ево звали там* (с. Могильно-Посельское, Большереченский р-н, Хлебнова Т.И., 72 г., новосел., 2007). *Конский щавель заваривает и пьёт от поносу. А ещё зовут его чёрной махалкой* (Тар. Екат.) [СГСрП 3]. *Калачики и свиные рыльца их называют. Копейки называют* (Б.-реч. Реш.) [Доп. 2]. *В Петров день рвали голдыши, или гагыли их зовут* (Б.-реч. Реш.) [СГСрП 1]. *Полянка — ну, его ещё мурашкой называют* (Б.-реч. Б.-реч.) [Доп. 2]. *Дурниной называли нулеву белену* (У.-Иш. Пан.) [СГСрП 1].

Метатексты с синонимами могут иметь конструкцию «отождествляемое» — «отождествляющее», реализуясь в логико-синтаксическом типе предложений тождества, когда сообщается, что два имени обозначают один и тот же предмет. В большинстве случаев отождествляемое название будет являться диалектным, а отождествляющее — общерусским. Такие контексты позволяют говорить, что диалектоноситель

осознает степень распространенности, употребительности фитонима, различает литературное и диалектное название, считая литературное более известным (так как именно оно выступает в роли отождествляющего): *Четырёхлистник — пустырник это* (Б-реч. Реш.) [Доп. 2]. *Жалица — это крапива* (Б.-Ук. Стан.) [Доп. 2]. *Конёвник ели, это щавель конский* (У.-Иш. Колп.) [СГСрП 2]. *Вот-вот такое название вериани эта тысячелистник* (г. Тара, Тарский р-н, Блум М.П., жен., 71 г., рус.-эст., 2007) *Иван-чай — конёвник растёт* (Тар. Вст.) [Доп. 1]. *Че кладем? Онисту — огородного укропу* (У.-Иш. Колп.) [СГСрП 2].

Часто метатексты с фитонимами содержат комментарий диалектоносителя к названию растения, т. е. характеристику фитонима как принадлежащей данному говору единицы. Носитель диалекта может противопоставлять диалектное название литературному либо противопоставлять диалектные синонимы на основании их употребления в разных коллективах или функциональных сферах. Маркерами являются выражения типа *у нас, у вас, по-простому, по-ученому* и т. п.: *Полянка — ну, его еще мурашкой называют, спорыш по-лечебному* (Б.-реч. Б.-реч.) [Доп. 2]. *Ну щас иво чибрец называют по-ученому / а-мы богороцка трава // Ат-тово она и-богороцкая что лечит болезни разнo* (с. Евгашино, Большереченский р-н, старож., 1999). *Тмен растёт у нас — по-вашему тмин* (Б.-реч. Такм.) [Доп. 2]. *Кагуту таскали, толкли, ели, по-нашему, решетник, рогоза* (Б.-реч. Шип.) [СГСрП 2]. *Хорошо для коровы накосить кашечнику, клевер у нас в колхозе так зовут* (Тар. Свид.) [СГСрП 2]. *Из дурман-травы делают таблетки. Чертополох еще у нас его зовут* (Б.-реч. Реш.) [Доп. 2]. *У нас крапивы до черта, все жалюхой зовут* (Б.-реч. Шип.) [Доп. 1]. *У-нас шемила называли // Или-мидунки ишо их заву* (д. Чёкрушево, Тарский р-н, Иванов А.И., муж., 74 г., 2 кл., старож., 2010).

Метатекстовые высказывания также часто содержат отсылки к временным параметрам существования слова. Как правило, чаще всего указывается на «время» функционирования лексической единицы (*раньше/теперь, тогда/сейчас*): *Ну щас иво чибрец называют по-ученому / а-мы богороцка трава // Ат-тово она и-богороцкая что лечит болезни разнo* (с. Евгашино, Большереченский р-н, старож., 1999). *Жабрей эта ат-фсех болезней щас зверобоем зовут* (д. Шипицыно, Большереченский р-н, старож., 1999). *Дедовник с листьями свиньям рвала. Теперь его репейником называют* (Кол. Лам.) [Доп. 2].

Таким образом, иллюстративное поле является источником языкового материала, востребованного в исследованиях в области диа-

лектной лексикологии, мотивологии, вариантологии, лингвогеографии, а также служит источником этнокультурной информации, репрезентируя материальную и духовную культуру сельских жителей.

Литература

Харламова М.А. Константы народной речемысли и их лексикографическая интерпретация: монография. Омск, 2014.

Харламова М.А. Отражение динамических процессов в народной речи в электронном словаре активного типа // Русский язык и литература в тюркоязычном мире: современные концепции и технологии: Материалы Международной научно-практической конференции / под ред. Р.Р. Замалетдинова, Т.Г. Бочиной, Е.А. Горобец. Казань, 2016. С. 385–386.

Харламова М.А. Словообразовательный потенциал диалектного слова в электронном словаре народной речи // Современные проблемы лексикографии. СПб., 2015. С. 180–183.

Харламова М.А. Традиционная народная культура в электронном словаре Среднего Прииртышья // Филология и культура. 2016. № 1 (43). С. 152–157.

Сокращения

Доп. 1 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б.И. Осипов. Вып. I. Омск, 1998.

Доп. 2 — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья: Дополнения / отв. ред. Б.И. Осипов. Вып. II. Омск, 2003.

СГСрП — Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья / Под ред. Г.А. Садретдиновой. Т. 1–3. Томск, 1992–1993.

Illustrative zone of the electronic dictionary of the constants of popular speech of the Middle Irtysh

Tatiana Ermakova

ermakova.ff@gmail.com

Dostoevsky's Omsk state University, Omsk, Russia

The article considers the illustrative field of the electronic dictionary of the constants of popular speech of the Middle Irtysh. The development and wide dissemination of information technology gives the lexicographer the possibility of creating electronic dictionaries, thesauri and databases. The electronic form of the

existence of a dictionary allows to solve the problem of selecting illustrations in favor of keeping the widest possible contexts. An illustrative field in the dictionary is formed by dialect texts and metatexts, which not only confirm the fact of the existence of a word in speech, not only demonstrate its lexical and syntactic compatibility, but also reflect the variety of features and properties of the object. The illustrative field is a source of, firstly, linguistic material necessary for research in the field of dialectal lexicology, motivology, variantology, linguogeography, and secondly, serves as a source of ethnocultural information, provides an opportunity to get acquainted with the material and spiritual culture of rural residents.

Keywords: dialect phytonymy, popular plant names, dialect lexicography, electronic resources

Электронный словарь констант Среднего Прииртышья как источник и эмпирическая база исследований традиционной культуры¹

Марина Александровна Харламова

(khr-spb@mail.ru),

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского,
Омск, Россия

В статье показаны исследовательские возможности электронного Словаря народной речи Среднего Прииртышья как источника социокультурного, дискурсивного изучения современной диалектной личности.

Ключевые слова: электронный словарь, источниковедческая база, дискурс пожилого человека

Введение. В рамках проекта РФФИ исследуется пожилой человек/ пенсионер как объект и субъект речемыслительной деятельности. Особое внимание уделяется изучению тематических персональных дискурсов, порождаемых языковыми личностями пенсионного возраста. Известно, что пожилой человек является основным информантом, с которыми работает диалектолог [О возрасте, в.: Волков и др. 2003: 73].

По нашим наблюдениям, из 34 информантов, записанных в двух районах Омской области (Седельниковский и Нижнеомский районы) в 2001 г., в возрасте старше 65 лет оказались все 34 респондента (год рождения: 1917, 1919, 1923-1927), в 2002 из 9 респондентов — 7 в возрасте старше 65 лет (записи в Нижнеомском и Тарском районах), в 2003 — 6 информантов из Муромцевского района в этом же возрасте, в 2004 — 23 (из 24) респондента старше 65 лет записаны в Седельниковском и Таврическом районах. Для несложных статистических подсчетов мы взяли лишь малую часть архивных материалов, которая, как кажется, уже наглядно демонстрирует преобладание информантов старшего поколения в записях диалектологических экспедиций.

Цель исследования: показать возможности электронного словаря как источника новых исследований персональных дискурсов языковой

---

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00507.

личности — пожилого носителя народной речевой культуры — в разных аспектах с учетом возрастного параметра.

Источник. Электронный формант словаря (см. электронный Словарь констант народной речи Среднего Прииртышья [сайт: dict.univer.omsk.su]) позволяет рассматривать языковые произведения респондентов в разных аспектах, включая социолингвистический.

Изучение детского дискурса показало, что можно говорить о дискурсе, порожденном возрастом субъекта речи (как говорят о дискурсе толерантном, феминистском, материнском и т. д.). В последнее время, например, широко используется термин «детский дискурс», см. [Данюшина 2014; Исенова, Орлова 2018]. Поэтому обращение к речи пожилых людей представляется актуальным, а электронный словарь может служить источником и эмпирической базой таких исследований.

Какие зоны словаря позволяют нам извлечь нужную информацию и материал для исследования? (О принципах и структуре электронного Словаря см. [Харламова 2014: 110–239]). Прежде всего, это металингвистические сведения каждого информанта, содержащиеся в Паспорте, в структуре которого есть и возрастной параметр:

Информант № 1.

1. Фамилия имя, отчество: Копылова Елена Ивановна
2. Пол: женский
3. Год рождения, количество лет на момент записи: 1931 г.р., 68 лет
4. Место рождения: с. Решетниково, Большереченский район, Омская область.
5. Место рождения родителей: — (нет информации).
6. Кем себя считает («чалдоном», «расейским», украинцем, белорусом, чехом, поляком, эстонцем): считает себя белоруской.
7. Тип говора: русско-белорусский.
8. Образование: неграмотная.
9. Род занятий (профессия): работала в колхозе.
10. Родственные связи с другими информантами: (нет информации).
11. Место и год записи: с. Решетниково, Большереченский р-н, Омская обл., 1999 г.

Информант № 2.

1. Фамилия имя, отчество: Низовая Улита Яковлевна.
2. Пол: женский.

3. Год рождения, количество лет на момент записи: 1913 г.р., 88 лет.
4. Место рождения: д. Голубовка, Седельниковский р-н, Омская область.
5. Место рождения родителей: Украина.
6. Кем себя считает («чалдоном», «местным» «расейским», украинцем, белорусом, чехом, поляком, эстонцем): считает себя «местной».
7. Тип говора: русско-украинский.
8. Образование: неграмотная.
9. Род занятий (профессия): разные работы в колхозе.
10. Родственные связи с другими информантами: (нет информации).
11. Место и год записи: д. Голубовка, Седельниковский р-н, Омская обл., 2001г.

Информант № 3.

1. Фамилия имя, отчество: Васильева Екатерина Николаевна
2. Пол: женский.
3. Год рождения, количество лет на момент записи: 1925 г.р., 85 лет.
4. Место рождения: д. Черняево, Тарский район, Омская область.
5. Место рождения родителей: д. Черняево, Тарский район, Омская область.
6. Кем себя считает («чалдоном», «местным», «расейским», украинцем, белорусом, чехом, поляком, эстонцем): «тутошняя, здешняя»
7. Тип говора: старожильческий.
8. Образование: неграмотная.
9. Род занятий (профессия): свинарка.
10. Родственные связи с другими информантами: сестра Щениной Марии Николаевны (в базе данных есть полная информация о ней).
11. Место и год записи: д. Черняево, Тарский район, Омская область, 2010 г.

Помимо точного возраста, из Паспорта мы можем извлечь некоторые важные сведения для характеристики диалектного дискурса пожилого человека: тип говора (что важно в полиэтническом регионе, каковым является Омское Прииртышье), образование и род занятий (грамотность/неграмотность, профессия могут влиять на мировидение респондентов, например, использование ими тех или иных прецедентных текстов и имен и т.д.), родственные связи с другими инфор-

мантами (что позволит обнаружить записи не только монологов, но и диалогов диалектоносителей).

Поскольку от одного информанта может быть записана не одна беседа, то, кроме Паспорта информанта, в корпусе текстов Среднего Прииртышья (полнотекстовые записи бесед сохраняются в электронном архиве) используем еще Паспорт текста:

Информант №3:

1. Место записи: д. Черняево, Тарский район, Омская область.
2. Год записи: 2008 г. /2010 г.
3. Источник: тетрадь № 201 А /электронный набор № 244.

Таким образом, Паспорт информанта (как и Паспорт текста) в электронном словаре народной речи Среднего Прииртышья дает возможность сделать выборку респондентов по возрастному признаку и привлечь для анализа диалектный дискурс уже с учетом этого и других социокультурологических параметров.

Поскольку одним из принципов электронного словаря является привлечение для актуализации констант народной «речемысли» максимально широкого контекста, полагаем, что исследование речи пожилых людей может опираться на самое объемное поле Словаря — иллюстрации. Иллюстративная зона позволяет изучить типы пожилых информантов — жителей полиэтнического региона в разных аспектах, в том числе и в интересующем нас дискурсивно-возрастном.

Речевые произведения респондентов старше 65 лет помогут выявить каналы коммуникации (телевидение, газеты, продавец в магазине, соседка, внучка и т. п.), частотные темы коммуникации, а главное — ценности и особенности диалектной картины мира пожилых людей.

Рассуждения респондентов могут быть рассмотрены с точки зрения того, о чем повествуют пожилые люди, каковы их поколенческие интересы. Так, материал, извлеченный из иллюстративной зоны словаря, показал, что им по-прежнему интересны сельские праздники и участие в них:

Ай-нонче-ж на-празник ез'дила/ в-эту/ у-нас Нагорнаиванофка есть/ да-лёка// <...> миня своё дэко здесь не-бросает/ как поедут и-миня с-собой берут/ я ишо и-пес'ню спою/ да-каку-нибуть спою/ песинку// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Екатерина Николаевна, 1925 г.р., неграмот., старожильческий говор, 2010).

Саморефлексия пожилых, то, как они оценивают себя, представлена практически в каждом речевом произведении респондентов:

Стары стали фсе сморщилис-дѣ// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Екатерина Николаевна, 1925 г.р., неграмот., старожильческий говор, 2010).

Осознание пожилыми их возрастного статуса обнаруживаем чаще всего в высказываниях, где они рассуждают о здоровье/нездоровье или о своих отношениях с молодежью:

И-бол'шы говорю дифчѣнки я ни-поеду/ хадить ни-могу/ чѣж уже восим'сят пять лет скоро буит/ а-сила-тѣ типерь где?/ я гѣврю как эта/ спель и умир'ла/ кѣрапкьюсь на-ету вот/ заводют миня/ сводют сѣтова/ кому нада возиця/ а-то упаду / бол'шы гѣврю дифчѣнки я ни-поеду/ последний рас съез'дила// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Екатерина Николаевна, 1925 г.р., неграмот., старожильческий говор, 2010).

В рефлексии о себе как о человеке пожилого возраста женщины чаще обращаются к воспоминаниям о своей молодости, и оппозиция «молодость — старость» эксплицируется в таких высказываниях, извлеченных из иллюстративного поля словаря:

Молоды-тѣ были пели/ Гулянки/ Щас мы-чѣ с-ей двои вот астались/ а-свое-тѣ много былѣ родных/ Помоложы-тѣ был дѣк-ы-чѣй пили сабыралис и пес'ни петь и-фсѣ/ а-щас-тѣ-уш ы-голос-тѣ ни-тот/ куда уш-чѣ годна сталь// (д. Черняево, Тарский р-н, Васильева Екатерина Николаевна, 1925 г.р., неграмот., старожильческий говор, 2010);

Я молода была пела и плесала// (д. Черняево, Тарский р-н, Щенина Мария Николаевна, 1932 г.р., неграмот., старожильческий говор, 2010).

Аксиологическая составляющая представляется значимой при объективации констант, определяющих базовые ценности современного пожилого человека, в частности такие как Дом, Семья, Земля, Родина, Жизнь, Здоровье, Возраст и т. п., что репрезентировано в заголовочных словах словарных статей. Полагаем, обращение к дискурсу пожилого сельского жителя полиэтнического региона дает материал для сопоставления ментальных, социальных, коммуникативных характеристик субъекта в русской языковой картине мира в древнейшей семантико-прагматической оппозиции «молодость — старость» и для анализа саморефлексии человека периода поздней зрелости.

Выводы. Паспорт информанта, иллюстративная зона, словарные статьи с ключевыми словами традиционной культуры, детерминиру-

ющими аксиологическую составляющую языковой личности диалектоносителя (Дом, Семья, Земля, Возраст, Молодость, Старость и др.), в электронном словаре констант народной речи Среднего Прииртышья — это надежный источник исследований языковой личности пожилого человека в дискурсивно-коммуникативном, семантико-прагматическом, аксиологическом, социокультурном, национально-культурном, когнитивном аспектах, что позволит сделать определенные выводы о дискурсивном статусе речи пожилых людей и о своеобразии их мировидения.

Литература

Волков Ю.Г., Добреньков В.И., Нечипуренко В.Н., Попов А.В. Социология: Учебник / под ред. проф. Ю.Г. Волкова. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2003.

Данюшина Л.А. Детский дискурс как феномен формирующейся языковой личности: дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 2014.

Исенова М.Х., Орлова Н.В. Между Агнией Барто и Мистером Максом: дискурсивное пространство младшего школьника: монография. Омск, 2018.

Харламова М.А. Константы народной речемышльи и их лексикографическая интерпретация. Омск, 2014.

Electronic dictionary of the Middle Irtysh region's constants as a source and empiric database for researching traditional culture

Marina Kharlamova

khr-spb@mail.ru

Dostoevsky's Omsk state University, Omsk, Russia

The article shows the research potential of the electronic Dictionary of the Middle Irtysh Region's Folk Speech, which is regarded as a database for socio-cultural, discourse studies of the modern dialect speaker.

Keywords: electronic dictionary, source studies database, elderly person's discourse

Вариантность в словаре украинских говоров Воронежской области

Елена Ивановна Съянова

syanovaei@mail.ru

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург Россия

Создание лексикографического труда, посвященного описанию того или иного говора, связано с решением проблемы тождества и вариантности слова, вариантности и синонимии, т. е. определением границ диалектного слова. В статье автором показано, как представлена вариантность в лексикографическом проекте «Словарь украинских говоров Воронежской области».

Ключевые слова: вариантность, диалектный словарь, украинские говоры Воронежской области

Несмотря на достаточно большое количество работ, посвященных проблеме вариантности диалектного слова [Блинова 1975: 91–147 и др.], отдельные аспекты данной проблематики остаются дискуссионными. Вариантность — это видоизменения слова, влекущие за собой появление новых единиц, которые могут отличаться друг от друга своей внешней стороной и в то же время сохранять единство лексического наполнения [ЛЭС: 80]. Выделяются акцентные, фонетические, фонематические, морфологические варианты слов. Исследователи обращаются к анализу соотношения формального варьирования слова с другими элементами языковой системы (в частности — материальные модификации слова с точки зрения средств и способов формирования и словообразования: вариантные ряды в вершининском говоре Томской области *вошь — вша, хазяин — хозяев — хозяв, ковать — кувать*) [Богословская 2012]. В практике отечественной диалектной лексикографии наблюдается ограничение в разработке фонетических вариантов. Например, фонетические и формообразовательные варианты (*женен — женат, ён — он, обинно — обидно, дедушко — дедушка* и др.) слов литературного языка не включаются в [НОС и др.], регулярные диалектные фонетические явления чаще находят отражение в иллюстративном материале [СРГНП и др.]. Автор представленного в работе проекта рассматривает говор как живую систему. Это позволяет обратить внимание не только на фонетические варианты, обусловлен-

ные действующими (регулярными) фонетическими закономерностями. Лексикографическое описание по возможности всего спектра вариантов в пределах частной системы дает возможность выявить тенденцию к лексикализации в отдельном говоре и соотнести это с диалектной системой в целом. Это, в свою очередь, способствует определению основных направлений, в целом характеризующих современный этап существования диалекта, в частности — в условиях контактирования с близкородственной системой.

Задачей представленного в работе проекта является описание украинских говоров Воронежской области. Отметим, что на территории современной Воронежской области сосуществуют две основные группы диалектной речи: группы с южновеликорусской основой и группы говоров с украинской основой.

Безусловно, перед составителем встала проблема определения статуса слова и его варианта. «Варьирование представляет собой одну из наиболее ярких и специфических лексико-системных характеристик диалектного слова, непосредственно связанную с такими особенностями диалекта, как устная форма его существования, специфика языковой нормы (стихийность, недостаточная осознанность, отсутствие кодификации), воздействие со стороны литературного языка, влияние инодиалектного или иноязычного окружения и некоторые другие. Все это обуславливает особый подход к проблеме вариантности в диалекте, не идентичный тому, который установился применительно к литературному языку, где варьирование прежде всего рассматривается в русле нормализаторской деятельности. При несомненном совпадении многих аспектов изучения вариантности в литературном языке и народных говорах диалектный материал требует иных акцентов в разработке указанной проблематики, а также постановки целого ряда дополнительных вопросов» [Козырев 1986: 6].

При работе над «Словарем украинских говоров Воронежской области» автор опирался на опыт составления «Словаря русских народных говоров». Материал, собранный в полевых условиях, а также задача системного описания лексических данных исследуемых говоров, более 300 лет функционирующих в иноязычной сфере близкородственного языка, обусловили создание диалектного словаря полудифференциального типа.

Перед автором стояла задача в словарной статье органически сочетать графические, орфографические, фонетические, функционально-

стилистические, семантические и грамматические показатели слова как предмета лексикографического описания. В украинских говорах Воронежской области до настоящего времени сохраняется множество архаических явлений (как правило, несвойственных южнорусским говорам: твёрдый [ч] — *чэрэмуха, чэрэвык, чэрэда* — *чювяк, чювал, чюгун, чявунэць, чяплийка, чяснык*; мягкий [ц'] — *цюлюва́ть, цівка, циды́ть и цыды́ть, цы́лый, цип* и *цоп, цы́цка* и *цы́цька*, указ. местоим. *ж. р. ця* и *ца* и др.). Стремление отразить специфические фонетические явления определило подачу заголовочного слова в соответствии с произношением.

В Словаре применяются знаки русской графики (не используются такие знаки украинской графики, как *є, і, ї, ґ*).

Бага́чь, *м.* То же, что Багатий.

Чирыссыдэ́лын, *м.*

Вычыры́на, *ж.*

Витци́ля, *местоим. нареч.*

Ві́тцы, *местоим. нареч.*

Вош, *ж.*

Киросі́нка, *ж.*

Кі́стка, *ж.*

Роды́телька, *ж.*

Роды́чь, *м.*

Чюхно́, *ср.*

Зафиксированный в говорах произносительный вариант литературного слова приобретает статус заголовочного слова.

Арты́ст, *м.* Актер, музыкант, певец и т.п.

Арты́стка, *ж.* Женск. к Артист.

Ахви́ри́ст, *м.* Тот, кто занимается аферами.

Ахто́бус, *м.* Многоместный автомобиль для перевозки пассажиров.

В Словаре находят отражение разговорные, просторечные формы, характерные одновременно и для смежных южнорусских говоров.

В словах, зафиксированных в произносительном варианте (фонетические трансформации в результате взаимодействия со смежными южнорусскими и литературным языком), соответствующий звукомодификация в заголовочном слове подается в [], фонетический инвариант при этом не реконструируется.

Ав[и]рья́нка, *ж.* Валериановые капли.

[А]т[а]рви́шница, *ж.* О боевой, отчаянной девочке, девушке.

В[и]сѣлка, ж. Деревянная лопата, при помощи которой достают хлеб из печи.

Вѣрб[а]хлѣст, м. *Дѣлать вѣрбахлѣст*. Хлестать, стегать (обычно) детей в Вербное воскресенье ветками освященной вербы.

Р[а]дѣха, ж. Беременная женщина.

В отдельных случаях для удобства пользования Словарем применяем правила русской орфографии при подаче заголовочного слова:

а) без ь даются сочетания *чк*, *чн*, также двойные согласные *-нн(я, е)* и др.

Врѣмянычка, ж.

Вѣтычка, местоим. нареч.

Волѣсичко, ср.

Волѣсса, ср.

Вожжѣтыца и **вожжѣтца**, несов.

Знатѣ, ср.

Успѣння, ср.

Шкорлупѣння, ср.;

б) в словах с формантом *кой-* ставится дефис:

Кой-колы, местоим. нареч.

Кой-хто, неопред. местоим.

Кой-шѣ, неопред. местоим.

Кѣй-як, местоим. нареч.;

в) частица *абы* в сочетаниях *абы дѣ*, *абы куды*, *абы хто*, *абы чим*, *абы (шо) щѣ*, *абы як* пишется раздельно;

г) неопределенные местоимения, образованные при помощи форманта *-нѣбудь*, подаются в Словаре через дефис:

Якѣй-нѣбудь, м.; **якѣ-нѣбудь**, ж.; **якѣ-нѣбудь**, ср.; **якѣ-нѣбудь**, неопред. местоим.;

д) частица *-сь* пишется слитно.

Якѣсь, местоим. нареч.

Якѣйсь, м.; **якѣсь**, ж.; **якѣсь**, ср.; **якѣсь**, мн.; неопред. местоим.

Буквы *е* и *ѣ* различаются. Знак ударения ставится и над буквой *ѣ*.

Считаются самостоятельными словами и разрабатываются в разных словарных статьях семантически тождественные существительные, различающиеся родом.

Гуляння, ср. То же, что Гулянка. *Вин'чѣлы рѣн'шѣ у такѣх сѣнях, оббывѣлы жылізом, роскрасѣвали краскою, нивѣсту возѣлы. Ну, тодѣ нѣ булѣ такѣго*

гуля́н'ня, йісты нічэго було́, білішэ го́лод. У ко́го, хто та́кый бага́чыый — два дні, ну, тры дні са́мэ білішэ, а які бэ́д'ни, так оды́н дэн', так ото́ и всэ́. Воронцовка. Павыту́хе дары́лы атрэ́з матэ́рии на ю́нку або́ на ко́хту. Гуля́н'ня на хры́стыны ны було́. Хохол-Тростянка.

Гуля́нья, ж. То же, что Гулянка. В пра́знишний ден' привя́зывали, иде́ш куда́ — или в цэ́ркву, или на гуля́н'юю — абиза́тил'на, ладу́нка называ́лас', раишы́тая бисером, ана́ привя́зовалас' зvéрху. Ширяево.

Кулё́м, м. (Знач.?) Ныжныкы́ булы́, оцэ́ ж як дорóжкыткáни, тилкы́ булы́ шэрс'тянэ́ с кулё́ма там унызу́, укыва́лыс'. Так ото́ булы́ отакі́ с кулё́мы. Цэ́ прям рядно́, тикы́ шэрс'тянэ́, як одия́ло оно́. Морозовка.

Кулё́ма, ж. (Знач.?). Ныжныкы́ булы́, оцэ́ ж як дорóжкыткáни, тилкы́ булы́ шэрс'тянэ́ с кулё́ма там унызу́, укыва́лыс'. Так ото́ булы́ отакі́ с кулё́мы. Цэ́ прям рядно́, тикы́ шэрс'тянэ́, як одия́ло оно́. Морозовка.

Пидпар, м. Парование поля весной. Бутурлиновка. □ **Питпар**. Ра́н'шэ висна́ начинáйтца, начинáйтца пítпар, горóды начинáют парова́т', парую́т. Вста́нэш — тумáн, ничé нэ́ вы́дно, зэмля́начина́е прогривáйтца. Щя́с нэ́ма́ ни пítпари, ничéго нэ́ма́, шы́я зэмля́ бру́сом сыды́т', нэ́ма́ ныякой пítпари, нэ́ма́ и карто́х. Бутурлиновка.

Пидпарь, ж. То же, что Пидпар. Бутурлиновка.

В одной словарной статье разрабатываются со ссылкой в алфавит:

1) варианты, отражающие твердость/мягкость согласной фонемы:

Вэршунка и **вэршунька**, ж. Уменьш.-ласк. к Вэрх (в 1-ом знач.).

Вэршунька. См. Вэршунка.

Двйчи и **двычи**, нареч. Два раза; дважды. □ **Двйчи**. □ **Двычи**. □ **Двыче**.

Двйчи. См. Двичи.

Жиночий и **жыночий**, я, е, и. Относящийся к женщине (женщинам), принадлежащий ей (им), свойственный ей (им). □ **Жиночий**. □ **Жыночий**.

Жыночий. См. Жиночий.

Лунка и **лунька**, ж. 1. Небольшое углубление; ямка. 2. **Лунка**. Отверстие во льду для стирки белья.

Лунька. См. Лунка.

Узкый. См. Узькый.

Узькый и **узкый**, а, э, и; **уцый**, я, е, и и **уце**, сравн. ст. Имеющий малую протяжённость в поперечнике; малый по ширине.

Хахлачий и **хахлячий**, а, е, и. То же, что Хахлацкий.

Хахлячий. См. Хахлачий.

Хор и **хорь**, м. Хищный зверек с ценным пушистым мехом, живущий в норах. □ **Хор**. □ **Хорь**. ■ **Хоры́**, мн. Воронцовка.

Хорь. См. Хор.

Хрэстыны. см. Хрэстыны.

Хрэстыны и **хрэстыны**, *мн.* Обряд крещения, а также праздник после этого обряда. □ **Хрэстыны**. □ **Хрэстыны**. □ **Хрыстыны**;

2) варианты с **и** и **о** (ё), **е(э)** и **и** в ударной позиции в корне слова (в частности, варианты, обусловленные наличием/отсутствием чередований гласных в зависимости от открытости/закрытости слога, наличием **и** на месте **ть** и т.д.):

Алексей. См. **Алексий**.

Алексий и **Алексей**, *м.* В православном народном календаре — день преподобного Алексея (30 марта). Δ **Алексей Божий**. *Сорокы пэрэт Паской, потом Алексей Божий. Такі празьныкы.* Макашевка. Δ **Алексий с гор потьки**. Великоархангельское.

Хворист и **хворост**, *м.*

Хворост. См. **Хворист**.

Цип и **цоп**, *м.*

Цоп. См. **Цип**.

Щётка. См. **Щитка**.

Щитка и **щётка**, *ж.*

Вёрба. См. **Вэрба**.

Вэрба и **вёрба**, *ж.* 1. Дерево или кустарник из рода ивы. □ **Вэрба**. □ **Вёрба**. 2. **Вэрба**. Ветка такого растения. || **Собир**. Ветки такого растения с цветковыми почками, освящаемые во время церковного богослужения в Вербную субботу. Δ **Свящёна вэрба**. Такие ветки, освященные в Вербную субботу.

Кирь, **кор** и **корь**, *ж.* Острая инфекционная, преимущественно детская болезнь, характеризующаяся сыпью, воспалением дыхательных путей и жаром. *Кор була чи щё. Кор' ходыла. Брат ищё був у нас.* Власовка. *Кор' була. Скарлатина була.* Макашевка. *Та всэ було, и кир', и виспа. Кир', ну, посыпае такэ. Чисоткою палы.* Воронцовка.

Кор. См. **Кирь**.

Корь. См. **Кирь**;

3) варианты с ударными **и** и **о** (ё) в аффиксах:

Давнёшний. См. **Давнишний**.

Давнишний и **давнёшний**, *я, е, и.* Бывший задолго да настоящего времени; давний. □ **Давнишний**. *Лёна, а цэ у мэне газэта, як в висимнацатом году пахалы ищэ. Ты бдэ ходим прочитаеш отута. Цэ давнишня газэта, и почитаеш.* Власовка. □ **Давнёшний**. *Отакү кнйгу порвала, такі лысткі рваны, давнёшни.* Марки;

4) варианты (с ударными или безударными) **ы** и **и** в абсолютном начале слова и с ударными **ы** и **и** в корне слова:

Йдолив. См. **Ыдолив**.

И́долов. См. Ыдолив.

И́дольский. См. Ыдольский.

Ы́долов, ы́долов и **и́долив, и́долов**, *а, э, ы. Бранно.* То же, что Бисов.

Ы́долов. См. Ыдолив.

Ы́дольский и **и́дольский**, *а, э, и. Бранно.* То же, что Бисов.

Илля́, Ылля́и Илья́, *м.* В православном народном календаре — день памяти пророка Илии (2 августа).

Илья́. См. Илля.

Ылля́. См. Илля.

Имэно́ и **ымэно́**, *ср.* Наименование человека, даваемое ему при рождении; имя. □ *Имяно́.*

Ымэно́. См. Имэно.

Ви́мя, ви́мя и **ви́мня**, *ср.* 1. Орган, выделяющий молоко у самок млекопитающих. □ *Ви́мя.* □ *Ви́мня.* □ *Ви́мня.* □ *Ви́мя.* 2. *Су́щье ви́мя.* Разновидность нарыва (нарывов) под мышкой.

Ви́мня. См. Вимя.

Ви́мя. См. Вимя;

5) варианты, отражающие различия в неударных гласных фонемах:
а) **а — о:**

Хвамь́лия и **хвомь́лия**, *ж.* Официальное наследственное семейное наименование человека, прибавляемое к личному имени, переходящее от отца (или матери) к детям. □ *Хвамь́лия.* □ *Хомь́лия.* □ *Фомь́лия.* □ *Фомь́лия.*

Хвомь́лия. См. Хвамылия.

Борода́вка и **борода́вка**, *ж.* Небольшой твердый округлый нарост на коже.

Борода́вка. См. Бородавка.

Ср.:

Боро́дивка, *ж.* То же, что Бородавка. ▀ **Боро́дивкы**, *мн.;*

б) варианты с безударными **и — о, е — о** в словах типа:

Хиба́ и **хоба́**, *частица.* 1. Употребляется в риторическом вопросе, предполагающем несогласие в ответе: разве. 2. Хотя бы; если бы.

Хоба́. См. Хиба.

А́нгел и **а́нгол**, *м.* В религиозном представлении — сверхъестественное существо, посланец, вестник Бога. □ *А́нгел.* □ *А́нгил.* □ *А́нгол.* *Фольк.*

А́нгол. См. Ангел.

в) широко представлены в исследуемых говорах варианты *грэ́бинка*, *гри́бинка* и *грибе́нка*; *грэ́бинь*, *gré́бинь*, *грибе́нь* и *грэ́бэнь*; *грэ́бишо́к* и *гри́бишо́к*:

Грэ́бинка, **гри́бинка** и **грибе́нка**, *ж.* 1. Продолговатая (обычно изогнутая) пластинка с рядом зубьев для расчесывания волос, скрепления женской при-

чески. 2. Приспособление с частыми зубьями и ручкой для чесания конопли и льна, освобождения от остатков костры после трепания.

Грэбинь, грэбинь, грибэнь и грэбэнь, м. То же, что Грэбинка (во 2-ом знач.). □ *Грэбинь*. □ *Грэбинь* и *грибэнь*. □ *Грэбэнь*. ■ *Грибнй*, мн.

Грэбишók и грибишók, м. 1. То же, что Грэбинка (в 1-ом знач.). □ *Грыбишók*. 2. Цветок растения рябчик русский;

б) слова с сочетаниями [чн] и [шн] (при наличии соответствующих вариантов в зафиксированных материалах):

Писóчники. См. Писошныкы.

Писóшныкы и писóчники, м. Грибы, растущие на песчаной почве (обычно в сосновом лесу); песчники серые.

Вручнý. См. Врушну.

Врушнý и вручнý, урушнý и уручнý, нареч. Без применения техники; руками, ручным способом.

Уручнý. См. Врушну.

Урушнý. См. Врушну.

Ср.:

Убóрушна, ж. То же, что Уборка;

7) варианты с [ш] и [щ]:

Всю'ношна и всю'ношна, ж. 1. Богослужение, осуществляемое вечером накануне воскресенья или особо отмечающихся праздников; Всенощное Бдение. 2. О продолжительном вечернем или ночном скандале.

Всю'ношна. См. Всюношна;

8) варианты типа *щя́стя и щя́стья* или *пры́мак и прыма́к*:

Щя́стя. См. Щястя.

Щя́стя и щя́стья, ср. Счастье; удача, успех. □ *Щя́сте*.

Пры́мак, м. Муж, принятый в дом жены. □ *Пры́мак*. □ *Прыма́к*. Δ *Пойтý в прымакы́*.

Прыма́к. См. Прыймак;

9) варианты с начальными *вяя-* и на *вя-*:

Вьяза́нка и вяза́нка, ж. 1. Связка (дров и т.п.). 2. Небольшой связанный сноп конопли. 3. Приспособление для переноски сена, соломы, дров и т.п., сплетенное в виде небольшой (округлой формы) сети с крупными ячейками, закрепленными на деревянном обруче. ■ *Вязанкы́*. Власовка.

Вьяза́нка. См. Вьяза́нка.

Вьяза́ть и вяза́ть, несов., перех.; *вяяжу́ и вяжу́, вьяжэ́ и вяжэ́, вьяжуть* и *вяжуть*. 1. Завязывая, связывая, скреплять, стягивать, обычно изготавливая

что-л. Δ **Вязать винык**. Δ **Жыто (рож) вязать**. Δ **Вязать снопы (снопыкы)**. Δ **Вязать пучкám**. Δ **Вязать щёткы**. Изготавливать таким способом приспособления для побелки домов. 2. **Вязать лэнты (шары) на кónэй**. В свадебном обряде — привязывать для украшения цветные ленты и т.п. на конскую упряжь (свадебного поезда). 3. Стягивать кому-л. веревкой, ремнем руки, ноги, чтобы лишить свободы движений. 4. Плести спицами, крючком. | Плетением изготавливать рыболовные снасти (сети и т.п.). 5. **Вязать двэри, вiкна**. В строительстве — скреплять особым способом деревянные части между собой при изготовлении дверей, окон.

Вязать. См. Вязать.

Вязныйк и вязныйк, м. Вязкое, болотистое место.

Вязныйк. См. Вязныйк;

10) варианты с протетическими **в** и **г**:

А́рба. См. Гарба.

Га́рба и а́рба, ж. Большая четырехколесная или двухколесная телега с высокими бортами для перевозки сена, соломы. □ **Га́рба**. □ **Гарба**. □ **Га́рба**. □ **А́рба**. □ **Арба**. ▀ **Га́рбы**, мн.

Вута́к и ута́к, м. То же, что Сэлэзэнь.

Ута́к. См. Вутак.

Ву́лычный. См. Вулышный.

Ву́лышный и ву́лычный, улышный и улычный, а, э, и. Неофициальный, данный сельской общиной (о прозвище).

Улы́чный. См. Вулышный.

Улы́шный. См. Вулышный.

Вусы́ и усы́, мн. (ед. **вус** и **ус**, м.). 1. Волосной покров над верхней губой. 2. **В ус**. В строительстве — способ соединения наличников (окон и дверей), имеющих скос (обычно в 45°). Δ **Сажать на ус**. Соединять детали наличников (окон, дверей), имеющие такой скос.

Усы́. См. Вусы.

Во́стрый. См. Гострый.

Го́стрый и во́стрый, а, э, и. 1. Имеющий хорошо колющий конец или хорошо режущий край. □ **Го́стрый**. 2. Суживающийся к концу. □ **Го́стрый**. □ **Во́стрый**;

11) варианты на **-мня** и **-мя**:

Врэ́мня и вре́мя, ср. 1. Последовательная смена минут, часов, дней, лет и т.п. 2. Промежуток в последовательной смене часов, дней, месяцев и т.п. Δ **По вре́мню (вре́мю)**. Δ **В послiдне вре́мя**. □ **Врíмя**. 3. Эпоха, период (в жизни общества, государства). Δ **Старэ́ вре́мя**. Δ **Врэ́мя Хрущё́ва**. Δ **Ста́лински врими́на**. Δ **Тэ́ вре́мя (ти вре́мэна́)**. Тогда.

Врэ́мя. См. Врэ́мня;

12) варианты с начальными **у** и **в**.

В говорах префикс **у** переходит в **в**, наблюдается смешение начальных **у** и **в**, в соответствии с чем слова в Словаре подаются на **у** и на **в** с отсылкой в алфавит.

Вбáчить и **убáчить**, *сов., перех.*; *вбáчу* и *убáчу*, *вбáче* и *убáче*, *вбáчают* (*вбáчают*) и *убáчают* (*убáчают*). Воспринять зрением; увидеть.

Убáчить. См. Вбачить.

Ввыжáтьця и **ввыжáтца**, **увыжáтьця** и **увыжáтца**, *несов.* Казаться, чудиться, мерещиться; видеться (в снах и т.п.). Δ *Уважáтьця у мýслях* (*у головí*).

Увыжáтьця. См. Ввыжатьця.

Вгорí и **угорí**, *нареч.* То же, что Ввэрху.

Угорí. См. Вгори.

Встрíнуть и **устрíнуть**, *сов., перех.*; *встрíну* и *устрíну*, *встрíнэ* и *устрíнэ*, *встрíнуть* и *устрíнуть*; *устрíнул* и *устрíл*, *пр. вр. м.*, *устрíнула* и *устрíла*, *ж.* Увидеть идущего навстречу, сойтись с ним; встретить, повстречать.

Устрíнуть. См. Встринуть.

Ср.:

Стрíнуть, *сов., перех.*; *стрíну*, *стрíнэ*, *стрíнуть*. То же, что Встринуть.

Варианты, как уже было указано выше, в Словаре специально не реконструируются, в качестве заголовочного слова приводится зафиксированная единица, что непосредственно отражает процессы, происходящие в живой речи носителей диалекта. Например:

Ввидéние, *ср.* В православном народном календаре — Введение во Храм Пресвятой Богородицы (4 декабря).

Взаслíд, *нареч.* Непосредственно за кем-л., чем-л., не отставая; следом. Δ *Идтьí възаслíд*.

Предлоги **в** и **у** по функциям не различаются, представляя собой две фонетические разновидности одного предлога, который употребляется с тремя падежами — родительным, винительным и предложным и выполняет те же функции, что и русские предлоги **в** и **у**. В Словаре предлоги подаются в алфавите соответственно на буквы **в** и **у**.

В и **у**, *предлог*. 1. *С вин.* и *пр. п.* Употребляется при обозначении места, направления куда-л. или нахождения где-л. 2. *С вин. п.* Употребляется при обозначении предмета, через который, сквозь который совершается (или направляется) действие, движение. 3. *С вин. п.* Употребляется при обозначении

нии состояния, формы, вида чего-л. 4. *С пр. п.* Употребляется при указании на внешний вид кого-л., чего-л., одежду. □ **Ув.** 5. *С вин. п.* Указывает на предмет или понятие, являющееся единицей или образцом измерения чего-л. 6. *С вин. и пр. п.* Употребляется при обозначении момента времени, какого-л. периода. Δ **В одну неділю.** За одну неделю. 7. *С род. п.* Употребляется при обозначении обладателя, владельца чего-л. или носителя каких-л. свойств, качеств. □ **Во.** □ **Ув;**

13) личные местоимения 3 л.:

Вона́ и она́, *личн. местоим. 3 л. ед. ж.* Указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или последующем повествовании существительным ж. р. ед. ч.

Она́. См. Вона.

Вонó и онó, *личн. местоим. 3 л. ед. ср.* 1. Указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или последующем повествовании существительным ср. р. ед. ч.

Онó. См. Воно.

Воны́ и оны́, *личн. местоим. 3 л. мн.* Указывает на предмет речи, выраженный существительными м., ж. и ср. р. мн. ч.

Оны́. См. Воны.

Как правило, в качестве основного слова (первого по порядку расположения) выступает единица, наиболее приближенная к украинскому варианту.

Васі́лий, *м.* См. Васыль.

Васы́ль и Васі́лий, *м.* В православном народном календаре — день Василия Великого (14 января). Δ **Васі́лий Блаже́ный.** Δ **Васы́ль Вэ́лькый.** То же, что Васыль.

В одной словарной статье без ссылки в алфавит разрабатываются слова:

1) с префиксом **пид-/пыд-:**

Пидбыва́ть и пыдбыва́ть, *несов., перех.;* *пидбыва́ю и пыдбыва́ю, пидбыва́ (пидбыва́е) и пыдбыва́ (пыдбыва́е), пидбыва́ють и пыдбыва́ють.* Перемешивая, взбивая (одновременно добавляя муки, сдобы и т.п.), делать тесто гуще, пышнее. Δ **Пыдбыва́ть з му́кы́чкой.** Δ **Пыдбыва́ть хми́ль.** Приготавливать закуску для теста из дрожжей и муки.

Пидгуркнۇ́тьця и пидгуркнۇ́тця; пыдгуркнۇ́тьця и пыдгуркнۇ́тця, *сов.* Подскочить, запрокидываясь, валясь на бок при езде (о санях).

Піддивка и пы́ддивка, *ж.* Девочка-подросток.

Пиднэ́бня и пы́днэ́бня, *ср.* То же, что Будка.

Варианты с *под-* подаются внутри словарной статьи за знаком □:

Пидбрóсьть и **пыдбрóсьть**, *сов., перех.; пидбрóсю (пидбрóшу) и пыдбрóсю (пыдбрóшу), пидбрóсэ и пыдбрóсэ, пидбрóсят (пидбрóсют) и пыдбрóсят (пыдбрóсют)*. Тайком оставить где-л., кому-л. своего ребенка. □ **Подбрóсьть**.

Пидзóр и **пыдзóр**, *м.* Простыня с кружевом, спускавшаяся (при застилании кровати) ниже покрывала. □ **Подзóр**. □ **Падзóр**.

Варианты с *пыд-* не реконструируются в Словаре специально:

Пíдлиток, *м.* Мальчик или девочка 12–16 лет — переходного возраста от детства до юношества; подросток, несовершеннолетний. *Цэ вин пидлиток*. Власовка;

2) с префиксом *роз-/рос-* в позиции перед глухим:

Розщэрытыця и **розщэрытца**; **росщэрытыця** и **росщэрытца**, *сов.* Расшириться, подняться торчком; растопорщиться (об одежде, ткани и т.п.).

Розсвэтытыця и **розсвэтытца**; **россвэтытыця** и **россвэтытца**, *сов., безл.* О наступлении рассвета.

Розпúкуватыця и **розпúкуватца**; **роспúкуватыця** и **роспúкуватца**, *несов.* То же, что Роспукатыця.

В остальных случаях (перед звонким) преимущественно представлен вариант на *раз-* (в соответствии с зафиксированными материалами):

Разнопéрный, *а, э, и.* Имеющий перья разной окраски.

Раздуванчиком, *нареч.* С расширением в нижней части (об одежде).

Раздáтый, *а, э, и.* Большой и выпуклый (о животе беременной женщины, что, по поверью, предвещает рождение мальчика);

3) варианты с *ц'/ц* на конце слова:

Кинéць и **конéць**, *м.* 1. Предел, граница чего-л. (о пространстве, протяженности предмета); также часть пространства, предмета. 2. Последний момент (о времени, о чем-л., протекающем во времени); время, связанное с этим моментом.

Если существительное в речи функционирует редко, например только в рамках устойчивого сочетания, фразеологизма, то форма с твердым [ц] не реконструируется:

Грэць, *м.* ~ *Иды к грэцю*. Бранное выражение. Употребляется как пожелание избавиться, отделаться от кого-л. надоевшего, неприятного; иди к черту. *Мы кажýмо: — Иды к бýсу, иды к грэцю*. Журавка;

4) глаголы на *-тьця /-тца:*

Ла́щитьця и **ла́щитца**, *несов.* Нежно лънуть, ласкаться к кому-л.

Лоско́читьця и **лоско́читца**, *несов.* Возбуждаться, раздражаться от щекотки.

Набала́катьця и **набала́катца**, *сов.* Вдоволь, много поговорить; наговориться.

Проблуды́тьця и **проблуды́тца**, *сов.* Проблуждать в течение некоторого времени, сбившись с дороги;

5) акцентные варианты:

Згла́зы́ть, *сов., перех.;* *згла́зю, згла́зе, згла́зять* и *згла́зють.* То же, что Глазува́ть. □ *Згла́зыть.* □ *Зглазы́ть.*

Жа́воро́нкы́, *мн.* Печенье, булочки (обычно в виде птичек), которые пекут в день Сорока мучеников (22 марта). □ **Жаворо́нкы́.** □ **Жа́воронкы.** □ **Жа́воро́нкы.**

За знаком □ внутри словарной статьи приводятся следующие варианты:

1) отражающие чередование *о//у:*

Война́, *ж.* □ **Вуйна́.**

Вона́ и **она́**, *личн. местоим. 3 л. ед. ж.* Указывает на предмет речи, выраженный в предшествующем или последующем повествовании существительным *ж. р. ед. ч.* □ **Вуна́.**

Кожу́х, *м.* Длинная широкая шуба с большим воротником, сшитая обычно из овечьей шкуры мехом внутрь. □ **Кужу́х.**

Кожуша́ный, *а, э, и.* Изготовленный, сшитый из овчины. □ **Кужуша́ный.** Δ **Кужуша́на шуба.** См. Шуба.

Кожушо́к, *м. 1. Уменьш.-ласк. к Кожух.* □ **Кужушо́к. 2. Ласк.** Женский тулуп.

Пойи́хать, *сов., неперех.;* *пойи́ду, пойи́дэ, пойи́дуть.* 1. Начать ехать. 2. Отправиться куда-л. при помощи каких-л. средств передвижения. □ **Пуйи́хатъ;**

2) произносительные варианты, отражающие живые фонетические процессы:

а) **о** — **а** в безударной позиции:

Анто́новцы, *мн.* Участники крестьянского восстания в Тамбовской и части Воронежской губернии 1920-1921 гг. под руководством А.С. Антонова. *Анто́новцы якiс' булы.* Власовка. □ **Анто́навцы.** *У гражда́н'с'ку войну́ хова́лыс' тут у ли́си анто́навцы.* Власовка.

б) *е* — *и* в безударной позиции:

Ангелóчѣк, *м.* 1. Уменьш.-ласк. к Ангел. 2. **Ангилóчѣк Бóжий**. Ласк. О младенце; ребенке;

в) *э* — *е* в ударной и безударной позиции:

Брѣдынь, *м.* Небольшой невод, которым ловят рыбу вдвоем, идя бродом.

□ **Брѣдинь**.

Брэхать, *несов., неперех.*; *брѣшу́, брѣше́, брѣшуть*. 1. Говорить неправду.

□ **Брехать**. Δ **Брехать языко́м**.

Охнѣчѣк, *м.* Сарай над погребом. □ **Охнѣчѣк**;

г) *ы* — *и*, *э* — *ы* в безударной позиции:

Бызрукáвка, *ж.* 1. Короткая стеганая ватная одежда без рукавов и воротника. □ **Бизрукáвка**.

Бѣшы́ха, *ж.* Рожистое воспаление кожи. □ **Бышы́ха**.

Винѣць и **винѣц**, *м.* 1. Церковный обряд бракосочетания; венчание.

□ **Вынѣць**. □ **Винѣц**. Δ **Пид винѣць**. Для венчания. Δ **Винѣцѣ надивáть**. Венчать. Δ **Иты́ под винѣц с кем-л.** Жениться на ком-л. 2. То же, что Винчик.

□ **Вѣнѣць**. 3. В строительстве — каждый горизонтальный ряд брёвен в срубе. Δ **Нѣжний винѣць**. Нижний ряд бревен в срубе;

3) варианты существительных ср. р. на *-нне* и на *-ния* (при сущ. на *-ння*):

Здвѣжѣння и **здвѣжѣння**, *ср.* 1. Движение, при котором происходит сединение кого-л., чего-л., приближение друг к другу. 2. То же, что Воздвижѣнне. □ **Здвѣжѣння**. □ **Здвѣжѣння**. † День, когда пресмыкающиеся сползаются в одно место, под землю, где и проводят всю зиму; в это время тщательно запирают ворота, двери и т.п., чтобы они не заползли на крестьянский двор. □ **Здвѣжѣння**. □ **Здвѣжѣння**. □ **Здвижѣние**.

При этом варианты не реконструируются, в качестве заголовочного слова подается та форма, которая зафиксирована в материалах.

Востáння, *ср.* Массовое вооруженное выступление для защиты своих интересов. □ **Востáния**.

Засивáние, *ср.* Обряд, при котором ранним утром под старый Новый год мальчики, войдя в дом хозяев, встают перед иконой и, читая нараспев текст новогоднего поздравления, бросают зерна посевных культур, приговаривая: «Сею, сею, посеваю, С Новым годом поздравляю»;

4) варианты, фиксирующие изменения по глухости — звонкости:

Баз, *м.* Огороженное место, загон для скота (на дворе, в поле). □ **Бас**.
■ **Базы́**, *мн.*

Важкый, *á, é, í*. 1. Имеющий большой вес; тяжелый. 2. Исполненный трудностей, лишений и т.п. □ **Ваикый**. 3. **Важка смэртъ**. См. Смэртъ;

5) единично зафиксированные в исследуемых говорах варианты:

Борщ, *м*. Жидкое кушанье, приготовленное из свеклы, капусты и других овощей. □ **Боршч**, *м*. ■ **Борщэм**, *тв. п.* Δ **Хахляцкый борщ**.

Врэмьянка, *ж*. То же, что Кухня (во 2-ом знач.). □ **Рымьянка** и **римьянка**.

Внутри словарной статье разрабатываются также:

1) глаголы с разными суффиксами инфинитива: читать и читаты (с. 1025), житы, стояты (с. 908).

Читать, *несов., перех.*; *читаю, чита́ и читае, чита́ють*. 1. **Чита́ты**. Фольк. *Похо́лэк малэ́н'кый роды́вся в вивто́рок, а в сэ́рэду ра́но мэ́нэ в шко́лу одда́но а́збуку чита́ты, Хрыста́ вэлыча́ты*. Воронцовка. 2. Произносить (часто наизусть) молитвы (псалтырь) во время похорон. Δ **Кано́н чита́ть**. | В суеверных представлениях — произносить заговор, молитву (обычно шепотом) с целью излечения от болезни и т.п., насланных при помощи магии, колдовства. Δ **Чита́ть моли́тву**;

2) в соответствии с зафиксированными материалами номинации с *-оват-*:

Жовтува́тый, *а, э, и*. С желтым оттенком. □ **Жовтовáтый**;

3) варианты с *-ыва-* (при глаголах с *-ыва-* — *-юва-*):

Згла́зывать и **згла́зывать**, *несов., перех.*; *згла́зую и згла́зуюю, згла́зую и згла́зуюе, згла́зують и згла́зують*. В суеверных представлениях — приносить несчастья, болезни дурным глазом или вредить кому-л., чему-л. похвалами, хорошим отзывом и т.п.; глазить. □ **Згла́зывать**. □ **Згла́зывать**. □ **Згла́зывать**.

Литература

Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. 2-е изд. Томск, 1975.

Богословская З.М. Связь формального варьирования слова с другими явлениями современного русского народного говора // Актуальные проблемы русской диалектологии: Тезисы докладов Международной конференции 27–28 октября 2012 г. М., 2012. С. 13–15.

Козырев В.А. Диалектная лексикология на современном этапе: Учеб. пособие к спецкурсу / ЛГПИ им. А.И. Герцена. Л., 1986.

Сагаровский А.А. Очередная ступенька диалектной лексикографии // Воронежское лингвокраеведение. 2009. Вып. 2. С. 214–218. — Рец. на кн.: Словарь

украинских говоров Воронежской области: в 2 т. Т. 1. А–М / М.Т. Авдеева. Воронеж, 2008.

Сокращения

ЛЭС — Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1999.

НОС — Новгородский областной словарь / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин и С.А. Мызников. Авт.-сост. А.В. Клевцова, А.В. Никитин, Л.Я. Петрова, В.П. Строгова. Ред. А.В. Клевцова, Л.Я. Петрова. СПб., 2010.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: в 2 т. / науч. ред. Л.А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

Список географических названий Воронежской области

Великоархангельское — с. Великоархангельское Бутурлиновского района

Власовка — с. Власовка Грибановского района

Воронцовка — с. Воронцовка Павловского района

Журавка — с. Журавка Кантемировского района

Макашевка — с. Макашевка Борисоглебского округа

Марки — с. Марки Каменского района

Variation in the dictionary of ukrainian dialects of the Voronezh region

Elena Syanova

syanovaei@mail.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The creation of a lexicographic work devoted to the description of a particular dialect is connected with the problem of word identity and variability, variation and synonymy, i.e. the boundaries of a dialect word. In the article, the author shows how the variation is presented in the lexicographic project “Dictionary of Ukrainian dialects of the Voronezh region”.

Keywords: variability, dialect dictionary, Ukrainian dialects of the Voronezh region

Иллюстративная зона в региональном онимическом словаре

Людмила Алексеевна Климкова

dialekt_arz@mail.ru

Арзамасский филиал ННГУ им. Н.И. Лобачевского,
Арзамас, Россия

Среди многочисленных типов словарей в отечественной лексикографии особое место занимают региональные словари, в частности — микроонимические. Специфичны те из них, что ориентируются на фиксацию фактического материала внутри той или иной микросистемы, в восприятии и интерпретации его самими пользователями, что отражается в иллюстративной зоне словарной статьи, часто полифонической. В ней приводятся тексты, передающие подлинную народную речь, представляющую жизнь онима: его номинативность, историю появления, мотивацию, событийный фон, связанный с объектом (как прецедентный, послуживший причиной и основой номинации, так и последующий, в развитии). При этом тексты имеют разветвленную типологию, их рассмотрению и посвящена данная статья. Именно тексты вместе с фиксируемыми единицами придают микроонимическому словарю статус синкретичного, диалектно-онимического.

Ключевые слова: микроонимический словарь, словарная статья, структура словарной статьи, иллюстративная зона, текст, типология текстов

Отечественная лексикография с конца XX — начала XXI вв. переживает настоящий бум. Сейчас она насчитывает уже около 3500 изданий [Козырев, Черняк 2014], кроме того, в разработке находится целый ряд лексикографических проектов. В их числе и словари, создающиеся на региональном материале, что обуславливает их специфику как в целом, так и в структуре, содержании словарных статей. К ним относятся региональные онимические словари — (микро)топонимические и (микро)антропонимические. Именно к таким микроонимическим словарям мы и обратимся, причем на материале (в основном микротопонимии) Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья. Они ориентированы на фиксацию части лексики (онимии), функционирующей в диалектных микросистемах, в совокупности составляющих диалектную макросистему региона, и представление при этом суммы знаний о той или иной единице, в которую входит ее внешний облик (написание, произношение); значение; парадигматические (вариативность, полионимия, тезоименность,

сравнительность, параллелизм), синтагматические, ассоциативно-деривационные отношения; исторические, этимологические сведения; информация о координатах микросистемы, в которой функционирует единица. Все эти и другие параметры подачи слова отражены в словарной статье, которая в соответствии с этим делится на ряд зон [см.: Климкова 2017а: 1–5]. Специфика микроонимического словаря проявляется в каждой из них.

Заглавное слово (лемма) может подаваться сразу с вариантами, прежде всего с орфоэпическими и морфологическими, структурно-словообразовательные же могут подаваться в отдельных словарных статьях с отсылочной зоной, часто единственной в словарной статье (кроме леммы). При полионимии единицы подаются в разных словарных статьях.

Грамматическая зона эксплицируется, обязательна при специфике, при вариативности единицы (в частности по роду), при отличии грамматических показателей от типичных, общенародных (в литературном языке и других говорах), но может быть и имплицитной при общенародности, вхождении в общенародный грамматический фонд.

Коннотативная зона в основном отсутствует в микротопонимических словарных статьях, за редким исключением: в случае вторичных, чаще насмешливых (*насмешл.*), наименований или темпоральных показателей *устар.*, *нов.*, а также темпорально-социальных (возрастных), более пространных по выражению: в *речи пожилых* (старшего поколения), в *речи молодежи*. В микроантропонимии эта зона действительна, актуальна, правда, предстает она более узкой, нежели в словарях литературного языка, в апеллятивных словарях. Так, здесь нет стилевых помет, поскольку единицы только однозначно компонентно окрашенные — регионализмы, диалектные, территориальных диалектов. Более представлена эмоционально-экспрессивная, аксиологическая окрашенность, передаваемая через общие пометы *обидн.-необидн.* (обидное-необидное), реже через их конкретизацию: *положит.*, *одобр.*, *уваж.*, *ирон.*, *насмешл.*, *неодобр.*, *презр.*, *груб.* Используются, как и в микротопонимии, темпоральные, темпорально-социальные пометы.

Дефинитивная зона является суженной по сравнению со словами апеллятивной лексики, что определяется спецификой онимов как лексического (или лексико-грамматического) разряда, тем, что они обладают повышенной («гипертрофированной») номинативностью, не имеют сигнификата или, в случае с микротопонимами, имеют

опосредованную связь с ним. Поэтому микроонимы обычно не имеют описательных дефиниций, тем более развернутых. Для микротопонимов дефиниция дается через географический термин, обозначающий вид, характер объекта, своего рода дефиниция-эквивалент, тем более если географический термин входит в составной микротопоним, хотя здесь возможно и расхождение сути географического термина и характера объекта (поле стало лесом, усадьба — лугом и т.д.). Используются и общие обозначения — *место, урочище*. Во всех случаях в дефиницию не включается местоположение объекта, его координаты. Они даются через адрес микросистемы (населенный пункт, район), иногда содержатся в иллюстративной зоне.

В микроантропонимическом словаре дефиниция дается в виде названия характера неофициального антропонима (прозвище, уличная фамилия, персоним, трансформация персонима) и гендерной, возрастной номинации (мужчина — женщина, девушка — юноша, мальчик — девочка), без конкретизации лица фамилией, именем, отчеством, без указания года рождения — по этическим соображениям; при уличной фамилии дается официальная фамилия семьи [см. об этом: Климкова 2015: 89–90].

Далее следуют:

- 5) иллюстративная зона;
- 6) локальная прикрепленность единицы (адрес микросистемы через указание населенного пункта и района области);
- 7) комментирующая зона;
- 8) отсылочная часть.

Чрезвычайно важное значение имеет иллюстративная зона [ср.: Козырев, Черняк 2004: 48–49] — фиксация подлинно народной, диалектной речи, текстов. Именно в ней проявляется взгляд на микроониимию изнутри системы. При этом тексты разнообразны по типологическим признакам, как и в иллюстративной зоне к апелляциям [см.: Климкова 2013: 78–81; 2017б: 220–225]. Прежде всего они делятся на бытовые, фольклорные (предания, легенды, былички и др.), к которым примыкают тексты-аллюзии, реминисценции сказочных сюжетов.

Бытовые, они же информационные, делятся в зависимости от цели, аспекта представления языковой единицы и реалии, от функционально-семантической направленности речи. Одни из них призваны установить факт наличия названия и объекта, стоящего за ним, информировать о том и другом (констатирующие, экзистенциальные), другие — соотнести название с объектом и информировать об этой

взаимосоотнесенности (идентифицирующие). Ср.: **Курёнь**. Луг. *Исть у нас Курёнь, луг так зовут. А прозвали ёво так потому, што он крайняй* (Шилокша Кул.). **Купавна**. Овраг. *Эт вершина. Там купавки всегда растут, все за ними туды ходют. Вот и называют Купавна* (Круглово Ард.). [Полное название районов Нижегородской области и представление информантов см.: Климкова 2006, I: 25; 30–71].

В одних текстах реализуется задача описать объект, назвав его характерные признаки (описательные, тексты характеристики), в других — представить ситуацию именованя, события, предшествующие акту номинации или связанные с уже поименованным объектом (повествовательные, нарративы), в третьих — изложить мотив номинации, порассуждать о нем и его результате в виде онимической единицы (объяснительные, пояснительные, типа рассуждения). При этом описательные тексты являются статальными, передающими признаки постоянные или отличающие объект в настоящем соответственно времени записи текста, или динамическими, представляющими признаки реалии в прошлом, с течением времени претерпевшие изменения. Ср.: **Мокрúша**. Лес. *Лес эт, глуменной, непроходимай, много болот там. — Сыро там. От сырости назвали, от воды* (Перевоз). **Остров**. Лес. *Лес один был, орехов там много было, поэтому так и звали. — Лес маненькай был, огорожен был со всех сторон полями, как остров в море, вот и зовут Остров* (Троицкое Княг.).

Повествовательные тексты являются, по сути дела, событийными, представляющими событийный фон, как прецедентный, так и последующий, отражающий динамику жизни объекта и имени [см.: Климкова 2016: 15–18]. Поэтому естественны в таких текстах исторические сведения. Ср.: **Липояшкина делянка**. Место в лесу. *Давали делянки в лесу. И нанялся пилить дядя Ваня Липояшкин. Оне вот приезжали отколь-то, семья цёла, пилили там эту делянку, дрова-а-а. Оне тут и жили: жона и двое детей, бишь трое у них было: Нюра, Ваняшка и Люсенька. И жона Маша. А прозвишио у них Липояшкины. Так и прозвали эту Липояшкиной делянку-ту* (Котиха Арз.). **Клопóвка**. Бывшее название д. Вишнёвая. *Барин выселил несколько семей в лес, оне в землянках жили, виши и клопы их заели, вот и назвали одну улицу Вишивкой, другу — Клоповкой. И всю деревню так звали. Щас она Вишнёва* (Каркалей Ард.). **Майдáн**. Место в лесу. *Там был завод потáшной в лесу, смолу брали. Деревня-то стоит на этом месте* (Винный Майдан Д.-Конст.).

Большое место занимают мотивационные тексты, объяснительного характера, в которых содержатся (рас)суждения о причинах номи-

нации, через приведение мотиванта, подлинного или предполагаемого, дается обоснование появления единицы-леммы. Во втором случае выстраиваются гипотезы и мотивированность единицы является гипотетической, отражающей такое качество диалектной лексики, как стремление к мотивированности. Ср.: **Отвѣд.** Овраг. *Большой овраг-то, а уж от него поменьше отходят. Отходят, отводются. Вот и зовут Отводом. Отвод-от издалёка уж больно на рогатку похож* (ЧепасПерв.). **Ломáчиха.** Участок леса. *Не знаю, пачиму так звать эту делянку Ламáчиха. Можá, на прозвищу каму-то* (Тольский Майдан Лук.). **Ромáниха.** Овраг. *Я хто ё знат, што так зовут. Давно ёво так зовем. Какá-нето баба была* (КотихаАрз.).

Мотивация иноязычного по происхождению слова имеет характер перевода, более или менее приближающегося к точному, или в тексте дается констатация нерусскости слова. Например: **Кискáнь яма.** Овраг. *В Кискань ямá барин своих собак хоронил. Вот так и назвали. Названье мордовское: собачий овраг, значит* (Пермеево Б.-Болдино). **Тумонь вирь.** Лес. *В этом лесу очень много дубов, поэтому и назвали: тумо — дуб, по-мордовски* (Пандас Перв.).

Широко представлены полимотивационные тексты, при этом проявляют себя несколько позиций: 1) поливерсионность внутри одной микросистемы; 2) поливерсионность названия одного и того же объекта в смежных микросистемах; 3) поливерсионность при тезоименности объектов одного рода в разных микросистемах (в этой позиции возможна и одноверсионность). Ср.: **Кири́лловка.** Деревня. *Раньше здесь было поместье Кирила, вот потому и назвали Кирилловкой. — Землемер Кириллов был раньше, вот в честь его и назвали* (Кирилловка Спас.). — **Серёжа.** Река. *Да по имени Сергея назвали. Вот так Серёжа, Серёжа и зовут* (Волчиха (с.) Арз.). *У помещика был сын утонул в реке, поэтому-то и зовём вот Серёжа. Ведь сын-то Сергеем был* (Вторусское Арз.). *Говорят, тракторист утонул там, Серёжей звали. Раньше-та она глубокой была, а плотину смыло, да и обмельчала.* (Мотовилово Арз.). *Рассказывают, будто атаман был у нас, Серёжей его звали, вот по ему и реку назвали Серёжей. Сварли́ва река, с норовом* (Крутой Майдан Вад.). *Вот дома-ти наряжали ветками большие берёзы, серёжками. Вот за ними, за серёжками-ти, ходили к реке. Речку-ту и стали звать Серёжкой, а потом уж Серёжей* (Княгиновка Д.-Конст.). *В лесу река течёт, а лес Серёжа зовут, по ему и реку зовут Серёжа* (Шершово Перев.). **Мочи́лище.** Овраг. *Мóкро место-то было, вроде склон, а долго не сохло. И стали Мочи́лищем звать* (Поляна Пер.). *Каналю там*

мачили, вот и назвали Мачилище (Ульяново Лук.). — Серебрянка. Улица. Баят, будто здесь вдоль парядка трава какá-то расла, жёлта, серебрянка (Большое Маресьево Лук.). Серебрянка. Луг. В самы ранни морозы этот луг сё серебром покрывался (Белозерье Арз.). Серебрянка. Ручей. Ой, эт у нас туды все отходы, вся грязь из завода текёт. Вот для смеху и прозвали Серебрянкой (Михайловка Арз.). — Мельница. Место в поле. Раньше на этом месте мельница была (Большой Мака-телем Перв.). Мельница. Пруд. Мельница там была (Вад). Мельница. Место в селе. Лет пятнадцать сгорела тут мельница, ее монашки построили (Понетаевка Шатк.). Мельница. Болота. Их окол мельницы вырыли (Никольское Арз.).

Среди мотивационных текстов колоритны те, что отражают народную этимологию единицы на базе фонетической ассоциации. Ярким примером является выше приведенный текст к *Серёжа*. См. еще: **Киньдэва**. Овраг. *Одна девка уташишыла у богатово кольцо и убежала. А он за ней вдогонку, но в годках был, догнать не мог и всё кричал её: «Кинь, дева, кинь!» Вот и прозвали так: Киньдева. Зовут стары люди (Выползово Ард.). Кистарás*. Овраг. *Мужик был богатой. Тарасом звали. Убили ево около вершины, в рецушке утопили. И он там долго кис. Вершину поэтому так и стали звать: кис Тарас — Кистарás (Большое Череватово Див.).* При этом какими бы фантастическими ни были этимоны микропонимов, они не должны сбрасываться со счетов, поскольку в русле поиска мотивации единицы проявляется креативность пользователей микросистемы.

Объемен компонент онимической системы, включающий демотивированные единицы. В текстах к ним (и с ними) используются соответствующие сигналы-синтагмы: не знай, что так «зовут», «давно уж зовём, а почему — не знам», «а я откуда знаю, что назвали», «я рай знаю, что назвали», «сыстари веку так зовут, а што — не знай», «кто знат, что так зовут — ведь всё стары люди назвали», «а почему так и зовут — не знаю, еще предки назвали так», «деды, поди, знали», «стариков нады спрашивать», «стары люди знали, конечно, а их уж нет, спросить некого» и под. Это сигналы традиционного слоя микроонимии, как и те, что свидетельствуют о давности номинации в мотивационных текстах: «сказывали родители», «деды-прадеды назвали, и мы так зовём», «сроду так звали, и мы зовём», «чай, старики бывалошны баяли, что так назвали», «слыхали от стариков названье-то», «всегда так было» и др.

Типовой в иллюстративной зоне словарной статьи является модель комплексного синкретичного текста, в котором совмещаются элемен-

ты разных текстов или разные тексты при поливерсионности, тезоименности и параллелизме. См. примеры: **Соплёва Гора**. Холм. Место в лесу. Грибов там много, маслят, а оне все сопливы, вот и Соплёва. — Не знай, почому так назвали. — И гора у нас Соплёва, она длі́нна-длиннюща, не больно крутая, а долга. Идти-то сё ровно тижёло: больно долга. Вот поэтому, поди, и назвали (Волчиха (д.) Арз.). А эт у нас гора-та, Окулинькина-та, как Соплёва. Эт в Волчихе есь Соплёва гора, она полбога, а длинна, уж така́ длі́нна, пока таиши́йся по ней, и соплями, и слюнями изойдёшь. [Смеётся]. Поесь нады как следоват, а потом уж идти по ней. Чай, не вру. Да и вобишэ без ёды нет ходы. Вот и назвали (Селякино Арз.). **Бесиловка**. Улица. Там, говорят, колдуны жили, к ним бесы ходили. Эт кое-что стáры люди говорили, вот и прозváли иё Бесиловка. — Глупый парень там жил — Бесила, и улицу так назвали Бесиловка. — Яшка Козин сбисился: на поповым угороди построился, так и назвали Бесиловка. (Атемасово Ард.). Вот жили все люди в дяревне: адин взял да ушел ат атца, дом на краю пастроил, все и гаварили: сбисился, что ли, ат атца-ти ушёл, вот и назвали Бесиловкой (Чуварлейка Арз.).

Особый тип представляет собой тексты изобразительно-выразительного регистра, проникнутые лиризмом, эмоционально и экспрессивно окрашенные. Очень часто это тексты-воспоминания. Например: «Ой, как я люблю наше село! Вот сорок лет жили на стороне, а оно мне снилось часто. Глаза закрою, а мне наш Дол перед глазами, Шеманиха, Грузник. А Молвина!.. Красотища какá! С трех сторон лес подступат, а цветов-ти! Рáзны-рáзны. А тишина-а-а. Летом-ти придёшь, сядеши в цветы, в траву. А кругом ни ветерка, ничего не шелóхнется, не молвит. Наверно, и Молвина поэтому. Как вспомню, прям сердце обмират» (Селякино Арз.).

Все рассмотренные типы текстов-иллюстративного материала в словарной статье реализуются и в микроантропонимическом словаре [см.: Климкова 2015: 89-90]. Разница может быть в удельном весе реализации того или иного типа. Так, например, в нем меньше текстов с историческими данными.

В целом иллюстративный материал предстает важным компонентом регионального онимического словаря. В нем реализуется богатая, разветвленная типология текстов, отражающих подлинную народную речь. Иллюстративная зона такого словаря вместе с самими фиксируемыми проприальными единицами определяет его специфику как синкретичного — диалектно-онимического.

Литература

Климкова Л.А. Микропонимический словарь: «коридор голосов» // Ученые записки Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. 2017а. №4 (12). С. 1–5.

Климкова Л.А. Региональный словарь через призму коммуникативной ономастики // Слово и словарь = Vocabulum et vocabularium: сб. науч. материалов / Нац. акад. наук Беларуси, Центр белорус. культ., языка и лит-ры, Ин-т языкознания им. Якуба Колоса; редкол.: И.А. Копылов (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017б. С. 220–225.

Климкова Л.А. Типология текстов в составе микропонимических комплексов // Вопросы русской исторической грамматики и славяноведения: к 175-летию со дня рождения Ватрослава Ягича: материалы международного научного семинара (19–20 сентября 2013 г., г. Петрозаводск). Петрозаводск, 2013. С. 78–81.

Климкова Л.А. Параметры диалектного микроантропонимического словаря // Современные проблемы лексикографии: материалы конференции / отв. ред. О.Н. Крылова; Ин-т лингв. исслед. РАН. СПб., 2015. С. 89–90.

Климкова Л.А. Событийность как основа микропонимии // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. научных статей / сост.: А.М. Мезенко, Е.А. Зайцева, О.В. Шеверина; под науч. ред. А.М. Мезенко. Витебск, 2016. С. 15–18.

Климкова Л.А. Микропонимический словарь Нижегородской области (Окско-Волжско-Сурское междуречье): в 3-х ч. Арзамас, 2006.

Козырев В.А., Черняк В.Д. Лексикография русского языка: век нынешний и век минувший: монография. СПб., 2015.

Illustrative area in regional dictionary of onyms

Ljudmila Klimkova

dialect_arz@mail.ru

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Arzamas branch),
Arzamas, Russia

Regional dictionaries and dictionaries of micro-onyms in particular take a special place among different types of dictionaries in the well-developed lexicography of our country. The most peculiar are those that present the records of the facts from within this or that microsystem in its perception or interpretation by the users. It is reflected in the illustrative area of the dictionary entry, often a polyphonic one. The dictionary entry usually contains texts with a real folk speech that represents the life of the onym:

its origin, motivation and event-trigger background which is connected with the object (both precedent-related, being the cause and the foundation of the nomination and the one following in the development). The texts have a branching typology. Particularly, the texts with the recorded elements give a dictionary of micro onyms the status of a syncretic, dialect and onymic one.

Keywords: dictionary of micro-onyms, dictionary entry, the structure of the dictionary entry, illustrative area, text, texts typology

Лексикографическая обработка региональной лексики Крайнего Северо-Востока России: возможности и перспективы

Ольга Евгеньевна Шепилева

shep-ol@bk.ru

Северо-Восточный государственный университет,
Магадан, Россия

Наблюдения над региональным лексическим материалом Крайнего Северо-Востока России позволяют выявить регулярность многих слов и выражений, не получивших специального описания в словарях. Поэтому целесообразным представляется рассмотреть возможности дальнейшего развития региональной лексикографии Крайнего Северо-Востока России, связанные с определением статуса региональных слов и выражений, корпуса привлекаемых для исследования источников, необходимостью дальнейшей обработки территориально маркированного лексического материала.

Ключевые слова: регионализм, региональная лексика, региональная лексикография, Крайний Северо-Восток

Территория Крайнего Северо-Востока России, к которому относят Камчатку, Чукотку, Магаданскую область, северо-восточные области Якутии, в лингвистическом отношении очень своеобразна. Формированию русской речи на данной территории способствовали различные факторы: поздний и неравномерный характер заселения этого региона русскими людьми, многие из которых были выходцами из различных областей европейской части Российского государства (иначе говоря, изначально не могло быть и речи об однородности состава населения), постоянное взаимодействие в новых для русского человека условиях с коренными жителями осваиваемых территорий, с переселенцами с других территорий, зональная оторванность Крайнего Северо-Востока от густонаселенной европейской части России, чрезвычайно низкая плотность населения и др. [см. Соколянский 2008].

Явные, очевидные региональные отличия в языке проявляются прежде всего на лексическом уровне. Изучение региональной лексики Крайнего Северо-Востока России в настоящее время проходит в различных направлениях: определение статуса и дефиниций функционирующих в этой области научного знания терминологических единиц (вспомним, к примеру, существующие на сегодняшний день трактов-

ки терминов *регионализм, локализм, региональная лингвистика* и др.), описание накопленного словарного материала в синхроническом и диахроническом аспектах, анализ отражения наивных представлений об окружающем мире жителей данного региона, исследование межъязыковых контактов на территории Крайнего Северо-Востока России. Перечисленным, безусловно, не исчерпывается весь круг исследуемых вопросов. Одним из актуальных вопросов в рамках региональной лексикологии Крайнего Северо-Востока России, на наш взгляд, является лексикографическое описание данной территории.

Региональная лексика на территориях позднего заселения, к которым относится Сибирь и Крайний Северо-Восток России, — весьма интересное явление: она разнородна по своему составу, о чем свидетельствуют многие исследователи. К ней причисляют слова с различной степенью территориальной маркированности — диалектизмы, узкорегиональные слова, семантические и относительные регионализмы, этнографизмы и др. С точки зрения происхождения, региональная лексика представлена как собственно русскими словами, нередко претерпевшими изменения в своей структурной и семантической природе, так и заимствованными из языков коренного населения Крайнего Северо-Востока России лексическими единицами.

Лексическое своеобразие русской речи на Крайнем Северо-Востоке изначально не могло не остаться незамеченным. С самого начала пребывания на данной территории ученых-естественников, государственных служащих любые реалии, связанные с религиозным культом, бытом, традиционными промыслами, климатическими, рельефными особенностями, растительным, животным миром указанного региона, получали полное, исчерпывающее описание в их работах и отчетах — они первыми обратили внимание на необычность речи местного и пришлого русского населения Крайнего Северо-Востока. И хотя большая часть этих исследователей не были языковедами, именно их деятельность определила судьбу многих слов регионального характера в истории лексикографической практики.

Имеющиеся на сегодняшний день лексикографические источники, освещающие лексические особенности территорий позднего заселения, преимущественно связаны с сибирскими говорами. Если говорить о территории Крайнего Северо-Востока России, то количество словарей, в которых зафиксировано своеобразие русской речи этого региона, заметно меньше. Среди таких следует вспомнить об «Областном словаре Колымского русского наречия» В.Г. Богораза (1901), «Словаре

русского камчатского наречия» К.М. Браславца, Л.В. Шатуновой (1977), «Словаре русских старожильческих говоров на территории Якутии» М.Ф. Дружининой (1997-2007), «Диалектном словаре Русского Устья» А.Г. Чикачева (2005) и др. Нельзя обойти вниманием «Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков» и публикуемый в настоящее время «Русский этимологический словарь» А.Е. Аникина, в которых содержится ценнейшая информация о значении, происхождении, территориальной закреплённости многих регионально маркированных лексических единиц.

В этом отношении предпринятое в 2010 г. в Магадане издание «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова, несомненно, очень важный шаг в развитии российской региональной лексикографии, несмотря на то что опубликованные материалы связаны с деятельностью исследователя в 60-80-е годы XX в. [см. Зотов 2010]. Регионализмы советского периода истории нашего края получили описание в работе Ю.А. Резвухиной «Колымские регионализмы переходной эпохи (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века)» (2014). Но все же сегодня следует признать, что словарная обработка лексики Крайнего Северо-Востока России далека от своего завершенного состояния и возможности выявления региональной лексики с целью ее лексикографического описания далеко не исчерпаны.

Не однажды магаданскими исследователями высказывалась мысль о том, что материалы, зафиксированные в словаре Г.В. Зотова, должны быть дополнены, уточнены и расширены. Наши собственные наблюдения позволяют выявить регулярность многих региональных слов и выражений, до сегодняшнего дня не получивших лексикографического анализа в специальных лингвистических источниках. Исключить этот словарный пласт нам кажется весьма опростетчивым, поскольку он является свидетельством исторических, культурных и социальных преобразований в нашем регионе, зеркалом сложившейся картины мира носителей языка.

Основой отбора лексического материала такого регионального словаря должен стать принцип дифференциальности слова, согласно которому лексикографическому описанию подлежат слова и выражения, отличающиеся регионально маркированными признаками семантического или грамматического характера в синхроническом и диахроническом срезах. Анализу могут быть подвергнуты самые

разнообразные тематические объединения слов: наименования природных реалий северных территорий — животных, растений, особенностей ландшафта и др.; наименования предметов материальной культуры жителей Крайнего Северо-Востока России; различные ономастические группы слов и др. Собранный лексический региональный материал должен быть представлен в словаре в форме структурно-семантической конструкции — словарной статьи, в которой определены семантическая природа слова, его стилистические и грамматические признаки, статус орфографических вариантов.

Особого комментария при описании региональной природы слов и выражений, на наш взгляд, требует иллюстративный материал. Иллюстративной базой при составлении «Словаря региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотовым стали «Областной словарь Колымского русского наречия», составленный В.Г. Богоразом; контексты из литературных произведений, демонстрирующих функционирование той или иной региональной лексической единицы («Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю, совершенное в 1820, 1821, 1822, 1823 и 1824 гг. экспедицию под начальством флота лейтенанта Фердинанда Фон-Врангеля» Ф.П. Врангеля, «Сведения о поселениях по Анадыру» Н.Л. Гондатти, «Медикотопографическое описание Гижигинского округа» Богородского, «Анадырский край» А. Дьячкова, «Русское Устье Якутской области Верхоянского округа» В.М. Зензинова, «Охотско-Камчатский край» Н.В. Слюнина и др.); записи живой диалектной речи, сделанные лично Г.В. Зотовым в ходе собственных диалектологических поездок (заметим, что похожий подход при описании диалектных явлений Камчатки был предпринят в свое время, например, в «Словаре русского камчатского наречия» К.М. Браславцом и Л.В. Шатуновой).

Следуя принципу преемственности, при дальнейшей работе над словарными материалами целесообразным представляется последовательно сопоставить исследования В.Г. Богоразы и Г.В. Зотова. Наши собственные наблюдения показывают, что «Областной словарь Колымского русского наречия» в большей степени оказался включенным в «Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России», однако в некоторых случаях лексикографические описания В.Г. Богоразы остались незафиксированными магаданским исследователем. Этому есть объяснение: как известно, работа над словарем Г.В. Зотовым была не завершена. До сих пор в архиве кафедры русской филологии и журналистики СВГУ хранится машинописный текст его словаря,

во многих местах содержащий дополнительные вклейки, приписки, сделанные от руки, некоторые фрагменты текста зачеркнуты и исправлены автором.

Еще одним источником лексикографического описания региональной лексики Крайнего Северо-Востока России могут стать разнообразные литературные источники историко-этнографического характера, не попавшие ранее в зону внимания Г.В. Зотова, но неоднократно становившиеся предметом изучения его последователей.

Отдельное место могут занять архивные данные, документы местных органов власти населенных пунктов Охотоморского побережья, исторические хроники, основанные на архивных документах и материалах региональных периодических изданий, опубликованные и неопубликованные воспоминания геологов-первопроходцев, строителей и старожилов региона, а также людей, оказавшихся в Магаданской области не по собственной воле (заключенные и вольнонаемные), документально-публицистические работы исторического характера, посвященные освоению северо-восточных областей страны. Их значение для региональной лексикологии было продемонстрировано в упомянутом выше словаре Ю.А. Резвухиной, в диссертационном исследовании О.Н. Евсюковой «Топонимия города Магадана» (2008).

Не исключением должны стать и примеры из художественных текстов признанных мастеров северной прозы: В.Г. Богораза, В.В. Лентьева, А.В. Мифтахутдинова и др. Кроме названного, при лексикографическом описании региональной лексики определенную помощь могут оказать материалы интернет-ресурсов, в частности, «живые» дневники энтузиастов, путешественников, искренне любящих северный край и старающихся как можно больше рассказать об этом далеком регионе жителям других российских областей. Безусловно, подобные тексты требуют очень внимательного отношения исследователя, но в то же время и они позволяют проанализировать реальные факты региональной языковой действительности.

По мнению многих исследователей, записи живой речи являются одним из основных источников при изучении территориально обусловленных языковых явлений. В настоящее время мы уже не располагаем живым диалектным материалом в том состоянии, который был доступен исследователям ранее, поскольку следует признать, что живая народная речь испытывает на себе влияние общенародного языка и уходит из нашей жизни вместе с его носителями. Однако сегодня, мы считаем, лексикографическая обработка регионального

материала может быть дополнена записями текстов жителей конкретной территории, в речи которых продолжают функционировать локально ограниченные слова и выражения. Особое значение при этом приобретает языковая осведомленность информанта.

Безусловно, дать полноценное толкование регионализму, определить его лексико-семантические системные отношения, стилистическую характеристику, грамматические особенности можно только на основании неоднократной фиксации в различных источниках. Именно разнообразные тексты, иллюстрации поведения региональной лексической единицы в устных и письменных текстах позволяют проанализировать конкретные языковые факты, с учетом которых в течение определенного времени происходило формирование регионального варианта русского языка. При этом нельзя забывать и о межъязыковых контактах на территории Крайнего Северо-Востока России, которые также предлагают богатый материал для разнообразных исследований.

В качестве примеров приведем несколько словарных статей предполагаемого регионального словаря.

ДИКУША, -и, ж. Один из видов черной смородины, *Ribes dikusha* Fish. ex Turcz., охта. *Здесь [на реке Мая — О.Ш.] нашли несколько кустов красной и множество отменного рода черной смородины, известной в Сибири под именем дикуши.* Сарычев 1952. *На островахъ въ устьѣ Витима растеть примѣчательная смородина, называемая во всей Якутской области Дикушею; Сибирскій ботаникъ Н.С. Турчаниновъ назвалъ ее Ribes boreale. Она походитъ на обыкновенную смородину, только ягоды вкусомъ какъ голубика, и притомъ одуряющаго свойства, если будутъ употреблены въ большомъ количествѣ.* Щукин 1833.

КИСЛИЦА, -ы, ж. Красная смородина. *Красная смородина (кислица мѣстн.), дающая прекрасныя ягоды, растеть въ изобиліи вблизи с. Маркова и мѣстами, по вѣстму теченію р. Анадыри.* Олсуфьев 1896. *При сильномъ жарѣ пить даютъ воду съ мятой (привозной), «кислицой» (красная смородина) и «брусницей» (брусника).* Сокольников 1911.

КРАСНАЯ РЫБА, соч. 1. Общее название рыбы с мясом красного цвета (горбуши, кеты, нерки и др. лососевых). *Рыба на Колымѣ вообще делится по цвѣту на три категоріи: 1) Бѣлая рыба. Сюда принадлежитъ вся бѣлая чистиковая рыба, заходящая изъ моря, нельма, омуль, муксунъ, сельдьятка, а изъ рѣчной — чирь, щокурь, пельдьятка, окунь и нѣк. др. 2) Красна рыба иначе Краснина, Краска. Сюда принадлежатъ два или три вида, какъ и большинство указанныхъ выше, изъ породы *Salmo*, но съ мясомъ краснаго цвѣта. Въ Колымскомъ округѣ Краснина добывается только въ нѣкоторыхъ озерахъ.*

3) Черна рыба. Сюда причисляются по цвету мяса щука, осетръ, налимиъ, харіусъ, ленокъ. Черна рыба считается не очень здоровой пищей, и основное условие діеты для больныхъ не пьсть черной рыбы. Богораз 1901. 2. Рыба нерка. Вотъ эти-то породы и служатъ главной основой пропитанія: чавыча (*S. orientalis*), красная (*S. Lycoodon*), горбуша (*S. proteus*), хайко, или кэта (*S. lagocephalus*) и кижучъ (*S. sanguinolentus*). Слюнин 1900.

МАТЕРІК, -а, м. Территория центральных районов страны по отношению к удаленным регионам. С осени 1929 года культбаза стала развѣртывать работу. Больница культбазы начала прием больных уже с октября, а занятия в школе начались в ноябре... За зиму на базе были дополнительно построены дом для приезжающих, баня и склад-магазин для фактории АКО. Связь с Олой, а следовательно с рацией, в зимнее время осуществлялась с помощью собачьих упряжек, летом — катером. На базе был единственный приемник, да и тот работал неважно. Почта с материка приходила два раза за зиму (то есть с октября по июнь). Тупицын 1979. «Материк» — это понятие. Я выяснял, что означает «материк» и откуда он начинается. Но никто ничего определенного ответить не смог. Для одних это то конкретное место, откуда они прибыли и куда собираются вернуться, и этим местом может быть любая точка на карте, за исключением Чукотки; для других «материк» — это нечто абстрактное, не связанное с чем-то определенным; третьи называют «материком» лишь Москву, а кто-то считает, что «материк» начинается уже с Магадана; есть такие, для которых «материк» — это всего лишь место отдыха. Похоже, что «материк» — это и Брянск, и Кемерово, и Ялта, и Москва, и Казань... Если с местонахождением «материка» разобраться трудно, то в смысловом отношении все проще. «Материк» — это мечта. Писигин 2001.

ОРДА́, -ы, ж. Сибирское название инородцев. Люд сей [алюторцы — О. Ш.] грубой и великорослой ни с какою ордою дружества не имеют, сами в другие орды не ходят, и приходящих к себе ненавидят, сами у других орд себе в жены не берут и детей своих другим никому в жены не дают, но женятся и в замужество отдают между собою... Оружие их [камчадалов — О. Ш.] луки, стрелы, копыя, однако ж... ламутских и коряцких орд слабее и неудельнее. Донесение 1770.

ОХТА, -ы, ж. То же, что и дикуша, один из видов черной смородины, *Ribes dikusha* Fish. ex Turcz. Древесная растительность не очень разнообразная здѣсь и ужъ вовсе не роскошь природы. Больше всего видишь листовень... Изъ плодоносныхъ кустовъ: кедровникъ, смородина черная, кислица, охта якутская (*Ribes dicoouscha*). Аргентов 1886. Одинъ [куст — О.Ш.] растеть на низкихъ мѣстахъ, имѣеть крупныя листья, похожіе на листья смородины, и крупныя темныя синелиловыя ягоды, расположенныя гроздьями и отличающіяся весьма пріятнымъ, напоминающимъ крыжовникъ и освѣжающимъ вкусомъ; русскіе и якуты называютъ этотъ кустъ охтой. Дитмар 1901.

ПЁЛЬХА, -и, ж. Съедобный корень осоки. На зиму запасают еще корень травы со многими узкими, длинными листьями, которая растет вокруг внутренних озер и болотистых мест. Русские этой области называют этот корень пельха, а само растение осокой. Этнографические материалы 1978.

ПОПОКАЛЬГИН, -а, м. Корень растения, употребляемый в пищу. Изъ корнеплодныхъ дикихъ растений: макарша, а также (чукотскіе названія) попокальгинъ, міймій и кымыче, употребляемая туземцами в пищу. Аргентов 1886. Эуннэкай скоро справился со своим хряцом... Каулькай и Кутувия, которые еще утром съели три маленьких хариуса... тоже не чувствовали сытости.

– Попокальгина не видел? — спросил Кутувия, помолчав.

– Нет! — грустно ответил Кривоногий; он очень любил попокальгин.

– Хоть бы мышиное гнездо найти! — сказал Кутувия.

– Ламуты говорят: грех! — нерешительно сказал Кривоногий. — Мышь запас соберет, а люди украдут! Богораз 1979.

СТЛАНЕЦ (СЛАНЕЦ), -а, м. То же, что и стланик. Лучшей запас тамошних жителей орехи с сланца, которого по горам, так и по тундрам великое довольство. Сие дерево от кедра ничем не разнится, кроме того, что несравненно меньше, и не прямо растет, но по земле расстилается, почему и сланцом именуется. Крашенинников 1949. Что за климатъ! Не встрѣчается даже сосны, ели и пихты — этихъ растений крайняго стъвера. Береза превратилась въ ерникъ, ольха въ низкорослый кусть, великолѣпный сибирскій кедръ превратился въ сланецъ. Аргентов 1879.

СТЛАНИК (СЛАНИК, СЛАННИК), -а, м. Хвойный вечнозеленый стелющийся кустарник, произрастающий в горных местностях. За предѣлами этого вливающегося языками мелкаго прирѣчнаго листовнаго лѣса развита тундра съ ея моховымъ покровомъ, кустарниками ерника (*Betula nana*), карликовой ольхи (*Alnus incana*), кедра сланика (*Cembra pitilla*) и различными ягодными растеніями: смородиной, голубицей, морошкой. Полевой 1915. На месте нынешнего поселка Нагаева и складов были густые заросли листовницы и кедрового кустарника (сланника). Цареградский 1936. Здесь, на берегу бухты Нагаева, составляющей один из заливов северной оконечности Охотского моря, не встречались даже палатки. Сонки покрыты зарослями стланика — так зовется низкорослая разновидность вечнозеленой громадины сибирского кедра. Николаев 2011.

Все вышеназванные аспекты, несомненно, должны быть учтены при создании регионального словаря, который позволит отразить специфическую языковую обстановку на территории Крайнего Северо-Востока России.

Литература

Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России. Магадан, 2010.

Евсюкова О.Н. Топонимия города Магадана: дисс. ... канд. филол. н. М., 2008.

Резвухина Ю.А. Колымские регионализмы переходной эпохи (Краткий словарь колымской региональной лексики 20-х годов XX века). Магадан, 2014.

Соколянский А.А. Проблемы региональной лингвистики Крайнего Северо-Востока России // Крайний Северо-Восток в зеркале региональной лингвистики / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, 2008. С. 4–42.

Сокращения

Аргентов 1879 — Аргентов А. Нижнеколымский край. СПб., 1879.

Аргентов 1886 — Аргентов А. Путевые записки священника Андрея Аргентова. Нижний Новгород, 1886.

Богораз 1979 — Богораз-Тан В.Г. Восемь племен. Магадан, 1979.

Богораз 1901 — Богораз В.Г. Областной словарь Колымского русского наречия. СПб., 1901.

Дитмар 1901 — Дитмар К. Поездка и пребывание в Камчатке в 1851–1855 гг. Карла фон-Дитмара. Пер. с немецкого С.М. Герценштейна, П.П. Шалфеева. Ч.1. СПб., 1901.

Донесение 1779 — Цит. по: Шафрановская Т.К. Народы Камчатки и прилегающих островов (Известие 1770 года) // Страны и народы Востока. Выпуск VI. Под общ. ред. Д.А. Ольдерогге. М., 1968. С. 61–67.

Крашенинников 1949 — Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1949.

Николаев 2011 — Николаев К.Б. Жизнь и смерть Эдуарда Берзина. Воронеж, 2011.

Олсуфьев 1896 — Олсуфьев А.В. Общий очерк Анадырской округи, ее экономического состояния и быта населения. СПб., 1896.

Писигин 2001 — Писигин В. Письма с Чукотки. [Электронный ресурс]. URL: <http://magazines.russ.ru/october/2001/1/pisigin.html> (дата обращения: 15.10.2018).

Полевой 1915 — Полевой П.И. Анадырский край. Ч. 1. Петроград, 1915.

Сарычев 1952 — Сарычев Г.А. Путешествие по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану. М., 1952.

Шукин 1833 — Шукин Н. Поездка в Якутск. СПб., 1833.

Слюнин 1900 — Слюнин Н.В. Охотско-Камчатский край. Естественно-историческое описание. Т. 1. СПб., 1900.

Сокольников 1911 — Сокольников Н.П. Болезни и рождение человека в с. Маркове на Анадыре // Этнографическое обозрение. 1911. № 3–4. С. 71–172.

Тупицын 1979 — Тупицын Н.В. Предшественник Магадана // На Севере Дальнем. 1979. № 1. С. 13–16.

Цареградский 1936 — Цареградский В. По экрану памяти // Колыма. 1936. № 4. С. 75–82.

Этнографические материалы 1978 — Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции (1785–1795). Магадан, 1978.

Lexicographical analysis of regional vocabulary in North East Russia: opportunities and perspectives

Olga Shepileva

shep-ol@bk.ru

North Eastern State University, Magadan, Russia

The analysis of a regional vocabulary in North East Russia allows to determine the frequency of the words and word combinations not defined in dictionaries. Therefore, it is important to study the opportunities of further lexicographic development in North East Russia. The opportunities are related to the identifying of the regional vocabulary status, the corpus of the research sources and the necessity of further territorially labelled lexical material analysis.

Keywords: regionalism, regional vocabulary, regional lexicography, North East Russia

Раздел 6

ПРАКТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СОСТАВЛЕНИЯ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЕЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

Семантическая структура слова в толковом словаре и в сознании носителей языка

Юлия Юрьевна Магермова

mager.u@bk.ru

Северо-Восточный государственный университет,
Магадан, Россия

В статье рассматривается соотношение представления о значении слова в сознании носителей языка с его дефинициями в толковых словарях русского языка. В центре рассмотрения находятся лексические единицы регионального характера, в частности, слова, называющие реалии Крайнего Северо-Востока России. Делается вывод о том, что исследования семантической структуры подобных слов с привлечением экспериментальных данных дают возможность внести уточнения в структуру и содержание ряда словарных статей. Близкое знакомство информантов с той или иной реальией позволяет не только выявить большее количество семантических компонентов соответствующей лексемы, но и, что намного важнее, определить базовые семы, без которых словарное описание трудно считать полным.

Ключевые слова: семантизация, региональная лексика, словарная дефиниция

Анализ соотношения «живого» представления о значении слова с его дефинициями в толковых словарях русского языка дает возможность внести уточнения в структуру и содержание ряда словарных статей. Показательными в этом смысле нам видятся исследования семантики лексических единиц, которые условно можно было бы назвать региональными или регионально актуализированными, в языковом сознании жителей именно этого региона.

Безусловно, далеко не все слова или отдельные значения известных литературному языку лексем, бытующие в том или ином регионе нашей страны, «имеют право» на включение в толковый словарь русского

литературного языка именно в силу своей территориальной ограниченности и не повсеместной распространенности. К этой категории лексических единиц следует отнести слова и/ или лексико-семантические варианты слов, исключительно регионально закрепленные, или так называемые регионализмы. В лингвистике уже достаточно прочно укоренился термин *регионализм* (или *собственно регионализм*), который можно определить как слово, называющее реалии определенной территории и мало известное (или неизвестное вовсе) жителям других территорий этой же страны. Примерами регионализмов, характерных для Крайнего Северо-Востока России, могут послужить слова *сонка*, *торбаза*, *кухлянка*, *юкола* и мн. др. Среди них, что типично для регионализмов любой территории, особо выделяется группа онимов, называющих различные топообъекты города и области и бытующих в речи населения, но не совпадающих с их официальными наименованиями: *шанхай*, *макаронка*, *инвалидка*, *простоквашино*, *яма* и др.

Среди регионализмов ярко выделяются лексические единицы, которые можно было бы назвать семантическими регионализмами (по аналогии с семантическими диалектизмами). Это слова, хорошо известные литературному языку, но используемые на той или иной территории в другом значении наряду с общепринятым. Например, для Крайнего Северо-Востока России, характерны такие слова, как *материк*, *труба*, *жимолость*, *трасса*, *дорога* и др. У большинства этих слов развились значения, отсутствующие в литературном языке, но активно используемые жителями данной территории как в разговорной речи, так и в публицистических и художественных произведениях о Колыме. Данные слова достаточно подробно описаны в статьях, посвященных анализу этого явления, исследователями Е.М. Гоголевой, Ю.Ю. Магерамовой, Н.Н. Соколянской, О.Е. Шепилевой и др. [Гоголева 2007; Магерамова 2016; Соколянская 2006; Шепилева 2008]. Как установлено, словом *материк* жители Магадана и области именуют любую территорию, кроме самой Колымы, куда выезжают, например, в отпуск или на постоянное место жительства. При этом общеизвестно, что Магаданская область не расположена на острове, однако территориальная отдаленность и транспортная труднодоступность региона дала возможность развиться данной метафоре. Словом *труба* местные жители называют районы города, в которых ветер дует с особой силой (по всей видимости, по аналогии с аэродинамической трубой). Лексема *дорога* активно используется в значении *оплаченный проезд как льгота для жителей Севера*. Рассмотрим подробнее слово

трасса. В толковых словарях русского языка оно фиксируется обычно в следующих значениях: '1. Линия (на карте или местности), намеченное направление движения или пролегания чего-н. *Трасса нефтепровода. Трасса метро.* <...> 2. Дорога, путь. *Автомобильная трасса.* <...> 3. След, оставляемый в воздухе трассирующей пулей или снарядом' [МАС IV: 400]. При этом в языковом сознании жителей Колымы слово *трасса* имеет свое, специфическое значение, несколько отличающееся как от употребления в речи жителей других регионов нашей страны (например, в речи алтайцев), так и от использования в литературном языке. Это значение, к сожалению, пока не нашло своего лексикографического закрепления даже в словарях региональной лексики. Кратко его можно сформулировать следующим образом: «Территория, по которой проходит Колымская трасса, включающая в том числе и отдаленные населенные пункты, располагающиеся на этой территории». Добавим, что топоним «Колымская трасса» является историзмом — сегодня это федеральная автомобильная дорога Р504 «Колыма».

Следует отметить, что некоторые значения семантических регионализмов достаточно прочно вошли в жизнь всех носителей русского языка и уже пополняют или вполне могли бы пополнить словарные статьи лексикографических источников, фиксирующих факты литературного языка. В частности, этот вывод касается лексемы *жимолость* и семантического компонента ее значения — *ягода* (описана О.Е. Шепилевой [Шепилева 2008], зафиксирована в «Словаре региональной лексики Крайнего Северо-Востока России» Г.В. Зотова [Зотов 2010]). Тем не менее, словарная фиксация региональных лексем в толковых словарях литературного языка не является целесообразной, по крайней мере, до той поры, пока этот регионализм не изменил свой статус и не вошел в общее употребление достаточно прочно.

Иначе обстоит дело с лексическими единицами, которые лишь условно можно считать региональными (в терминологии Н.Н. Соколянской — это так называемые относительные регионализмы [Соколянская 2006]). Точнее, на наш взгляд, их можно именовать регионально актуализированными словами.

Наиболее эффективным методом сбора фактического материала для исследования таких слов является, по нашему мнению, лингвистический эксперимент, в ходе которого опрашивается достаточно большое количество носителей языка, которые толкуют предъявляемые им контрольные лексемы. Соответствующую экспериментальную

работу мы проводили на базе одной из магаданских школ в течение нескольких лет. Информантами стали учащиеся начальных классов в количестве 240 человек. Также постоянными участниками экспериментальной работы являлись и студенты филологического факультета Северо-Восточного государственного университета. В качестве контрольных лексем использованы довольно разнородные группы слов, достаточно актуальные для русскоязычного населения Крайнего Северо-Востока России. Эта актуальность определяется разными причинами: в рамках данной статьи мы говорим о словах типа *бухта*, *море*, *чайка*, *краб*, *горбуша*, сочетания типа *красная рыба* и т. п. Частотность их употребления в речи обусловлена исключительно северным ландшафтом и экосистемой, которая характерна для данного региона. Эти слова являются общеупотребительными, в словарях отсутствуют пометы, как-либо ограничивающие сферу их функционирования, однако сами денотаты в большей мере знакомы носителям языка. Такие исследования позволяют выявить большее количество семантических компонентов, формирующих общее значение (хотя, конечно, мы отдаем себе отчет в том, что в задачи толкового словаря не входит включение в дефиницию максимально большего количества признаков), но и, что намного важнее, определить базовые семы, без которых словарное описание трудно считать полным.

Иллюстрируем данные положения на примере анализа нескольких лексических единиц, актуализированных регионально. К числу таких слов мы относим, в частности, лексему *бурундук*. *Бурундуки* широко распространены в природе нашего края и часто встречаются не только в ближайших городских окрестностях, но и в черте города Магадана. Чрезвычайное любопытство *бурундуков* позволяет им подходить близко к человеку, что, в свою очередь, дает возможность наблюдать это животное в непосредственной близости и поэтому иметь достаточно точное представление о внешнем виде и повадках этого зверька. Словарные определения лексемы во многом совпадают: 'Бурундук, (зоол.) грызун сем. беличьих с красивой пестрой шкуркой, имеющей промысловое значение' [БАС-1 I: 701]. 'Бурундук. Животное сем. беличьих с красивой пестрой шкуркой, имеющей промысловое значение. Ближайший родич сусликов, <...> бурундук — один из самых привлекательных зверьков северного леса. Формоз. Справочник следопыта' [БАС-2 I: 832].

Анализ результатов экспериментальной работы показывает, в частности, следующее: большинство информантов при назывании в тол-

кованиях и других сем обращают внимание на окраску этого зверька (а именно на наличие пяти полос на спине). Часть словарей тоже подчеркивает специфический внешний признак *бурундука* — характерные полосы, расположенные на его спинке, к примеру: ‘...по спине и по бокам туловища тянется пять черных полос’ (иллюстративный материал МАС [МАС I: 154]), ‘...животное ... с полосатой шкуркой’ [БТС: 105]. Менее удачно, как мы полагаем, окраска *бурундука* описана в БАС-1: *грызун... с красивой пестрой шкуркой*. На наш взгляд, определение *красивый* вообще вносит мало конкретики в толкование, а определение *пестрый* не вполне точно передает расцветку зверька. Идентично описана окраска *бурундука* в БАС-2 (*грызун ... с красивой пестрой шкуркой*), однако есть существенное отличие, которое вносит ясность в толкование: в цитатной иллюстрации животное названо все-таки *полосатым*. Любопытно, что данные картотеки Института лингвистических исследований наглядно демонстрируют, что сема, указывающая на эту особую расцветку животного, отмечается в большинстве карточек словарного каталога. Напротив, один из компонентов дефиниции — промысловое значение меха *бурундука* — не названо прямо или косвенно ни в одном из толкований носителей языка. На наш взгляд, данный семантический компонент на сегодняшний день является малоактуальным, особенно в формулировке, предложенной БАС-1 и БАС-2: *грызун... с ... шкуркой, имеющей промысловое значение*. Сохранился этот семантический компонент и в БАС-3. Стоит отметить, что в современных источниках нам не удалось обнаружить информации о ведении соответствующего промысла.

Еще одно слово из группы регионально актуализированных — *горбуша* — называет рыбу семейства лососевых, промысел которой активно ведется в водах нашего региона. В БАС-1 данное слово расположено в словарной статье с заголовочным словом ГОРБ в следующей формулировке: ‘Горбуша, Зоол. Рыба сем. лососевых; живет в северной части Тихого океана, для икрометания поднимается в реки. 2. Разновидность косы, изогнутой подобно серпу, с короткой рукоятью’ [БАС-1 III: 271]. Нет сомнений в том, что деривационно данное слово в обоих значениях относится к слову *горб*. Действительно, в период миграции к местам нереста у самцов *горбуши* развивается хорошо заметный горб, благодаря которому рыба и получила свое название. Однако результаты нашего эксперимента с носителями языка продемонстрировали, что данная примета не является значимой (ни один из информантов не назвал в узуальных толкованиях этого семанти-

ческого признака). Поэтому вполне оправданным является формирование самостоятельной статьи для лексемы *горбуша* в БАС-2: «1. Горбуша. Промысловая рыба семейства лососевых. 2. Горбуша. Обл. Сельскохозяйственное орудие — небольшая коса с короткой ручкой и изогнутым лезвием» [БАС-2 III: 237].

Крайне значимый признак *горбуши*, выделенный нашими информантами, — это указание на *красный* цвет мяса *горбуши* — не включается в словарные дефиниции. Как нам удалось установить с помощью нашего экспериментального исследования, именно признак *красного* цвета мяса *горбуши* является ведущим в полученных толкованиях. Подчеркнем, что толковые словари не фиксируют этого актуального для жителей нашего региона смыслового компонента. Анализ словарных статей, посвященных словосочетанию *красная рыба*, показал, что практически во всех словарях определение сочетания *красная рыба* ориентировано на ее ценность. Такой подход сохраняется в лексикографических источниках и по сей день. Приведем в качестве примера фрагмент словарной статьи с заголовочным словом *красный* из БАС-3: ‘Красный — 4. Высоко ценящийся, наилучший <...> Красная рыба. — *Когда-то лавливали ловцы красную рыбу — осетра, белугу, севрюгу.* Сок.-Микит. Весен. путина...’ [БАС-3 VIII: 593]. Повторим, что для жителей нашего региона (как взрослых, так и младших школьников) *горбуша* — *красная рыба* исключительно по причине цвета ее мяса.

Рассмотрим еще одну актуальную для нашего региона лексическую единицу. Это слово *краб*. Населению Крайнего Северо-Востока России хорошо известна одна из разновидностей этого морского рака, считающаяся наиболее крупной. Ловля *крабов* осуществляется в нашем регионе в промышленных масштабах. Типичное словарное описание этого морского животного обычно выстраивается путем выделения двух основных значений, например: ‘Краб. 1. Морской рак с коротким брюшком 2. Только мн. Консервы из мяса такого рака’ [БАС-1 V: 1564]. Однако вызывает вопрос появление в некоторых лексикографических источниках третьего значения этого слова — эмблема на форменной фуражке моряков. Его мы можем обнаружить, например, в БТС: ‘3. Разг. Шутливое название эмблемы на форменной фуражке моряков’ [БТС: 465]. Стоит признать, что употребление слова *краб* в указанном смысле возможно: указанный знак действительно напоминает своим внешним видом краба. Но это употребление вряд ли можно назвать общепринятым настолько, чтобы стало возможным его помеще-

в словарь русского литературного языка, даже и с пометой *разговорное*. На наш взгляд, оно является весьма ограниченным и приближается скорее к профессиональному (армейскому) жаргону. Стоит ли говорить, что данный лексико-семантический вариант слова не был реализован в толкованиях ни одним из участников наших опросов.

Таким образом, подобные исследования и сопоставления, на наш взгляд, могут послужить не только базой для создания словаря региональной лексики, но и стать одним из достоверных источников в процессе уточнения дефиниций толковых словарей русского литературного языка.

Литература

Гоголева Е.М. Лексемы «материк» и «Колыма» в общенациональном словаре и в региональной традиции // Колымский гуманитарный альманах. Вып. 2. Магадан, 2007. С. 199–208.

Зотов Г.В. Словарь региональной лексики Крайнего Северо-Востока России / под ред. А.А. Соколянского. Магадан, 2010.

Магерарова Ю.Ю. Реалии Крайнего Северо-Востока России в словарях и в сознании носителей языка (на материале детской речи). Магадан, 2016.

Соколянская Н.Н. Проблемы региональной лингвистики (лексикологический аспект): учеб. пособие. Магадан, 2006.

Шепилева О.Е. Название растений Крайнего Северо-Востока России: учеб. пособие. Магадан, 2008.

Сокращения

БАС-1 — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

БАС-2 — Словарь современного русского литературного языка: В 20 тт. Т. 1–6. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1991–1994. (неоконченное издание)

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).

БТС — Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000.

МАС — Словарь русского языка: В 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1957–1961.

Semantic structure of the word in explanatory dictionary and in the consciousness of native speakers

Julia Mageramova

mager.u@bk.ru

Northeastern State University, Magadan, Russia

The article discusses the relationship of the idea of the meaning of a word in the minds of native speakers with its definitions in the explanatory dictionaries of the Russian language. At the center of the analysis are lexical units of a regional nature, in particular, words that call the realities of the Extreme North-East of Russia. It is concluded that the study of the semantic structure of such words with the use of experimental data makes it possible to introduce clarifications into the structure and content of a number of dictionary entries. A close acquaintance of informants with one or another reality allows not only to reveal a greater number of semantic components of the corresponding lexeme, but, more importantly, to determine the base semes, without which the dictionary description is difficult to be considered complete.

Keywords: semantization, regional vocabulary, dictionary definition

Семантические изменения в лексике современного белорусского языка и их отражение в толковом словаре

Елена Николаевна Лапцёнок

lapcionak@gmail.com

Институт языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси,
Минск, Беларусь

В статье рассматриваются расширение и сужение значения как способы изменения значения слова, а также описываются механизмы данных изменений в современном белорусском языке. Особое внимание уделяется вопросам отражения таких изменений в семантической структуре лексем в толковом словаре: изменения в семантике проявляются в уточнении словарной дефиниции, добавлении оттенка значения или нового лексико-семантического варианта в структуру лексемы.

Ключевые слова: значение, расширение значения, сужение значения, лексико-семантический вариант, оттенок значения

«Тлумачальны слоўнік беларускай мовы» (ТСБМ, 1977–1984 гг.), который был в белорусистике главным справочником по семантике слов, грамматике, фразеологии и стилистике на протяжении десятилетий, сегодня уже не может в полной мере выполнять свою функцию. Словарь отражает лексику небольшого по протяженности периода, реестр создавался на материале письменных источников 60–70 гг. XX в. [Лемцюгова 2012: 115]. Значительные перемены в конце XX — начале XXI вв. привели к резкому увеличению количества новых слов и новых значений, которых нет в словаре, но которые являются актуальными для современных носителей языка. Запланированное в Институте языкознания имени Якуба Коласа НАН Беларуси переиздание академического толкового словаря белорусского языка должно решить эту проблему, поэтому представляется чрезвычайно важным исследовать состояние лексико-семантической системы на современном этапе и проследить динамику ее изменений.

Важно отметить, что эта задача частично решалась средствами лексикографии. Так, в одномтомном словаре «Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы», который был издан в 1996 г. и переиздавался в 1999, 2002 и 2005 гг., а в 2016 г. вышло новое издание словаря, в значительной степени отражаются новые слова и значения,

которые пришли в язык на рубеже веков. Также в Беларуси достаточно последовательно проводится работа по фиксации новых слов и новых значений, изданы два словаря новых слов [БРТС; СНС]. При переиздании нового толкового академического словаря разработки коллег как нельзя более кстати, однако они не в состоянии охватить все лексико-семантические изменения, и лексикографам предстоит самостоятельно решать многие задачи: установление факта изменения семантики, способ такого изменения, соотношение нового и старого значения, их лексикографическая фиксация и т. д. Данная статья посвящена одному из вопросов — изменению значений слова путем семантического смещения и соотношению старого и нового значений в лексикографическом аспекте.

Следует отметить, что вопрос изменения семантики является достаточно условным, т.к. мы можем судить об объеме того или иного слова на основании лексикографического описания, однако не весь объем семантики может быть отражен в словаре. Думается, что многие значения существовали в языке, но не были зафиксированы в словаре по ряду причин объективного и субъективного характера. Так, глагол *скавацца* имеет в ТСБМ значение 'злучыцца пры дапамозе кавання', которое в новом словаре следует подать более широко как 'быць зробленым або злучыцца пры дапамозе кавання'. Ср. значения глагола **скаваць** 1. *Зрабіць што-н. каваннем; выкаваць*. 2. *Злучыць разам пры дапамозе кавання* [ТСБМ V, I: 146]. Более широкий объем значения объясняется не процессом расширения, а, по-видимому, отсутствием актуализации значения 'быць зробленым каваннем' в контексте на момент создания словаря. Аналогично в дефиницию субстантива *хутаранін* 'уладальнік хутара' целесообразно включить сему 'жыхар', что позволит отразить весь объем значения слова.

В белорусском языке к наиболее активным процессам пополнения и обогащения словарного состава языка относят словообразование, заимствование, процесс оживления устаревших слов (деархаизация), процесс появления семантических неологизмов [СНС: 5–12]. Семантические изменения существующих значений, на наш взгляд, представляют наибольший интерес.

Сдвиг (смещение) семантики слова заключается в том, что значение становится либо более общим (изменение от вида к роду: переход видового понятия в родовое), либо более частным (изменение от рода к виду: переход родового понятия в видовое) [Рублева 2004: 56]. Смещение значения как способ изменения лексического значения в бело-

русском языкознании исследовано недостаточно. Обычно расширение и сужение значения рассматривают с позиций диахронии (Е. Губкина) или как один из способов возникновения терминологической лексики (Т.С. Бобрович, Е.А. Дзячэня, Л.М. Минакова и др.). Представлен анализ данных процессов на материале литературной и диалектной лексики (В.Д. Старичонок), а исследование семантики на современном этапе практически отсутствует.

Традиционно под расширением понимают увеличение семантического объема слова, а под сужением — его уменьшение. Но в современной лингвистике понятия не находят однозначной интерпретации. Так, например, Ж.Д. Беляева описывает три представления о расширении значения, которые сложились в современной русистике:

- расширение как увеличение количества лексико-семантических вариантов (например, В.Н. Прохорова, Н.В. Черемисина и др.) (такое понимание представлено и в белорусском языкознании [Лексікалогія 1994:34–35]);
- расширение как процесс изменения лексического значения слова, который можно наблюдать на уровне семного варьирования (т. е. расширение семного состава исходного значения без появления нового ЛСВ) и на уровне семантического варьирования (т.е. образование на основе производящего значения нового ЛСВ с расширенной семантикой) (В.Г. Гак, Е. Галкина-Федорук, М.В. Никитин, Г.И. Кустова и др.);
- расширение как результат перехода слова из одной терминосистемы в другую или расширение сферы употребления слова (С.С. Изюмская, Н.В. Черемисина и др.) [Беляева 2010: 27–28].

Мы придерживаемся понимания расширения значения как его изменения на уровне семного или семантического варьирования, которое может приводить и к появлению более обобщенного значения, и к возникновению нового ЛСВ.

Расширение значения может быть обусловлено различными факторами, например, являться результатом деполитизации и деидеологизации лексики. В ТСБМ многие слова, отражающие социально-политические или экономические реалии, содержат в дефиниции уточняющие компоненты *буржуазны*, *у буржуазным грамадстве*, *капіталістычны* и под., которые представляют лексику в рамках универсальной для советской идеологии оппозиции *соціалістыцкай* (коммунистический) — *капіталістыцкай* (буржуазный). Ср.: *карупцыя*. *Падкупнасць і прадажнасць службовых асоб і грамадскіх дзеячэй*

у буржуазных країнах [ТСБМ II: 649]. Иногда в дефиницию включают-ся компоненты *ілжэнавукowy, рэакцыйны*, которые дают негативную оценку понятиям: **геапалітыка**. *Ілжэнавукoвая, рэакцыйная буржуазная тэорыя, згодна якой геаграфічнае асяроддзе з'яўляецца рашаючым фактарам развіцця грамадства* [ТСБМ II: 43]; **ідэалізм**. **І**. *Рэакцыйны філасофскі напрамак, процілеглы матэрыялізму, які прызнае дух, ідэю, свядомасць першаснымі, а матэрыю, быццё — другаснымі, вытворнымі* [ТСБМ II: 529].

Подобным образом подаются слова, обозначающие художественные направления, преимущественно модернистские: *абстракцыянізм, авангардызм, імпрэсіянізм, кубізм, экспрэсіянізм*. Ср.: **кубізм**. *Фармалістычны напрамак у буржуазным выяўленчым мастацтве пачатку 20 ст., які падмяняў прадметы рэальнага свету камбінацыямі геаметрычных фігур* [ТСБМ II: 748].

С лексикографической точки зрения оппозиция *социалистический — буржуазный* может приводить к не совсем корректным дефинициям. Ср. оформление лексемы *банк*, где значение 'финансовая ўстанова' получает двойное обозначение: **банк**. **І**. *а) У СССР — дзяржаўная ўстанова, якая ў адпаведнасці з народнагаспадарчым планам ажыццяўляе крэдытаванне дзейнасці прадпрыемстваў і фінансаванне капіталаўкладанняў, арганізуе безнаўныя грашовыя разлікі паміж прадпрыемствамі і гаспадарчымі органамі і цэнтралізаваны зварот наяўных грошай. б) у капіталістычных краінах — фінансавая ўстанова, якая канцэнтруе пазыковы капітал і дае яго ў распараджэнне капіталістаў для атрымання прыбытку і звышпрыбытку ...* [ТСБМ I: 338]. Подобное разделение характерно и для словарей русского языка [МАС 1981: 60].

Результатом процесса деидеологизации является отсутствие в семантической структуре таких слов уточняющего компонента (у *буржуазных краінах, капіталістычны* и под.), что приводит к пониманию значения в общечеловеческом плане, а не в качестве характеристики определенного общества. Данный процесс нашел отражение в одномном словаре, ср. оформление лексем в ТСБМ и в ТСБЛМ 1999: **анархізм**. *Дробнабуржуазная рэакцыйная палітычная плынь, якая адмаўляе неабходнасць дзяржаўнай улады, ролю партыі рабочага класа і выступае супраць арганізаванай палітычнай барацьбы за дыктатуру пралетарыяту* [ТСБМ I: 232]; *грамадска-палітычная плынь, якая адмаўляе любыя формы дзяржаўнай улады і прапаведуе неабмежаваную свабоду асобы* [ТСБЛМ 1999: 57]; **камерцыя**. *Гандаль, гандлёвая*

операцыі ў буржуазным грамадстве [ТСБМ II: 602]; *гандаль, гандлёвыя операцыі* [ТСБЛМ 1999: 269].

Семантические изменения охватили значительный пласт слов, обозначающих социально-политические и экономические понятия, явления и реалии, не характерные для советского образа жизни: *апартунізм, ахвосце, багема, банк, кабарэ, какотка, капіталізм, капіталіст, карупцыя, лібералізм, маклер, офіс, прагматызм, чыноўнік* и др. Однако в ТСБЛМ 1999 в дефинициях ряда слов еще сохраняются подобные компоненты или семы с негативной коннотацией (*касмапалітызм, курья, нацыяналізм, партфель* и др.), лексемы только на современном этапе получают расширенное определение. Отдельные слова (*абаронніцтва, арыўцы, іпатэка, кубізм, сюррэалізм, фемінізм, фіск* и др.) не представлены в словаре.

Явление деидеологизации тесно связано с семантическими процессами в русском языке, что объясняется экстралингвистическими факторами. На процесс изменения лексической семантики в белорусском языке оказывает влияние и польский язык, о чем свидетельствует процесс деархаизации значений как разновидность расширения значения.

Значения некоторых лексем расширяются за счет снятия в дефиниции указания на определенный временной период, часто одновременно фиксируется локальный компонент. Процесс деархаизации в белорусском языке осуществляется как путем семантической трансформации, так и без изменения семантики, при этом случаи деархаизации значений можно условно разделить на три группы.

К первой относятся значения, которые обозначают реалии, отражающие российский социально-политический уклад, такие значения возродились в русском языке и пришли в белорусский, например, *дума, губернатар, паліцыя* и др. В современном белорусском языке в их семантическую структуру не входит сема 'дарэвалюцыйны', но представлены компоненты, указывающие локальную распространенность. Ср.: *дума². Выбарны орган цэнтральнай або мясцовага кіравання ў дарэвалюцыйнай Расіі* [ТСБМ II: 208]; *назва розных органаў цэнтральнага, а таксама мясцовага кіраўніцтва ў Расіі* [ТСБЛМ 1999: 187].

Вторую группу составляют значения, отражающие реалии не только российской, но и современной белорусской общественной жизни, например, это группа лексики, связанная с образованием. На современном этапе в значения таких лексем, как *бакалаўр, гімназія, ліцэй* и под. не включаются семы, отражающие временную и террито-

риальную отнесенность. Ср.: *бакалаўр*. 1. *Даўней у заходнееўрапейскіх і рускіх універсітэтах (цяпер у Англіі) — першая вучоная ступень ...* [ТСБМ I: 328]; *у некаторых краінах: вучоная ступень ...* [ТСБЛМ 2016: 101]; *першая вучоная ступень у сістэме шматступеньчатай вышэйшай адукацыі* [СНС: 61].

В третью группу включаются слова, общие для белорусского и польского языков, зафиксированные в словарях с пометой *уст.*, которая используется для слов, вышедших из активного употребления. В.И. Уласевич отметила факт активизации в современном белорусском языке такой лексики с разными ограничительными пометами в качестве нейтральной, при этом значение не изменяется [Уласевич 2015: 308]. Так, сегодня активно употребляются слова *вакацыі, гарбата, імбрычак, рондаль* и др., которые в ТСБМ и в ТСБЛМ 1999 фиксировались с пометой *уст.*, помета неправомерно сохранена при некоторых лексемах (*імбрычак, рондаль*) даже в ТСБЛМ 2016.

Иногда процесс расширения связан с изменением исходного класса референтов. Новое значение начинает применяться к обозначаемым, иногда достаточно далеким от прежнего денотата. Так, слово *валаниёр* зафиксировано со значением ‘той, хто добраахвотна паступаў на вайсковую службу; добраахвотнік’ [ТСБМ I: 455], на современном этапе лексема употребляется в значении ‘той, хто добраахвотна ўдзельнічае ў якой-небудзь справе, не атрымліваючы за гэта грошай’. При этом слово *добраахвотнік*, которое дается в ТСБМ в качестве синонима, имеет 2 значения: ‘той, хто па ўласнаму жаданню, добраахвотна ўступае ў армію ў час вайны’ и ‘той, хто добраахвотна бярэ на сябе якую-н. работу, абавязкі’, оформленное как оттенок [ТСБМ II: 185]. В ТСБЛМ 1999 лексема не фиксируется, возможно, из-за недостаточной распространенности в описываемый период, однако в ТСБЛМ 2016 и СНС лексема уже приводится в расширенном значении. С увеличением количества референтов связано, на наш взгляд, расширение значений таких слов как *анишлюс, дызайн, безразмерны, граффіці* и др.

С лексикографической точки зрения расширение приводит либо к изменению значения, либо к возникновению нового ЛСВ в структуре полисеманта. Анализ материала показывает, что словарное оформление в значительной степени коррелирует с механизмом расширения значения. Так, для значений, образованных в результате деполитизации и деидеологизации, характерно обобщение и абстрагирование за счет вычеркивания определенных сем: в дефиниции не включаются компоненты *буржуазны, рэакцыйны* и др. В определениях лексем, пред-

ставляющих процесс деархаизации, не указываются уточняющие темпоральные и/или локальные семы, что позволяет воспринимать семантику как более обобщенную: в значениях слов, представляющих российские реалии, вычеркивается обычно одна сема, в значениях белорусских явлений — обе. Однако для некоторых значений (см. например, *геапалітыка*, *касмапалітызм*, *нацыяналізм*, *мафія* и др.) необходима, на наш взгляд, достаточно серьезная переработка.

Для слов, расширение значения которых связано с изменением количества денотатов, целесообразно новое значение подавать отдельным ЛСВ, поскольку при единстве понятия разные значения соотносятся с разными референтами. Ранее известные значения могут приобретать дополнительные уточняющие характеристики или ограничительные пометы. Так, старое значение лексемы *валанцёр* относится к пласту устаревшей лексики; исследователи отмечают возникновение у слова *анилюс* в белорусском языке двух терминологических значений, относящихся к сфере политики [Кандрацена, Нікалаева 2017: 289].

Для некоторых слов целесообразно включать дополнительные семы в структуру, чтобы отразить процесс расширения значения. Так, лексема *дызайн* употребляется в значении ‘мастацкае канструяванне’, однако относится не только к промышленным изделиям, но и зданиям, интерьерам и под. Расширение значения слова тесно связано с его синтагматикой, ср. употребление слова *дызайн* в корпусе белорусского языка в следующих сочетаниях: *дызайн адзення*, *дызайн дэкарацый*, *дызайн студыі*, *дызайн станцыі*, *дызайн сайту*, *дызайн газеты*, *дызайн банкноты 10 еўра*, *дызайн пазногцяў* и др. [КБМ].

Сужение значения — процесс, противоположный расширению, его связывают с ограничением круга понятий и явлений, обозначаемых определенным словом. Сужение обычно приводит к включению в значение уточняющих, дифференцирующих сем, которые выделяют данное слово от подобных, отличают от другого вида. Обычно сужение рассматривают как один из способов образования терминологических единиц, поэтому в качестве синонима употребляют термин «специализация». Так, в результате сужения много слов вошло в терминосферу информационных технологий, в силу востребованности их в современном обществе они стали известны не только специалистам, но и обычным пользователям языка: *адрас*, *архітэктура*, *версія*, *дакумент*, *дыск*, *карыстальнік*, *праграма*, *сетка*, *фармат* и др.

В значении таких слов появляются дифференцирующие семы, которые уточняют, сужают понятие, известное ранее. Так, лексема

рэсурсы с достаточно обобщенным значением ‘запасы, крыніцы чаго-н.’ получает новое значение за счет уточнения объекта — ‘сродкі вылічальнай сістэмы’: *рэсурс*. У інфарматыцы: *скупнасць сродкаў вылічальнай тэхнікі, прызначаных для апрацоўкі даных* [СНС: 312]. Иногда сужение семантики связано с преобразованием одного из ЛСВ полисеманта. Так, у прилагательного *брудны* на основе значения ‘нячысты, нямыты, з прыкметнымі слядамі пылу, бруду на паверхні’ развіваецца новае значэнне ‘які засмечаны, насычаны шкоднымі рэчывамі’. Новое значэнне становіцца устойчывым у мове, аб чым сведчыць шырокае словаафармавальнае гнездо: *збрудзіць, збруджанне, збруджаны, збруджанасць* і др.

Достаткова часта сужэнне рэалізуецца праз замяну родовай сямы на відовую. Напрыклад, слова *карыстальнік*, вядомае як ‘той, у чым карыстанні знаходзіцца якая-н. маёмасць’ атрымлівае новае значэнне ‘той, хто карыстаецца камп’ютарам’, дзе сема *маёмасць* замяняецца на больш канкрэтнае *камп’ютар*.

Афармаванне новых значэнняў можа быць аб’яснена працэсам семантычнага цяжэння словасочынення. Так з’явілася новае значэнне слова *аўтамат* із счочынення *ігральны/ гульнявы аўтамат, картка* із *плацежная картка*, *лінза* із *кантактная лінза* і др. За счот частага ўпрымянення словасочынення ў вызначанай сітуацыі прылагательнае можа быць опущана і субстантыв атрымлівае значэнне цэлага счочынення. Такое явіленне асабліва характэрна для разгаворнай речы. У слоўніку падобныя значэння не сразу атрымліваюць фіксацыю, спачатку яны падаюцца як устойчыя счочынення і толькі з цячэннем часу лексікалізуюцца, ср.: *лінзы*. *Тое, што і кантактныя лінзы* [БРТС: 119]. На сучасным этапе прадставленыя лексемы яшчэ не лексікалізаваліся як із-за варыянтнага ад’ектывнага кампанента (*ігральны — гульнявы аўтамат*), так і із-за шырокага ўпрымянення сущытэльнага ў счочыненнях з рознымі прылагательнымі (*галасавая пошта — электронная пошта; дысконтная картка — плацежная картка — крэдытная картка — магнітная картка*).

Новыя значэння, афармаваныя ў выніку сужэння паняцця, прыводзяць звычайна да расшырэння семантычнай структуры слова ў слоўніку, іх цэласообразна падаваць у якасці асобнага ЛСВ, псколькі пры агульнасці паняцця новае і старае значэння соотнасяцца з рознымі денотатамі, ў некотрых случаях яны могуць быць афармленыя як атенкі значэння. Напрыклад, значэння слоў *брудны* ‘які насычаны шкоднымі рэчывамі’ і *чысты* ‘які не ўтрымлівае шкодных

рэчываў’ могут быць зафіксаваныя як атенкі значэння пры больш шырокаму панятці ‘нячысты, засмечаны, са слядамі пылу, бруду’ і ‘без пачочных дамешак, з невялікімі дамешкамі’ саответствена.

Аднако колькасць ЛСВ у семантычнай структуры можа таксама зменшыцца, што найбольш ярка дэманструе лексема *маляваць*. Сужэнне значэння прыводзіць да ўточнення семантычных адношэнняў, у частнасці дыферэнцыяцыі сінанімаў. У ТСБМ глаголы *рысаваць* — *маляваць* з’яўляюцца сінанімічнымі, лексема *маляваць* уключае ў сябе значэнне слова *рысаваць*: **маляваць**. 1. *Рысаваць фарбамі*. 2. *Тое, што і рысаваць*. 3. *Разм. Фарбаваць*. 4. *Перан. Расказваць пра што-н., апісваць што-н.; уяўляць* [ТСБМ ІІІ: 98–99]; **рысаваць**. *Перадаваць прадметы на плоскасці ад рукі пры дапамозе графічных сродкаў (звычайна кантурамі, рыскамі і пад.) // перан. Мысленна падаваць у якіх-н. вобразах, формах* [ТСБМ ІV: 738]. У сучасным мовным свядомстве слова *маляваць* зацвердзілася з працэсам стварэння з дапамогай фармаў, і другой ЛСВ утратылася, што прывяло да спецыялізацыі кожнага сінаніма, гэты факт адражаецца ў ТСБЛМ [ТСБЛМ 2016: 415].

Аднако кожная лексема патрабуе індывідуальнага падыхода. Змяненне семантычнага аб’ёму не заўсёды прыводзіць да змяненняў у слоўніку. Так, у структуры слова *брудны* з’яўляецца новы атенек, але дэфініцыі слоў *забрудзіць*, *забрудзіцца* не змяняюцца, паколькі з’яўляюцца атыслочнымі: **забрудзіць**. 1. *Зрабіць брудным; запэкаць*; **забрудзіцца**. *Зрабіцца брудным; запэкацца* [ТСБМ ІІ: 280].

Такім чынам, пашырэнне і сужэнне значэння ахватваюць значыльную частку левікі беларускага мовы, дынаміка гэтых працэсаў можа быць праслежана на аснове даных аднотомных слоўнікаў і слоўнікаў новых слоў. З левікаграфічнага пункту гледжання змяненні ў семантыцы ў новым тлумачым слоўніку могуць рэалізаваться ў уточненні слоўнага дэфініцыі, даваўленні атенка значэння ці новага левіка-семантычнага варыянта ў структуры левісы.

Літэратура

Беляева Ж.Д. Асабнасці працэса семантычнага дэрывацыі ў тэрміналагічнай левіцы рускага мовы найноўшага перыяду // Вестник РУДН. Серия Русский и иностранный языки и методика их преподавания. 2010. № 1. С. 27–35.

Кандраценя І.У., Нікалаева В.М. Асаблівасці функцыянавання грамадска-палітычнай і юрыдычнай тэрміналогіі на сучасным этапе // Слово и словарь / редкол.: И.Л. Копылов (гл. ред.) [и др.]. Минск, 2017. С. 286–291.

Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А.Я. Банькова. Мінск, 1994.

Лемцюгова В.П. Храналагічная мяжа сучаснасці беларускай літаратурнай мовы // Весці НАН Беларусі. Сер. гуманітар. навук. 2012. № 3. С. 115–119.

Рублева О.Л. Лексикология современного русского языка. Владивосток, 2004.

Уласевіч В. Новыя і актуалізаваныя запазычанні з польскай мовы ў беларускай мове пачатку XXI ст. і іх адлюстраванне ў лексікаграфічных выданнях // Studia Białorutenistyczne. 2015. № 9. С. 295–313.

Сокращения

БРТС — Уласевіч В.І., Даўгулевіч Н.М. Беларуская-рускі тлумачальны слоўнік новых слоў і новых значэнняў слоў. Мінск, 2013.

КБМ — Беларускі N-корпус: корпус беларускай мовы [Электронны рэсурс]. URL: <http://bnkorporus.info/index.html>. (дата обращения: 15.12.2018)

МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. / гл. ред. А.П. Евгеньева. Т. 1. М., 1981.

СНС — Уласевіч В.І., Даўгулевіч Н.М. Слоўнік новых слоў беларускай мовы. Мінск, 2009.

ТСБЛМ 1999 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.Р. Судніка, М.Н. Крыўко. Мінск, 1999.

ТСБЛМ 2016 — Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. І.Л. Капылова. Мінск, 2016.

ТСБМ — Тлумачальны слоўнік беларускай мовы / пад агул. рэд. К.К. Атраховіча (К. Крапівы). Мінск, 1977–1984.

Semantic changes in the lexis of the modern belarusian language and their reflection in explanatory dictionary

Alena Laptcionak

lapcionak@gmail.com

The Yakub Kolas Institute of linguistics of the National Academy of Sciences
of Belarus, Minsk, Belarus

The semantic extension and narrowing of meaning as the ways to change the meaning of a word and their mechanisms in the Belarusian language are discussed. Special attention is paid to reflecting such changes in the semantic structure of lexemes in the new explanatory dictionary. The changes in semantics are manifested in the dictionary in clarifying the definition, adding a shade of meaning or a new lexico-semantic variant to the structure of the lexeme.

Keywords: meaning, semantic extension, narrowing, lexical-semantic variant, shade of meaning

Проблемы описания религиозной лексики в современном толковом словаре русского языка¹

Алексей Эдуардович Цумарев

zumarew@yandex.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Лариса Леонидовна Шестакова

lara.shestakova@mail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

Анна Сергеевна Кулева

an_kuleva@mail.ru

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Москва, Россия

В статье на материале «Академического толкового словаря русского языка» рассматриваются проблемы, связанные с представлением религиозной лексики в современном толковом словаре русского языка. Обсуждаются критерии отбора лексики этого разряда, вопросы отражения в словарных статьях орфографических, стилистических, семантических и иных особенностей слов религиозного содержания.

Ключевые слова: современный русский литературный язык, религиозная лексика, толковый словарь, словник, словарная статья

С 90-х годов прошлого столетия, вследствие осуществленных в стране радикальных идеологических преобразований, в отечественной лингвистике начинается активное изучение русской лексики, относящейся к сфере религии. Перед исследователями этой лексики («лексического разряда», «лексической подсистемы», «лексического пласта» [Скляревская 2012: 36, 38]) встает множество теоретических и прикладных вопросов, нередко дискуссионных.

В широком философском контексте ставится вопрос о выделении нового направления междисциплинарных исследований — теолингвистики [Гадомский 2010; Постовалова 2012], обсуждается статус религиозной лексики — как основы особого функционального стиля [Крысин 1994; Крысин 1996; Крылова О. 2000; Гольберг 2002; Крылова

---

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 17-29-09063 офи-м.

И. 2005; Шмелев 2007²; Гадомский 2008; ср. Складаревская 2018], дискурса [Карасик 1999; Алексеева 2011; Москвин 2016; Литвинцева 2018] или религиолекта [Бугаева 2010]³.

Очевидно, что теоретические, обобщающие исследования служат фундаментом прикладных работ, которые, в свою очередь, должны давать необходимый эмпирический материал для первых.

В качестве важной составляющей научного осмысления религиозной лексики выступает ее словарное описание. На сегодняшний день имеется целый ряд печатных и электронных словарей религиозной (уже — христианской) лексики различного объема и характера обработки материала: [Живов 1994; Молотков 2008; Андреева, Баско 2012; КрИС; КрСПТ] и др. Фундаментальным энциклопедическим источником, незаменимым при создании любых других словарей, содержащих лексику православия, является выпускаемая с 2000 г. многотомная «Православная энциклопедия» (к 2018 г. она насчитывает 50 томов) [ПЭ]. Среди словарных проектов лингво-энциклопедической направленности выделим два труда: вышедший в 2016 г. толково-энциклопедический словарь «Лексика современного русского православия» Г.Н. Складаревской (как продолжение «Словаря православной церковной культуры» [Складаревская 2000]) и «Лингво-энциклопедический словарь русской христианской лексики», разрабатываемый группой исследователей филологического и богословского факультетов Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета и представленный избранными опубликованными статьями на букву А [Добрушина и др. 2011].

Каждый из названных словарей заслуживает отдельного обсуждения, здесь же мы отметим только следующее. Словарь [Складаревская 2016] «имеет ярко выраженный культурологический характер», что сказывается, например, в большом числе словарных статей к именам собственным. Вместе с тем автор подчеркивает, что «в отличие от всех других словарей, посвященных христианству, это прежде всего толковый словарь: главным здесь является не информация о предмете, а толкование значения слова как лексической единицы языка» [Там же: 4].

---

² В этой работе используются оба термина — и «дискурс» (см. заглавие), и «стиль». При этом отмечается, что «необходимость включения религиозно-поведенческого стиля в систему функциональных стилей современного русского литературного языка представляется все более беспорной» [Шмелев 2007: 612].

³ Критика термина «религиолект» содержится в статье [Маршева 2010].

«Лингво-энциклопедический словарь русской христианской лексики» основывается на Национальном корпусе русского языка и корпусных методах исследования [Литвинцева 2018] и, как следует из названия, призван охватить лексику не только православия, но и других направлений христианства. Главной особенностью этого словаря является последовательная «дифференциация информации о собственно лингвистическом (сигнификативном), общем для всех носителей языка значении лексем от их понятийного, энциклопедического, т. е. зависящего от трактовки, описания — эти две зоны в толкованиях разделены знаком //» [Добрушина и др. 2011]. При выборе лексикографической концепции авторы стремились следовать идеям Московской семантической школы, получившим воплощение, кроме прочего, в изданиях «Активного словаря русского языка» под ред. Ю.Д. Апресяна.

Наряду с задачей описания религиозной лексики в энциклопедических и лингвистических аспектных словарях, актуальна задача ее представления в общеязыковом толковом словаре, выполненном в традициях русской академической лексикографии [Цумарев, Шестакова, Кулева 2017]. Словарная практика требует выработки адекватных жанру такого словаря способов описания лексики религиозного содержания. По наблюдениям О.Н. Емельяновой, конфессиональная лексика в современных общих толковых словарях — «один из самых малочисленных разрядов представленных в них слов», она незаслуженно составляет в них «ничтожно малую часть» [Емельянова 2012: 317, 318]⁴.

Имея в виду конечную цель — достаточно полную и точную словарную презентацию религиозной лексики, в докладе мы ставим перед собой скромную задачу — коснуться некоторых из связанных с этим проблем, опираясь на небольшой пока опыт работы над религиозной лексикой в связи с созданием нового «Академического толкового словаря русского языка» [АТос].

Первая проблема, которую надо решить, — это отбор религиозной лексики в толковый словарь. Отбор определяется прежде всего объемом словаря (малый, средний, большой) и социальной значимостью лексической единицы. Социальная значимость коррелирует со сравнительно высокой частотностью лексемы в неспециальных, адресо-

---

⁴ По нашим данным, в МАСе насчитывается 125 случаев использования помет *рел.* и *церк.*

ванных широкой аудитории текстах. В этом отношении в общий толковый словарь (даже, как кажется, в большой) едва ли должны входить церковные термины *акривия*, *еписгонатий*, *примикирий*, *экс-апостиларий* и т. п. В лексикографических целях полезно определить минимум языковых единиц религиозного содержания (слов, значений, устойчивых сочетаний, стилистически нейтральных или маркированных), обязательных для включения в любой общий толковый словарь, начиная с однотомного⁵. По предварительным подсчетам, такой минимум составляет не менее 600 однословных единиц, а также не менее 50 устойчивых выражений (отметим для сравнения, что в [ТСРЯ] к актуальной церковно-религиозной лексике можно отнести около 530 лексем и около 90 устойчивых сочетаний)⁶. Часть минимума образуют обозначения, связанные с разными мировыми религиями (например, лексика ислама представлена словами: *Аллах*, *Коран*, *Курбан-байрам*, *намаз*, *мулла*, *муфтий* и др.).

Слово, вошедшее в словник, должно получить комплексное, разностороннее описание, которое задается принятой в словаре структурой словарной статьи. В новом «Академическом толковом словаре русского языка» словарная статья в полном виде включает такие части («зоны»), как: 1) входное (заголовочное) слово; 2) помета об особенностях произношения слова; 3) грамматические формы; 4) грамматические характеристики; 5) стилистические пометы; 6) толкование; 7) примеры употребления слова в виде типичных словосочетаний (речений) и в виде цитат из письменных (художественных, публицистических, научных и др.) текстов XIX — начала XXI в.; 8) фразеологические обороты и устойчивые терминологические сочетания с дан-

---

⁵ Известен опыт создания энциклопедического учебного словаря-минимума по религиоведению [УСМР 2000] (он содержит ок. 350 единиц — слов и сочетаний, в том числе имена собственные, необщепотребительные слова (*Аматэрасу*, *бахайзм*, *Вардхамана*, *генотеизм*, *иерофания*, *Шан-ди* и др.), а также такие словарные статьи, как «Религия и политика», «Теология человеческого тела» и т.д.).

⁶ Отбор минимума осуществлен нами в рамках работы над проектом «Стратификация лексики современного русского языка и ее отражение в толковом словаре» (проект № РФФИ 17-29-09063 офи-м) совместно с кандидатом филологических наук священником Федором Людоговским. Например, в минимум входит более 30 слов на букву А: *автокефалия*, *агиография*, *агнец*, *ад*, *акафист*, *аллилуйя*, *алтарь*, *амвон*, *аминь*, *аналой*, *анафема*, *ангел*, *ангел-хранитель*, *Апокалипсис* и др. Из устойчивых выражений в него включены: *Ветхий завет*, *Духов день*, *Лазарева суббота*, *Царские врата* и др.

ным словом; 9) справка о происхождении слова (для иноязычных слов). Каждой зоне статьи соответствует тот или иной тип информации о слове. При описании религиозной лексемы заполнение практически каждой зоны сопряжено с конкретными проблемами. Рассмотрим некоторые из упомянутых зон.

Зона входного слова содержит сведения о его написании и месте ударения. Орфографические сведения даются в [АТоС] в соответствии с академическим «Русским орфографическим словарем» [РОС]. В последнем, наряду с подавляющим большинством безвариантных написаний, в некоторых случаях предусматриваются фонетико-орфографические варианты.

Следуя этому источнику, толковый словарь должен, по-видимому, отразить варианты *диако́н* и *дьяко́н*, *кано́н* и *кану́н* ('свечной панихидный столик с изображением Распятия'), *кио́т* и *киво́т*, *кирка* и *кирха*, *помысел* и *помысл*, *просви́рка* и *просфо́рка*, *Радо́ница* и *Раду́ница* и др. При этом в толковых словарях можно встретить какой-либо один из двух нормативных вариантов. Например, в [БТС] приводится только написание *Раду́ница*, а в словаре [Скляревская 2016], напротив, лишь написание *Радо́ница*. Полагаем, что каждое такое решение должно быть обосновано принятой в словаре концепцией описания религиозной лексики с учетом, конечно, специфики конкретного слова⁷.

Другая орфографическая проблема, касающаяся лексики сферы религии, связана с выбором строчной или прописной буквы. В случае написания с большой буквы слово или устойчивое сочетание необходимо снабдить пометой «(с прописной буквы)». Особенно важно фиксировать случаи, когда написание с маленькой или с большой буквы характеризует разные значения слова, например: *апосто́л* (ученик Христа) и *Апосто́л* (церковная книга), *мессия́* (в разных религиях: божественный избавитель) и *Мессия́* (о Христе), *Пасха́* (праздник) и *пасха́* (кушанье).

Как упоминалось, в заголовке словарной статьи, помимо орфографической, фиксируется акцентная норма. Некоторые слова имеют акцентные варианты — равноправные, например: *бази́лика* и *базили́ка*, или неравноправные, например: *иконопи́сь* и (неправильное) *иконопи́сь*, *обреза́ние* и (допустимое) *обреза́ние*. Приведенное описание последней

---

⁷ См., например, в работе [Шумарев, Шестакова, Кулева 2018] комментарий к словарной статье **ДЪЯКО́Н**, вошедшей в 3-й том нового академического толкового словаря.

пары вариантов содержится в [БОС]; в [ОСРЯ] — обратная картина: нейтральным считается вариант *обрéзание*, допустимым — *обрéзáние*. Случаи разночтений в орфоэпических словарях не единичны; ср. *пóслушник* [РЛП], *пóслушник* и *послу́шник* (равноправные варианты) [ОСРЯ], *послу́шник* [Штудинер 2004] (в [БОС] это слово отсутствует; для сравнения в [БТС] мы имеем *пóслушник* и (разг.) *послу́шник*).

Понятно, что акцентные нормы изменяются и толковые словари обязаны отражать эти изменения. Но автор толкового словаря оказывается в трудном положении, если орфоэпические словари по-разному квалифицируют наблюдаемую динамику.

Не останавливаясь подробно на зоне грамматической информации, отметим, что перед лексикографом и здесь стоит задача восполнения лексикографических лагун. Так, например, у слова *агнец* следует не только 1) выделить религиозное значение 'одно из наименований Иисуса Христа, принесшего Себя в жертву ради искупления грехов всех людей', 2) предусмотреть орфографическую помету «(с прописной буквы)» и 3) указать на традиционную лексическую сочетаемость со словом *Божий*, но и 4) привести такие морфологические характеристики, как одушевленность и употребительность в данном значении только в форме единственного числа.

Толкование значения слова религиозной семантики предваряется в словаре пометой или ремаркой, отсылающей к сфере функционирования данного словозначения. С применением помет и ремарок связан целый ряд непростых вопросов [Емельянова 2012]. В этой статье мы обозначим главные из них.

Во-первых, важен общий принцип использования в конкретном словаре помет, указывающих на область функционирования слова или устойчивого сочетания. Существенно, что помета может маркировать либо тематическую группу (т. е. всю лексику, относящуюся к религии и Церкви, как, например, в [ТСРЯ]), либо только те единицы, входящие в эту группу, которые имеют какие-либо ограничения в употреблении (терминологическую или собственно стилистическую окрашенность; такой принцип маркирования был реализован, например, в [МАС]).

Во-вторых, следует определить набор используемых специализированных средств маркирования (проблему «маскировки» религиозной лексики под другими пометами, прежде всего *устар.*, мы сейчас оставляем в стороне). Обзор словарей (см. [Круглов и др. 2015: 416]) показывает, что в одних академических толковых словарях используется только помета — *церк.* ([СГ], [БАС¹ I–III]), в других [СУ, МАС,

БТС] — две пометы — *рел.* (*религ.*) и *церк.*, в третьих [СО, БАС³] — ремарки («В иудаизме», «В христианстве», «В православии», «В богословии», «У католиков» и т. п.). Отметим, что составители [АТоС] выбрали для описания религиозной лексики тактику использования двух помет (*религ.* и *церк.*) и ремарок разного содержания.

В-третьих, полезно продумать распределение в словаре помет и ремарок (их самостоятельное или совместное использование). В частности, ясно, что в словаре с использованием двух помет — *религ.* и *церк.*, ориентированных на терминологию, для нетерминологической религиозной лексики логичным было бы использование разнообразных ремарок.

В-четвертых, лексикографу необходимо опираться на некоторую стилистическую классификацию лексики для осуществления дифференцированного маркирования каждой выделенной группы (одна из попыток такой общей квалификации содержится в работе [Дубровина 2009]). В первом приближении представляется, что для словарного описания религиозной лексики полезно различать следующие виды лексики, каждый из которых требует своего подхода: 1) общеупотребительная, 2) терминологическая, 3) стилистически окрашенная (между ними нет жестких границ).

Общеупотребительная лексика, по наблюдениям исследователей [Алексеева 2011: 62; Шевченко 2016: 77], составляет весьма существенную часть православной религиозной лексики. Терминовед М.О. Алексеева пишет: «...В концептах *добро, свет, страдание, любовь, смерть, блаженство, смирение* отражены сущность и смысл христианства. Очевидно, что эти лексические единицы принадлежат в первую очередь не специальному, а общенациональному языку и их терминологическое значение реализуется только в религиозном дискурсе...» [Алексеева 2011: 62]. Полагаем, что такие единицы (как и слова: *иконостас, келья, лавра, мечеть, паперть; венчание, исповедь; епископ, мученик, настоятель, патриарх; Библия, святцы; Рождество, Пасха* и т.д.) едва ли нуждаются в помете.

Терминологическая религиозная лексика (отчасти уже ставшая предметом пристального изучения [Алексеева 2011; Матвеева 2013]), не прошедшая путь полной детерминологизации, должна, как мы считаем, снабжаться в общем толком словаре пометой. В числе такой лексики — слова *автокефалия, акафист, деисус, ектения, пасхалия, тропарь, хиротония* и др. В сомнительных, пограничных случаях, когда степень детерминологизации неопределенна, как кажется, разумно

придерживаться следующего правила: наличие пометы лучше ее отсутствия.

Под стилистически окрашенной лексикой мы понимаем те единицы религиозной сферы общения, которые, как правило, имеют нейтральные синонимы. Такие единицы должны быть маркированы. Это, например, разговорные («обиходные», по Г.Н. Складневской) слова *крёстный* (то же, что *крёстный отец*), *обедня* (ср. *литургия*), *просвирка* (ср. *просфора*).

Отдельная проблема — это церковнославянизмы в современной религиозной речи. Влияние церковнославянского языка, являющегося языком богослужения, на религиозную речь велико, в ней могут быть представлены не только отдельные слова, но и члены словообразовательных гнезд (*чадо* (духовное), *чадородие*, *чадолюбивый*, *многочадный* и т. д.). Некоторые исследователи проводят мысль о сохранении в современном русском языке «в неявном виде» церковнославянско-русской диглоссии [Мишланов 2014]. Среди исследований, посвященных современному использованию церковнославянизмов, можно отметить обстоятельную работу [Петрухина 2013]. В лексикографической практике одни авторы предлагают ввести для них помету *церк.-слав.* (церковнославянизм) [Литвинцева 2016], другие перед толкованием последовательно используют ремарку «На церковнославянском языке» [Складневская 2016]. В общем толковом словаре одним из вариантов решения, по-видимому, может быть применение ремарки «В религиозных текстах». Так, если составителями толкового словаря будет принято решение отразить в нем слово *брань*² не только в традиционном-поэтическом, высоком значении ‘война, битва, бой’, но и в религиозном значении, второе может быть представлено в таком виде:

БРАНЬ², -и, ж. ... 2. В религиозных текстах: духовная борьба. *Молитвенная брань. Брань против греха.* □ *Совершенная любовь к Богу противостоит внутренним браням.* Епископ Игнатий (Брянчанинов). *Отечник. Мы должны помнить, что христианство есть борьба за Царство Божие с царством дьявола, брань с миром.* Священномуч. Сергей Мечев. О мире.

Перейдем к зоне толкования. Применительно к религиозной лексике с этой зоной связано немало проблем и трудностей. О них писала Г.Н. Складневская, подчеркивая, в частности, что «необходима абсолютная точность дефиниции каждого слова, точность, не допускающая употребления синонимов и близкозначных слов, поскольку замена богословского термина синонимом может привести не просто к лек-

сикографической ошибке, а к ереси» [Скляревская 2012: 39]. Мы бы коснулись здесь известной проблемы несопадения языковых картин мира, которая проявляется и в сфере религиозной коммуникации. С этим, по-видимому, связаны факты различного словарного описания отдельных понятий, например, понятия *Великий пост*. Сравним два толкования:

(1) 'важнейший из многодневных постов, начинающийся за семь недель до Пасхи и включающий Страстную седмицу' [Скляревская 2016: 107];

(2) 'наиболее древний и строгий из многодневных постов; начинается за семь недель (седмиц) до Пасхи, длится шесть недель и переходит в Страстную седмицу' [Людоговский 2017: 65].

Первое толкование, согласно которому Великий пост длится семь недель, по-видимому, по замыслу автора, коррелирует с наивным, обыденным представлением об этом важнейшем периоде церковной жизни. Действительно, в народном сознании Страстная седмица, поскольку она является, как и предшествующие недели, постной, часто не отделяется от Великого поста. Второе толкование, в согласии с которым Великий пост (по-церковнославянски — Четырдесятница, т. е. сорок дней) продолжается шесть недель, безусловно с богослужебной, так сказать, специальной точки зрения.

Суть еще одной трудности раскрывает нам цитата из уже упоминавшейся работы М.О. Алексеевой: «...Термином “амвон” (от греч. ἄμβων) в православии называется возвышенная, как правило, полукруглая, выдвинутая в середину храма часть солеи, откуда читается евангелие и провозглашается ектеня, или небольшое возвышение, устраиваемое в середине собора во время архиерейского служения; в католичестве — это кафедра, с которой читается проповедь или евангелие, а в протестантских храмах зачастую просто пюпитр, устанавливаемый перед алтарем» [Алексеева 2011: 61–62]. Иными словами, речь идет о случаях, когда понятие имеет разное межрелигиозное, конфессиональное, а также историческое наполнение, и о целесообразности / нецелесообразности словарного отражения существующих различий (русские толковые словари часто ограничиваются кратким описанием православных реалий, оставляя без внимания инославие).

Толкование как важнейшая часть словарного описания в толковом словаре должно подкрепляться характерными речениями и отличающимися высоким языковым качеством цитатами из разных источников (из собственно религиозной литературы с массовым адресатом,

а также художественных, газетно-публицистических, искусствоведческих, мемуарных и др. текстов). Поскольку в настоящее время словари фиксируют религиозную лексику не в полном объеме и нередко выявляются лакуны в семантическом описании слов, работа должна вестись, по-видимому, в двух направлениях: не только от известного слова к содержащим его текстам (для выбора наилучших словарных иллюстраций), но и от текста к слову, которое должно пополнить религиозную часть словника общего словаря.

Подводя некоторые общие итоги, хотелось бы привести высказывание известного писателя и священника Валентина Свенцицкого, который в 1920-е гг., заостряя противоречия между мирской и духовной жизнью, отмечал: «Иной язык, иные понятия, иные чувства у верующего и неверующего человека» [Свенцицкий 1995: 20]. Представление об особом характере религиозной речи, которая отражает в себе религиозную картину мира, должно сочетаться с рассмотрением ее как неотъемлемой части современного русского литературного языка, служащего для общения людей самых разных взглядов. Именно с учетом этих двух положений — о своеобразии религиозной лексики и о ее принадлежности к современному языку, — как нам кажется, и должно осуществляться описание этой лексики в современных толковых словарях общего языка.

Литература

Алексеева М. А. Специфика религиозного дискурса как объекта исследования // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. 2011. № 3. С. 59–69.

Андреева И. В., Баско Н. В. *Словарь православной лексики в русской литературе XIX–XX вв.* М., 2012.

Бугаева И. В. *Язык православной сферы: современное состояние, тенденции развития.* Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2010.

Лопатин В. В., Нечаева И. В., Чельцова Л. К. *Как правильно? С большой буквы или с маленькой?: Орфографический словарь: Ок. 20 000 слов и словосочетаний.* М., 2002.

Гадомский К. А. *Русская теолингвистика: история, основные направления исследования* // Стил. № 9. Београд, 2010. С. 357–374.

Гадомский К. А. *Стилистический подход к изучению религиозного языка* // Стил. № 7. Београд, 2008. С. 21–35.

Гольберг И. М. *Религиозно-проповеднический стиль современного русского литературного языка: моральные концепты.* Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2002.

Добрушина Е. Р., Польсков К. О., Литвинцева К. В., Хангиреев И. А. От «Аббата» до «Аналоя»: фрагмент «Лингво-энциклопедического словаря русской христианской лексики» // Вестник ПСТГУ. Сер. III: Филология. 2011. Вып. 3 (25). С. 119–146.

Дубровина С. Ю. Организация православной лексики русского языка по функциональным разрядам // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2009. № 1. С. 34–54.

Емельянова О. Н. Квалификация конфессиональной лексики в толковых словарях русского языка // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 2 (20). Красноярск, 2012. С. 317–322.

Живов В. М. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М., 1994.

Карасик В. И. Религиозный дискурс // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики. Волгоград, 1999. С. 5–19.

Круглов В. М., Истратий В. В., Гамирова Д. Р., Каплан Е. Д. Нормативно-стилистические пометы в толковых академических словарях русского языка / ред. В. М. Круглов. СПб., 2015.

Крылова И. А. Современная православная проповедь в функционально-стилистическом аспекте. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

Крылова О. А. Существует ли церковно-религиозный функциональный стиль в современном русском литературном языке? // Культурно-речевая ситуация в современной России. Екатеринбург, 2000. С. 107–117.

Крысин Л. П. Об одной лакуне в системе функциональных стилей современного русского языка // Русский язык в школе. 1994. № 3. С. 69–79.

Крысин Л. П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 135–138.

Литвинцева К. В. «Церковнославянизм» как лексикографическая помета // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. 2016. Вып. 2 (47). С. 26–44.

Литвинцева К. В. Особенности лексикографического описания религиозной христианской лексики в современном русском языке. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2018.

Людоговский Ф., свящ. Церковнославянский словарь. Третья ступень: Богослужение. М., 2016.

Маршева Л. И. «Православный социолект (религиолект)» как способ маргинализации // Вестник ПСТГУ. Сер. «Филология». Вып. 2 (20). 2010. С. 47–85.

Матвеева О. А. Церковнославянская лексика как терминосистема. Автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 2013.

Мишланов В. А. О месте церковнославянского языка в русском лингвокультурном пространстве // Филологические заметки. № 1. Пермь, 2014. С. 1–15.

Молотков С., *свящ.* Практическая энциклопедия православного христианина. Основы церковной жизни. СПб., 2008.

Москвин В. П. О стилевом статусе церковно-религиозной речи // Русская речь. 2016. № 3. С. 75–84.

Петрухина Е. В. Особенности словообразования в церковно-религиозном дискурсе русского языка: стилистические функции церковнославянизмов // Słowotwórstwo a nowe style funkcjonalne języków słowiańskich. / Word-formation and the new functional styles of Slavic languages. Papers in thematic session. XV International Congress of Slavists. Belarus. Minsk. 20–27.08.2013. Wydawnictwo Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego. Siedlce. 2013. С. 110–135.

Постовалова В. И. Теолингвистика в современном гуманитарном познании: истоки, основные идеи и направления // Научно-педагогический журнал Восточной Сибири Magister Dixit. 2012. № 4. С. 56–103. [Электронный ресурс]. URL: <http://md.islu.ru/>.

Свенцицкий В., прот. Монастырь в миру. Проповеди и поучения. 1921–1926 гг. М., 1995.

Скляревская Г. Н. Лексика православия в современном русском языке: опыт лексикологического анализа и лексикографического описания // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2012. Т. 11, вып. 9: Филология. С. 36–40.

Скляревская Г. Н. Лексика современного русского православия. Толково-энциклопедический словарь. СПб., 2016.

Скляревская Г. Н. Словарь православной церковной культуры. СПб., 2000.

Скляревская Г. Н. О статусе религиозного языка в современном русском языке // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, М. Л. Ковшова. М., 2018. С. 84–92.

Цумарев А. Э., Шестакова Л. Л., Кулева А. С. Религиозная лексика в новом толковом словаре русского языка: из опыта описания // Вера. Язык. Отечество: Таврические Кирилло-Мефодиевские чтения: «Наследие святых Кирилла и Мефодия: опыт современного прочтения» (Симферополь, 22–26 мая 2017 г.). Вып. 1 (2017). Симферополь, 2018. С. 61–67.

Шевченко И. С. Русская православная лексика духовно-нравственного содержания: семасиологический и лексикографический аспекты. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016.

Шмелев А. Д. Языковые особенности различных видов религиозного дискурса // Язык в движении: к 70-летию Л. П. Крысина / Отв. ред. Е. А. Земская, М. Л. Каленчук. М., 2007. С. 612–621.

Штудинер М. А. Словарь образцового русского ударения. 2-е изд., испр. М., 2004.

Сокращения

АТoS — Академический толковый словарь русского языка. Т. 1: А–Вилять; Т. 2: Вина–Гяур / Отв. ред. Л. П. Крысин. М., 2016.

БАС¹ — Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.

БАС³ — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. Т. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).

БОС — *Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф.* Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты. М., 2012.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 2008.

КРИС — Краткий изобразительный словарь церковных терминов / ред. О. Ю. Марусова. СПб., 2016.

КрСПТ — Краткий словарь православных терминов. [Электронный ресурс]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/123>

МАС — Словарь русского языка: В 4 тт. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981–1984.

ОСРЯ — Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / под ред. Н. А. Еськовой. 10-е изд., испр. и доп. М., 2015.

ПЭ — Православная энциклопедия / под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. М., 2000–.

РЛП — Русское литературное произношение и ударение. Словарь-справочник / под ред. Р. И. Аванесова и С. И. Ожегова. М., 1959.

РОС — Русский орфографический словарь: около 200 000 слов / под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. 4-е изд., испр. и доп. М., 2012.

СГ — Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук. Т. 1 (А–Д) / ред. акад. Я. К. Грот. СПб., 1895.

СО — Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1949 [и след. издания].

СУ — Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складневской. М., 2006.

УСМР — Учебный словарь-минимум по религиоведению / под ред. проф. И. Н. Яблокова. М., 2000.

Problems of describing religious vocabulary in the modern explanatory dictionary of the Russian language

Alexey Tsumarev

zumarew@yandex.ru

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Larisa Shestakova

lara.shestakova@mail.ru

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

Anna Kuleva

kuleva@mail.ru

V.V. Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia

The paper discusses the problems of lexicographical representation of religious vocabulary on the material of «Academic explanatory dictionary of the Russian language». The criteria for selection of vocabulary of this category and the issues of reflection in the dictionary entries of spelling, stylistic, semantic and other features of religious words are discussed.

Keywords: the modern Russian standard language, religious vocabulary, explanatory dictionary, word list, dictionary entry

Производные от антропонимов: лексикографическое описание и функционирование в тексте

Елена Александровна Жданова

e-a-zhdanova@inbox.ru

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород, Россия

На материале словарей новой лексики (в первую очередь словаря-десятилетия «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века») и Национального корпуса русского языка проводится анализ производных слов от прецедентных антропонимов «Путин» и «Ельцин». Отмечаются важность словарной фиксации отантропонимических производных, как в собственно лингвистическом, так и в социокультурном аспекте, степень узуальности и частотности отдельных новообразований. Кроме того, сопоставляется количество зафиксированных в разных источниках производных.

Ключевые слова: антропонимы, производные слова, лексикографическая фиксация, Национальный корпус русского языка

Образование производных от имен собственных — в первую очередь от антропонимов — отмечается исследователями как характерная черта русского словообразования новейшего времени: «отонимические экспрессивные окказионализмы <...> «обладают свойством «сгущения» смыслов и стилистической полифункциональностью <...>. Их образование и актуализация в массовой коммуникации свидетельствуют о вовлеченности в словопроизводство ключевых слов эпохи (к которым относятся имена известных людей), об отношении коммуникантов к лицам, фактам и событиям общественной жизни» [Коряковцева, цит. по: Рацибурская, Самыличева, Шумилова 2015: 37]. Нередко подобные производные рассматриваются как окказиональные образования и, как следствие, не фиксируются в толковых словарях. Однако широкая употребительность отдельных дериватов приводит к их закреплению в языке и необходимости их описания в разного рода лексикографических источниках.

«Собственные имена имеют значительный культурный потенциал, они способны выступать в качестве носителей культурно значимой информации, т. е. приобретают символические свойства. Эти особен-

ности собственных имен, главным образом — личных имен, давно востребованы в культурной традиции и задействуются в художественном творчестве, в религиозном и публицистическом дискурсе, в науке, в рекламе и т.д.» [Радбиль 2016: 49]. Фамилии президентов Российской Федерации Б.Н. Ельцина и В.В. Путина можно рассматривать как прецедентные имена, т. е. как «своего рода сложные знаки, при употреблении которых в коммуникации осуществляется апелляция не собственно к денотату, а к набору дифференциальных признаков данного прецедентного имени» [Захаренко и др. 1997: 83–84]. При этом «ввод в дискурс прецедентного имени почти всегда характеризуется мировоззренческой, идеологической окрашенностью. Это вытекает из таких его особенностей употребления, как направленность не на номинацию явления, а на выражение отношения к нему» [Радбиль 2016: 52].

Наличие большого числа производных подтверждает прецедентность анализируемых антропонимов. Показательно также то, что данные производные фиксируются в различных лексикографических источниках: в частности, в словаре новой лексики «Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века» [НСЗ-90] и в «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» [АЛ].

Как отмечают исследователи, «деривационные процессы и отношения отражают способы усвоения знаний и опыта с помощью актуальных для данной эпохи корневых и аффиксальных морфем, используемых для объективизации новых концептов и связей», а в «неономинациях отражаются и закрепляются ценностные приоритеты определенного социума, а также национально-специфические особенности категоризации и вербализации» [Коряковцева 2016: 9, 13].

В НСЗ-90 описано более 20 слов, восходящих к антропониму *Ельцин*: *ельцинисты*, *ельцинцы*, *ельцинский*, *ельцинищина*, *антиельцинизм*, *проельцинский* и др. Большая часть производных — это имена существительные, называющие, во-первых, сторонников или противников Б.Н. Ельцина и проводимой им политики: *ельцинисты* (а также производное *ельцинистка*), *ельцинцы*, *ельциноиды* (последнее — с ярко выраженной негативной окраской), а также *ельцинат*, с одной стороны, и *антиельцинец*, *антиельцинист* — с другой; во-вторых, политику, в том числе экономическую, проводимую Б.Н. Ельциным: *ельцинизм* и *ель-цинизм*, *ельцинизация*, *ельциномика*, *ельцинищина* — и противопоставляемый ей *антиельцинизм*. Новообразование *ельцингейт* означает 'политический скандал'.

Таким образом, по данным НСЗ-90 можно говорить о сформировавшемся широко развернутом словообразовательной гнезде с вершиной *-ельцин-*

В базе данных основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) фиксируется чуть меньшее количество производных — 17 новообразований, из них 11 новообразований (*антиельцинист, антиельцинский, ельцинизм, ельцинистка, ельцинист, ельциномика, ельцинский, ельцинско-гайдаровский, ельцинско-гайдаровско-чубайсовский, ельцинцы, горбачёвско-ельцинский*) встречается и в НСЗ-90, и в НКРЯ, что, очевидно, свидетельствует об их широкой употребительности.

При конструировании новых слов используются самые разнообразные способы — суффиксация, префиксация, словосложение, в том числе контаминация, а также графодеривация. Востребованными оказываются продуктивные в русском языке новейшего периода префиксы *анти-* и *про-* (*антиельцинист, проельцински*), суффиксы существительных *-ец, -ист, -оид, -к(а)*; *-изм, изаци(я), -цин(а)*; суффиксы прилагательных *-н(ый), -ск(ий)*.

Новые производные оказываются в синонимических или антонимических отношениях между собой. При этом наличие зафиксированных в НСЗ-90 синонимов-дублетов *ельцинец — ельцинист* и *антиельцинец — антиельцинист* свидетельствует о неустойчивости данного участка языковой системы, о поиске говорящими наиболее подходящей номинации.

Данные НКРЯ показывают, что производное *ельцинист* гораздо частотнее новообразования *ельцинец*: в первом случае зафиксировано 13 вхождений, а во втором — только одно (*Уж очень разношерстная собралась в Кремле компания: искушенные в интригах и знающие, что где лежит, ельцинцы и стремящиеся расчистить себе дорогу питерцы, в свою очередь, подразделяющиеся на силовиков и иных выходцев из «северной столицы»* [Галина Титова. Мастер подковерных единоборств (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.10, НКРЯ]).

В этой связи показательным, на наш взгляд, является и то, что от новообразования *ельцинист* создано производное — феминатив *ельцинистка*, в то время как потенциально возможное *ельцинка* (с тем же значением) не фиксируется ни в НСЗ-90, ни в НКРЯ.

Анализ контекстов со словом *ельцинист* позволяет говорить о возможном появлении в речи у данного производного отрицательной коннотации — так, об этом свидетельствует включение деривата

в один ряд со словами *жид* и *предатель*: *Пишут и другое: убьем, повесим, жид, предатель, ельцинист, гайдаровец, зюгановец, агент ЦРУ, агент КГБ* [Минкин Александр. Александр Минкин: «Я никого не пачкаю. Люди пачкаются сами. Я просто включаю свет» (1995) // «Общая газета», 1995.07.26, НКРЯ]. Однако данная негативная оценка, очевидно, обусловлена особенностями авторской позиции и субъективна, в других контекстах она может отсутствовать: *Во-вторых, неясно, к кому вообще прислушиваться, даже «ельцинисты» говорят по-разному: Гайдар призывает живым кольцом заслонить российскую демократию, а Лужков просит не покидать своего жилья.* [Владислав Быков, Ольга Деркач. Книга века (2000), НКРЯ]; *Мы, убежденные ельцинисты, обращаемся к Вам — великому реформатору: возвысьте свой голос во имя свободной России!* [Итоговые документы внеочередного съезда партии «Либеральная Россия» // «Независимая газета», 2003, НКРЯ]. Авторы НСЗ-90 сопровождают толкование данного неологизма пометой «часто неодобр.», т. е. лишь допускают, но не констатируют негативную оценочность у новообразования.

Отличие от новообразований *ельцинец* и *ельцинист*, производное *ельциноид* обладает ярко выраженной отрицательной оценкой, описывается в НСЗ-90 с пометой «презрительное». Данная негативная оценка, видимо, оказывается заложенной в самой словообразовательной модели: «Пейоративные окказионализмы, образованные от т. н. “ключевых онимов эпохи” с помощью суффиксоидов, типичных для научной терминологии, обладают способностью интенсивно воздействовать на восприятие медийных текстов, вызывая у их реципиентов острые негативные интеллектуальные и эмоциональные реакции. Кроме яркой выразительности и отрицательной оценочности, эти неодериваты несут богатую социально-культурную информацию об общественно-политической обстановке» [Коряковцева 2016: 119]. К сожалению, в НКРЯ новообразование *ельциноид* не фиксируется, хотя на запрос «ельциноид» на поисковом сайте Яндекс (www.yandex.ru) выдается 33 тыс. результатов (например: *Ельциноиды были (и остаются) в большинстве своем людьми воспитанными, интеллигентными, приятными во всех отношениях. Ну, разве что политически наивными* [Зеличенко 2013]; *Российская армия усилиями ельциноидов была доведена до положения обтрепанной нищенки.* [Голубев 2013]; *Но «эпоха» ельциноидов, разрушителей и откровенных воров прошла. Россия, открыв свои границы, стала постепенно втягиваться в общемировые интеграционные процессы.* [Политклуб 2012].

Интерес представляют новообразования *ельциномика* и *ельцингейт*, образованные с помощью недавно вошедших в русский язык формантов *-номик(а)* и *-гейт* соответственно. Новообразование *ельциномика* можно рассматривать и как образованное путем контаминации: *Ельцин* + *экономика*. Однако исследователи, в частности Е.И. Коряковцева, считают, что в русском языке новейшего периода оформился новый суффиксированный формант *-(о)номик(а)*: «в поисках оригинальных экспрессивных словообразовательных средств лингвокреативные <...> журналисты создали терминоидный суффиксоид *-номик(а)*» [Коряковцева 2016: 117]. При этом, «стремясь создать негативный языковой образ экономической политики, проводимой первыми лицами государства, в поисках хлестких и метких оценок словотворцы <...> спорадически образуют окказиональные отонимические экспрессивные компрессивы» [Коряковцева 2016: 117]. Вместе с тем примечательно, что новообразование *ельциномика* встречается не только в НКРЯ, но и в НСЗ-90, а это говорит о переходе производного из окказиональных слов в узуальные, о его закреплении в узусе.

Производное *ельцингейт* описано только в НСЗ-90. Е.И. Коряковцева, анализируя производные с данным формантом, отмечает, что «активное словопроизводство с помощью нового интернационального суффиксоида *-гейт / -gate* <...> объясняется удобством его использования при образовании наименований-компрессатов: в семантической структуре производных слов структурный элемент *-гейт / -gate* передает родовое понятие „скандал“, в то время как производящая основа выступает в качестве атрибутивно-видовой характеристики» [Коряковцева 2016: 42]. «Словообразовательная продуктивность нового интернационального суффиксоида, ставшего своеобразным языковым маркером медиального скандала, обусловлена прежде всего факторами социокультурного характера, а именно ростом популярности негативной, разоблачительной информации, передаваемой постсоциалистическими СМИ» [Коряковцева 2016: 44].

Значительную группу дериватов, созданных на базе рассматриваемого антропонима, составляют имена прилагательные, в том числе сложные: *ельцинский*, *ельциноидный*, *горбачёвско-ельцинский*, *ельцинско-гайдаровский*. Отмечаются трех- и даже четырехкомпонентные композиты: *ельцинско-гайдаровско-чубайсовский* и *ельцинско-гайдаровско-чубайсовско-черномырдинский*. Некоторые производные прилагательные обнаруживаются и в НСЗ-90, и в НКРЯ (*антиельцинский*,

ельцинский, ельцинско-гайдаровский, ельцинско-гайдаровско-чубайсовский и некоторые другие), но есть и расхождения. Так, например, в НКРЯ находим композиты *ельциноподобный, сталинско-ельцинский* и *ельцинско-путинский*, которые не описаны в НСЗ-90. Весьма ярким является окказионализм *Ельцинбургский* (Далее реальные голосования в первых 5-6 малонаселенных часовых поясах давали возможность уточнить реальные «отклонения от орбиты» в сравнении со старыми голосованиями и прогнозом текущего — и приготовиться к Большой Фальсификации в европейской России. Лужковская Москва (почти 7 млн. избирателей), Питер — около 4 млн. и *Ельцинбургская* область — аналогичная по численности, а также более 5 млн. в Московской области создавали власти НЗ в 20 миллионов «потенциальных голосов» (пятая часть всех избирателей страны!), которые можно было сначала «нарисовать виртуально» в электронной версии... [Михаил Малютин. Демократия: как это делается в России (2003) // «Завтра», 2003.03.16, НКРЯ]) — образованный путем заменительной деривации: *Ельцин + Екатеринбургский*. Показательно, что автор окказионализма, во-первых, допускает фактическую неточность: Екатеринбургской области в Российской Федерации нет, а город Екатеринбург — центр Свердловской области; а во-вторых, опирается на фоновые знания носителей русского языка (Б.Н. Ельцин был родом из нынешней Свердловской области).

Среди производных прилагательных, так же, как и среди существительных, отмечаются антонимы и синонимы: *ельцинский, проельцинский* — *антиельцинский*.

Интересно отметить, что от прилагательных образуются производные наречия — *проельцински, по-ельцински*.

Производные, образованные от фамилии Путин, также фиксируются и в НСЗ-90, и в НКРЯ. Ожидаемо, что в словаре-справочнике подобных новообразований будет немного, однако показательно, что они фиксируются в лексикографическом источнике. Это демонстрирует гибкость словообразовательной системы русского языка, быстро реагирующей на социальные запросы. В НСЗ-90 находим такие производные, как *путинизм, путинисты, путинский, путинцы*, а также *пропутински, пропутинский*. В НКРЯ фиксируется 16 слов, мотивированных данным антропонимом (это количество соотносимо с количеством производных, мотивированных фамилией *Ельцин*), причем производные *путинизм, путинисты, путинский, путинцы* повторяются и в НСЗ-90, и в НКРЯ.

Так же, как в производных от фамилии *Ельцин*, среди новообразований с вершиной *-путин-* преобладают имена существительные: *путинцы*, *путиноид*, *антипутинец*; *путинизм*, *путинщина*, *путинизация* и др. Наблюдаются дублетные номинации: *путинцы* — *путинисты*. Данные НКРЯ показывают, что более частотным является производное с суффиксом *-ец* — фиксируется 14 вхождений с новообразованием *путинец* (*Когда он был опубликован, меня обвинили в антиамериканизме, называли **путинцем**, который чуть ли не стоит на жалованье у президента России.* [Георгий Хабаровов. Смесь французского с красноярским (2003) // «Совершенно секретно», 2003.07.07, НКРЯ]; *Правда, будущему президенту и бывшим **путинцам** придется искать компромисс.* [Два процента в президенты (2003) // «Вслух о...», 2003.10.24, НКРЯ]), в то время как на запрос *путинист* НКРЯ дает только 1 вхождение (*И при этом смехотворно и жалко берет на себя роль патриотической оппозиции, выполняя заказ «**путинистов**», клеветца на компартию.* [Александр Проханов. Медный всадник или «оса-наездник»? (2003) // «Завтра», 2003.05.20, НКРЯ]). Таким образом, ситуация с дублетными наименованиями *путинец* — *путинист* прямо противоположна ситуации в паре *ельцинец* — *ельцинист*.

Имен прилагательных, образованных от фамилии *Путин* значительно меньше — в НКРЯ зафиксировано только 5 новообразований, три из которых — сложные: *путинский*, *антипутинский*, *путинско-кадыровский*, *кремлевско-путинский*, *ельцинско-путинский*.

Интересным представляется сопоставление моделей, по которым образуются производные от данных антропонимов, имеющих одинаковые финалы (*-ин*). Анализ неоминаций в большинстве случаев показывает тождественность используемых моделей: это не только «стандартные» производные типа *ельцинский* — *путинский*; *ельцинизм* — *путинизм*; *ельцинисты* — *путинисты*; *антиельцинский* — *антипутинский*, а также *ельцинизация* — *путинизация*, *ельцинщина* — *путинщина*, но и производные, созданные по моделям, которые стали широко востребованы в языке новейшего периода: *ельциноид* — *путиноид*, *проельцинский* — *пропутинский* (также *проельцински* — *пропутински*); *ельциномика* — *путиномика* (последнее новообразование не фиксируется в НСЗ-90 и НКРЯ, но широко представлено по данным поисковой сети Яндекс: «**Путиномика**» — это экономическая модель, основанная на росте внутреннего потребления, что было возможно благодаря постоянно увеличивавшимся доходам от ресурсного экспорта.

[Жолквер 2015]; Третий элемент «путиномики» заключается в том, чтобы предоставить возможность частным фирмам свободно действовать лишь в тех сферах, где они не подвергают риску политическую стратегию Кремля, говорится в статье. [Foreign Affairs 2018] и др.

Кроме того, от фамилии Путин образованы производные *путинг*, *путиномедведев*, *непутин*, *медвепутин* по моделям, которые не были востребованы при конструировании производных от фамилии Ельцин.

Таким образом, материалы лексикографических источников и базы данных Национального корпуса русского языка соотносимы, дополняют друг друга, позволяют определить степень частотности и узуальности отдельных новообразований. При этом можно отметить, что данные НСЗ-90 в некоторых случаях оказываются более репрезентативными.

«Словари и энциклопедии — это своего рода карты культуры (в широком понимании последней) <...> Перелистывая страницы словарей, читатель получает представление о том, какие сферы науки, техники, культуры развивались особенно активно, стимулируя соответствующий “лексический отклик”» [Козырев, Черняк 2013: 64].

Литература

Захаренко И.В., Красных В.В., Гудков Д.Б., Багаева Д.В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. Вып. 1. М., 1997. С. 82–103 [Электронный ресурс]. URL: http://www.philol.msu.ru/~slavphil/books/jsk_01_08zacharenko_et.pdf (дата обращения 01.10.2018).

Козырев В.А., Черняк В.Д. Словари как объект и инструмент языковой рефлексии // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 1 (292). Филология. Искусствоведение. Вып. 73. С. 63–65.

Коряковцева Е.И. Очерки о языке современных славянских СМИ (семантико-словообразовательный и лингвокультурологический аспекты). Siedlce, 2016.

Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // Ономастика Поволжья: материалы XV Международной научной конференции. Арзамас; Саров, 2016. С. 49–54.

Рацбургская Л.В., Самыличева Н.А., Шумилова А.В. Специфика современного медийного словотворчества. М., 2015.

Источники

Голубев В. Ельцин, ельцинизм, ельциноиды // Русская народная линия. 02.05.2013. [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/analitika/2013/05/02/elcin_elcinizm_elcinoidy (дата обращения 01.10.2018).

Жолквер Н. «Путиномика» выживет только в условиях авторитаризма // Иносми.ру. 19.10.2015. [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/russia/20151019/230902366.html> (дата обращения 01.10.2018).

Зеличенко А. Ельциноиды, путиноиды, навальноиды... (политико-психологический этюд) // Радио Эхо Москвы. 09.08.2013. [Электронный ресурс]. URL: https://echo.msk.ru/blog/ruskiysvet_dot_narod_dot_ru/1132768-echo/ (дата обращения 01.10.2018).

Политклуб. «Ельциноид» ли Путин, и что «позволят» ему те, кто назначил его Президентом? // ЖЖ, 6.03.2012. [Электронный ресурс]. URL: <https://politclub.livejournal.com/5926387.html> (дата обращения 01.10.2018).

Foreign Affairs: несмотря на мрачные прогнозы, «путиномика» в России сработала // ИноТВ. 10.02.2018. [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/inotv/2018-02-10/Foreign-Affairs-nesmotrya-na-mrachnie> (дата обращения 01.10.2018).

Сокращения

АЛ — Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г.Н. Складневской. М., 2008.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html> (дата обращения 01.10.2018).

НСЗ-90 — Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов XX века: в 3 тт. / под ред. Т. Н. Буцевой (отв. ред.) и Е. А. Левашова. СПб., 2009–2014.

Derivative words from anthroponyms: lexicographical description and usage in texts

Elena Zhdanova

e-a-zhdanova@inbox.ru

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
Nizhny Novgorod, Russia

On the materials of a dictionary of new words and Russian National Corpus we analyzed derivative words, which were constructed on the base of precedential anthroponyms — Putin and Elcin. Lexicographical fixation of such derivative words is very important both in a proper linguistic aspect and sociocultural one. We noted grades of usage and frequency of anthroponymic derivatives and matched quantity of derivative words, which were fixed in various sources.

Keywords: anthroponyms, derivative words, lexicographical fixation, Russian National Corpus

Анализ словарных дефиниций лексико-семантической группы «многомачтовые парусные суда» и возможности их унификации

Ульяна Викторовна Буторова

burian@yandex.ru

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Статья посвящена проблеме унификации словарных дефиниций. Проанализированы словарные определения слов, входящих в лексико-семантическую группу «Многомачтовые парусные суда», показаны их недочеты, предложен способ унификации.

Ключевые слова: лексикография, лексико-семантическая группа, словарная дефиниция, унификация

Одной из актуальных проблем современной лексикографии является проблема унификации словарных дефиниций. Унификация словарных дефиниций состоит в том, чтобы придать единообразие структуре дефиниций (набор семантических компонентов и их порядок) и используемым формулировкам [Белоусова 1988: 74]. Традиционное создание толковых словарей по алфавиту создает определенные трудности в этом отношении, т. к. составитель, автор словаря работает с отдельным словом и его значениями в отрыве от других слов, семантически связанных с ним и требующих идентичных определений. Об этом пишет Н.Ю. Шведова: «Для того, чтобы избежать разнобоя в словаре, лексикограф должен работать не с алфавитным списком слов, а с определенными их лексическими группировками» [Шведова 1981: 171]. Анализ лексико-семантических групп помогает понять место слова в системе языка и дать ему более точное определение, позволяющее однозначно отделить его от других слов, входящих в группу. «Целесообразнее на первом этапе работы с лексическим материалом провести тематическое членение лексики. Такие однородные и сравнительно немногочисленные группы слов легко проверять, сопоставлять. В результате сопоставления можно определить необходимый набор дифференциальных признаков» [Сергеева 2009: 214].

В данной статье анализируется лексико-семантическая группа «Многомачтовые парусные суда», входящая в большую семантическую группу «Водный транспорт».

В БТС эта группа представлена следующими словарными статьями.

1. **БАРК**. *Мор.* Большое морское грузовое судно с косыми парусами на кормовой мачте и прямыми на всех остальных.

2. **БРИГ**. Двухмачтовое морское судно с прямыми парусами.

3. **БРИГАНТИНА**. Легкое двухмачтовое судно с прямыми на передней мачте и косыми на второй мачте парусами.

4. **ГАЛИОТ**. Старинное двухмачтовое транспортное судно с прямыми на передней мачте и с косыми — на кормовой мачте.

5. **КАРАВЕЛЛА**. В Италии, Испании, Португалии в 13–17 вв.: высокобортное морское судно с 3–4 мачтами и надстройками на палубе.

6. **КЛИПЕР**. Существовавшее до конца 19 в. быстроходное морское парусное судно.

7. **КОРВЕТ**. 1. В парусном флоте 18–19 вв.: трехмачтовый военный морской корабль средних размеров. (2. В период второй мировой войны 1939–1945 гг.: сторожевой корабль в британском и американском флотах.)

8. **ФРЕГАТ**. 1. На флоте 18–19 вв.: трехмачтовое парусное военное судно обладавшее большой скоростью хода. (2. На флоте во время второй мировой войны: корабль переходного типа между легким крейсером и эскадренным миноносцем для противолодочной и противовоздушной обороны.)

9. **ШЛЮП**. *Мор.* 1. В парусном флоте 18–19 вв.: трехмачтовый корабль с прямыми парусами (средний между корветом и бригом). (2. Парусное морское одномачтовое судно с двумя парусами (главным образом спортивное). 3. В некоторых современных иностранных флотах: тихоходный сторожевой корабль для охраны транспортных караванов.)

10. **ШХУНА**. Парусное судно, чаще с двумя или тремя мачтами и косыми парусами.

«Системность как принцип описания предусматривает унифицированное толкование слов, относящихся к одной семантической группе, на основе единых установленных признаков» [Буренкова 2015: 86]. Определим эти признаки для рассматриваемой лексико-семантической группы. Нерегулярную помету *Мор.* исключим из анализа, т. к. ее надо либо использовать во всех статьях данной группы слов, либо не использовать вовсе, считая само собой разумеющимся, что названия судов относятся к морской терминологии. Итак, вот какие семантические компоненты удалось выделить:

- 1) район плавания;
- 2) тип судна;

- 3) назначение судна;
- 4) количество мачт;
- 5) парусное вооружение;
- 6) особенности;
- 7) период существования;
- 8) место существования.

Посмотрим, как данные признаки представлены в словарных статьях.

Барк:	1356
Бриг:	145
Бригантина:	456
Галиот:	3457
Каравелла:	14678
Клипер:	1267
Корвет:	13467
Фрегат:	23467
Шлюп:	4567
Шхуна:	245

Как видим, набор семантических компонентов в словарных статьях неоднороден. 'Район плавания' указан в 5-ти статьях из 10-ти, 'Тип судна' — в 3-х, 'Назначение судна' — в 4-х, 'Количество мачт' — в 8-ми, 'Парусное вооружение' — в 6-ти, 'Особенности' — в 7-ми, 'Период существования' — в 6-ти, 'Место существования' — в 1-й статье. Даже основные характеристики парусного судна ('Количество мачт' и 'Парусное вооружение') указаны не во всех дефинициях.

Неполнота дефиниций — существенный недостаток для любого словаря. Воспользуемся дополнительными источниками (БСЭ; ВМС; Самойлов 1941; Марквардт 1991; Курти 1978; Шнейдер, Белецкий 1990) для того, чтобы восполнить пробелы. Для наглядности, на этом этапе работы будем перечислять характеристики через точку с запятой в указанном выше порядке. Информация из дополнительных источников выделена курсивом.

1. **БАРК.** Морское; парусное; грузовое, *в настоящее время — учебное*; 3–5 мачт, с косыми парусами на кормовой мачте и прямыми на всех остальных; большое; 18 — начало 20 вв.

2. **БРИГ.** Морское; *парусное; военное и торговое*; 2 мачты; с прямыми парусами и дополнительным косым на кормовой мачте; 18–19 вв.

3. **БРИГАНТИНА.** Морское, *парусное или парусно-гребное; военное*; 2 мачты; с прямыми на передней мачте и косыми на кормовой мачте; легкое,

быстроходное, бриг малого размера, шхуна-бриг; 16–18 вв. (парусно-гребное), 17–19 вв. (парусное)

4. **ГАЛИОТ.** *Морское, парусное, транспортное, рыболовное, военное; 1–3 мачты, с косыми на кормовой мачте и прямыми на остальных; плоскодонный, коробообразный корпус с загнутыми внутрь кормой и бортами, с мощным килем и форштевнем; 17 — начало 19 вв.; в районе Северного и Балтийского морей.*

5. **КАРАВЕЛЛА.** *Морское и прибрежное; парусное; транспортное и военное; 2–4 мачты; обычно с косыми парусами, иногда с прямыми на первых двух мачтах и косыми на остальных; высокобортное, с надстройками на палубе; 13–17 вв.; в Италии, Испании, Португалии.*

6. **КЛИПЕР.** *Морское; парусное, парусно-паровое, парусно-винтовое; военное, торговое, грузо-пассажирское; 3–4 мачты; полное парусное вооружение; быстроходное, с острыми обводами; 19 в.; первоначально в Америке.*

7. **КОРВЕТ.** *Морское; военное; 3 мачты; с прямыми парусами; средних размеров, легкий, с открытой батареей (на верхней палубе); 18–19 вв.*

8. **ФРЕГАТ.** *Морское; парусное, парусно-паровое, парусно-винтовое; военное; 3 мачты; такое же как у линейного корабля, но мачты выше; обладавшее большей скоростью хода, второе по величине после линейного корабля, скорость выше, чем у линейного корабля, 2 батарейные палубы; 17–19 вв.*

9. **ШЛЮП.** *Морское; парусное, парусно-паровое; военное, транспортное, экспедиционное; 3 мачты; с прямыми парусами; средний между корветом и бригом, малый бриг, с открытой батареей; 18–19 вв.*

10. **ШХУНА.** *Морское; парусное, парусно-моторное; транспортное, промысловое, учебное; 2–4 мачты; с косыми парусами, иногда на передней мачте 1–2 прямых паруса; с 18 в.*

Как видно, в словаре представлены в основном суда 18–19 веков. Но и те, что представлены, не дают полной картины многомачтовых парусных судов этого периода. Кроме того, складывается впечатление, что до конца 17 века никаких многомачтовых судов, кроме каравелл, не существовало. Таким образом, этот список необходимо дополнить еще несколькими единицами описания.

БАРКЕНТИНА. *Морское; парусное; грузовое; 3–5 мачты; с прямыми парусами на передней мачте и косыми на остальных; шхуна-барк; с середины 19 в.; Европа.*

ГАЛЕАС. *Морское; парусно-гребное; военное; 3 мачты; с косыми парусами; в носовой части имелся надводный таран; в 16–17 вв.; страны Европы.*

ГАЛИОН или **ГЕЛЕОН.** *Морское; парусное; грузовое, военное; 3–4 мачты; с прямыми парусами на двух передних мачтах и косыми на остальных; повышенная прочность корпуса, высокие борта, высокая кормовая надстройка (до 7 палуб); в 16–18 вв.; Великобритания, Испания, Франция, Португалия.*

КАРАККА. Морское; парусное; военное, торговое; 3–4 мачты; с прямыми парусами на двух передних мачтах и косыми на остальных; развитые высокие носовые и кормовые надстройки, «луковичная» форма корпуса — борта были закруглены и загибались внутрь, самые мощные суда своего времени, крупнейшее парусное судно Европы; в 15–16 вв.; Европа.

ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ. Морское; парусное; военное; 3 мачты; с прямыми парусами; большое, 2–4 палубы, вооружение до 135 орудий; в 17–19 вв.; Европа.

ЛЮГЕР и ЛЮГТЕР. Морское; парусное; военное, грузовое; 2–3 мачты; с косыми парусами; быстроходное, бушприт расположен почти горизонтально; в 18–19 вв.; в основном во Франции.

ФЛЕЙТ. Морское; парусное; военно-транспортное; 3 мачты; с косым парусом на кормовой мачте и прямыми на остальных; на флейтах впервые появился штурвал, хорошие мореходные качества, высокая скорость, большая вместимость; в 16–18 вв.; сперва Нидерланды, потом вся Европа.

ШЕБЕКА. Морское; парусно-гребное; военное, грузовое; 3 мачты; с косыми парусами; узкий длинный корпус с развалом бортов, сильно выдвинутый форштевень, в задней части строилась палуба, сильно выступающая за корму; в 16–19 вв.; в странах Средиземноморья.

Теперь рассмотрим, как каждый из компонентов сформулирован в представленных статьях.

1. Район плавания: морское;
2. Тип судна: парусное, парусно-гребное, парусно-паровое, парусно-моторное, парусно-винтовое;
3. Назначение судна: военное, торговое, грузовое, грузо-пассажирское, транспортное, военно-транспортное, промысловое, учебное, экспедиционное;
4. Количество мачт: двухмачтовое, с 3–4 мачтами, трехмачтовый, чаще с двумя или тремя мачтами;
5. Парусное вооружение: с косыми парусами на кормовой мачте и прямыми на всех остальных, с прямыми на передней мачте и косыми на второй мачте парусами, с прямыми на передней мачте и с косыми — на кормовой мачте, с прямыми парусами, с косыми парусами; с прямыми парусами и дополнительным косым на кормовой мачте; обычно с косыми парусами, иногда с прямыми на первых двух мачтах и косыми на остальных; полное парусное вооружение; такое же как у линейного корабля
6. Особенности: большое, легкое, высокобортное, с надстройками на палубе, быстроходное, средних размеров, обладавшее большой скоростью хода, средний между корветом и бригом; в носовой части

имелся надводный таран, повышенная прочность корпуса, высокие борта, высокая кормовая надстройка (до 7 палуб), развитые высокие носовые и кормовые надстройки, «луковичная» форма корпуса — борта были закруглены и загибались внутрь, самые мощные суда своего времени, крупнейшее парусное судно Европы, 2–4 палубы, вооружение до 135 орудий, бушприт расположен почти горизонтально, впервые появился штурвал, хорошие мореходные качества, высокая скорость, большая вместимость, узкий длинный корпус с развалом бортов, сильно выдвинутый форштевень, в задней части строилась палуба, сильно выступающая за корму.

7. Период существования: старинное, в 13–17 вв., с середины 19 в., в 16–17 вв., в 16–18 вв., в 15–16 вв., в 17–19 вв., в 18–19 вв., в 16–19 вв., существовавшее до конца 19 в., в парусном флоте 18–19 вв., на флоте 18–19 вв.;

8. Место существования: в Италии, Испании, Португалии; страны Европы; Великобритания, Испания, Франция, Португалия; Европа; в основном во Франции; сперва Нидерланды, потом вся Европа; в странах Средиземноморья.

Перейдем к унификации формулировок семантических компонентов, входящих в дефиниции лексико-семантической группы «Многомачтовые парусные суда».

В качестве опорного слова, через которое будут определяться все единицы данной группы, выберем слово 'судно', т. к. слово 'корабль' предполагает, во-первых, субъективную оценку размера судна, а во-вторых, однозначное отнесение судна к классу военно-морских судов, в то время как одни и те же парусные суда зачастую использовались как для военных, так и для гражданских целей. (Ср. определения, данные в БТС: '**КОРАБЛЬ**. Крупное морское судно; военно-морское судно любого класса.' '**СУДНО**. Плавающее сооружение, предназначенное для транспортных, промысловых и военных целей, для научных исследований и т.п.').

1. Область плавания: морское;
2. Тип судна: парусное, парусно-гребное, парусно-паровое, парусно-моторное;
3. Назначение судна: военное, грузовое, транспортное, военно-транспортное, промысловое, экспедиционное, учебное;
4. Количество мачт: двухмачтовое, трехмачтовое, трех-пяти-мачтовое, трех-четыремачтовое, одно-трехмачтовое, двух-четыремачтовое, двух-трехмачтовое;

5. Парусное вооружение: с прямыми парусами на всех мачтах, с косыми парусами на всех мачтах, с прямыми на передней мачте и косыми на кормовой, с прямыми на передней мачте и с косыми на остальных, с косыми парусами на кормовой мачте и прямыми на остальных, с прямыми парусами на всех мачтах и дополнительным косым на кормовой, с прямыми парусами на двух передних мачтах и косыми на остальных;

6. Особенности: большое, легкое, высокобортное, быстроходное, средних размеров, средний между *чем-либо* и *чем-либо*, с *чем-либо*, отличавшееся *чем-либо*, являвшееся *каким-либо*, вооруженное *чем-либо*;

7. Период существования: Существующее с *такого-то* в., в *таком-то-таком-то* вв., в *таком-то* в., в *таком-то-начале такого-то* вв., существовавшее до конца *такого-то* в.;

8. Место существования: в *таких-то* странах, в основном в *такой-то* стране, в Европе, первоначально в *такой-то* стране, в районе *такого-то/таких-то* моря/морей.

Перейдем к составлению словарных статей с учетом полученной информации.

1. **БАРК.** Существующее с 18 в. в Европе морское парусное большое грузовое и учебное трех-пятимачтовое судно с косыми парусами на кормовой мачте и прямыми на остальных.

2. **БАРКЕНТИНА.** Существующее с середины 19 в. в Европе: морское парусное грузовое трех-пятимачтовое судно с прямыми парусами на передней мачте и косыми на остальных; шхуна-барк.

3. **БРИГ.** В 18–19 вв. в Европе: морское парусное военное и грузовое двухмачтовое судно с прямыми парусами и дополнительным косым на кормовой мачте.

4. **БРИГАНТИНА.** В 16–19 вв. в Европе: морское парусное или парусно-гребное легкое, быстроходное военное двухмачтовое судно с прямыми парусами на передней мачте и косыми на кормовой; шхуна-бриг.

5. **ГАЛЕАС.** В 16–17 вв. в Европе: морское парусно-гребное военное трехмачтовое судно с косыми парусами и надводным тараном в носовой части.

6. **ГАЛИОН** или **ГЕЛЕОН.** В 16–18 вв. в Великобритании, Испании, Франции и Португалии: морское парусное грузовое высокобортное трех-четыремачтовое судно с прямыми парусами на двух передних мачтах и косыми на остальных, отличавшееся повышенной прочностью корпуса и высокой кормовой надстройкой.

7. **ГАЛИОТ.** В 17 — начале 19 вв. в районе Северного и Балтийского морей: морское парусное военное, промысловое и грузовое одно-трехмачтовое судно с косыми на кормовой мачте и прямыми на остальных, отличавшееся коро-

бообразным корпусом с загнутыми внутрь кормой и бортами, а также мощным килем и форштевнем.

8. **КАРАВЕ́ЛЛА.** В 13–17 вв. в Италии, Испании, Португалии: морское парусное транспортное и военное высокобортное двух-четырёхмачтовое судно обычно с косыми парусами, иногда с прямыми на первых двух мачтах и косыми на остальных, отличавшееся надстройками на палубе.

9. **КАРАККА.** В 15–16 вв. в Европе: морское парусное военное и грузовое трех-четырёхмачтовое судно с прямыми парусами на двух передних мачтах и косыми на остальных, отличавшееся высокими носовыми и кормовыми надстройками и закругленными и загнутыми внутрь бортами, являвшееся самым мощным судном своего времени.

10. **КЛИПЕР.** В 19 в. первоначально в Америке: морское парусное или парусно-паровое военное, грузовое или транспортное быстроходное трех-четырёхмачтовое судно с прямыми парусами, отличавшееся острыми обводами.

11. **КОРВЕ́Т.** В 18–19 вв. в Европе и Америке: морское военное средних размеров легкое трехмачтовое судно с прямыми парусами и открытой батареей на верхней палубе.

12. **ЛИНЕЙНЫЙ КОРАБЛЬ.** В 17–19 вв. в Европе: морское парусное большое военное трехмачтовое судно с прямыми парусами, вооруженное мощной артиллерией.

13. **ЛЮГЕР** и **ЛЮГГЕР.** В 18–19 вв. в основном во Франции: морское парусное военное и грузовое быстроходное двух-трехмачтовое судно с косыми парусами, отличавшееся почти горизонтально расположенным бушпритом.

14. **ФЛЕЙТ.** В 16–18 вв. первоначально в Нидерландах: морское парусное военно-транспортное быстроходное трехмачтовое судно с косым парусом на кормовой мачте и прямыми на остальных, отличавшееся большой вместимостью и на котором впервые был применен штурвал.

15. **ФРЕГА́Т.** В 17–19 вв. в Европе: морское парусное или парусно-паровое военное быстроходное трехмачтовое судно с прямыми парусами, имевшее две батарейные палубы и отличавшееся более высокими, чем у линейного корабля, мачтами.

16. **ШЕБЕКА.** В 16–19 вв. в районе Средиземного моря: морское парусно-гребное военное и грузовое трехмачтовое судно с косыми парусами, отличавшееся узким длинным корпусом с развалом бортов, сильно выдвинутым форштевнем и сильно выступающей за корму палубой.

17. **ШЛЮП.** В 18–19 вв. в Европе: морское парусное или парусно-паровое военное, транспортное и экспедиционное трехмачтовое судно с прямыми парусами и открытой батареей на верхней палубе, среднее между корветом и бригом.

18. **ШХУ́НА.** Существующее с 18 в. в Европе морское парусное или парусно-моторное транспортное, промысловое или учебное двух-четырёхмачтовое судно с косыми парусами, иногда имеющее на передней мачте 1–2 прямых паруса.

В зависимости от типа словаря информация, дающаяся в определении, может быть сокращена или наоборот расширена.

К унификации словарных дефиниций, конечно, необходимо стремиться. Наиболее оптимальный путь к этому — это работа с лексико-семантическими группами слов. Здесь на помощь лексикографам должны прийти современные компьютерные технологии, которые позволили бы, например, при работе с многозначным словом определять для каждого значения лексико-семантическую группу, в которую попадает слово в этом значении, создавать единую структуру словарных статей для слов данной ЛСГ и давать, где возможно, необходимые формулировки.

Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Параметрическое моделирование лексической системы современного русского литературного языка», проект № 17-04-00552/15.

Литература

Белоусова А.С. Унификация словарных толкований: ее реальные возможности (класс лиц) // Национальная специфика языка и ее отражение в нормативном словаре: Сб. ст. М., 1988. С. 71–74.

Буренкова С.В. К вопросу о параметрах лексикографического описания // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2015. № 1 (13). С. 86–90.

Курти О. Постройка моделей судов: Энциклопедия судомоделизма / пер. с итал. Л., 1978.

Марквандт К.Х. Рангоут, такелаж и паруса судов XVIII века / пер. с нем. Л., 1991.

Самойлов К.И. Морской словарь. М.; Л, 1941.

Сергеева И.А. «Словарь русских говоров Приамурья». Итоги и уроки... // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2009. № 1. С. 211–216.

Шведова Н.Ю. Однотомный толковый словарь: специфика жанра и некоторые проблемы дальнейшей работы // Русский язык: Проблемы художественной речи. Лексикология и лексикография. Виноградовские чтения, IX–X. М., 1981. С. 170–171.

Шнейдер И. Г., Белецкий Ю. Г. Модели советских парусных судов. Л., 1990.

Сокращения

БСЭ — Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1970–1978.

БТС — Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.

ВМС — Военно-морской словарь / гл. ред. В. Н. Чернавин. М., 1990.

**Analysis of dictionary definitions
of the lexico-semantic group
«multi-mast sailing ships»
and the possibility of their unification**

Ulyana Butorova

burian@yandex.ru

Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia

The article is devoted to the problem of unification of dictionary definitions. Analyzed the dictionary definitions of the words constituting the lexico-semantic group «Multi-mast sailing ships», shown their shortcomings, proposed a unification method.

Keywords: lexicography, Lexico-semantic group, dictionary definition, unification

Представление фразеологизмов в словарных статьях «Словаря русского языка XXI века»

Анна Александровна Дурнева

duran1984@mail.ru

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Анна Кирилловна Федотова

korzininapochta@rambler.ru

Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Традиционно фразеологизмам отводится особое место в толковых словарях, однако само определение понятия «фразеологизм» понимается толковыми словарями по-разному. Так, в раздел фразеологии нередко включаются единицы, не являющиеся по своей сути фразеологизмами: устойчивые сочетания, пословицы, поговорки, крылатые выражения, цитаты. Необходимость компактной подачи словарной статьи в «Словаре русского языка XXI века» приводит к строгому отбору: под фразеологизмами мы понимаем только те сочетания, которые обладают образностью и могут быть заменены одним словом определенной части речи. В статье будут рассмотрены принципы подачи фразеологизмов: место в словарной статье, способы толкования, стилистическая маркированность, лексическая вариативность, проблема синонимии и омонимии.

Ключевые слова: лексикография, лексикология, фразеология, фразеологизм

Фразеология — важная составляющая языковой картины мира, поэтому фразеологизмы традиционно занимают особое место в словарной статье толкового словаря. Подход к отражению фразеологической лексики у каждого словаря свой. Это связано с различным пониманием фразеологии учеными: «широким» и «узким». Представители первой точки зрения включают во фразеологию «идиомы, фразеологические сочетания, пословицы, поговорки, крылатые выражения, сложные союзы, составные предлоги, составные термины, предложно-именные сочетания, аппозитивы, всевозможные вводные сочетания, сложные междометия и т. д.» [Сергеев 1995: 114]. Представители второй точки зрения, т. е. более «узкого» понимания фразеологизма, считают фразеологизмами только фразеологические сращения и единства.

Рассмотрим принципы подачи фразеологизмов в «Словаре русского языка XXI века» (далее Словарь), разработка которого осуществляется в Лаборатории компьютерной лексикографии Института при-

кладной русистики в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена. А именно их место в словарной статье, способы толкования, стилистическую маркированность, лексическую вариативность, проблему синонимии и омонимии.

Отличительной особенностью «Словаря русского языка XXI века» является большой объем представленных в нем лексических единиц, начиная от терминологии, заканчивая разговорной речью, включая сниженную лексику и жаргоны. Количественно словник превышает 200000 единиц. На данный момент к изданию готовится первый том словаря (буквы А и Б), в котором насчитывается более 450 фразеологических единиц.

Поскольку задачей Словаря является всестороннее описание словарного состава языка, то и фразеология не может остаться без внимания его составителей. Так как «Словарь» составляется не по алфавитному, а преимущественно по содержательному принципу, т. е. каждый автор, как правило, разрабатывает либо определенную тематическую группу (политика, медицина, спорт, растения, животные и т. п.), либо словообразовательное гнездо, то и разработка фразеологических единиц является задачей каждого конкретного автора-составителя. С одной стороны, фразеология должна быть описана автором достаточно полно, разнообразно и всесторонне, а с другой — в связи с большим объемом Словаря — достаточно компактно и кратко.

Необходимость компактной подачи словарной статьи в «Словаре русского языка XXI века» приводит к строгому отбору: под фразеологизмами мы понимаем только те сочетания, которые:

- а) обладают образностью;
- б) могут быть заменены одним словом определенной части речи.

Пословицы, поговорки, предложения, фразы фразеологизмами не считаются и показываются в словарных статьях в предложениях при соответствующем значении слова.

Так, словосочетание **базарная баба** в БАС-3 считается фразеологизмом, означающим 'о крикливом, вздорном, скандальном человеке (обычно о женщине)', в то время как в Словаре данное словосочетание признается устойчивым и разрабатывается на первое значение слова «баба»:

баба¹, *ы, ж.*

1. Разг. Женщина (1 зн.). *Цветущая, здоровая баба. Умные, хитрые, властные бабы. У молодой бабы уже трое детей. Актриса Н. Дорошина сыграла простую русскую бабу, Надюху Кузякину. В сорок пять баба ягодка опять (погов.).* Δ *Базарная баба Неодобр.* (о скандальной и крикливой женщине). <...>

В нашем словаре под устойчивыми словосочетаниями понимаются словосочетания, занимающие промежуточное положение между свободными словосочетаниями и фразеологизмами, которые вносятся в речь в готовом виде и лишены образного компонента [Крылова, Чепурных, Вербицкая 2016: 170–171]. Они помещаются в пределах словарной статьи при том значении, к которому они относятся, после зоны речений. Каждое устойчивое сочетание приводится с прописной буквы и обозначается знаком Δ (треугольник) в алфавитном порядке.

Также, например, пословица **бабий век короток** в БАС-3 признается фразеологизмом **бабий век** со значением 'о поре расцвета зрелости в жизни женщины' с пометой *Шутл.*, во «Фразеологическом словаре русского словаря» под ред. А. И. Молоткова [Молотков 1987] она не представлена, тогда как в «Словаре русского языка XXI века» это сочетание дается как устойчивое сочетание за знаком Δ на слово «бабий». Сочетание **бабье лето**, в отличие от БАС-3, в Словаре разрабатывается и как фразеологизм, и как устойчивое словосочетание:

бабий, бя, бье.

Разг. 1. Относящийся к бабел (1 зн.), бабам1; принадлежащий бабам1. *Бабы сплетни, слезы, истерики, прихоти. Тяжелая бабья доля. Бабья тоска по мужчинам. Бабью жизнь мужику не понять. Трачу кучу времени на стирку, готовку и прочие бабьи хлопоты. Не бабье дело — управлять государством. Судьба не одарила Матрену бабьим счастьем: не сжились с мужем. < На веревке развешено для сушки бабье белье. По дороге шли истощенные пленные немцы, замотанные в клетчатые бабьи платки. Щеку его раздуло — он повязался бабьим белым платком. Δ Бабий век (возраст женщины приблизительно до 50 лет, когда она еще сохраняет привлекательность для мужчин и детородную функцию). Δ Бабье царство (среда, место, где преобладают женщины или находятся только женщины).*

<...>

3. Δ Бабье лето (период теплой, ясной, безветренной погоды в конце сентября).

◇ Бабье лето (период расцвета женщины (около 50 лет) перед началом увядания).

Фраза **лиха беда начало** в БАС-3 также считается фразеологизмом со значением 'трудно только начало чего-либо', во «Фразеологическом словаре русского словаря» под ред. А. И. Молоткова мы находим фразеологизм **лиха беда**, второе значение которого 'трудно только (начать что-либо, начало чего-либо)', а в Словаре она дана речением с подтолкованием:

бед'^а, ^ы, *мн.* б'еды, бед, *ж.*

<...>

2. Житейская неприятность, вызывающая огорчение. *Случилась тут со мной беда: я потерял ключ от квартиры. Друг выручил из беды — взял машину на буксир. Прохожие не оставили в беде: помогли добраться до дома. Не велика беда (ничего страшного, неважно). Что за беда!* (что тут плохого, стоит ли беспокоиться). *Лиха беда начало* (высказывание о том, что трудно только начать). <...>

Другим показательным примером разного подхода к пониманию фразеологии в словарях является лексическая единица **альтер эго**. В БАС-3 эта единица трактуется как фразеологизм, означающий 'второе я (об очень близком человеке)', а в Словаре эта единица признается отдельной вокабулой, имеющей 4 значения, первое из которых отчасти соотносится с толкованием фразеологизма в БАС-3:

'альтер эго <тэ>, нескл., *ср.* [*лат.* alter ego другое, второе я]

1. Человек, очень близкий другому по характеру, душевным свойствам, взглядам, интересам, одинаково с ним мыслящий и чувствующий, родственная душа; второе я; alter ego. *Школьный товарищ — мое альтер эго. У нас с братом столько общего, что все считают его моим альтер эго. Альтер эго называют самого близкого друга, которому доверяют как самому себе.* § О доверенном лице (обычно тайном) правителя, государственного деятеля. *Альтер эго Людовика XVI считают Мирабо. Гесса, которого Гитлер посвящал в свои планы, некоторые историки называют его альтер эго. Тайные помощники правителей, претендующие на миссию их альтер эго, существовали на протяжении всей мировой истории.*

Остановимся более подробно на принципах лексикографического описания фразеологизмов в «Словаре русского языка XXI века».

Фразеологические обороты помещаются в конце словарной статьи отдельным абзацем после описания значений, устойчивых сочетаний и особенностей употребления. Каждое фразеологическое сочетание приводится с прописной буквы и обозначается знаком ◊ (ромб). Порядок расположения фразеологизмов в словарной статье принят алфавитный.

Для раскрытия семантики фразеологизмов используются описательные и синонимические толкования, которые помещаются в круглых скобках и приводятся со строчной буквы, например:

◊ Бедовая голова (безрассудно смелый человек).

Многие фразеологизмы в форме инфинитива не употребляются, и поэтому они приводятся в той форме, в которой они употребляются, например:

◇ Медведь на ухо наступил *кому Шутл.* (об отсутствии музыкального слуха, о неспособности правильно воспроизводить музыкальные звуки).

◇ Раз, два и обчелся (о незначительном количестве чего-л.; очень мало).

Если фразеологизм употребляется только в определенной форме, или если только в особой синтаксической конструкции, то толкование даем через 'О том-то и том-то', например:

◇ Не бей лежачего *Шутл.* (о какой-л. работе, о каком-л. деле: очень простой, легкий).

◇ Кровь с молоком (о здоровом, румянном человеке).

Глагольные фразеологизмы толкуются через глагол в совершенном виде, например:

◇ Раскрыть/раскрывать (свои) карты (перестать скрывать свои замыслы, планы, намерения; начать действовать открыто).

Проблема синонимии фразеологизмов в «Словаре русского языка XXI века» решается следующим образом: синонимичными признаются те фразеологизмы, которые полностью взаимозаменяемы и не нарушают тождества лексического значения.

Синонимические толкования фразеологизмов приводятся с прописной буквы с графическим знаком равенства. Если фразеологизм снабжается синонимическим толкованием, соответствующий синоним приводится также после описательного толкования опорного фразеологизма за точкой с запятой:

бутербр'од, а, м.

<...>

◇ Закон бутерброда (= **Закон подлости**).

зак'он, а, м.

<...>

◇ Закон бутерброда (см. Бутерброд). <...> ◇ Закон подлости (о какой-л. неприятности, которая обязательно произойдет, если есть вероятность, что она может случиться; **закон бутерброда**).

Отдельные значения фразеологизма (при наличии таковых) показываются цифровыми индексами:

безд'онный, ая, ое; 'онен, 'онна, о. <...>

◇ Бездонная бочка¹ *Неодобр.* (о чем-л. требующем постоянных, но некупающихся затрат). ◇ Бездонная бочка² *Шутл.* (о человеке, способном выпить много спиртного, не пьянея).

артил'ерия, и, ж. <...>

◇ Тяжелая артиллерия¹ (о наиболее веских аргументах в споре). ◇ Тяжелая артиллерия² *Шутл.* (о ком-л. медлительном, неповоротливом, тяжелом на подъем).

В Словаре отражены лишь наиболее актуальные варианты описываемых фразеологизмов. Лексическая вариативность может показываться в пределах одного фразеологизма, вариативные элементы при этом перечисляются через запятую:

бар'аний, *ья, ье. <...>*

◇ **Согнуть, скрутить, свернуть** в бараний рог (заставить повиноваться, покориться чьей-л. воле).

арш'ин, *а, мн. род. арш'ин и арш'инов, м. <...>*

◇ Видеть на три аршина **в землю, под землей** (отличаться большой проицательностью).

Помимо толкования фразеологизма при необходимости приводятся разные типы дополнительной лексикографической информации (особенности управления, стилистическая характеристика и т. п.). Так, в Словаре важное место отведено стилистической и функциональной маркированности фразеологизмов, представленной широко разветвленной системой специальных помет, разработанной д. ф. н. проф. Г. Н. Скляревой [Скляревская 2004: 27–37].

Пометы, характерные для фразеологической лексики, распределены по следующим группам характеристик:

1. Социально-функциональная
2. Хронологическая
3. Жанрово-стилистическая
4. Коннотативная

К социально-функциональным пометам можно отнести пометы *Разг.* (разговорное), *Публ.* (публицистическое), *Книжн.* (книжное), *Канц.* (канцелярское), *Офици.* (официальное), *Жарг.* (жаргонизм) и др. Поскольку подавляющее большинство фразеологизмов имеют разговорный характер, помета *Разг.* в данном случае признается избыточной и не используется.

В Словаре широко представлены новые фразеологизмы, попавшие в активное употребление из молодежной разговорной речи и жаргона. Стоит отметить, что многие из них до сих пор не описаны в толковых словарях. Например:

◇ На разрыв аорты (не щадя себя, доводя чувства до предела).

◇ Ведро с болтами *Пренебр.* (о старом, почти пришедшем в негодность автомобиле).

◇ Театр абсурда (о нелепых, бессмысленных действиях; о действительности, лишенной здравого смысла и логики; обычно о советской и постсоветской действительности).

◇ На три буквы послать *кого Эвфем.* (нецензурно обругать, чтобы не приставал, оставил в покое; послать на хутор бабочек ловить).

Некоторые из них маркируются пометой **Жарг.:**

◇ Забить, положить болт *на кого, что Жарг.* (отнестись к кому-, чему-л. равнодушно, пренебречь кем-, чем-л., проигнорировать кого-, что-л.).

◇ Башню сносит, срывает *у кого Жарг.* (кто-л. сошел с ума, перестал адекватно реагировать на события).

◇ Хлебать баланду *Жарг.* (находиться в тюрьме).

◇ Сдвиг по фазе *Жарг.* (неадекватность, странность поведения).

Помету **Книжн.** в Словаре имеют, например, такие фразеологизмы, как:

◇ Аттическая соль *Книжн.* (утонченное остроумие, изящная шутка).

◇ Бочка Данаид *Книжн.* (бесконечный и бесполезный труд).

◇ Влить новое вино в старые мехи *Книжн.* (внести новое содержание в старую форму, сохранив старые условия).

◇ Глас вопиющего в пустыне *Книжн.* (призыв к чему-л., остающийся без ответа, внимания).

С пометой **Публ.** даны фразеологизмы:

◇ Пятая колонна *Публ.* (общественные и политические силы, противостоящие деятельности государства).

◇ Пушечное мясо *Публ.* (о военных, посылаемых на верную смерть).

◇ Политика большой дубинки *Публ.* (урегулирование внутренних политических проблем в других странах с использованием военной мощи).

Особое место занимают пометы, отражающие принадлежность фразеологизма к той или иной сфере деятельности. В Словаре таких примеров крайне мало, но тем не менее они есть, и мы не можем их не отметить.

◇ Повесить бутсы на гвоздь **Спорт.** (уйти из профессионального футбола).

◇ Воздушная яма **Фин.** (кризисное состояние компании, связанное с резким падением курсов ценных бумаг после информационного сообщения негативного характера).

В аспекте хронологической характеристики фразеологической лексики в Словаре применяются помета **Устар.** (устарелое) и помета **Устареваящее**, которая маркирует единицы, находящиеся на пути к архаизации, например:

◇ Не (велика) барыня *кто Устареваящее* (о женщине, по своему положению, статусу не заслуживающей особого отношения, внимания к себе).

◇ Антик с гвоздикой *Устар.* (при ироническом выражении восторга, восхищения: прелестно, чудно).

Для маркировки собственно жанрово-стилистической принадлежности единицы используются пометы *Высок.* (высокое), *Сниж.* (сниженное), *Фам.* (фамильярное), *Нар.-поэт.* (народно-поэтическое), *Трад.-лит.* (традиционно-литературное) и др.

Помету ***Сниж.*** имеют фразеологизмы:

◇ Жаба душит *Сниж.* (о жадности, скупости).

◇ Дать прикурить кому *Сниж.* (дать отпор, задать трепку).

В качестве примера использования пометы ***Высок.*** можно привести следующие фразеологизмы:

◇ Положить голову *за кого, что Высок.* (погибнуть, пожертвовать своей жизнью).

◇ Испить горькую чашу (до дна) *Высок.* (испытать страдания).

Помету ***Нар.-поэт.*** имеют фразеологизмы:

◇ За тридевять земель *Нар.-поэт.* (очень далеко).

◇ Ни в сказке сказать, ни пером описать *Нар.-поэт.* (о ком-, чем-л. очень красивом).

Для коннотативной характеристики используются пометы, маркирующие устойчивую эмоциональную окраску или оценку, сюда относятся пометы *Неодобр.* (неодобрительно), *Ирон.* (иронически), *Шутл.* (шутливо), *Пренебр.* (пренебрежительно), *Бран.* (бранно), *Насмешл.* (насмешливо), *Презрит.* (презрительно). Именно такие пометы наиболее широко представлены в зоне фразеологии, что обусловлено их активным употреблением в современной устной речи.

Примеры использования пометы ***Шутл.***

◇ Служить Бахусу *Шутл.* (злоупотреблять спиртными напитками).

◇ Бездонная бочка² *Шутл.* (о человеке, способном выпить много спиртного, не пьянея).

◇ Разводить антимонии² *Шутл.* (соблюдать излишние условности в отношениях с кем-л.).

Помету ***Неодобр.*** имеют следующие фразеологизмы:

◇ Разводить антимонии *Неодобр.* (болтать впустую, отвлекая кого-л., надоедая кому-л.).

◇ Пальцем о палец не ударить *Неодобр.* (совершенно ничего не сделать).

◇ Стричь под одну гребенку *Неодобр.* (уравнивать кого-л. с кем-л. в каком-л. отношении, не считаясь с индивидуальными особенностями).

◇ Греть руки на чем *Неодобр.* (наживаться на каком-л. деле нечестным, незаконным путем).

◇ Ни к селу ни к городу *Неодобр.* (совершенно не к месту, некстати, не-впопад).

В качестве иллюстрации использования в Словаре пометы *Ирон.* можно привести фразеологизмы:

◇ Открыть Америку *Ирон.* (найти, обнаружить, преподнести как новое то, что всем давно известно).

◇ Заливаться соловьем *Ирон.* (говорить многословно, неумеренно красноречиво, привлекая всеобщее внимание).

◇ Пуп земли *Ирон.* (о ком-, чем-л. являющемся или считающем себя центром, средоточием чего-л., самым важным на свете).

Приведем примеры фразеологизмов с негативной оценочной характеристикой:

◇ Змея подколодная *Бран.* (о злом, коварном человеке)

◇ Мальчик на побегушках *Пренебр.* (о человеке, вынужденном выполнять большое количество поручений, мелких услуг).

◇ Осиное гнездо *Презрит.* (о скоплении или организации злобных, враждебно настроенных по отношению к другим или друг к другу людей).

Стоит отметить, что не все используемые в Словаре пометы будут представлены в зоне фразеологии. Так, на данном этапе составления словаря, нет, к примеру, фразеологизмов с пометами *Канц., Офиц., Ласк.*, с собственно функциональными пометами, определяющими принадлежность к той или иной сфере деятельности, например, *Биол., Рел., Иск.*

Конечно же, некоторые стилистические характеристики имеют спорный характер, что обусловлено субъективным восприятием того или иного фразеологизма разными людьми, а также отсутствием четких границ между данными характеристиками.

Таким образом, описание фразеологизмов в толковых словарях остается трудной задачей для лексикографов, которую каждый словарь решает по-своему. Во-первых, открытым остается вопрос понимания самого термина «фразеологизм» и его границ, а, во-вторых, что именно включать в словарь и как описывать. В статье мы представили лишь один из способов описания фразеологии в толковом словаре.

Литература

Крылова И. А., Чепурных Н. О., Вербицкая О. Н. Принципы лексикографического представления устойчивых словосочетаний в «Современном

толковом словаре живого русского языка» // «Современный толковый словарь живого русского языка»: на пути к завершению: сб. научн. ст. / отв. ред. Г. Н. Скляревская. СПб., 2016. С. 168–199.

Сергеев В. Н. Фразеология в Новом академическом словаре // Очередные задачи русской академической лексикографии / отв. ред. Г. Н. Скляревская. СПб., 1995. С. 114–123.

Скляревская Г. Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004.

Сокращения

БАС-3 — Большой академический словарь русского языка / Гл. ред. К. С. Горбачевич, А. С. Герд. М.; СПб., 2004–2017 Т. 1–24 (продолжающееся издание)

Молотков 1978 — Фразеологический словарь русского языка / под ред. А. И. Молоткова, Изд. 3-е., стер. М., 1978.

The representation of phraseologisms in the word articles of «The dictionary of the russian language of the XXIth century»

Anna Durneva

duran1984@mail.ru

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Anna Fedotova

korzininapochta@rambler.ru

The Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Traditionally explanatory dictionaries give a special place to phraseologisms, however the term “phraseologism” is defined in different explanatory dictionaries in various ways. For instance, often the section of phraseology contains such lexical units that can not be called phraseologisms: set word expressions, proverbs, sayings, popular expressions, quotations. The necessity of compact presentation of word article in «The Dictionary of the Russian language of the XXI-th century» leads to a strict selection of the units: only those expressions that possess figurativeness and can be replaced by a single word of a certain part of speech are considered as phraseologisms. The article contains the principles of presentation of phraseologisms: its place in a word article, methods of interpretation, stylistic characteristic, lexical variability, the problem of synonymy and antonymy.

Keywords: lexicography, lexicology, phraseology, phraseologism

Практика работы над «Словарем русского языка XXI века»: представление маркированной лексики (устаревшие и специальные лексико-семантические единицы)

Екатерина Юрьевна Ваулина

miauling@yandex.ru),

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

В статье рассматривается представление двух групп маркированной лексики — терминологии и архаизмов — в толковом словаре русского языка общего типа, ориентированном на отражение современной языковой картины мира. На примерах словарных статей показаны приемы лексикографической разработки, позволяющие продемонстрировать различные особенности функционально-стилистической характеристики лексико-семантических единиц и их семантическую взаимосвязь. Выдвигается предположение о том, что частота использования помет в словаре, опирающегося на представительный материал, отражает состав современной лексической системы языка.

Ключевые слова: толковый словарь, специальная лексика, устаревшая лексика; стилистическая помета, лексическая система, современный русский язык

При имеющей место известной субъективности в работе лексикографов, отбор слов, значений и их характеристик (в том числе и стилистических) в словари разного типа происходит не случайным образом, а на основе определенных задаваемых, «навязываемых» объектом принципов, что приводит к системной, закономерной соотносительности состава толкового словаря с общим составом лексической системы языка. Эти принципы задаются объективным устройством языковой действительности, и лексикографы эти принципы не придумывают, а лишь в той или иной мере учитывают, отображают.

*А. А. Поликарпов, В. Я. Курлов. Стилистика, семантика,
грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей
(по данным толковых словарей)*

Система функционально-стилистической маркировки лексики, применяемая в создаваемом в Российском государственном педагогическом университете им. А. И. Герцена «Словаре русского языка

XXI века», основана на разработанной Г. Н. Складневской и опубликованной в проспекте «Нового академического словаря» [Складневская 1994: 30–47] и проекте «Современного толкового словаря живого русского языка» [Складневская 2004: 26–33]. Эта система впервые применяется к словарю полного типа, рассчитанному на самый широкий охват современной лексики. Применительно к представлению маркированной лексики рассматриваются лексико-семантические единицы (далее ЛСЕ), имеющие семантически исчерпывающее толкование, которое может быть снабжено определенной пометой. В «Словаре русского языка XXI века» (далее Словарь) к ним относятся отдельные значения слова, устойчивые сочетания, фразеологизмы. По предварительным подсчетам, количество ЛСЕ в Словаре превысит 200 000. В работе А. А. Поликарпова и В. Я. Курлова [Поликарпов, Курлов 1994: 62–75] приведены данные исследования 1-го, 2-го и 4-го томов «Словаря русского языка в 4-х томах». Из общего количества лексико-семантических вариантов в этой части словаря — 95702 — маркированными оказываются 37,6%. Подсчеты по завершеному первому тому «Словаря русского языка XXI века» дают (с округлением до десятка) следующие данные: буква А содержит 10 500 ЛСЕ, из них маркированными оказывается 71%; буква Б содержит 12 700 ЛСЕ, из 64% маркированы. Такое широкое применение разветвленной функционально-стилистической характеристики позволяет создавать в некотором роде «словарь словарей», который, учитывая его изначальную ориентированность на существование и развитие в электронной форме, может быть использован как база для множества лексикографических источников.

Некоторая лексикографическая специфичность буквы А позволяет наглядно продемонстрировать на современном лексикографическом материале связь маркированности с жизненным циклом слова. По словам А. А. Поликарпова и В. Я. Курлова, «качественное развитие каждого последующего значения в сравнении с предшествующим осуществляется, в основном, в направлении усиления его абстрактности... Процесс абстрактивизации является причиной и все меньшей функционально-стилистической маркированности каждого из последующих значений слова» [Поликарпов, Курлов 1994: 63]. Действительно, буква А насыщена новейшими заимствованиями, одно- или двузначной терминологией, и из 7 670 вокабул однозначными оказываются 5 930, двузначными — 1 250, трех- и более — 480. Это дает больший процент маркированности лексико-семантических единиц,

чем в букве Б: здесь на 8 900 вокабул 6 400 однозначных, 1 750 двуз-
начных и 750 — трех- и более.

По мнению А. А. Поликарпова и В. Я. Курлова, «специальные значения, представляющие культурную сферу словаря данного общества, должны преобладать над любыми другими стилистически маркированными типами значений, в том числе и над разговорно-экспрессивными значениями, представляющими «ядро» языковой системы. <...> Имеющиеся в нашем распоряжении данные по английскому, финскому, эстонскому и другим языкам находятся в соответствии с теоретическими ожиданиями, в них значения, маркированные специальными пометами, лидируют среди всех остальных» [Поликарпов, Курлов 1994: 68]. Данные «Словаря русского языка XXI века» позволяют сделать вывод о преобладании именно специальных помет. В первом томе Словаря зафиксировано 2 200 помет «разговорного класса»: *Разг.* (разговорное), *Разг. Сниз.* (в сниженной разговорной речи), *Детск.* (детское), что составляет 9,5% от общего количества ЛСЕ или 14% от количества маркированных ЛСЕ. С учетом жаргона и диалектной лексики получим, соответственно, 11% и 16,5%. В то же время пометами, показывающими сферу употребления специальной лексики, снабжено 43% от общего количества ЛСЕ или 67% — от всех маркированных.

Частично такие данные объясняются, конечно, широким проникновением терминологии во многие сферы современного общения, однако процесс интеллектуализации языка меняет и взгляд лексикографа на специальную лексику. Традиционно в толковых словарях достаточно изолированно в структуре статьи, обычно на месте последнего значения в случае полисемии, размещался именно термин, заимствованный из терминосистемы той или иной области знания. В Словаре как «терминологическая и специальная лексика» рассматриваются единицы различных частей речи, маркируемые пометами функционально-тематическими, объединяющими целые лексические группы по принадлежности к той или иной сфере деятельности, знания, а не указывающими их место в системе терминологии, таксономии, языков для специальных целей и т. п. [Скляревская 2004: 21–32]. В Словаре для этой цели используются следующие пометы: *Авиа.*, *Агро.*, *Анат.*, *Антроп.*, *Архит.*, *Астрон.*, *Биол.*, *Бот.*, *Воен.*, *Геогр.*, *Геол.*, *Демогр.*, *Зоол.*, *Информ.*, *Иск.*, *Коммерц.*, *Космет.*, *Криминал.*, *Лингв.*, *Лит.*, *Лог.*, *Матем.*, *Мед.*, *Метал.*, *Метео.*, *Мифол.*, *Мор.*, *Муз.*, *Научн.* (общенаучная лексика), *Палеонт.*, *Полигр.*, *Полит.*, *Психол.*, *Рел.*, *Соц.*,

Спец. (специальное — используется для указания на использование более, чем в трех сферах деятельности, областях знания), *Спорт., Тет-атр., Тех., Уфол., Фам., Фарм., Физ., Физиол., Филос., Фин., Хим., Экол., Экон.*

Наибольший интерес для лексикографии представляют случаи развитой семантической структуры, в которой присутствуют общеупотребительные, по-разному стилистически окрашенные значения и лексика не близких, не родственных отраслей знания. Ориентированность Словаря на показ семантических связей внутри структуры многозначного слова в современной нам лексической системе приводит к тому, что маркированная ЛСЕ может занимать разные порядковые места в статье. В общем случае сохраняется правило построения статьи от стилистически и функционально не маркированных ЛСЕ к ограниченному определенным стилем или сферой употребления, но для ряда слов такой порядок нарушается. Это касается прежде всего лексики научных областей, занимающихся общими законами, строением или моделями окружающего нас мира: *матэрия* (1. только ед. Физ. Вещество, из которого состоят физические тела...), *умножэние* (1. Матем. Математическое действие, посредством которого из двух чисел...), *азрозоль* (1. Хим. Дисперсная система, состоящая из твердых и жидких частиц...).

В Словаре действует правило представления значений, производность которых ощущается носителями языка, непосредственно после послужившей источником их образования семантической единицы (с учетом ограниченных возможностей двумерного представления). Поэтому более распространенное, широко известное и, как правило, общее специальное значение может быть отделено от более узкого, конкретного в рамках словарной статьи:

нёрв... 1. *Анат. и Физиол.* Структура из покрытых соединительной тканью пучков аксонов, обеспечивающая в организме животных и человека передачу сигналов между головным и спинным мозгом и другими органами. ...

2. только *мн.* Разг. Нервная система; состояние человека ...

3. *какой, чего.* Перен. Самое существенное и актуальное в чем-л. ...

4. только *мн.* Разг. Повышенная чувствительность ...

5. *Биол.* Жилка на пластинках листьев растений и на крыльях насекомых. ...

класс'... 1. *Научн.* Совокупность, группа предметов, явлений, выделяемая при классификации по какому-л. признаку. ...

2. *Биол.* В систематике растений и животных: таксономическая категория, объединяющая родственные отряды (4 зн.) животных или порядки¹ (11 зн.) растений. ...

3. Разряд, выделяемый по качеству; показатель ...

4. Разряд (судов, самолетов и других транспортных средств) ...

5. Уровень, степень подготовленности в каком-л. деле ...

6. Подразделение учащихся одного года обучения ...

7. Группа учащихся в специальном учебном заведении ...

8. Помещение для учебных занятий ...

9. *Матем.* Совокупность цифр трех соседних разрядов чисел. ...

10. *Матем.* В теории множеств: множество (2 зн.). ...

11. *Информ.* В объектно-ориентированном программировании: абстрактный тип данных, включающий в себя описание данных и операций над ними. ...

Угол... 1. *Матем.* Геометрическая фигура, образованная двумя лучами (3 зн.), выходящими из одной точки. ...

2. Место, в котором сходятся внешние стороны какого-л. предмета ...

3. Место, в котором сходятся внутренние стороны какого-л. предмета ...

4. Место пересечения двух улиц. ...

5. Часть дома, квартиры, комнаты ...

6. Жилище, пристанище. ...

7. Какое-л. место, какая-л. часть территории города ...

8. *Спец.* Степень отклонения друг от друга двух линий, исходящих из одной точки как мера для измерения чего-л. ...

Для терминологической лексики характерно образование при специальных значениях устойчивых неидиоматических сочетаний, отличающихся фиксированным лексическим составом и грамматической моделью, но лишенных образности. Устойчивые сочетания могут относиться к той же области знания, что и соответствующее значение слова: так, при первом значении слова *угол* помета *Матем.* распространяется на устойчивые сочетания *валентные углы, вертикальные углы, внешний угол, внутренний угол, смежный угол, центральный угол*. Возможно и другое использование помет: в первом общенаучном значении слова *класс*¹ приводится устойчивое сочетание *класс опасности*, относящееся к терминосистеме конкретной дисциплины — экологии и сопровождаемое пометой *Экол.*

Маркированные тематическими пометами значения могут в своей структуре содержать указание на особенность употребления, причем как с уточняющим комментарием, так и без него. В ряде случаев при знаке «особенность употребления» (f) указывается помета, не совпадающая с таковой при значении:

до́нор... 1. Биол. и Мед. Человек, дающий свою кровь для переливания или какой-л. орган, ткань для пересадки другому человеку; организм, какой-л. орган или ткань которого используется ... § *Парапсихол. Деревья — доноры целительной силы.*

клёщи и клещи!... 2. Воен. Элемент военной стратегии, маневр, при котором менее подвижного противника охватывают одновременно с двух сторон. ... § *Спорт. В шахматах, шашках и т. п. Слоны берут черного короля в клещи.*

спонтáнный... 1. Научн. Возникающий вследствие внутренних причин, без внешнего воздействия ... § *Мед. Спонтанная гангрена. Спонтанная ремиссия острого лейкоза.*

Сопровождаемый пометой знак показа особенностей употребления возможен и в немаркированных значениях; с другой стороны, при специальном значении иногда отмечается разговорное употребление:

ка́псула... 1. Герметическая оболочка, содержащая какое-л. вещество ... § *Мед. О разовой доле лекарства, находящегося в легкорастворимой при приеме внутрь желатиновой, крахмалистой и т. п. оболочке. Капсулы рыбьего жира. Принимать препарат два раза в день по одной капсуле.*

равноме́рный... Происходящий, проявляющийся одинаково, с постоянством на всем протяжении ... § *Матем. Равномерная сходимоть ряда. Равномерная непрерывность функции. Равномерное распределение случайной величины.*

биллинг... 2. Фин. Комплекс операций, обеспечивающий учет предоставленных услуг, их тарификацию ... § *Разг. О программе для осуществления такого комплекса операций. Б. написан в клиент-серверной архитектуре, что позволяет запускать его на всех поддерживающихся платформах.*

волокно́... 2. Биол. Нитевидное образование, входящее в состав растительных и животных клеток ... § *Разг. Говядину сварить, остудить и разделить на волокна. С апельсинов снять кожуру и удалить белые волокна.*

Насыщение языковой системы специальной лексикой сопровождается появлением не только профессионализмов, но и общеупотребительных разговорных единиц:

авата́р ... Информ. Интерактивный персонаж или небольшое изображение, представляющие реального пользователя в виртуальном мире ...

'ава ... Информ. Разг. Аватар.

авата́рка... Информ. Разг. Аватар.

автограждáнский... Фин. ... Δ Автогражданская ответственность Юр. (юридическая ответственность лиц, владеющих автомобильным транспортом).

автограждáнка... Фин. Разг. Страхование автогражданской ответственности при дорожно-транспортном происшествии.

баф... *Космет.* Маникюрный брусок для шлифовки поверхности ногтевой пластины...

ба́фик... *Космет. Разг.* Баф. ...

Словарь не отказывается от лексических единиц прошедших эпох, а представляет тот материал, который принимает участие в современной языковой жизни или позволяет показать системность лексики в каком-либо аспекте, при этом квалифицируя его соответственным образом с помощью хронологических помет. Синхронический характер описания проявляется в помещении хронологически маркированных ЛСЕ в конец структуры словарной статьи. Историзмы включаются в Словарь на основании их распространенности в современных источниках. Основания для включения в Словарь архаизмов могут быть разделены на (1) относящиеся к конкретному описываемому слову и (2) связанные с полнотой системного представления лексики в словаре. Таким образом, в Словарь включены единицы, употребляющиеся в составе пословиц и поговорок, участвующие в образовании фразеологизмов, в отношениях синонимии, омонимии, паронимии:

агрикульту́ра ... *Устар.* Земледелие.

весь¹, *мест.*

весь², *и, ж. Устар.* Деревня, село. .... ◊ По городам и весям *Книжн.* (повсюду, повсеместно).

весь³, *и, ж. Ист.* Прибалтийско-финское племя, проживавшее в районе

...

гелио́н... **1.** *Физ.* Ядро атома легкого изотопа гелия с атомной массой 3, состоящее из двух протонов и нейтрона. ... **2.** *Устар.* Альфа-частица. ...

зми́й... *Устар.* Змей (1 и 5 зн.). ◊ Зеленый змий (см. Зеленый¹).

игре́ц... *Устар.* Музыкант. *И швец, и жнец, и в дуду и.* (о человеке, умеющем делать всё, мастере на все руки).

Особый случай составляет наличие у устаревших значений случаев употребления в современных текстах, не формирующих собственной семантики:

аванта́ж... *Устар.* Преимущество, выгода; благоприятное положение. ... ∫ В *соврем. употр.* В названиях учреждений, отличающихся установкой на представительность, особую привлекательность. *Банкетный зал «А».* *Спальня «А».* *Свадебный салон «А».*

великосе́тский... *Устар.* **1.** Относящийся к высшему, аристократическому обществу; состоящий из представителей ... ∫ В *соврем. употр.* *Великосетские тусовки.* *Великосетская вечеринка с участием известного шоумена.*

верноподда́нный¹... *Устар.* Соблюдающий верность монарху; относящийся к тому, кто соблюдает верность монарху ... ∫ В *соврем. употр.* *Ирон.* *Верноподданные слуги режима.*

Лексика многих специальных областей знания развивается настолько быстро, что некоторые единицы, сравнительно недавно ставшие предметом описания толковой лексикографии, уже оцениваются как не современные. В то же время их принадлежность к определенной сфере ощущается носителями языка, а примеры употребления можно встретить в официальных и учебных текстах. По отношению к таким словам и значениям Словарь допускает сочетание терминологической пометы и пометы *Устаревающее*:

альпáри... Фин. *Устаревающее*. Точное соответствие между биржевым, рыночным курсом ценных бумаг или валюты и их номиналом. ...

ультракрáсный... Физ. *Устаревающее*. Инфракрасный.

ЭВМ... Информ. *Устаревающее*. Сокр. Электронно-вычислительная машина. ...

Помета *Устаревающее* не исключает сочетания со стилистическими пометами других групп:

скоробогáтый... *Устаревающее*. Пренебр. Быстро, неожиданно разбогатевший. ...

хищнический... 4. *Устаревающее*. Неодобр. Перен. Основанный на притеснении кого-л., расхищении общественного и ...

Некоторые единицы и устаревающей, и устаревшей лексики часто используются в стилизованной речи, что показывается в Словаре с помощью комментария:

вéщий... *Устар.* и в стилизованной речи. 1. Проницательный, обладающий даром предвидения (обычно как эпитет). ... 2. Содержащий предсказание, пророческий. ...

обрáд... 1. Условное традиционное действие, лишённое практической целесообразности и символизирующее ... f *Устаревающее* и в стилизованной речи. О привычном порядке чего-л. ...

Хронологически маркированная лексика занимает свою нишу в Словаре, демонстрируя связи между единицами лексической системы и исторический потенциал развития семантической системы отдельного слова, в том числе специального. Статистические подсчеты показывают, что в первом томе Словаря хронологическими пометами *Устар.* и *Устаревающее* снабжены около 3,5% лексико-семантических единиц. С учетом историзмов этот массив составляет 5,2%.

Применяемая в Словаре лексикографическая техника позволяет не только показать различные особенности функционально-стили-

ческой характеристики лексико-семантических единиц, но и, возвращаясь к вынесенной в эпиграф цитате из работы А. А. Поликарпова и В. Я. Курлова, «закономерно соотносить состав толкового словаря с общим составом лексической системы языка».

Литература

Поликарпов А.А., Курлов В.Я. Стилистика, семантика, грамматика: опыт анализа системных взаимосвязей (по данным толковых словарей) // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 62–75.

Скляревская Г.Н. Новый академический словарь. Проспект. СПб., 1994.

Скляревская Г.Н. Современный толковый словарь живого русского языка. Обоснование концепции. Пробные словарные статьи. СПб., 2004.

Working on «The dictionary of russian language of the XXIth century»: representation of labelled meanings (archaic and terminological lexical-semantic units)

Ekaterina Vaulina

miauling@yandex.ru

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

The article considers the representation of two groups of labelled lexical units — terminology and archaisms — in the explanatory dictionary of modern Russian language, which have a goal to display the modern language picture of the world. The samples of dictionary entries are used to demonstrate the lexicographical representation of labelled units with different special features and their semantic interconnections. It is assumed that the frequency of labels in the dictionary, relying on representative data, corresponds to actual vocabulary.

Keywords: explanatory dictionary, terminological vocabulary, archaisms, stylistic label, lexical system, modern Russian language

Проблемы разработки междометий для толкового словаря (на материале междометий со словом *Бог*)

Фивейская Елена Александровна

alfveisk@gmail.com

Российский государственный педагогический университет
им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия

Междометия представляют особую сложность для лексикографов, т. к. характеризуются высокой степенью десемантизации и диффузности в сочетании с широтой употребления. В статье мы рассмотрим вопросы, возникшие в связи с описанием одной из групп междометий в «Словаре русского языка XXI века», работа над которым ведется научным коллективом под руководством Г. Н. Скляревской в Институте прикладной русистики РГПУ им. А. И. Герцена.

Ключевые слова: междометие, толковый словарь, вариативность, функциональный подход, лексикография, русский язык

Проблемы разработки междометий для толкового словаря (на материале междометий со словом *Бог*)

Предметом рассмотрения в настоящей статье является группа междометий со словом *Бог*, таких, как: *боже мой, господи, бог с тобой, боже сохрани, упаси господь, боже праведный, дай бог* и др. На обсуждение выносятся следующие проблемы: вариативность строчного/ прописного написания слов *Бог* и *Господь*, а также порядка следования компонентов в составных междометиях; ограничение выборки и семантическое разграничение синонимичных и близкозначных форм; стилистическая характеристика; частеречная омонимия. Прежде чем обратиться к вопросам лексикографического представления, кратко охарактеризуем междометия как языковой класс.

В качестве самостоятельной части речи междометия были выделены еще в античных грамматиках. Однако мнения об их статусе в научной лингвистической среде противоречивы. Так, среди отечественных лингвистов XX в. одни исследователи признавали междометие частью речи и рассматривали его как полноценную языковую единицу (А. Х. Востоков, Ф. И. Буслаев, А. А. Шахматов, В. В. Виноградов, А. И. Германович и др.), а другие не считали междометия словами и вообще исключали их из состава частей речи (А. М. Пеш-

ковский, В. А. Богородицкий, Н. И. Греч, Д. Н. Кудрявцев, Д. Н. Овсянко-Куликовский и др.). В последнее время наблюдается более активное изучение категориальных признаков и семантики междометий (Е. В. Середа, И. А. Шаронов, О. В. Шестакова, С. С. Шляхова, Н. Р. Добрушина, Б. Иомдин, А. Вежбицкая, Д. И. Квеселевич, Ф. Амека, Б. Фрейзер и др.).

Сторонники широкого подхода¹ включают в класс междометий группы слов, имеющих и общие, и принципиально различные признаки. Данное понятие они используют как для наименования произвольных эмоциональных возгласов, так и односложных сигналов и команд, а также этикетных формул и бранных выражений, таким образом, определяя междометие как особый, разнородный по составу синтаксический класс.

Сторонники узкого подхода² относят к междометиям только первичные эмоциональные междометия: они являются прототипическими и их признаки имеют статус категориальных (в отличие других единиц, относимых к классу междометий, которые лишь частично обладают категориальными признаками) [Шаронов 20086].

В Русской грамматике [РГ 1980] междометие определяется как класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: *ах, ба, батюшки, брр, ну и ну, ого, ох, помилуйте, то-то, тьфу, ура, ух, фи, черт, айда, алле, ату, ау, брысь, караул, стоп, у-лю-лю, кис-кис, цып-цып-цып* [РГ 1980, Т. 1: 732].

В «Словаре русского языка XXI века»³ мы придерживаемся широкого подхода к трактовке междометий и относим к ним различные семантико-синтаксические разряды. При разработке толкований мы опираемся как на материал специальных словарей [Рогожникова 1983; Шимчук, Щур 1999; Квеселевич, Сасина 2001; Морковкин и др. 2003; Шляхова 2004], так и на данные традиционных толковых словарей [БАС, МАС, словарь Ожегова — Шведовой, словарь Ушакова] и др.

---

¹ См., например, [Шведова 1957; Германович 1961; Кодзасов 1996; Середа 2005; Боронникова, Верижникова 2013].

² См., например, [Вежбицкая 1999; Шаронов 20086].

³ Разработка словарных статей осуществляется коллективом авторов под руководством Г. Н. Склярёвской в Институте прикладной русистики РГПУ им. А. И. Герцена.

Исходя из широкого подхода к описанию междометий, их можно классифицировать по следующим признакам [Германович 1961; РГ 1980; Середа 2005; Шаронов 2008б]:

— по происхождению: непроизводные (первообразные), не имеющие в современном языке связи ни с одной из знаменательных частей речи (*а, ага, ай, ау, ах, ба, брр, брысь, гей, ей-ей, их, на, но, ну, о, ого, ой, ох, тпру, тю, тьфу, увы, у-лю-лю, уф, ух, фи, фу, ха, хи, хо, цыц, эй, эхм, эх, агу, кхе-кхе, ха-ха-ха, хо-хо-хо, уа-уа, иго-го, кар-кар*) и производные (непервообразные), в разной степени соотносимые со словами или формами той или иной знаменательной части речи (*матушки, господи, черт, брось, будет, постой, погоди, давай, пожалуйста, помилуйте, хватит, вон, долой, прочь, однако, тс*);

— по структуре: простые (*ой, ну, бум, кря, привет*), сложные (*ей-богу, ей-ей, батюшки-светы*) и составные, которые делятся на срращения (*на тебе, ну да, да уж, эх вот как, вот те раз, вот те на, то-то и оно, как бы не так*) и устойчивые словосочетания (*слава богу, прости господи, скажите на милость*);

— по значению: эмоциональные (*ах, вот тебе на, вот это да, увы, тьфу*); звукоподражательные (*ха-ха-ха, уа-уа, мяу, тьяв-тяв, бряк, щелк, бац*); побудительные, выражающие команды и призывы (*анкор, алле, ау, алло, айда, брысь, кыш, полундра, тпру, тсс, фас, эй*); этикетные (*здравствуйте, извините, спасибо, пожалуйста*);

— по генетической связи с соответствующими классами знаменательных и служебных слов: с существительными (*батюшки, господи, боже*), с глаголами (*ишь, вишь, пли*), с местоимениями, наречиями, частицами и союзами (*то-то, эка, вот-вот*);

— по функции: обозначающие мгновенные действия (*бах, хлоп, шлеп, бум, шнырь, скок, стук, тык, хап, хват*), имитирующие различные звуки, голоса животных и птиц (*тра-та-та, ба-бах, мяу, дзынь*), вокативные/призывные (*кис-кис, ути-ути, цып-цып-цып*).

Таким образом, междометия со словом *Бог* мы относим: по происхождению — к производным, образованным от существительных, глаголов, местоимений и служебных частей речи, по структуре — к простым и составным (произошедшим из устойчивых сочетаний), по значению — к эмоционально-оценочным.

Перейдем к проблемам описания данной группы междометий в толковом словаре. В качестве иллюстративного материала будут приводиться фрагменты предварительных словарных статей, разработанных для Словаря русского языка XXI века (далее Словарь).

1. Вариативность графического представления: строчное и прописное написание слов *Бог, Господь* и их звательных форм *Боже, Господи*.

В толковых словарях русского языка данные слова в качестве междометий и в составе устойчивых сочетаний⁴ в основном представлены со строчной (в БАС, МАС, словаре Ушакова). В словаре Ожегова — Шведовой даются разные варианты написания в разных конструкциях (см., например, выражения *не дай (не приведи) бог, ради бога, с богом, помилуй Бог* в словарной статье *Бог*).

В нашем Словаре при разработке принципов графического представления междометий (а также слов некоторых других лексико-грамматических разрядов) со словами *Бог* и *Господь* мы в значительной степени следуем за авторами «Правил русской орфографии и пунктуации» под редакцией В. В. Лопатина [Правила...]. В разделе «Орфография. Слово ‘бог’ в устойчивых сочетаниях» дается следующая рекомендация: в устойчивых сочетаниях, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией, писать *бог* (а также *господь*) следует со строчной буквы. Там же приводятся следующие примеры устойчивых сочетаний: *(не) бог весть или (не) бог знает (кто, что, какой)* — ‘о ком-, чем-н. не очень важном, незначительном’, *бог (господь) его знает* — ‘неизвестно, не знаю’, *бог с ним (ней, тобой, вами)* — ‘пусть будет так, ладно, согласен (хотя мне это и не нравится)’, *бог с тобой (вами)* — выражение несогласия, *бог знает что* — выражение возмущения. Некоторые из вышеперечисленных устойчивых сочетаний разработаны в Словаре в виде междометий:

б’ог с тоб’ой, с в’ами, межд.

... Возглас, выражающий возмущение, удивление, упрек в чей-л. адрес; господь с тобой, с вами. *Бог с тобой, ты ничего не перепутал? Кто же так делает, бог с вами! Какие лыжи, бог с тобой — весна на дворе.*

с б’огом, межд.

... Возглас, выражающий напутствие, пожелание удачи в начале какого-л. дела. *За работу, с богом! С богом, поехали! Хорошо вам устроиться на новом месте, с богом!*

Также авторы «Правил...» не рекомендуют «писать с прописной буквой междометия *ей-богу, боже, боже мой, господи, господи боже мой,*

---

⁴ Многие из приведенных ниже (в качестве примеров из других словарей и справочных изданий) устойчивых сочетаний в Словаре разработаны как междометия.

бог ты мой, боже сохрани, боже упаси в отличие от тех случаев, когда формы *Боже, Господи* выражают обращение к Богу» [Там же]. В таких междометиях, как *боже, господи, боже ты мой, господи боже мой* и т. п. мы предлагаем писать слова *бог, боже, господь, господи* со строчной буквы, а примеры прописного написания относить к формам обращения к Богу, описываемым в соответствующих словарных статьях:

Б'оже¹.

Рел. Форма обращения к Богу. *Слава Тебе, Боже! Боже, помоги! Боже милостивый, не оставь меня! Боже праведный, взываю к Тебе.*

б'оже², межд.

... Возглас, выражающий сильные, обычно неожиданные чувства, переживания: восторг, удивление, раздражение, досаду, гнев (обычно в сочетании со словами как, какой, сколько, когда, что и т. п.); *боже (ты) мой. Как ты изменился, боже! Боже, это просто невероятно! Боже, как я устал! Боже, что же теперь делать! О боже, какое ужасное положение! Боже, какая пытка так долго ждать ответа. О боже, как здесь красиво! О боже, неужели мы заблудились?*

б'оже (ты) мой, межд.

... = *Боже². Боже мой, какая прелестная вещица! Ах, боже мой, сколько можно ждать! Какой ужас, боже мой! Что вы натворили, боже мой! Боже ты мой, когда все это закончится!*

Г'осподи¹, <Г'о> и <h'о>.

Рел. Форма обращения к Господу. *Господи, помилуй! Господи, как же хо-рошо!*

г'осподи², межд.

... Возглас, выражающий недовольство, досаду, раздражение (обычно в сочетании со словами как, какой, сколько, когда, что и т. п.). *Да что же это такое, господи! Что за чепуха! Господи! Господи, вот так недоразумение. Сколько раз вам еще повторять одно и то же, господи! О господи, он опять за свое! О господи, за что мне такое наказание!*

«В некоторых случаях выбор написания зависит от контекста. Так, может быть написано *слава Богу* (если контекст указывает, что говорящий действительно благодарит Господа Бога) и *слава богу* (если по контексту ясно, что употреблен расхожий разговорный оборот: *В тот раз он, слава богу, пришел вовремя!*)» [Там же]. В подобных случаях в Словаре приводятся оба варианта написания. В зоне вокабулы даются графические варианты, в зоне речений приводятся примеры на соответствующие варианты написания:

р'ади б'ога и р'ади Б'ога ..., межд.

... Возглас, выражающий усиленную просьбу, мольбу, настойчивое побуждение кого-л. к какому-л. действию. *Ради Бога, помогите! Ради бога,*

ответь, не молчи. Ради Бога, ступайте аккуратнее, на улице скользко. Отстань, ради бога! ...

б'оже сохрaн'и и Б'оже сохрaн'и ..., *межд.*

... Возглас, выражающий страх, боязнь приближения, возможного осуществления чего-л. нежелательного, недопустимого. *Как бы не произошло возгорания. — Боже сохрани! Надеюсь, никто не собирается мне возражать? — Что вы, боже сохрани. На город надвигается ураган. — Боже сохрани, хоть бы прошел стороной!*

2. Вариативность порядка следования компонентов в составных междометиях, а также вариативность исторических падежных форм

Такие междометия, как *бога ради* и *ради бога*, *боже упаси* и *упаси боже*, мы разрабатываем как варианты при одной вокабуле — с толкованием при основном, более частотном, варианте и отсылкой при втором⁵:

б'оже упас'и и Б'оже упас'и, упас'и б'оже и упас'и Б'оже, *межд.*

... Возглас, выражающий опасение, предостережение о недопустимости, нежелательности чего-л.; упаси бог¹. *Как бы не случилось беды! — Боже упаси! А вдруг она рассердится? — Только не это, боже упаси! Смотри, не задень оголенные провода. — Да боже упаси! Упаси боже, только этого не хватало! Упаси Боже, нам еще не хватало заблудиться!*

упас'и б'оже.

См. Боже упаси.

Формы исчезнувшего из русского языка звательного падежа — Боже и Господи — трактуются нами как самостоятельные слова, поэтому такие междометия, как *избави бог* и *избави боже*, *дай бог* и *дай боже* и тому подобные, разрабатываются в Словаре как отдельные словарные единицы, связанные отношениями синонимии:

не д'ай б'ог и не д'ай Б'ог, *межд.*

... Возглас, выражающий недопустимость, крайнюю нежелательность совершения чего-л., беспокойство по поводу осуществления чего-л.; не дай боже. *Пожалуйста, будь внимателен, не засни за рулем. — Не дай Бог. Только бы не упустить такой шанс. — Не дай бог. Я промокла, боюсь простудиться. — Не дай бог: завтра на работе ответственный день.*

---

⁵ Поскольку в таких случаях, как *ради бога* и *боже упаси*, присутствуют еще варианты строчного и прописного написания слова Бог, то всего получается четыре варианта.

не д'ай б'оже и не д'ай Б'оже, межд.

... = Не дай бог. Если начнется ураган, путников отрежет от лагеря. — Не дай Боже. Он ведь может проговориться! Ох, не дай боже! Чтобы я когда-нибудь еще тебя о чем-нибудь попросила! Да не дай боже!

3. Ограничение выборки синонимичных и близкозначных форм, а также их семантическое разграничение

В Словаре мы приводим достаточно обширный ряд близкозначных междометных форм со словом Бог. У одних выделяются смысло-различительные признаки:

г'осподи², межд.

... Возглас, выражающий недовольство, досаду, раздражение (обычно в сочетании со словами как, какой, сколько, когда, что и т. п.). ...

г'осподи (ты) б'оже (мой), <г'о> и <h'о>, межд.

... Усилит. к господи². *Господи боже, что же это творится? Господи боже мой, что за странный вопрос. Да какая разница, господи ты боже мой! Господи боже мой, цены-то как поднялись! Господи боже мой, кто бы сомневался в твоей правоте! Сколько же все это будет продолжаться, господи ты боже мой! Господи боже, ну и погода сегодня! Как давно это было, господи боже! Да господи ты боже мой, не топчитесь в прихожей, проходите!*

г'осподи Иис'усе, <г'о> и <h'о>, межд.

... Возглас, выражающий сильные, обычно неожиданные чувства, переживания: радость, восторг, удивление, испуг, досаду (обычно в сочетании со словами как, какой, сколько, когда, что и т. п.). *Красота какая, господи Иисусе! Господи Иисусе, что у тебя за вид! Господи Иисусе, ну и вопросы у вас. Господи Иисусе, страшно-то как.*

Другие междометные формы синонимически приравняются:

б'оже м'илостивый, межд.

... Возглас, выражающий недовольство, раздражение, отчаяние и т. п.; боже милосердный. *Боже милостивый, сколько можно все это терпеть! Боже милостивый, вот ты где, оказывается! Как же вы опустили, боже милостивый! Ну и народ нынче пошел, боже милостивый. За что такое наказание, боже милостивый! Боже милостивый, вот так недоразумение на мою голову!*

б'оже милос'ердный, межд.

... = Боже милостивый. *Боже милосердный, только не это! Как его изуродовало, боже милосердный! Что же я наделал, боже милосердный!*

бо́же пр'аведный, межд.

... Возглас, выражающий огорчение, недоумение, недовольство, возмущение, страх; *боже правый. Боже праведный, вьюга в апреле! Снова цены подскочили, боже праведный! Куда я попала, боже праведный! Боже праведный, да сколько можно есть: ты же в дверь не пройдешь!*

бо́же пр'авый, межд.

... = Боже праведный. *Что творится в стране, боже правый! Боже правый, какие жуткие звуки! Боже правый, сколько ты вытерпела!*

4. Стилистическая характеристика

Большинство междометий (и в первую очередь экспрессивные) имеют стилистическую окраску. При таких междометиях дается стилистическая помета — чаще всего *Разг.*, а также *Устаревающее*, *Устар.* и некоторые другие. Стилистические пометы приводятся в зоне значения перед толкованием.

госп'одь с тоб'ой, с в'ами, межд.

Разг. = Бог с тобой, с вами⁶. *Господь с вами, какие обязательства! У меня нет таких денег, господь с вами. О чем ты говоришь, господь с тобой! Что вы, что вы, господь с вами! Господь с тобой, какой такой скрежет — тебе показалось.*

изб'ави б'ог и изб'ави Б'ог, межд.

Устаревающее. Боже упаси; избави боже; избави господи. *Избави бог, не наговаривайте на себя! Неужели опять придется лечиться в больницу? — Избави Бог!*

изб'ави г'осподи и изб'ави Г'осподи, межд.

Устаревающее. = Избави бог. *Избави господи, неужели стрельба на улице? Говорят, приближается сильный шторм. — Избави Господи!*

г'осподи Ис'усе, <г'о> и <h'о>, межд.

Разг. Сниз. Возглас, выражающий сильные, обычно неожиданные чувства, переживания: радость, восторг, удивление, испуг, досаду (обычно в сочетании со словами как, какой, сколько, когда, что и т. п.). ...

Христ'а р'ади, межд.

Устар. и в стилизованной речи. **1.** Ради бога. *Простите, Христа ради. Не обижайся, Христа ради, я не со зла. Христа ради, не судите строго. Христа ради, не мешай, отойди в сторонку! Христа ради, перестань капризничать, и без тебя голова болит. Выслушайте меня, Христа ради!*

---

⁶ См. разработку опорной вокабулы выше, в разделе Вариативность графического представления.

2. Возглас, употр. для усиления просьбы о подаении, милостыне (обычно после слова «подайте»). *Подайте, Христа ради. Пожертвуйте, Христа ради, на пропитание.*

5. Частеречное разграничение омонимичных единиц

В современной лингвистической грамматике и лексикографии нет единого взгляда на то, по каким критериям отделять междометия от служебных, так называемых «неполнозначных» частей речи: предикативов, частиц, вводных слов.

В основных толковых словарях русского языка рассматриваемые нами междометия даются по-разному, но в основном сходным типовым образом: в разделе фразеологии, устойчивых сочетаний и с довольно обобщенным толкованием. В словарях Ушакова и Ожегова — Шведовой они приводятся в разделе устойчивых выражений при вокабуле *Бог*:

Не дай бог, избави бог (разг.) ‘очень плохо, неприятно, опасно’ [Словарь Ушакова];

Не дай (не приведи) бог (боже) (разг.) 1) ‘выражение нежелательности, недопустимости, беспокойства по поводу осуществления чего-н.’ ... 2) ‘выражение крайней степени проявления чего-н. нежелательного, а также вообще о ком-чём-н. очень плохом’ [Словарь Ожегова — Шведовой];

Бог с тобой (с вами) 1) ‘пожелание хорошего, обычно при напутствии ... 2) ‘выражение недоумения, осуждения, протеста’ [Словарь Ожегова — Шведовой]).

В Малом академическом словаре — в разделе фразеологизмов при вокабуле *бог* (в некоторых случаях с комментарием *в знач. междом.*):

Боже!; боже мой!; бог мой! (*в знач. междом.*) ‘употребляется для выражения удивления, негодования, радости и т. п.’;

Не дай бог (боже); не приведи бог (боже); избави (или сохрани, упаси) бог (боже) ‘о нежелательности чего-л.’ [МАС]).

В Большом академическом словаре — за знаком «ромб» (устойчивые сочетания) с комментарием *в знач. межд.* (См. словарную статью *бог* во втором томе [БАС]).

Особого внимания заслуживает проблема разграничения междометий и некоторых разрядов частиц. В русистике междометие традиционно считается особой частью речи, стоящей вне деления на знаменательные и служебные слова [Белошапкина и др. 1981: 256; Лекант и др. 1999: 194]. Однако некоторые лингвисты предлагают относить их к служебным словам [Ефремова 2001: 8] или — шире — к так

называемым «структурным» словам [Морковкин и др. 2003; Морфология 2016]. Некоторые единицы, например, *a, aga, o, ну, да* и другие в зависимости от контекста определяются или как междометия, или как частицы. Значение междометий и некоторых частиц в большой степени зависит от интонации их произнесения [Кодзасов 1996; Кобозева 2006]. И междометия, и частицы имеют «развернутые группы вторичных единиц, различить которые только по формальным показателям едва ли возможно» [Шаронов 2008а: 570]. В ряде западных лингвистических школ междометия рассматриваются как подкласс частиц [например, Fraser 1999].

Приведем примеры омонимичных единиц, разработанных в Словаре.

Дай бог: предикатив, междометие, вводное слово:

дай б'ог¹ и **дай Б'ог¹**, *предикатив; кому.*

Разг. Искреннее пожелание кому-л. чего-л. хорошего. *Дай Бог вам крепкого здоровья! Дай Бог тебе удачи. Дай бог каждому прожить такую счастливую и плодотворную жизнь. Я вас любил так искренно, так нежно, Как дай вам Бог любимой быть другим* (Пушкин).

дай б'ог² и **дай Б'ог²**, *межд.*

Разг. Возглас, выражающий желательность совершения чего-л., надежду на благополучное осуществление чего-л.; дай боже¹. *Скоро все у вас устроится. — Дай Бог. Вот получим грант, сразу же закупим новую технику. — Ну дай бог. Если команда и дальше будет вести в счете, мы выиграем матч и попадем в четвертьфинал чемпионата. — Дай бог!*

дай б'ог³ и **дай Б'ог³**, *вводн.*

Разг. Употр. для выражения желательности совершения чего-л., надежды на благополучное осуществление чего-л. *Дай Бог, все образуется. Дай Бог, шторм скоро утихнет. Дай бог, вместе осилим эту проблему. Команда, дай бог, выиграет матч и попадет в четвертьфинал чемпионата.*

Ради бога: междометие, частица:

р'ади б'ога¹ и **р'ади Б'ога¹**, **б'ога р'ади¹** и **Б'ога р'ади¹**, *межд.*

Разг. Возглас, выражающий усиленную просьбу, мольбу, настойчивое побуждение кого-л. к какому-л. действию. ...

р'ади б'ога² и **р'ади Б'ога²**, **б'ога р'ади²** и **Б'ога р'ади²**, *частица.*

Разг. Употр. для выражения безусловного согласия, разрешения, позволения сделать что-л. *Можно мне взять у вас почитать вот эту книгу? — Ради бога, берите. Соседнее место ведь не занято, я присяду? — Бога ради. Можно мне еще супа? — Ради бога, там еще полная кастрюля. Ты не против, если я открою форточку? — Да ради Бога.*

Боже сохрани, боже упаси: предикатив, междометие, частица, вводное слово:

бо́же сохрани́¹ и Бо́же сохрани́¹, предикатив.

Разг. Об оценке приближения, возможного осуществления чего-л. как нежелательного, недопустимого, вызывающего страх, боязнь. *Боже сохрани выйти из дома в такую метель! Боже сохрани возражать матери. Боже сохрани несмышленому подростку попасть в дурную компанию.*

бо́же сохрани́² и Бо́же сохрани́², межд.

Разг. Возглас, выражающий страх, боязнь приближения, возможного осуществления чего-л. нежелательного, недопустимого. *Боже сохрани, как бы не произошло возгорания. Боже сохрани, хоть бы зерна не погрызли мыши. На город надвигается ураган. — Боже сохрани, хоть бы прошел мимо!*

бо́же сохрани́³ и Бо́же сохрани́³, вводн.

Разг. = Боже упаси⁴. *Если, боже сохрани, она потеряет работу, мы останемся без средств.*

бо́же упаси́¹ и Бо́же упаси́¹, упаси́ бо́же¹ и упаси́ Бо́же¹, предикатив.

Разг. 1. Об оценке кого-, чего-л. как самого худшего, недопустимого. Он такой раздражительный, что боже упаси. Такие жуткие кадры показывают в новостях, что боже упаси. Ценности у нынешней молодежи — упаси Боже. Семья оказалась в таком ужасном положении, что Боже упаси. Сколько сил было потрачено впустую — Боже упаси.

2. Об оценке какого-л. действия, поступка как нежелательного, недопустимого, вызывающего опасения; упаси бог. *Боже упаси ей слово поперек сказать. Упаси боже не послушаться приказа. Упаси боже, если вы начнете соваться к нему с глупыми вопросами.*

бо́же упаси́² и Бо́же упаси́², упаси́ бо́же² и упаси́ Бо́же², межд.

Разг. Возглас, выражающий опасение, предостережение о недопустимости, нежелательности чего-л.; упаси бог¹. *Сереза, слезь с дерева: еще упадешь, боже упаси! Не шумите, Боже упаси, ребенок спит. Как бы не случилось беды! — Боже упаси!*

бо́же упаси́³ и Бо́же упаси́³, упаси́ бо́же³ и упаси́ Бо́же³, частица.

Разг. Употр. для выражения решительного отрицания чего-л. предполагаемого; упаси бог². Он смог бы дать сдачи драчуну? — Боже упаси, он и мухи не обидит! Я с вами не спорю, боже упаси. Похоже, у тебя неприятности. — Упаси Боже, у меня все хорошо. Никто тебя, боже упаси, не обвиняет. Вы тоже так считаете? — Боже упаси, напротив! Никаких грубостей в присутствии дам, боже упаси.

бо́же упаси́⁴ и Бо́же упаси́⁴, упаси́ бо́же⁴ и упаси́ Бо́же⁴, вводн.

Разг. Употр. для выражения страха, боязни приближения, возможного осуществления чего-л. нежелательного, недопустимого; боже сохрани³. *А если,*

Боже упаси, шторм? Вдруг, боже упаси, с главой фирмы что-то случится — с кого тогда спрашивать? В случае если вы, боже упаси, заблудитесь, попробуйте ориентироваться по солнцу.

Литература

Белошанкова В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. М., 1981.

Боронникова Н.В., Верижникова Е.В. Проблема лексикографического описания междометий // Филологические заметки. 2013. Т. 1. С. 1–6.

Вежицкая А. Семантика междометий // Семантические универсалии и описание языков. М., 1999. С. 611–647.

Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка. Симферополь, 1961.

Кобозева И. М. Описание означающего дискурсивных слов в словаре: нереализованные возможности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2006. № 2. С. 37–56.

Кодзасов С. В. Семантико-фонетическое расщепление русских частиц и просодическая информация в словаре // Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996. С. 97–111.

Лекант П. А. Современный русский литературный язык. М., 1999.

Морфология русского языка: за пределами знаменательных частей речи. Учебно-методическое пособие для студентов-филологов / сост. В.Г. Фатхутдинова. Казань, 2016.

Правила употребления прописных и строчных букв, §181 // Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина [Электронный ресурс]. URL: https://orfogrammka.ru/orfografia/slovo_bog_v_ustoychivых_sочетаниях/ (дата обращения: 01.11.2018)

Серета Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М., 2005.

Шаронов 2008a — Шаронов И.А. К вопросу о разграничении эмоциональных междометий и модальных частиц // Материалы международной конференции Диалог 2008, вып. 7 (14). М., 2008. С. 569–573.

Шаронов 2008b — Шаронов И.А. Междометия в речи, тексте и словаре. Монография. М., 2008.

Шведова Н.Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи. ВЯ № 1. 1957. С. 85–95.

Шляхова 2004 — Шляхова, Светлана. Дребезги языка: Словарь русских фоносемантических аномалий. Пермь, 2004.

Fraser B. An approach to discourse markers // Journal of Pragmatics. 1990. № 14. Pp. 383–395. 24.

Сокращения

БАС — Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К.С. Горбачевич, А.С. Герд. Тт. 1–24. М.; СПб., 2004–2017 (продолжающееся издание).

Ефремова 2001 — Ефремова Е.Ф. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.

Квеселевич, Сасина — Квеселевич Д. И., Сасина В. П. Русско-английский словарь междометий и релятивов. М., 1990.

МАС — Словарь русского языка: в 4 тт. / под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 2-е, испр. М., 1981–1984.

Морковкин и др. — Объяснительный словарь русского языка: структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы: около 1200 единиц / под ред. В. В. Морковкина. Изд. 2-е, испр. М., 2003.

РГ 1980 — Русская грамматика, в 2 т. М., 1980.

Рогожникова — Рогожникова Р. П. Словарь сочетаний, эквивалентных слову. М., 1983.

Словарь Ожегова — Шведовой — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.

Словарь Ушакова — Толковый словарь русского языка: В 4 тт. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935–1940.

Шимчук, Щур — Шимчук Э., Щур М. Словарь русских частиц, Frankfurt am Main-Berlin-Bern-Bruxelles-NewYork-Wien, 1999.

Problems of dictionary entries compilation in relation to russian interjections containing the word *God*

Elena Fiveiskaya

alfiveisk@gmail.com

Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia

Interjections are especially challenging for lexicographers, for they are known to be greatly desemantized and diffuse in combination with their high usage frequency. In the article some questions are considered, which raised while elaborating entries for a group of interjections in the Russian language dictionary of XXI century that is being compiled under the guidance of G. N. Sklyarevskaya at the Institute of applied Russian studies, Gertsen university.

Keywords: interjection, dictionary, entries, variability, functional approach, Russian lexicography

Научное издание

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКОГРАФИЯ:
СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Сборник научных статей по материалам
Международной научной конференции, посвященной
70-летию выхода первого тома академического
«Словаря современного русского литературного языка»**

3–5 октября 2018 г.

*Утверждено к печати Ученым советом
Института лингвистических исследований РАН*

Подписано в печать 25.12.2018. Формат 60×90¹/₁₆.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ л. 00.
Тираж 500 экз. Заказ № 0000.

Издательство «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)235-15-86
e-mail: nestor_historia@list.ru
www.nestorbook.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
197110 СПб., Петрозаводская ул., д. 7
Тел. (812)622-01-23

ISBN 978-5-6040925-5-2

9 785604 092552